Сборникъ статей

В. И. Засуличъ.

1922.

Томъ первый.

Кав-П

Николай Лоб...

1922.

Сборникъ статей В. И. Засуличъ.

Томъ I-й.

Изданіе
„Библіотеки для всѣхъ"
Ө. Н. Рутенбергъ.

Содержаніе I-го тома.

Жанъ-Жакъ Руссо.

Жанъ-Жакъ Руссо.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

„Мой литературный дебютъ“, говоритъ Руссо въ „Исповѣди“ [1]), „привелъ меня новой дорогой въ иной умственный міръ, простой и гордый строй котораго возбуждалъ мой энтузіазмъ. Постоянно занимаясь имъ, я скоро сталъ видѣть сплошныя заблужденія и нелѣпость въ доктринахъ нашихъ мудрецовъ, сплошной гнетъ и нищету въ нашемъ общественномъ строѣ. Подъ дѣйствіемъ иллюзіи, созданной одной моей гордостью, я счелъ себя способнымъ разсѣять обаяніе всего этого“.

Подъ „доктриной нашихъ мудрецовъ“ Руссо подразумѣваетъ здѣсь пріобрѣтавшую все большее и большее обаяніе новую философію просвѣтителей. И на самомъ дѣлѣ: хотя полемическими по формѣ являются у Руссо лишь нѣкоторыя второстепенныя брошюры и статьи, направленныя въ большинствѣ случаевъ не противъ новой философіи, однако по существу во всѣхъ его главнѣйшихъ произведеніяхъ, даже наиболѣе далекихъ по формѣ отъ всякой полемики,—не только въ „Рѣчи о неравенствѣ“, которая вся направлена противъ главнѣйшихъ положеній „нашихъ мудрецовъ“, но даже въ „Эмилѣ“ или „Общественномъ договорѣ“—все наиболѣе продуманное, всего полнѣе принадлежащее самому Руссо, стоитъ въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ общественными, моральными или политическими теоріями просвѣтителей.

Подъ конецъ жизни, больной, измученный Руссо, убѣ-

[1]) Часть II, книга IX.

дившійся, что его удары ни на волосъ не поколебали обаянія доктрины и не помѣшали ея носителямъ стать идейными господами дня, всего больше боялся того, чтобы его торжествующіе противники, оклеветавшіе и осмѣявшіе его личность передъ современниками, не ввели въ заблужденіе также и потомство на счетъ истиннаго смысла его идей. Они только ждутъ его смерти, чтобы выпустить отъ его имени свои собственныя передѣлки его произведеній. Наткнувшись случайно на плохую перепечатку одной изъ своихъ книгъ, въ которой оказались пропуски и искаженія, онъ въ ужасѣ рѣшилъ, что враги, не дожидаясь его смерти, уже начали свое темное дѣло (oeuvre de ténébre), и такъ и умеръ съ этой мыслью въ душѣ, по истинѣ мучительной для человѣка, столь горячо относившагося къ своимъ убѣжденіямъ.

И странное на первый взглядъ дѣло: страдальческая фантазія больного Руссо дѣйствительно осуществилась. Правда, его враги, les Holbachiens, какъ окрестилъ онъ своихъ противниковъ изъ лагеря просвѣтителей, и не думали передѣлывать его произведеній или выпускать свои подъ его именемъ. Произведенія остались нетронутыми, и тѣмъ не менѣе уже къ концу вѣка въ умахъ новаго поколѣнія отдѣльныя фразы Руссо были вставлены, такъ сказать, въ доктрину его противниковъ и въ этой обстановкѣ утратили тотъ смыслъ, который имѣли въ его произведеніяхъ.

Сдѣлали это не враги, а поклонники Руссо, и не по хитрому умыслу, а вслѣдствіе почти безсознательнаго процесса приспособленія идей къ событіямъ, путемъ выборки изъ популярныхъ произведеній всего пригоднаго и пропусканія мимо ушей всего непригоднаго для обоснованія и защиты практическихъ требованій. Тогда и Вольтеру, галантнѣйшему поклоннику неограниченной королевской власти, не разъ случалось фигурировать въ качествѣ ея противника [1]).

---

[1]) Во время тріумфальнаго перенесенія его тѣла въ Парижъ, среди безчисленныхъ надписей изъ его произведеній, украшавшихъ колесницы, арки, знамена, часто попадалась такая: „мы должны душить своихъ тирановъ“. Напрасно указывали устроителямъ праздника, что слѣдующая же строчка говоритъ о томъ, что „нашими тиранами являются наши страсти“, и что все стихотвореніе имѣетъ морально-

Эта эпоха, когда идеи знаменитыхъ писателей XVIII вѣка имѣли лишь практическую и ни малѣйшей теоретической цѣнности, когда ихъ отдѣльныя фразы и самыя имена употреблялись какъ оружіе, а до истиннаго смысла ихъ произведеній, въ жару схватки, никому не было дѣла—эта эпоха отошла въ прошлое.

Вольтеръ давно возстановленъ въ своемъ правѣ говорить только то, что хотѣлъ сказать; въ значительной степени это произошло также съ Дидро, съ физіократами; другіе писатели того времени полузабыты и рѣдко выводятся передъ публикой. Не то съ Руссо. Его имя до сихъ поръ упоминается чаще, чѣмъ чье бы то ни было изъ его современниковъ, съ десятокъ его фразъ извѣстенъ самой широкой публикѣ, нѣтъ „читателя", который не имѣлъ бы о немъ какого нибудь, хотя въ большинствѣ случаевъ смутнаго, понятія, и тѣмъ не менѣе нѣтъ писателя, чья умственная физіономія была бы до такой степени искажена, какъ именно его. Неизмѣнно оставались и остаются за нимъ лишь тѣ его взгляды, которые, не заключая въ себѣ по существу ничего оригинальнаго, были съ самаго начала правильно поняты и отчасти приняты его современниками. Таково его пониманіе деизма и критика откровенной религіи, приводившая въ восторгъ всѣхъ просвѣтителей, а больше всѣхъ—Вольтера, относившагося съ ненавистью ко всѣмъ остальнымъ взглядамъ Руссо, но перепечатывавшаго на собственный счетъ и распространявшаго „Исповѣдь Савойскаго викарія". Таковы нѣкоторые изъ его взглядовъ на воспитаніе, въ особенности физическое; такова его любовь къ природѣ, къ безыскусственности; таково, но лишь съ формальной стороны, и понятіе объ „общественномъ договорѣ", какъ основѣ государственной власти. Зато все, что было дѣйствительно оригинальнаго и въ идеяхъ, и въ самомъ методѣ мышленія Руссо, все, въ чемъ онъ рѣзко отличался отъ своихъ современниковъ, извращается во второй половинѣ XIX вѣка всѣми, какъ буржуазными,

нравоучительный и ни малѣйшаго политическаго характера. Парижъ находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ бѣгства въ Вареннъ; нельзя же было позволить тріумфатору Вольтеру промолчать объ этой злобѣ дня!

такъ и „интеллигентными“ (въ томъ спеціальномъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется въ Россіи) писателями гораздо полнѣе, чѣмъ это дѣлалось въ XVIII. И если бы Руссо могъ прочесть различныя общія и частныя исторіи XVIII вѣка, а также свои біографіи, онъ часто съ ужасомъ увидѣлъ бы себя фигурирующимъ въ качествѣ чистокровнаго „просвѣтителя“ по своимъ основнымъ воззрѣніямъ, въ качествѣ представителя господствовавшаго метода мышленія, иной разъ даже въ качествѣ его „лучшаго представителя“, снабженнаго въ отличіе отъ своихъ современниковъ лишь чрезмѣрной сентиментальностью, да склонностью, подтверждаемой надерганными цитатами, говорить противорѣчащія одна другой безсмыслицы. Еще въ худшемъ положеніи увидѣлъ бы онъ Жанъ Жака у тѣхъ писателей, которые, какъ Луи Бланъ, старательно очистивъ его отъ всѣхъ имѣвшихся у него идей и снабдивъ своими не имѣвшимися, противопоставляютъ его нѣкоторымъ изъ его современниковъ, Монтескье въ особенности, въ томъ, въ чемъ онъ былъ съ нимъ согласенъ.

Въ нашу задачу не входитъ полный разборъ безчисленныхъ извращеній, которымъ подвергались взгляды Руссо, и мы коснемся по пути лишь тѣхъ изложеній или характеристикъ этихъ взглядовъ, которыя наиболѣе извѣстны русскимъ читателямъ. Мы не беремъ на себя и очень интересную, по нашему мнѣнію, но слишкомъ обширную задачу выясненія всѣхъ причинъ, дѣлавшихъ „простые и гордые“ взгляды Руссо непонятными, какъ съ чисто буржуазной, такъ и съ интеллигентной точки зрѣнія, хотя надѣемся, что нѣкоторыя изъ этихъ причинъ все же выяснятся тѣмъ читателямъ, которымъ намъ удастся выяснить общественныя идеи Руссо. Наша задача заключается лишь въ томъ, чтобы присмотрѣться къ этимъ плебейскимъ идеямъ XVIII вѣка, съ той единственной (плебейской тоже) точки зрѣнія XIX вѣка, съ которой онѣ не возбуждаютъ неодолимой внутренней потребности отдѣлаться отъ нихъ такъ или иначе, извратить или объявить парадоксальными.

Отмѣтимъ, однако, одно изъ второстепенныхъ обстоятельствъ, значительно облегчающихъ желательное непониманіе взглядовъ Руссо. Несмотря на прекрасный языкъ и конкретную ясность мыслей этого писателя, историку, беру-

щемуся за краткое изложеніе „идей XVIII-го вѣка“, необходимо было бы потратить гораздо больше напряженнаго вниманія и труда для выясненія себѣ взгляда Руссо на тотъ или другой вопросъ, чѣмъ это требуется по отношенію къ любому изъ его современниковъ.

Въ большей части своихъ теоретическихъ произведеній Вольтеръ высказывается почти цѣликомъ: въ каждый изъ своихъ „философскихъ словарей“, сборниковъ, чуть не въ каждый изъ „Діалоговъ“ онъ вкладываетъ весь свой философскій багажъ или значительную часть его. Онъ повторяется безъ конца, повторяется умышленно, съ педагогической цѣлью, чтобы заставить читателей запомнить главнѣйшія положенія новой философіи. Повторяются или, вѣрнѣе, излагаютъ, каждый въ свою очередь, одно и то же ученіе всѣ физіократы. Повторяются и Гольбахъ, и Мабли.

Руссо, по своимъ собственнымъ признаніямъ и по отзывамъ другихъ, могъ писать хорошо лишь тогда, когда самъ былъ весь охваченъ своимъ предметомъ. Онъ въ большинствѣ случаевъ для себя самого окончательно выяснялъ и фиксировалъ свои мысли, лишь приступая къ работѣ. Разъ высказавши ихъ по данному предмету, онъ шелъ дальше, развивалъ другую сторону своихъ взглядовъ, возвращаясь къ первой лишь для того, чтобы сдѣлать то или другое измѣненіе высказаннаго, но уже никогда не повторяя разъ приведенныхъ доказательствъ. Его теоретическія произведенія объясняются одни другими, и всякое послѣдующее предполагаетъ предыдущія извѣстными, какъ замѣчаетъ самъ Руссо въ „Письмѣ къ Парижскому архіепископу“, упрекая этого „критика“ „Эмиля„ за игнорированіе „Рѣчи о неравенствѣ“. Поэтому не только отдѣльныя фразы или тирады изъ теоретическихъ произведеній Руссо не могутъ быть поняты въ томъ смыслѣ, какой придавалъ имъ авторъ, если не имѣть въ виду всей совокупности его взглядовъ, но даже его отдѣльныя произведенія (кромѣ автобіографическихъ, да „Новой Элоизы“) при игнорированіи остальныхъ говорятъ не все то и не совсѣмъ то, что хотѣлъ высказать въ нихъ авторъ. Характеризовать его взгляды двумя, тремя цитатами неизмѣримо труднѣе, чѣмъ любого изъ его современниковъ, не говоря уже о томъ, что для историка, заранѣе рѣшившаго привести взгляды Руссо къ одному знаменателю съ

господствовавшими въ XVIII вѣкѣ идеями, нѣтъ возможности открыть въ его произведеніяхъ хоть какой-нибудь разумный смыслъ.

Въ западной Европѣ рѣшеніе спора, начатаго Руссо съ своими современниками, уже отмѣчено самою жизнью. Если и до сихъ поръ буржазные писатели продолжаютъ мимоходомъ извращать взгляды Руссо, а иногда даже дѣлаютъ ему честь вдругъ наброситься и наклеветать на него, какъ будто бы онъ былъ живымъ кандидатомъ противной стороны при выборахъ, то это дѣлается лишь по историческому сочувствію, отчасти по привычкѣ и желанію закрыть глаза на современное положеніе поднятыхъ въ XVIII вѣкѣ вопросовъ. Но, во всякомъ случаѣ, какъ Руссо, такъ и его противники XVIII-го вѣка говорятъ объ обществѣ, уже отошедшемъ въ прошлое, и ни тотъ, ни другіе ничего не знаютъ о современной западной Европѣ. Тѣмъ не менѣе намъ кажется очень интереснымъ еще разъ взглянуть на идеи Руссо съ нашей точки зрѣнія, съ которой онѣ подробно еще не разсматривались, тѣмъ болѣе интересно, что нѣкоторыя черты великаго спора XVIII вѣка, въ другой формѣ, конечно, въ другихъ идейныхъ сочетаніяхъ, еще живы въ восточной Европѣ, какъ живы, тоже въ иной формѣ и въ иныхъ комбинаціяхъ, условія, вызвавшія этотъ споръ во Франціи XVIII вѣка.

Въ настоящемъ очеркѣ насъ интересуютъ главнымъ образомъ именно тѣ взгляды Руссо, въ которыхъ онъ всего полнѣе расходился съ огромнымъ большинствомъ своихъ современниковъ, и которые составляютъ въ то же время наиболѣе существенную, самостоятельную и глубоко продуманную часть его взглядовъ. Поэтому, прежде чѣмъ говорить объ идеяхъ самого Руссо, попытаемся намѣтить тѣ черты разроставшихся одновременно съ его литературной дѣятельностью доктринъ, обаяніе которыхъ онъ старался разрушить.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Главныя черты господствующей доктрины.

I.

Одной изъ отличительныхъ сторонъ общественной (morale et politique) литературы второй половины XVIII вѣка является тотъ особый смыслъ, который придавался въ ней термину „законы природы“ (lois naturelles) въ примѣненіи къ человѣческому обществу. Природѣ, природному, естественному (lois, droits naturels, politique, religion, morale naturelles. Vues или Voeux de la Nature — она всегда писалась съ большой буквы) въ литературѣ XVIII вѣка приписывалось большое значеніе для человѣческаго счастья. Многимъ кажется [1]), что Руссо былъ, если и не единственнымъ, то однимъ изъ главныхъ виновниковъ всей этой „природы“. Если понимать слово naturel въ смыслѣ: первобытный, безыскусственный, обязанный своимъ происхожденіемъ не знаніямъ, не разуму, а непосредственному чувству, инстинкту, то дѣйствительно модой на нѣкоторыя проявленія простоты и безыскусственности (жить лѣтомъ въ помѣстьѣ или на дачѣ, матерямъ изъ высшихъ классовъ самимъ кормить дѣтей грудью, не слишкомъ наряжать и дрессировать подростковъ и проч.), образованное общество XVIII вѣка обязано Руссо.

Но еще до начала литературной дѣятельности Руссо и одновременно съ нею и гораздо позднѣе ея окончанія въ слова „естественный“, „природный“ вкладывался совершенно иной, до нѣкоторой степени прямо противоположный, смыслъ.

---

[1]) Г-ну Карѣеву въ томъ числѣ: „Крестьяне во Франціи“ стр. 221, 242 и друг.

Понятіе естественный противопоставлялось понятіямъ: неразумный, варварскій, основанный на предразсудкахъ, на обычаяхъ, на традиціи. Lois naturelles обозначали велѣнія самой природы относительно устройства человѣческихъ обществъ, невѣдомыя невѣжественнымъ предкамъ, но теперь открытыя просвѣщеннымъ разумомъ того или другого философа. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, съ которымъ безуспѣшно боролся Руссо, понятіе naturel несомнѣнно оказало неизмѣримо важнѣйшее вліяніе на современниковъ и потомство, чѣмъ поверхностная мода на безыскуственность, вызванная произведеніями Руссо. Понятіе о тѣхъ или иныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, предписанныхъ естественнымъ закономъ, даннымъ самой природой, въ отличіе отъ учрежденій, созданныхъ лишь положительнымъ законодательствомъ и слѣдовательно могущихъ быть измѣненными, существовало давно. Его можно вывести изъ знаменитаго разсужденія Аристотеля о рабствѣ, оно встрѣчается у отцовъ церкви и у различныхъ писателей XVI-го, XVII и начала XVIII вѣка. Но ихъ устами природа предписывала людямъ въ большинствѣ случаевъ лишь то, что было въ дѣйствительности, ея именемъ чаще всего санкціонировались существующія учрежденія: рабство, семья, монархія. Лишь со второй половины XVIII вѣка начали размножаться законы природы, „невѣдомые людямъ до появленія той или иной книги", предписывающіе не то, что есть, а то, что должно быть учреждено по мнѣнію того или другого автора.

Однимъ изъ источниковъ, содѣйствовавшихъ развитію во французской литературѣ понятія о законахъ природы въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, было произведеніе Локка: „On the civil goverпement".

„Естественное состояніе", говоритъ тамъ Локкъ, „есть состояніе свободы, но не своеволія, оно управляется законами природы, которымъ всякій обязанъ подчиняться: разумъ, открывающій эти законы, учитъ всѣхъ людей, что никто не имѣетъ права вредить жизни, здоровью, свободѣ, имуществу другого [1]). Въ естественномъ состояніи каждый

[1]) Traité du gouvernement civil par M. Locke, traduit de l'anglais, revu et corrigé exactément par la dérnière edition de Londre. Paris, l'an III стр. 23. Предыдущіе французскіе переводы этого произведенія Локка печатались въ Голландіи.

имѣетъ право наказать человѣка, нарушившаго эти законы“ [1]).

Локкъ говоритъ, что въ его задачу не входитъ подробное разсмотрѣніе степеней наказанія, предписываемыхъ законами природы. „Я скажу только“, продолжаетъ онъ, „что такіе законы несомнѣнно существуютъ, и что изучающему ихъ разумному существу они такъ же понятны и очевидны, какъ могутъ быть понятны положительные законы государствъ. Быть можетъ, они даже яснѣе и очевиднѣе этихъ послѣднихъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, легче понять то, что диктуетъ намъ разумъ, нежели фантазіи и запутанныя измышленія людей“ [2]).

Правители независимыхъ государствъ находятся и въ настоящее время по отношенію другъ къ другу въ состояніи природы и руководствуются ея законами, не имѣя надъ собою положительнаго законодательства. Въ естественномъ состояніи всѣ люди были въ положеніи этихъ правителей, но по общему соглашенію подчинились положительнымъ законамъ ради обезпеченія своей собственности. Частная собственность тоже предписана законами природы, давшей землю, животныхъ и растенія въ общее владѣніе всему человѣческому роду, но предписавшей людямъ выдѣлять свою долю изъ этого общаго фонда. Трудъ лежитъ въ основаніи также и поземельной собственности. Чтобы убѣдиться, какъ ничтоженъ доходъ, приносимый землею, остающеюся безъ собственника, достаточно сравнить въ настоящее время общинныя земли съ полями, находящимися въ частной собственности; послѣднія приносятъ въ 10, если не въ 99 разъ больше первыхъ [3]). Законодательная власть не должна нарушать никакихъ дарованныхъ природой людямъ правъ. На собственность ея компетенція не распространяется. Законы природы навсегда остаются руководствомъ для людей.

Такимъ образомъ положительное законодательство должно

---

[1]) Дальше (стр. 175) изъ этого права наказанія Локкъ выводитъ законность обращенія въ рабство нарушителей законовъ природы.

[2]) Ibid стр. 37—38.

[3]) Ibid. стр. 96—97. На эту же сравнительную бездоходность общинныхъ выгоновъ ссылались впослѣдствіи и физіократы, проповѣдовавшіе полезность превращенія въ частную собственность общинныхъ земель во Франціи.

лишь закрѣплять эти отношенія, которыя, по мнѣнію Локка, сами собою (естественно) устанавливаются между разумными существами. Оно должно лишь объявить существующіе помимо него законы природы, должно записать ихъ для руководства тѣмъ, къ кому, съ установленіемъ государства, переходитъ обязанность охранять существующій порядокъ и наказывать его нарушителей. Такъ должно быть, но въ дѣйствительности писанные законы часто представляютъ собою лишь „фантазіи“ и „запутанныя измышленія людей“. Они *должны* соотвѣтствовать законамъ природы, но слишкомъ часто не соотвѣтствуютъ, и это потому, что хотя законы природы *ясны*, но *лишь для тѣхъ, кто ихъ изучаетъ* [1]). У французскихъ писателей эти мысли Локка потерпѣли значительныя видоизмѣненія. Роль изучающаго, просвѣщеннаго разума, о которой у него упоминается лишь мимоходомъ, у нихъ непомѣрно разрослась; понятіе же о законахъ природы, какъ объ отношеніяхъ, естественно устанавливающихся между людьми, не подчиненными никакимъ законамъ, наоборотъ стушевалось, предоставивъ разуму каждаго философа диктовать отъ имени природы все, что покажется ему разумнымъ и полезнымъ для людей.

Затѣмъ, изъ книги Локка нельзя заключить, чтобы, по его мнѣнію, природа разъ навсегда составила для людей опредѣленный кодексъ. Во всякомъ случаѣ у него она не входила въ подробности и предоставила разуму диктовать законы сообразно съ условіями данной эпохи. Это въ особенности видно изъ его разсужденій о собственности. Пока человѣкъ питался готовыми продуктами природы, онъ поступилъ бы неразумно, а слѣдовательно и не согласно съ законами природы, захватывая на свою долю больше плодовъ, чѣмъ могъ съѣсть. Перейдя къ земледѣлію, но еще не зная торговли, онъ поступилъ бы неразумно, отдѣляя свою собственность и обрабатывая слишкомъ большое поле, продукты котораго гнили бы у него за невозможностью успѣть потребить ихъ во время.

Деньги, чеканныя монеты, которыя никогда не портятся, дали возможность накоплять продукты своего труда и передавать ихъ по наслѣдству. Лишь съ появленіемъ денегъ,

[1]) Ibid. стр. 254.

расширеніе собственности за предѣлы текущихъ потребностей человѣка стало разумнымъ и по всеобщему согласію было признано законнымъ [1]).

На такой точкѣ зрѣнія изъ французскихъ философовъ остался Вольтеръ и нѣкоторые другіе, но большинство перешло на иную: природа заранѣе опредѣлила тѣ единственныя условія, при которыхъ люди могутъ быть счастливы, и самимъ людямъ тоже разъ навсегда она дала такую „природу", такія свойства, при которыхъ они могутъ быть счастливы, лишь соблюдая предписанныя ею условія. Вслѣдствіе невѣжества и предразсудковъ условія не соблюдались, и люди не могли быть счастливы вплоть до появленія въ XVIII вѣкѣ той или иной книги или вообще просвѣтительной философіи.

Не всѣмъ, правда, природа открыла одно и то же. Встрѣчались разныя противорѣчія. Но ужъ изъ самой законодательной претензіи просвѣщеннаго разума вытекало нѣсколько важныхъ пунктовъ, общихъ всѣмъ глашатаямъ велѣній природы.

Строжайшій коммунистъ Морелли, у котораго „кодексъ природы" наказывалъ за попытку завести частную собственность пожизненнымъ заключеніемъ въ пещерѣ, вырытой на кладбищѣ [2]), зналъ также подробно и опредѣленно, что именно разъ навсегда предписала людямъ природа, какъ и физіократъ Мерсье-де-ла Ривьеръ, въ „Естественномъ порядкѣ" котораго частная собственность является краеугольнымъ камнемъ всего общественнаго строя, источникомъ всякаго права и всякой нравственности. Мудрость природы, по убѣжденію Морелли, предназначила людей составлять изъ себя одно разумное цѣлое, „простой и чудный механизмъ, всѣ части котораго были ею приготовлены, обтесаны, такъ сказать... Слѣдовательно, съ этой именно цѣлью природа распредѣлила силы всего человѣчества въ различныхъ пропорціяхъ между индивидуумами рода, но предоставила имъ въ нераздѣльную собственность поле, производящее ея дары..." [3]). „Чтобы возбудить и поддержать между людьми взаимность помощи и благодарности, чтобы указать имъ

---

[1]) Ibid. стр. 110, 114.

[2]) Code de la Nature ou véritable ésprit de ses lois de tout temps négligé ou méconnu. 1775 года, стр. 230.

[3]) «Code de la Nature» стр. 21—23.

эти обязанности, природа вошла въ мельчайшія подробности... Все измѣрено, взвѣшено, все предусмотрѣно въ чудномъ *автоматѣ* общества... все направлено къ одной общей цѣли" [1]). Разуму оставалось только открыть эти предустановленные природой законы, изложить ихъ въ стройномъ порядкѣ и съ точностью опредѣлить наказаніе за ихъ нарушеніе, что онъ и сдѣлалъ, наконецъ, въ лицѣ Морелли. Изъ примѣчанія на страницѣ 45 той же книги мы узнаемъ и тотъ методъ, посредствомъ котораго Морелли открывалъ свои законы природы. Онъ „устанавливаетъ, какъ неоспоримый принципъ... что законы природы неизмѣнны и предписываютъ все то, что производитъ въ одушевленныхъ созданіяхъ мирныя наклонности и движенія, и что наоборотъ все, удаляющее людей отъ этихъ кроткихъ склонностей, противно природѣ". Изъ этой неизмѣнности законовъ природы вытекаетъ, по мнѣнію Морелли, неоспоримость его „общаго тезиса", гласящаго, что „всякій народъ, дикій или не дикій, могъ и можетъ быть возвращенъ къ законамъ чистой природы, сохранивъ въ точности все то, что она одобряетъ, и отбросивъ все ею неодобряемое".

Разнообразіе нравовъ не можетъ служить возраженіемъ противъ его тезиса. Это—слѣдствіе уклоненій, заблужденій, слѣдствіе „небреженія и необработанности человѣческой природы", словомъ, отсутствія такого разума, который открылъ бы законы природы и ихъ кодифицировалъ.

Мерсье-де-ла-Ривьеръ зналъ едва ли не тверже самого Морелли, что именно предписала людямъ природа. „Это она указала людямъ необходимость общества и тѣ условія, которымъ они должны подчиниться для его установленія и увѣковѣченія. Дѣйствительно, желаніе пріобрѣтать и сохранять пріобрѣтаемое естественно толкаетъ насъ избѣгать всего, что могло бы препятствовать исполненію нашего желанія"... [2]). „Намъ не нужно, слѣдовательно, иного учителя, кромѣ природы, чтобы достигнуть установленія собственности личной и движимой" [3]). Движимая же собственность, затраченная на очистку земли и подготовку ея къ обработкѣ,

---

[1]) Ibid. стр. 26.

[2]) «Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques». Collect. des principaux économistes, Edit. Daire 1846 г. т II стр. 910.

[3]) Ibid. стр. 611.

естественно порождаетъ недвижимую и наслѣдственную поземельную собственность. Но недостаточно лишь разъ вложить въ землю движимую собственность. Чтобы земля приносила возможно большій чистый доходъ (produit net), необходимы еще ежегодныя затраты капитала, которыя естественно берутъ на себя фермеры-предприниматели (entrepreneurs de culture), и къ услугамъ фермера, опять таки вполнѣ естественно, является рабочій, представитель личной собственности, собственникъ своей особы и рабочей силы propriétaire de sa personne et main d'oeuvre). Этотъ собственникъ имѣетъ полное естественное право обмѣнивать свой трудъ на возможно большее количество продуктовъ, такъ же точно, какъ и собственникъ продуктовъ имѣетъ въ свою очередь право нанимать тѣхъ, кто возьметъ всѣхъ дешевле.

„Эта двойная конкуренція *естественно* и *необходимо* становится высшей вершительницей нашихъ взаимныхъ притязаній, этимъ способомъ мы оба (собственники: одинъ—личной, другой—движимой собственности) одинаково извлечемъ изъ своихъ правъ собственности наивысшую степень возможной пользы“ [1]).

И у этого автора такъ же, какъ у Морелли, природа вошла во всѣ подробности и все смѣрила и высчитала. „Очевидно, что положительные законы *уже сдѣланы*“, говоритъ Мерсье-де-ла-Ривьеръ, „что они не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ лишь актомъ обнародованія естественныхъ и взаимныхъ правъ и обязанностей, которыя всѣ заключаются въ собственности“ [2]). Положительные законы должны присоединить къ этому обнародованію лишь наказанія за нарушенія правъ собственности.

„Законодательная власть“, повторяетъ онъ на страницѣ 628, „не есть власть *дѣлать* новые законы, а лишь объявлять уже сдѣланные самимъ Богомъ и закрѣплять ихъ печатью принудительной власти, которая вся находится въ рукахъ монарха, являющагося въ то же время и единственнымъ законодателемъ“.

Причиной всѣхъ несчастій и всѣхъ пороковъ человѣчества были произвольные, ложные законы, издававшіеся

¹) Ibid. стр. 617, 619, 620, 621.

²) Ibid. стр. 616.

благодаря незнанію истинныхъ. Но теперь, когда истинные законы природы открыты физіократами, ихъ уже нельзя забыть, нельзя и устоять противъ ихъ „очевидности“. „Абсолютная справедливость, которая заключается въ равноцѣнности обмѣновъ между тремя видами собственности, наконецъ, восторжествуетъ, и люди сдѣлаются „самыми добродѣтельными“ (les plus vertueux). Такъ какъ каждый классъ собственниковъ жизненно заинтересованъ въ существованіи двухъ остальныхъ, то „безъ всякихъ иныхъ законовъ, кромѣ собственности, установится братство“ [1]). „Земля покроется счастливыми людьми“,—обѣщаетъ въ заключеніе Мерсье-де-ла-Ривьеръ.

„Нѣтъ, милостивый государь“, отвѣчаетъ ему Мабли, „природа осуждаетъ эти заблужденія человѣчества: собственность и неравенство“ [2])... „Что положительные законы должны быть лишь развитіемъ законовъ природы и служить лишь для ихъ примѣненія—это вовсе не новая истина. Но такъ какъ авторъ началъ съ того, что самъ, установивъ собственность и неравенство, удалился отъ безпристрастныхъ намѣреній природы по отношенію къ человѣческому роду, то онъ не сможетъ воздвигнуть правильнаго зданія на неправильномъ основаніи [3])“.

„Ни одинъ народъ не можетъ быть счастливъ, если не управляется по законамъ природы, которые всегда ведутъ къ добродѣтели“, говоритъ и Гольбахъ [4]). Даже у Вольтера, не занимавшагося этого рода законами, собственность все же объявляется „кличемъ самой природы [5])“. Изъ книгъ руководителей общественнаго мнѣнія эти „законы природы“ перешли къ концу вѣка въ литературу брошюръ, газетъ,

---

[1]) Ibid. 633.

[2]) Doutes proposés aux philosophes économistes etc. Oeuvres completes 1789 г., т. II. стр. 17.

[3]) Ibid. стр. 53, 54.

[4]) Предисловіе къ Politique naturelle, стр. VII.

[5]) Статья подъ словомъ „Собственность“ въ „Философскомъ словарѣ“. Въ концѣ статьи Вольтеръ съ восторгомъ, почти съ умиленіемъ, говоритъ о томъ, какая это полезная вещь—люди, не имѣющіе никакой собственности, кромѣ рукъ и доброй воли продавать свой трудъ. «Depuis le sceptre jusqu'à la faux et la houlette, tout s'anime, tout prospere par ce seul ressort».

въ различные „катехизисы гражданина“ и отразились въ рѣчахъ и актахъ законодательныхъ собраній временъ революціи. Въ XIX вѣкѣ они продолжали жить въ твореніяхъ утопистовъ, а въ видѣ мертвой муміи сохраняются еще и теперь въ произведеніяхъ буржуазныхъ экономистовъ и политиковъ и, получивъ въ ихъ рукахъ обратное дѣйствіе на исторію, служатъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ за то, что буржуазная собственность, появившись вмѣстѣ съ человѣчествомъ, просуществуетъ по меньшей мѣрѣ такъ же долго, какъ и человѣчество. Но въ XVIII вѣкѣ только что открытые законы природы были полны жизни и движенія. Во имя ихъ требовалось не охраненіе существующаго, а его болѣе или менѣе радикальное измѣненіе, поэтому ихъ провозвѣстники старательно настаивали на томъ, что законы природы всегда нарушались и нарушаются, были de tout temps négligés ou méconnus, въ этомъ-то и вся бѣда; естественность законовъ ручалась лишь за ихъ обязательность въ будущемъ, за ихъ разумность и осуществимость.

Всѣ изобрѣтатели „законовъ природы“ согласны въ томъ, что люди вездѣ и всегда одинаковы, что природа, назначивъ имъ всѣмъ одни и тѣ же условія счастья, начала съ того, что одѣлила ихъ самихъ одинаковой и неизмѣнной, сообразной съ этими условіями, природой. Но въ то же время, иногда на той же страницѣ, эти писатели утверждаютъ также и то, что люди одарены отъ природы въ очень неравной степени тѣлесными и умственными силами, а также очень различными вкусами и склонностями. На этомъ одинаково настаиваютъ какъ поклонники, такъ и противники частной собственности [1]).

Мы видѣли уже, что, по Морелли, природа „распредѣлила силы человѣческаго рода въ различныхъ пропорціяхъ между индивидуумами“.

„Природа одарила людей“, говоритъ Мабли, „различными вкусами, качествами, силами и талантами“. Она сдѣлала это умышленно, чтобы соединить людей въ общество, чтобы

[1]) Рѣзкое исключеніе въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, составляетъ Гельвецій, доказывавшій, что различія между людьми происходятъ отъ неодинаковости получаемаго ими воспитанія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

образовать между ними „отношеніе услугъ и благодѣяній“. Если бы физическія и умственныя силы людей были одинаковы, „они сближались бы менѣе легко, и каждый былъ бы менѣе расположенъ стать на то мѣсто, которое онъ долженъ занимать“ [1]).

На этомъ естественномъ, соотвѣтствующемъ цѣлямъ природы, неравенствѣ людей сильно настаиваютъ физіократы. Изъ него то и вытекаетъ благодѣтельное раздѣленіе человѣчества на „собственниковъ“ одной лишь своей собственной личности и на обладателей земли и капиталовъ. Очень выразительно говоритъ объ этомъ естественномъ неравенствѣ Гольбахъ: „Сама природа сдѣлала людей неравными“... „Эта непропорціональность дарованія поразительна (frappante), по отношенію къ способностямъ, которыя мы называемъ *интеллектуальными*“. На этомъ неравенствѣ основывается обмѣнъ услугъ между людьми, обусловливающій общественную жизнь. Одни предназначены работать, другіе *думать* за нихъ, руководить, управлять ими и имъ благодѣтельствовать [2]). Безъ этого неравенства способностей и различія склонностей „люди только и дѣлали бы, что истребляли другъ друга, такъ какъ всѣ искали бы своего счастья въ одномъ и томъ же“ [3]), т. е. всѣ захотѣли бы мыслить, управлять, благодѣтельствовать, или наоборотъ всѣ стали бы работать и не кому было бы ни мыслить, ни благодѣтельствовать.

Мы видимъ такимъ образомъ, что природа, предписавъ всѣмъ человѣческимъ обществамъ одни и тѣже условія счастья, внутри каждаго изъ этихъ обществъ назначила, наоборотъ, для составляющихъ его классовъ и индивидуумовъ самыя разнообразныя и отчасти противоположныя

[1]) «Oeuvres» т. 9. «De la législation» стр. 51.

[2]) Извѣстное замѣчаніе Руссо въ „Рѣчи о неравенствѣ“ относительно вопроса о зависимости между естественнымъ и общественнымъ неравенствомъ,—вопроса, по его мнѣнію, весьма удобнаго для обсужденія въ компаніи слугъ, когда ихъ слышитъ господинъ, но неприличнаго для людей, ищущихъ истину, кажется по формѣ простымъ отрицаніемъ возможности такихъ разговоровъ между философами. На дѣлѣ же замѣчаніе Руссо было злой выходкой противъ распространенной теоріи, ставившей общественное неравенство въ прямую зависимость отъ естественнаго.

[3]) «La politique naturelle» 1773, стр. 18—22.

условія существованія. Но, такъ какъ въ эти различныя условія попадутъ настолько же различные отъ природы люди, то они и будутъ въ нихъ одинаково счастливы. Поденщикъ и вельможа, каждый на своемъ мѣстѣ, получатъ равную по количеству, хотя и различную по качеству, сумму какъ пріятныхъ, такъ и непріятныхъ ощущеній. Это тоже одна изъ самыхъ распространенныхъ идей, противъ которой съ ожесточеніемъ борется Руссо.

II.

Понятно то громадное значеніе, которое придавалось такой системой взглядовъ живому воплощенію просвѣщеннаго разума, образованному обществу, не говоря уже о самихъ философахъ. Никто въ литературѣ просвѣщенія не отстаивалъ привилегій дворянства, не защищалъ власти, даваемой однимъ рожденіемъ, но тѣмъ торжественнѣе освящалась ею власть просвѣщенныхъ людей надъ непросвѣщенными. Ее предусмотрѣла, ее требуетъ сама природа. Одаривъ часть человѣчества большимъ количествомъ ума, она предназначила ее въ руководительницы остальной массы. Но, если даже этимъ избранникамъ природы невѣжество цѣлыя тысячелѣтія мѣшало познать и объявить ея истинные законы, то нельзя же ожидать, чтобы невѣжественныя, занятыя физическимъ трудомъ, въ меньшей пропорціи одаренныя разумомъ народныя массы поняли эти законы, то есть поняли свои истинные интересы и оцѣнили то счастье, къ которому предназначила ихъ природа.

Изъ этой массы могутъ, конечно, выходить богато одаренные умственно люди, но именно *выходить*, подниматься вверхъ, присоединяться къ сонму избранныхъ. Замѣтьте къ тому же, что и самая добродѣтель неразлучна съ просвѣщеніемъ; она есть въ сущности знаніе своихъ истинныхъ интересовъ, которые совпадаютъ съ общественными,—знаніе все тѣхъ же законовъ природы, а порокъ,—это основанный на невѣжествѣ плохой разсчетъ, предпочтеніе ложныхъ интересовъ—истиннымъ.

Что власть принадлежитъ просвѣщеннымъ людямъ, въ этомъ никто не сомнѣвается, но условія и самая санкція

власти постепенно видоизмѣняются и получаютъ различные оттѣнки. Вольтеру, принадлежавшему къ старшему поколѣнію между просвѣтителями, человѣческій родъ представлялся въ видѣ „плутовъ, *фанатиковъ* (т. е. духовенства) и глупцовъ, среди которыхъ существуетъ небольшая отдѣльная группа, называемая хорошимъ обществомъ. Богатая, хорошо воспитанная, изящная—эта группа является какъ бы цвѣткомъ на стеблѣ человѣческаго рода, для нея трудились великіе люди, мыслители, она создаетъ репутаціи“ и проч. [1]).

Для нея же въ сущности необходимы и полезнѣйшіе люди, ничего не имѣющіе кромѣ рукъ. Дурно только, что „фанатики“ тоже утягиваютъ свою долю. „Человѣческій родъ, каковъ онъ есть, не можетъ существовать безъ огромнаго количества полезныхъ людей, ничего не имѣющихъ, такъ какъ человѣкъ зажиточный не оставитъ своей земли, чтобы обрабатывать вашу“...

„У насъ уже все распредѣлено“ говоритъ онъ такому полезному человѣку, предположивъ, что тотъ проситъ земли. „Если хочешь ѣсть... работай на насъ, служи намъ или забавляй насъ, и мы будемъ платить“... [2]).

По его мнѣнію, во Франціи такихъ полезныхъ людей недостаточно. Ихъ больше въ Англіи. Крѣпостное право, а также и поборы духовенства мѣшаютъ ихъ размноженію. Гораздо выгоднѣе предоставить крестьянамъ свободно обрабатывать землю „sous la redevance, qui enrichit les seigneurs“. Это породитъ избытокъ сельскаго населенія и дастъ много свободныхъ рукъ для другихъ занятій. „Всѣ крестьяне не сдѣлаются богатыми, да и не слѣдуетъ, чтобы они сдѣлались“, успокаиваетъ онъ себя и „хорошее общество“. Съ этой же точки зрѣнія онъ противъ народнаго образованія. Кто же тогда будетъ „ходить за моимъ плугомъ“? Хотя очень вѣроятно, что противъ того, что теперь называется народнымъ образованіемъ, онъ ничего бы не имѣлъ. Онъ понималъ подъ нимъ нѣчто гораздо большее. Для его хозяйства „нужны чернорабочіе, а не *клерки*“. Люди, ничего

---

[1]) Dialogues. L'intendant de mer et l'abbé Grisel.

[2]) Dictionnaire philosophique. Слово «égalité».

не имѣющіе кромѣ рукъ, перемрутъ съ голоду, *прежде чѣмъ сдѣлаются философами* [1]) и проч.

Всѣ эти рѣчи Вольтера звучатъ невозможнымъ цинизмомъ для современныхъ ушей: въ особенности для русскихъ интеллигентныхъ ушей второй половины XIX вѣка, привыкшихъ къ тому, чтобы все, что говорится по общественнымъ вопросамъ, говорилось во имя народнаго блага и, уже по меньшей мѣрѣ, сопровождалось хоть легкимъ поклономъ въ сторону народа и „идеаловъ“ [2]).

Но эта привычка создалась вовсе не потому, чтобы современные намъ представители разума были непремѣнно „добрѣе“ Вольтера. Въ тотъ самый періодъ своей жизни, когда были написаны эти циничныя фразы, онъ въ своей практической дѣятельности служилъ образцомъ того просвѣщеннаго благодѣтеля, котораго горячо призывала современная ему литература. Доставляя работу, давая кредитъ, онъ быстро превратилъ голодную деревушку Ферней въ многолюдное, цвѣтущее мѣстечко (также быстро раззорившееся послѣ его смерти), которое могъ выставлять какъ образецъ для подражанія не только со стороны матеріальнаго, но и нравственнаго благосостоянія. Всюду враждовавшіе между собою католики и кальвинисты мирно уживались въ его помѣстьѣ, отлично зная, что добрый баринъ не потерпитъ на своей землѣ ни малѣйшаго „фанатизма“.

Рано выступивъ на литературное поприще, Вольтеръ уже во времена регентства былъ извѣстнымъ авторомъ „Эдипа“ и многочисленныхъ посланій, принятымъ въ самомъ высшемъ свѣтѣ. Его общественные взгляды сложились въ такое время, когда о правахъ аристократическаго „цвѣтка“ на всѣ соки стебля поднималось такъ же мало вопросовъ, какъ и о правахъ дѣйствительныхъ розъ и тюльпановъ, расцвѣтавшихъ въ садахъ сеньоровъ. Такъ всегда было, такъ есть и будетъ. „И хорошо, что есть, и отлично, что будетъ“, добавляетъ Вольтеръ. Но, какъ представитель просвѣщенія, онъ основываетъ свое одобреніе не на правахъ дворянства,

---

[1]) Письма Вольтера къ M. de la Chalotais Февраль 1793 г. къ M. Damilaville Апрѣль 1766 г.

[2]). „Но чудо!
„Не много выигралъ народъ
„И легче нѣтъ ему покуда“. Некрасовъ.

какъ таковаго, а на томъ въ общемъ вѣрномъ фактѣ, что „хорошее общество“ соединяетъ въ себѣ все изящество и просвѣщеніе человѣческаго рода. А вѣдь въ просвѣщеніи въ наукахъ, въ искусствѣ, въ благовоспитанности и заключается все величіе, вся сущность человѣческаго рода. „Голый бразилецъ—это животное, еще не достигшее полнаго развитія, свойственнаго его виду. Это гусеница... Она станетъ бабочкой лишь черезъ нѣсколько столѣтій. У него явятся, быть можетъ, свои Ньютоны и Локки, и тогда онъ достигнетъ полнаго человѣческаго развитія [1]“. Взятый въ отдѣльности, и французскій крестьянинъ не далеко ушелъ въ глазахъ Вольтера отъ бразильца. Но, если послѣдній достигнетъ полнаго человѣческаго развитія лишь со временемъ въ лицѣ Ньютоновъ и Локковъ, то французскій крестьянинъ уже давно достигъ его въ лицѣ Людовика XIV-го и блестящихъ писателей его вѣка, если не раньше. Онъ давно уже превратился въ стебель, поддерживающій пышный цвѣтокъ просвѣщеннаго общества. Причемъ, иногда въ статьяхъ, а гораздо больше личнымъ примѣромъ Вольтеръ старался убѣдить цвѣтокъ въ необходимости, для собственной же пользы, доставить стеблю всѣ удобства для исполненія его обязанностей. У Вольтера была впрочемъ своя спеціальность: борьба съ „фанатизмомъ“ и „суевѣріемъ“, въ которой „хорошее общество“ было на его сторонѣ. Этой борьбѣ онъ посвящалъ все свое вниманіе, дѣлая въ область соціальныхъ и политическихъ вопросовъ лишь мимолетные набѣги. Онъ не обдумывалъ, не переворачивалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, не писалъ о нихъ безчисленныхъ брошюръ, какъ писалъ о занимавшихъ его предметахъ. Но, поскольку онъ касался общественныхъ вопросовъ, онъ разсматривалъ ихъ изнутри „небольшой группы, называемой хорошимъ обществомъ“. Къ ней онъ сводилъ весь смыслъ существованія человѣчества, относясь къ остальной массѣ, какъ къ посторонней, окружающей группу средѣ, правда необходимой..., какъ воздухъ, но такъ же, какъ воздухъ, разъ на всегда данной, стоящей внѣ споровъ.

Разумъ не можетъ сомнѣваться въ правахъ хорошаго общества. Если ихъ отрицаетъ Руссо, то лишь потому, что

---

[1]). „Dialogues entre A. B. C.“. 7-ой Діалогъ.

онъ тщеславный софистъ, завистливый лакей, монстръ, происходящій по прямой линіи отъ пары собакъ, принадлежавшихъ одна Діогену, а другая Герострату. Внутренней потребности защищать передъ самимъ собою эти права у Вольтера незамѣтно и тѣни.

Этой потребности нѣтъ еще и у основателя школы физіократовъ, Кенэ, первыя произведенія котораго появились въ печати въ 1756 году, но въ основныхъ чертахъ были уже раньше извѣстны въ придворныхъ, а затѣмъ и вообще въ образованныхъ сферахъ Парижа. Въ его тяжеловѣсныхъ произведеніяхъ нѣтъ, конечно, и слѣда циничной шутливости Вольтера. Они были плодомъ глубокой самостоятельной мысли, настойчиваго изученія и уже заключаютъ въ себѣ всѣ тѣ законы, которые будетъ провозглашать отъ имени природы школа физіократовъ. Если Морелли и Мабли почерпали, по выраженію послѣдняго, въ глубинѣ собственнаго сердца (служившаго для нихъ образцомъ человѣческаго сердца вообще) свои убѣжденія относительно намѣреній природы, то Кенэ почерпнулъ ихъ изъ своего знанія положенія французскихъ финансовъ и земледѣлія, бывшаго почти единственнымъ источникомъ этихъ финансовъ. Нужды казны росли, а земледѣліе регрессировало и при данныхъ условіяхъ не могло не регрессировать подъ вліяніемъ этихъ самыхъ нуждъ. Чтобы не раззорять страну, не мѣшать росту ея производства, налоги должны падать лишь на чистый доходъ (produit net), брать лишь извѣстную долю изъ той части продукта, которая остается за вычетомъ изъ валового дохода, какъ заработной платы, такъ и всѣхъ остальныхъ издержекъ производства. Но при мелкой крестьянской культурѣ, которая, по свѣдѣніямъ Кэнэ, господствовала еще въ $^{7}/_{8}$ Франціи, „чистый доходъ настолько близокъ къ нулю (non-valeur), что налоги заставляютъ отказываться отъ всякой обработки, что и случается во многихъ мѣстностяхъ единственно отъ бѣдности жителей“ [1]). Чистый доходъ, какъ извѣстно, давало, по ученію физіократовъ, одно лишь земледѣліе и даже, для зерновыхъ хлѣбовъ въ особенности, лишь земледѣліе, находящееся въ рукахъ крупныхъ фермеровъ—капиталистовъ, ведущихъ хозяйство наемнымъ трудомъ.

---

[1]) Collect. des princip. économ. т. II „Les maximes“ стр. 91.

Такая крупная культура приноситъ по сравненію съ мелкой крестьянской въ 10—12 разъ больше чистаго дохода съ того же пространства земли. На необходимости крупной фермерской культуры Кенэ настаиваетъ также въ XV и XXVI изъ своихъ Maximes. Но развитію такой культуры мѣшали остатки крѣпостнаго права: наслѣдственность арендъ, совмѣстное съ крестьянами владѣніе общинными землями, право выпаса крестьянскаго скота на помѣщичьихъ поляхъ и проч. Отсюда требованіе полной свободы собственности отъ всякихъ условій и ограниченій. Для процвѣтанія того же земледѣлія, а слѣдовательно и государственныхъ финансовъ, нужно также освобожденіе отъ регламентаціи какъ торговли, такъ и обработывающей промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходима и полная свобода передвиженія и занятій для „личностей“, крестьянъ и рабочихъ.

Знаменитое изреченіе Кенэ, за которое онъ пользуется репутаціей друга крестьянъ: „pauvres paysans, pauvre royaume“ и проч. вовсе не значитъ, чтобы Кенэ считалъ возможнымъ существованіе во Франціи *не бѣдныхъ* крестьянскихъ хозяйствъ, обрабатывающихъ свое поле трудомъ семьи. Такое поле почти не приноситъ чистаго дохода и должно оставаться свободнымъ отъ налоговъ, чтобы давать скудное пропитаніе. Но налоги стоятъ для Кенэ на первомъ планѣ, а ихъ не на кого переложить, пока земли остаются въ рукахъ крестьянъ. Вѣдь дворяне получаютъ свои доходы съ тѣхъ же бездоходныхъ крестьянскихъ полей. При этомъ, какъ ни тяжелы для крестьянъ ихъ различныя обязательства сеньорамъ, сумма ихъ платежей все же ничтожна по сравненію съ рентой, которую могъ бы легко уплачивать за ту же землю фермеръ-капиталистъ.

„Бѣдные крестьяне“ должны поэтому превратиться—кто можетъ—въ крупныхъ фермеровъ, остальные въ наемныхъ рабочихъ [1]), что произойдетъ само собою при свободѣ собственности и личности.

---

[1]) Непризнаваніе за обрабатывающей промышленностью способности приносить чистый доходъ было ошибкой Кенэ, подсказанной ему самой французской дѣйствительностью. Обрабатывающая промышленность съ одной стороны еще сдерживалась цехами въ предѣлахъ ремесленнаго производства, съ другой, въ созданныхъ Кольберомъ мануфактурахъ направлялась главнымъ образомъ на производство пр

Кенэ не думалъ, чтобы крестьянамъ отъ этого стало хуже— настоящее положеніе безвыходно,—но не рисовалъ онъ радужными красками и положеніе наемныхъ рабочихъ.

Вообще законодательница-природа не прикидывается у Кенэ доброй матерью всѣхъ индивидуумовъ, составляющихъ изъ себя общество. Она дала лишь законы, „очевидно, наиболѣе выгодные для общества", разсматриваемаго какъ цѣлое. Про неравенство, напримѣръ, которое у другихъ писателей природа устанавливаетъ между людьми съ единственной цѣлью вызвать между ними обмѣнъ услугъ, благодѣяній и благодарностей, у Кенэ говорится такъ: „Разсматривая какъ тѣлесныя и умственныя способности, такъ и другія средства людей, мы видимъ между ними большое неравенство относительно пользованія ихъ естественнымъ правомъ (заключающимся, какъ и у Локка, въ присвоеніи посредствомъ труда части богатствъ природы). Къ этому неравенству непримѣнимъ принципъ справедливости или несправедливости; оно является результатомъ комбинаціи законовъ природы" [1])...

И не сулитъ у Кенэ природа никакого „счастья" обдѣленному ея комбинаціями большинству, не требуетъ для

метовъ роскоши. Потребности народныхъ массъ въ ея продуктахъ отчасти удовлетворялись еще домашнимъ производствомъ, отчасти оставались неудовлетворенными вслѣдствіе крайней нищеты. Словомъ, обрабатывающая промышленность нуждалась въ провозглашеніи „законовъ природы" физіократовъ, чтобы выказать во всей силѣ свою громадную способность приносить чистый доходъ. Пока же въ общемъ крестьянство сохраняло еще свою средневѣковую привилегію быть единственнымъ поставщикомъ дохода высшихъ классовъ и государства, единственнымъ стеблемъ ставшаго слишкомъ пышнымъ для него цвѣта просвѣщенія. Промышленный пролетаріатъ еще только готовился раздѣлить съ нимъ эту честь и снять съ его плечъ главную тяжесть.

Физіократы указывали единственный видный въ то время выходъ изъ положенія, при которомъ налоги быстро подтачивали свой собственный источникъ. Необходимо увеличить доходность земледѣлія посредствомъ привлеченія къ нему капиталовъ, улучшенія и удешевленія способовъ обработки и расширенія ея площади. А для всего этого было необходимо, чтобы значительная часть земли перешла изъ рукъ обнищавшаго крестьянства въ загребистыя и вооруженныя капиталомъ руки крупныхъ фермеровъ.

[1]) Coll. des principaux économistes т. II. „Droits naturels" стр. 36.

него никакихъ особыхъ „благодѣяній“ отъ осчастливленнаго меньшинства. А что именно сулитъ она наемнымъ рабочимъ, всего лучше видно изъ произведенія Кенэ, озаглавленнаго: „Dialogue sur le travaux des artisans“. M. N., выражающій взгляды автора, выставляетъ въ этомъ діалогѣ слѣдующее положеніе: „Пріобрѣтать возможно большее количество благъ, при возможно большемъ сокращеніи расходовъ,—въ этомъ заключается совершенство экономическаго поведенія“. Изъ этого не слѣдуетъ, разъясняетъ M. N. недоумѣніе своего собесѣдника, чтобы собственники могли достигнуть совершенства экономическаго поведенія, работая лично ради сокращенія расходовъ, вѣдь рядомъ съ этимъ сокращеніемъ стоитъ возможно большее наслажденіе, а тяжелый трудъ былъ бы для нихъ уменьшеніемъ наслажденія. Они въ то же время повредили бы людямъ, существующимъ лишь трудомъ. „Размѣръ расходовъ на заработныя платы всегда ограниченнѣе размѣра потребностей, вынуждающихъ рабочихъ подчиняться необходимости труда [1])“.

Оба условія „совершеннаго поведенія достигаются тѣмъ, что собственники пользуются конкуренціей между людьми, оспаривающими другъ у друга работу. Конкуренція всегда стремится понижать заработную плату“ (met le prix du travail au rabais).

Предѣлъ этому пониженію заключается лишь въ томъ, что при слишкомъ низкой заработной платѣ, совершенно не удовлетворяющей ихъ потребностей, рабочіе предпочитаютъ жить милостыней. Было бы выгодно, поясняетъ онъ далѣе, замѣнять французскихъ жнецовъ савоярами, берущими дешевле. На замѣчаніе же собесѣдника, что это будетъ во вредъ французскимъ поселянамъ, Кенэ отвѣчаетъ, что „всякое сокращеніе издержекъ производства идетъ во вредъ тѣмъ, кто воспользовался бы издержками, но полезно тому, кто ихъ сокращаетъ... Естественное право произноситъ свое рѣшеніе въ пользу этихъ послѣднихъ, имъ принадлежитъ законное распоряженіе своей собственностью [2])“.

При этомъ увеличеніе дохода собственниковъ полезно государю, увеличивая источникъ налоговъ. Какъ мы видимъ,

---

[1]) Ibid. стр. 193.
[2]) Ibid. стр. 203.

естественное право Кенэ еще такъ же безстрастно и откровенно присуждаетъ мышей въ пищу кошкамъ, мухъ—паукамъ, какъ и рабочихъ—собственникамъ и государству.

Но если Кенэ былъ другомъ человѣчества лишь въ его сложномъ, полномъ внутренней борьбы, цѣломъ, и вся суть этого цѣлаго заключалась для него лишь въ просвѣщенномъ [1]) правительствѣ и собственникахъ, если все остальное населеніе Франціи и для него также (хотя онъ и не употреблялъ метафоръ) было лишь стеблемъ, предназначеннымъ поддерживать пышный цвѣтокъ, то все же народу было бы выгоднѣе имѣть побольше такихъ проницательныхъ и въ то же время вполнѣ правдивыхъ недрузей, чѣмъ многихъ и многихъ, желавшихъ быть его друзьями, но слишкомъ хорошо умѣвшихъ самихъ себя обманывать.

Впервые установивъ различіе между валовымъ и чистымъ доходомъ и указавъ, что крестьяне чистаго дохода изъ своей земли почти вовсе не извлекаютъ, онъ тѣмъ самымъ доказалъ, что налоги уплачиваются ими на счетъ прогрессивнаго ухудшенія условій производства и собственнаго питанія. Онъ же указалъ, что во многихъ мѣстностяхъ именно налоги заставляютъ крестьянъ прекращать обработку и бѣжать изъ своихъ наслѣдственныхъ арендъ, что для нихъ, слѣдовательно, тотъ минимальный предѣлъ, за которымъ трудящійся предпочитаетъ нищенство, уже перейденъ.

Такое ничѣмъ не смягченное высказываніе того, что есть, внушая убѣжденіе въ гибельности существующей финансовой системы для государства, вызывало въ то же время болѣе яркое сознаніе ея несправедливости по отношенію къ крестьянамъ, чѣмъ могли бы внушить предложенія тѣхъ или иныхъ благодѣтельныхъ палліативовъ, хотя бы и сдѣланныя самымъ добрымъ, самымъ сочувственнымъ слогомъ.

Все, что говорилъ Кенэ о положеніи крестьянъ и о налогахъ, относилось къ настоящему неразумному строю, все рѣшительнѣе осуждавшемуся на исчезновеніе. Поэтому по-

[1]) Въ своемъ „Droit naturel" онъ замѣчаетъ, что, говоря о разумѣ, понимаетъ подъ нимъ лишь „разумъ изощренный, развитой и усовершенствованный изученіемъ законовъ природы: простой разумъ не возвышаетъ человѣка надъ уровнемъ животныхъ"... стр. 54.

Всѣ физіократы совѣтовали, впрочемъ, учить народъ. Они считали полезнымъ, чтобы онъ, хоть вкратцѣ, усвоилъ „законы природы".

слѣдователи Кенэ не только не ослабили, не затемнили мыслей учителя, но продолжали повторять и развивать ихъ на всѣ лады, пока не превратили въ общепризнанную ходячую истину.

Такъ же безжалостно правдивъ и вѣренъ дѣйствительности былъ взглядъ Кенэ и на положеніе наемныхъ рабочихъ. Будь его взглядъ на заработную плату такъ же распространенъ во время революціи, какъ взглядъ на налоги, трудно представить себѣ, чтобы республиканское правительство, въ тотъ краткій моментъ, когда, опираясь на городской пролетаріатъ, оно дѣйствительно стремилось стать выразителемъ интересовъ низшихъ классовъ, удержало запрещеніе всякихъ союзовъ и коалицій между рабочими.

„Спросъ на рабочія руки всегда ниже предложенія, конкуренція между рабочими всегда стремится понижать заработную плату до того предѣла, когда рабочій, видя полную невозможность существовать ею, предпочитаетъ нищенство,“ говоритъ Кенэ. Массы нищихъ кормили монастыри, которые въ умахъ всей интеллигенціи были осуждены на исчезновеніе, между прочимъ,—за поощреніе нищенства. Изъ взглядовъ Кенэ ясно слѣдовало, что безъ союзовъ, уничтожающихъ конкуренцію въ средѣ рабочихъ, и безъ монастырей, поощряющихъ нищенство, единственной задержкой стремленію собственниковъ къ совершенству остается вымираніе части рабочихъ, ослабляющее конкуренцію между живыми.

Но для просвѣтителей не было никакой возможности удержаться на точкѣ зрѣнія Кенэ по вопросу о положеніи наемныхъ рабочихъ, которымъ отводилось такое широкое мѣсто въ будущемъ царствѣ законовъ природы. Заинтересовавшись общественными вопросами, обсуждая ихъ съ точки зрѣнія „должнаго“, они не могли оставить въ сторонѣ вопроса о справедливости. Кенэ, въ смыслѣ „должнаго“, имѣлъ въ виду прежде всего спасеніе государственныхъ финансовъ. Лейбъ-медикъ Людовика XV, онъ близко видѣлъ ихъ отчаянное положеніе. Эта высшая для него цѣль могла избавить его умъ отъ потребности хитрить съ открытыми имъ „законами природы“, стараться приписать ихъ осуществленію такія хорошія послѣдствія, которыя „очевидны“ не были.

III.

Но не всѣмъ же были близки интересы казны. Для большинства писателей въ ихъ проектахъ будущаго на первомъ планѣ стояло не царство Людовика XV, а само „царство разума", торжество его велѣній надъ всѣми неразумными переживаніями феодальнаго строя. А сколько ни толкуй о природѣ, у которой разумъ исполняетъ лишь должность секретаря, пишущаго законы подъ ея диктовку, — царство разума все же остается царствомъ разумныхъ, просвѣщенныхъ слоевъ населенія, т. е. своимъ собственнымъ царствомъ. Но кому же желательно (а въ общемъ даже психически возможно) основывать въ проектахъ будущаго, въ этой области свободы воли по преимуществу, *свое* господство, *свое* счастіе на чужихъ страданіяхъ? А въ голой схемѣ Кенэ дѣло имѣетъ именно такой видъ.

Чѣмъ упорнѣе занималась мысль просвѣщенныхъ людей проектами будущаго, тѣмъ настоятельнѣе становилась психическая необходимость ввести въ свое царство гармонію интересовъ, представить себѣ самимъ свое господство надъ неразумными не только неизбѣжнымъ по приговору природы, но въ то же время и справедливымъ, а дальше полезнымъ, благодѣтельнымъ для самихъ неразумныхъ. Идея господства превращалась такимъ образомъ въ идею служенія общему благу. Лишній толчокъ этому стремленію „оправдываться" дали, повидимому, и первыя произведенія Руссо. Онъ, конечно, софистъ, но... но... Все же хочется найти самыя справедливыя основанія господству носителей разума.

Всего меньше труда стоило украшеніе будущаго ближайшимъ послѣдователямъ Кенэ—физіократамъ. Экономическій характеръ ихъ произведеній и авторитетъ учителя, дѣйствительно уловившаго реальныя, необходимыя черты ближайшаго будущаго, не давалъ разыгрываться ихъ фантазіи. Справедливость и гармонія интересовъ достигаются у нихъ главнымъ образомъ измѣненіемъ тона, введеніемъ нѣсколькихъ терминовъ. Мы видѣли уже у Мерсье-де-ла-Ривьера, какой пріятный, какой справедливый видъ получаетъ мрачный у Кенэ вопросъ о зависимости уровня заработной платы

отъ конкуренціи, отъ одного только установленія, рядомъ съ движимой и недвижимой собственностью, третьяго вида собственности „личной“ и надѣленія ею рабочаго.

„Собственность есть исключительное право владѣнія чѣмъ-нибудь“ говоритъ Дюпонъ-де-Немуръ... „Собственность должна быть исключительной, для того чтобы пользованіе (jouissance) было общимъ“... Въ производствѣ недвижимая собственность даетъ землю, „движимая беретъ на себя расходы, а личная—трудъ. Вотъ каково общество, законы котораго вытекаютъ изъ природы [1]). Это тоже звучитъ очень гармонично и почти по братски.

Какъ это повышеніе пролетарія въ чинъ собственника, такъ и многіе другіе пріемы „добрыхъ“ писателей XVIII вѣка въ настоящее время кажутся на первый взглядъ не болѣе, какъ хитростью. Но всмотрѣвшись попристальнѣе въ произведенія этихъ оптимистовъ, ясно чувствуешь, что если это хитрости, то хитрости такъ сказать самого разума, самого духа эпохи, не имѣющія ничего общаго съ умышленными передержками, такъ часто встрѣчающимися у современныхъ апологетовъ буржуазнаго строя.

Люди XVIII вѣка строили утѣшительныя перспективы, подыскивали аргументы для себя самихъ, да развѣ иногда для уязвленія Руссо. Имъ еще и некого было обманывать; чтобы заинтересованный въ дѣлѣ „собственникъ своей особы“ могъ услышать ихъ,—это пока еще не приходило имъ въ голову.

Въ особенности изобильныя и часто совершенно несогласимыя между собой блага несетъ человѣчеству торжество разума у Гольбаха, который ухитряется въ своихъ идеалахъ будущаго соединить всѣ блага двухъ различныхъ общественныхъ строевъ.

Главнѣйшей политической особенностью возвѣщеннаго физіократами строя, по отношенію къ большинству населенія, было требованіе свободы труда и равенства передъ закономъ, т. е. прекращенія всякаго прямого подчиненія личности производителя съ цѣлью присвоенія продуктовъ его

---

[1]) Collect. des princip. économ. II—„Abrégé des principes de l'économie politiques“ стр. 369, 370, 371.

труда въ какомъ бы то ни было видѣ: оброка, налога или десятины [1]).

Гольбахъ внесъ въ свою систему всѣ свободы физіократовъ: свободу собственности, личности, всѣхъ занятій и промысловъ. Все это установлено самой природой и составляетъ естественнѣйшія права человѣка, которыхъ никто ни въ какомъ случаѣ не долженъ стѣснять. Но, повторивши это нѣсколько разъ, какъ въ своей „Politique naturelle", такъ и въ „Systéme sociale" [2]), онъ въ другихъ отдѣлахъ тѣхъ же книгъ забываетъ объ этихъ правахъ и свободахъ и награждаетъ народъ несовмѣстимыми съ ними благами.

---

[1]) Исторически особенностью политическихъ взглядовъ физіократовъ осталось ихъ требованіе „легальнаго деспотизма", монархической власти, неограниченной ничѣмъ, кромѣ просвѣщеннаго разума монарха, подчиняющагося „законамъ природы". Но изъ сущности ихъ системы вытекало одно лишь это „подчиненіе законамъ природы", т. е. полное невмѣшательство власти въ экономическія отношенія: laissez faire, laissez passer. Предпочтеніе же неограниченной монархіи вытекало не изъ сути ихъ взглядовъ, а изъ положенія дѣлъ во Франціи въ данный моментъ. Совершенно разоривши крестьянъ налогами, правительство находилось въ безвыходномъ финансовомъ положеніи и можно было надѣяться, что въ поискахъ за спасеніемъ, оно призоветъ въ министерство физіократа. Отъ парламентовъ же и всякихъ представителей мѣстныхъ правъ, отъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые мѣшали водворенію полнаго деспотизма во Франціи, нельзя было ожидать ничего, кромѣ сопротивленія и всякихъ помѣхъ необходимымъ реформамъ, что и оправдалось на дѣлѣ.

[2]) Эти два произведенія представляютъ собою, повидимому, два варіанта одной и той же книги, при чемъ одни отдѣлы подробнѣе развиты въ одномъ, другіе въ другомъ сочиненіи. Мы останавливаемся на этихъ произведеніяхъ не потому, чтобы они сами по себѣ представляли что-нибудь замѣчательное. Гольбахъ—писатель, не отличающійся ни выдающейся силой мысли, ни талантомъ. При этомъ его литературная извѣстность все же болѣе основывается на его „Systéme de la Nature", чѣмъ на его нравственно-политическихъ трактатахъ. Но Гольбахъ по своему положенію былъ центромъ обширнаго и вліятельнаго круга писателей и вообще образованныхъ людей, при чемъ его книги, именно вслѣдствіе отсутствія въ немъ умственной оригинальности, являлись нѣкоторымъ образомъ сводомъ мнѣній, высказывавшихся въ его салонахъ. Онѣ до извѣстной степени писались сообща, что вредно отзывалось, конечно, на стройности произведеній, но дѣлало изложенные въ нихъ взгляды типичными для цѣлаго вліятельнаго круга тогдашней интеллигенціи. И это именно тотъ кругъ, съ которымъ у Руссо было всего болѣе связей, всего болѣе сперва пріятельскихъ, затѣмъ враждебныхъ отношеній. „Les Holbachiens" было

Кругъ энциклопедистовъ, къ которому принадлежалъ Гольбахъ, былъ такъ же живо заинтересованъ борьбой съ суевѣріями, какъ и Вольтеръ. Но не довольствуясь разрушеніемъ и не останавливаясь на деизмѣ, Гольбахъ и его пріятели пытались противопоставить старому міросозерцанію новую систему взглядовъ, дающихъ отвѣтъ на всѣ вопросы, занимавшіе въ то время образованное общество. Какъ въ борьбѣ со старымъ, такъ и въ построеніи новаго міросозерцанія имѣлъ огромное значеніе пересмотръ вопроса о душѣ и противопоставленіе этому понятію новаго матеріалистическаго взгляда на человѣческую природу. А въ разсужденіяхъ объ этой природѣ самымъ интереснымъ пунктомъ былъ вопросъ о происхожденіи „нравственнаго зла", о порокѣ и добродѣтели. Выводы просвѣтителей относительно этого пункта Гольбахъ перенесъ въ свою соціальную систему и построилъ на нихъ свою „естественную политику".

Человѣкъ по природѣ не можетъ не стремиться къ счастью, не можетъ не искать наслажденія, но, какъ его понятіе о счастьи, такъ и способы, которыми онъ его добивается, чрезвычайно различны и зависятъ отъ умственныхъ способностей и просвѣщенія. Добродѣтель вытекаетъ изъ познанія истиннаго счастья и вѣрнѣйшихъ средствъ для его достиженія, а порокъ—изъ ложнаго взгляда, какъ на счастіе, такъ и на ведущіе къ нему пути. Онъ заключается въ легкомысленномъ предпочтеніи минутнаго наслажденія—прочному благополучію.

Мы видѣли уже, какъ „поразительно непропорціонально"

кличкой, которою онъ окрестилъ всѣхъ враждебныхъ ему философовъ Парижа. Мы не забываемъ, конечно, и того, что обѣ вышеупомянутыя книги появились въ печати позднѣе главнѣйшихъ произведеній Руссо. Въ нихъ попадаются даже фразы, направленныя очевидно противъ него. Но Руссо не даромъ говоритъ въ „Эмилѣ", что изъ разговоровъ въ парижскихъ салонахъ, взгляды писателей узнаются полнѣе, чѣмъ изъ книгъ. При чрезвычайной возбужденности и высокомъ умственномъ уровнѣ тогдашней общественной жизни Парижа, идеи, прежде чѣмъ попасть въ книги, долго дебатировались въ безконечныхъ разговорахъ, затѣмъ читались въ рукописяхъ и наконецъ уже предавались тисненію гдѣ-нибудь за границей, въ большинствѣ случаевъ голландскими книгопродавцами. Во всякомъ случаѣ изъ произведеній Руссо видно, что весь строй мыслей, выразившійся въ книгахъ Гольбаха, былъ ему хорошо знакомъ.

распредѣлила природа умственныя способности между людьми. А такъ какъ добродѣтель есть знаніе, пониманіе, то нравственное неравенство должно по необходимости совпадать съ умственнымъ. Очень характерно обрисовываетъ этотъ взглядъ слѣдующая параллель, проводимая Гольбахомъ между артистическимъ и нравственнымъ чувствомъ или вкусомъ. „Нравственный вкусъ“, говоритъ онъ, „ничѣмъ не отличается отъ тонкаго артистическаго вкуса: этотъ послѣдній предполагаетъ дарованіе, заключающееся въ особой тонкости органовъ чувствъ, получаемой отъ природы и требующей соотвѣтствующаго упражненія... Нравственный вкусъ тоже предполагаетъ природное дарованіе, заключающееся въ деликатности и чувствительности ума и сердца, которое при цѣлесообразномъ упражненіи посредствомъ воспитанія даетъ намъ возможность быстро понимать выгодныя или вредныя послѣдствія нашихъ дѣйствій... Мы становимся такимъ образомъ *знатоками*, *connaisseurs*— курсивъ Гольбаха) нравственности, какъ становимся знатоками живописи, скульптуры, архитектуры и проч.“ [1]).

„Все наше поведеніе, хорошее или дурное, зависитъ отъ вѣрныхъ или ложныхъ идей, которыя мы имѣемъ о счастіи. Хорошимъ человѣкомъ будетъ тотъ, кто пойметъ, что его счастіе зависитъ отъ уваженія и благоволенія другихъ людей. Людямъ, впрочемъ, свойственно желать уваженія, славы, авторитета, власти наконецъ. Только религія могла стремиться извратить ихъ природу, внушая имъ смиреніе и самоуниженіе“. Честолюбіе и властолюбіе, наоборотъ являются величайшими источниками добродѣтели. Но невѣжество мѣшаетъ людямъ знать, въ чемъ заключается истинный путь къ удовлетворенію этихъ стремленій. А онъ заключается въ томъ, чтобы приносить людямъ пользу, дѣлать имъ добро. „Какъ бы ни было пристрастно наше мнѣніе о себѣ самихъ... мы вынуждены признать себя ниже тѣхъ, которые приносятъ больше пользы, больше выгоды обществу, или намъ самимъ, чѣмъ мы сами можемъ доставить или пріобрѣсти. Вотъ естественный и законный источникъ всякой власти и подчиненія... Власть есть право управлять нашими дѣй-

[1]) Systéme sociale, т. I, стр. 90.

ствіями, которое мы признаеть за тѣми, кого считаемъ способнѣе насъ самихъ доставить намъ счастіе... Таковы естественныя основанія подчиненія бѣдныхъ и слабыхъ—богатымъ и сильнымъ, дѣтей—родителямъ, слугъ—господамъ [1]).

Власть, не доставляющая никакихъ благъ подчиненнымъ, есть насиліе, тираннія, несправедливость, противъ которой протестуетъ человѣческая природа. Но не менѣе противно этой природѣ, не менѣе несправедливо, когда приносимая людямъ польза, оказанное благодѣяніе, остается безъ награды. Это было бы въ высшей степени вредно для общаго блага, такъ какъ изсушило бы самый источникъ добродѣтели. А между тѣмъ отъ существованія сильныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродѣтельныхъ людей зависитъ благополучіе народа.

Самъ народъ не можетъ знать, въ чемъ заключается его счастіе. Онъ не можетъ жить безъ руководителей. „Онъ употребилъ бы свою власть безразсудно, необдуманно, часто противъ самыхъ дорогихъ своихъ интересовъ“... „Слишкомъ большая свобода не замедлила бы выродиться у него въ распущенность. Его необходимо поэтому сдерживать и гарантировать отъ его собственнаго безумія (folie) или неопытности“ [2]). Его не слѣдуетъ слишкомъ обременять, но не слѣдуетъ также и допускать его предаваться праздности. „Дѣти и народъ могутъ лишь злоупотреблять свободой къ своему собственному вреду“.

Словомъ, вопреки заимствованнымъ у физіократовъ „свободамъ“, народъ Гольбаха не можетъ обходиться безъ самой назойливой и всесторонней опеки. Для его блага необходимо только, чтобы верхнія ступени общественной лѣстницы были заняты людьми добродѣтельными, чтобы заслуги и благодѣянія всегда находили награду. Слѣдуя за природой, создавшей людей неравными, общество также должно ради своего благосостоянія дѣлать различія между своими членами и соразмѣрять свое уваженіе, любовь и награды съ полезностью людей, то есть съ ихъ способностями и добродѣтелью“. Народъ, вынужденный работать для своего пропитанія, долженъ доставлять также средства „какъ

[1]) Ibid. стр. 133—134.

[2]) „Politique Naturelle“ т. I, стр. 73, 183.

для пропитанія, такъ и для украшенія жизни тѣмъ, кто обязывается за это управлять имъ, обезпечивать ему спокойствіе, *мыслить* за него, заниматься его нуждами... такимъ образомъ тѣ граждане, которые служатъ обществу, могутъ пользоваться болѣе счастливымъ существованіемъ, чѣмъ люди, по отношенію къ которымъ общество не имѣетъ подобныхъ обязательствъ"... [1]).

„Уплачивать долги общества людямъ, приносящимъ ему пользу, должны государи" (les souverains, les princes). „Самолюбіе, личные интересы, желаніе отличій свойственны всѣмъ".

„Способные люди стремятся къ власти. Государи должны направлять эти страсти на служеніе общему благу, давая власть, титулы, знаки отличія и другія награды полезнымъ обществу людямъ". На этой обязанности государей Гольбахъ настаиваетъ по нѣсколько разъ въ каждомъ изъ названныхъ нами произведеній.

Такое вмѣшательство государей въ естественный путь къ счастію посредствомъ добродѣтели бросается въ глаза своей „искуственностью". Но въ сущности оно составляетъ совершенно необходимое добавленіе къ изображенному Гольбахомъ особаго рода идеальному феодализму, къ благодѣтельной опекѣ надъ народомъ наиболѣе разумныхъ и сильныхъ. Если государи не будутъ награждать этихъ опекуновъ, опекуны сильно рискуютъ остаться ненагражденными. Люди охотно подчиняются тѣмъ, кого считаютъ способнѣе себя самихъ доставить имъ счастіе. Доставленіе другимъ людямъ счастія является поэтому естественнымъ путемъ къ своему собственному: къ почету и власти. Такъ говоритъ Гольбахъ, но въ то же время онъ утверждаетъ, что народъ не знаетъ своихъ истинныхъ интересовъ и именно поэтому нуждается въ опекѣ, а разъ онъ ихъ не знаетъ, онъ не можетъ и оцѣнить по достоинству заслугъ тѣхъ, кто заботится о его благополучіи. Свобода вредна для него, праздность еще вреднѣе, равенство противоестественно и попытки установить его—гибельны, а между тѣмъ исторія всѣхъ демократическихъ республикъ показываетъ Гольбаху, что ихъ

---

[1]) Ibid. стр. 172, 173.

идеаломъ является именно равенство, любовь къ которому порождается завистью.

Граждане такихъ республикъ отличаются недовѣріемъ къ талантамъ, къ заслугамъ, къ самой добродѣтели. Они вѣчно опасаются, какъ бы, опираясь на свои заслуги, добродѣтельные граждане не поработили ихъ. Поэтому, предаваясь распущенности и анархіи, они угнетаютъ добродѣтель и отличаются неблагодарностью [1]), которая въ глазахъ Гольбаха, была едва ли не худшимъ изъ всѣхъ пороковъ. Характеризуя въ I-омъ томѣ „Systéme sociale“ различные пороки, онъ аттестуетъ неблагодарность, какъ свойство, „очевидно, несправедливое, отвратительное и преступное... Неблагодарные содѣйствуютъ уничтоженію благотворительности, щедрости, человѣколюбія--качествъ наиболѣе полезныхъ обществу“. Въ концѣ характеристики выражается даже сомнѣніе, „чтобы могло быть что-нибудь возмутительнѣе“ не только неблагодарности за полученное благодѣяніе, но даже простого отказа отъ предлагаемаго, простого „отталкиванія протянутой руки“ благотворителя [2]).

Послѣднее сужденіе до того строго, что по всему вѣроятію, написано спеціально для Руссо, упорно отталкивавшаго всѣ протянутыя съ благодѣяніями руки и рѣшившагося къ тому же въ переполненной благодарностью литературѣ XVIII вѣка выступать защитникомъ неблагодарности [3]).

---

[1]) „Politique naturelle“ т. I стр. 68, 69. „Systême Sociale“ т. II, стр. 34

[2]) стр. 127, 128.

[3]) Благодарность дѣйствительно является любимѣйшей добродѣтелью, добродѣтелью par excellence въ литературѣ XVIII вѣка. Захочетъ ли Вольтеръ показать, что есть нравственныя правила, обязательныя на всемъ земномъ шарѣ,—у него, вмѣстѣ съ платежомъ долговъ (Вольтеръ имѣлъ много неаккуратныхъ должниковъ) непремѣнно фигурируетъ благодарность. Говоритъ ли Монтескье въ своей знаменитой книгѣ о вѣчныхъ нравственныхъ законахъ, предшествующихъ положительнымъ, въ примѣръ такого закона приводится обязанность благодарности для существа, получившаго благодѣяніе. Меньше другихъ толкуютъ о благодарности физіократы. Въ ихъ системѣ „совершенное поведеніе“ само несло свою награду и не нуждалось въ поощреніи посредствомъ благодарности. Тѣмъ шире разростается она зато у остальныхъ просвѣтителей, и получаетъ у Гольбаха значеніе краеугольнаго камня „естественной политики“. Слѣдующая тирада въ 4-ой книгѣ „Эмиля“ кажется направленной именно противъ этой теоріи: „неблагодарность встрѣчалась бы гораздо рѣже, если бы раз-

Но во всякомъ случаѣ, какъ ни возмутительна неблагодарность, она все-таки существуетъ: просвѣщенный разумъ говоритъ людямъ, что заботы объ общемъ благѣ являются единственнымъ путемъ къ почету, къ власти и счастію, но нельзя не видѣть, что было бы слишкомъ рискованно ждать отъ самого народа оправданія этихъ внушеній разума. Остается одно: уговорить государей взяться за поощреніе добродѣтели. И какъ же усердно Гольбахъ ихъ уговариваетъ! То обращается къ нимъ самимъ, то, говоря о нихъ въ третьемъ лицѣ, изображаетъ всю ту славу, которая ожидаетъ какъ при жизни, такъ и за гробомъ монарховъ, направляющихъ человѣческія страсти на служеніе общему благу. „Справедливое распредѣленіе наградъ и наказаній даетъ государю возможность царствовать подобно богамъ. Обладая этими двумя великими пружинами правительства, онъ употребитъ ихъ для поощренія добродѣтели, заслугъ, талантовъ“ [1]). И далеко не одинъ Гольбахъ возлагаетъ свои лучшія надежды на эти „пружины“. Онѣ же являются главнѣйшимъ средствомъ распространенія добродѣтели и у Гельвеція. Совершенно сходится съ Гольбахомъ въ этомъ отношеніи и Морелли, у котораго „законы природы“ такъ отличны отъ гольбаховскихъ по своему содержанію. „Чины, достоинства, почести“, говоритъ онъ, „должны бы соразмѣряться со степенью усердія, способно-

---

считанныя на барышъ благодѣянія не были такъ обычны... Гораздо чаще встрѣчаются барышники-благодѣтели, чѣмъ неблагодарные облагодѣтельствованные. Если вы продаете мнѣ свое благодѣяніе, такъ прежде сторгуемся о цѣнѣ; если же вы дѣлаете видъ, что дарите мнѣ его, чтобы потребовать произвольно назначенную вами плату, вы мошенничаете: благодѣяніе безцѣнно, но лишь пока оно даровое... Рыбакъ предлагаетъ рыбѣ приманку, и та довѣрчиво беретъ ее, но пойманная на скрытый крючокъ и почувствовавъ, что ее тянутъ, старается убѣжать. Былъ ли рыбакъ благодѣтелемъ рыбы? Оказалась ли рыба неблагодарной?“ Озлобленная страстность этой тирады кажется совершенно не соотвѣтствующей тому поводу, къ которому она прицѣплена (совѣтъ воспитателю не требовать отъ ребенка благодарности). Но Руссо писалъ для современниковъ и зналъ, что его слова дойдутъ по настоящему адресу. „Могущественные благодѣтели“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „причиняютъ тысячи дѣйствительныхъ золъ, чтобы сдѣлать одно кажущееся добро“. Предчувствуя бѣду, народъ заранѣе стонетъ, какъ только услышитъ, что ему собираются благодѣтельствовать.

[1]) „Politique naturelle“ часть, I. стр. 128.

стей, полезности и заслугъ каждаго гражданина... Если бы было установлено, что каждый будетъ пользоваться могуществомъ и почетомъ соразмѣрно своей добродѣтели, и почетъ будетъ рости пропорціонально совершенствованію человѣка, между людьми не было бы иного соперничества, кромѣ соревнованія въ заботахъ объ общемъ счастіи" [1]). И у него основаніемъ власти служитъ „естественный авторитетъ благодѣтеля надъ получившимъ благодѣяніе", хотя его „гипотеза не исключаетъ и строгой власти, которая сломитъ первоначальное отвращеніе" такихъ племенъ, которыя не захотятъ подчиниться разумнымъ совѣтамъ и наставленіямъ [2]).

Въ числѣ сторонниковъ „доктрины", обаяніе которой стремился разрушить Руссо, мы не разъ упоминали Мабли, хотя по очень распространенному мнѣнію онъ считается послѣдователемъ Руссо. Для этого мнѣнія можно, пожалуй, подъискать кое какія историческія основанія, но, во всякомъ случаѣ, ни тѣни—теоретическихъ. Въ основахъ своихъ общественныхъ взглядовъ, въ методѣ мышленія, онъ по меньшей мѣрѣ такъ же далекъ отъ Руссо, какъ и Гольбахъ.

Эклектикъ до мозга костей Мабли составляетъ свои пожеланія людямъ (именуемыя законами природы) изъ кусковъ, такъ же плохо согласованныхъ между собою, какъ и у Гольбаха, но при этомъ онъ заимствуетъ кое что,—скорѣе всего слова, пожалуй симпатіи, но ни въ какомъ случаѣ не идеи—между прочимъ, и у Руссо. Онъ тоже много толкуетъ о равенствѣ, но это совсѣмъ не то равенство, о которомъ говоритъ знаменитый женевецъ. По Мабли, природа съ самаго начала одарила людей такими же различными вкусами и талантами, какъ и у Гольбаха, но сдѣлала она это лишь съ цѣлью связать ихъ въ коммунистическое общество (заимствованное у Морелли), въ которомъ равные, могущіе обходиться другъ безъ друга люди не такъ легко заняли бы назначенныя имъ мѣста. Въ отличіе отъ Морелли, полагавшаго, что люди могли бы подчиниться законамъ природы, и лишь сомнѣвавшагося въ томъ, чтобы они пожелали это сдѣлать, Мабли былъ убѣжденъ, что уничтоженіе ча-

---

[1]) „Code de la Nature" стр. 28.

[2]) Ibid. стр. 63.

стной собственности уже невозможно. Разъ она существуетъ, ее слѣдуетъ считать основой порядка и строго охранять ея права. Несчастія древнихъ республикъ произошли именно оттого, что права собственности не были тамъ достаточно священны [1]).

Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ стремиться по возможности къ осуществленію видовъ провидѣнія, обуздывая въ законодательномъ порядкѣ противящіяся имъ страсти. Въ особенности ужасна жадность, „une passion furieuse", причиняющая наибольшее зло. Бороться съ нею въ самомъ ея источникѣ было бы вредно. Нельзя мѣшать пріобрѣтенію богатствъ и ихъ накопленію, но Мабли думаетъ, что было бы очень полезно мѣшать ихъ расходованію. Законъ долженъ строго регламентировать мебель, квартиры, столъ, прислугу, одежду: „пренебрегши чѣмъ нибудь, вы оставляете дверь открытой. Чѣмъ строже регламентація, тѣмъ менѣе опасности будетъ представлять неравенство богатствъ"... [2]). Богатые, не надѣясь отличиться роскошью, будутъ искать лучшихъ путей для пріобрѣтенія значенія; бѣдные будутъ менѣе унижены, не видя проявленій недоступной имъ роскоши. „Когда бѣдный будетъ доволенъ своей бѣдностью, и богатый не найдетъ никакой выгоды въ своемъ богатствѣ, а добродѣтель будетъ приносить человѣку больше пользы и доставлять ему больше почета, чѣмъ титулы и богатства"... это будетъ служить лучшимъ признакомъ того, что законы сообразуются съ видами природы [3]).

Но кто же будетъ издавать всѣ эти надоѣдливые для богатыхъ законы? Не народъ во всякомъ случаѣ. Къ демократіи Мабли относится такъ же враждебно, какъ и Гольбахъ, онъ полагаетъ, что „народъ всегда презираетъ тѣ законы, которые самъ постановитъ" [4]). Въ другомъ мѣстѣ онъ

---

[1]) „De la legislation ou principes des lois" стр. 91. „Oeuvres", изданіе 1789 г.

[2]) Ibid. стр. 113.

[3]). Ibid. стр. 84. Эта мысль очень понравилась Робеспьеру, часто повторявшему ее въ своихъ рѣчахъ: „Мы хотѣли лишь сдѣлать бѣдность почетной". „Владѣйте своими презрѣнными богатствами". „Аристидъ не позавидуетъ Крезу" и проч.

[4]) Стр . 244. „De la legislation".

утверждаетъ даже, что въ демократіи законы не могутъ быть обязательны для разумныхъ гражданъ.

Но „деспотизма“, хотя бы и „легальнаго“, Мабли тоже не желаетъ и въ своемъ возраженіи Мерсье-де-ла-Ривьеру противопоставляетъ этому деспотизму „смѣшанное правленіе“, которое „предупредитъ злоупотребленія или излишества какъ власти, такъ и свободы“ [1]). Въ статьѣ же „О законодательствѣ“ онъ предлагаетъ вручить законодательную власть „людямъ, которыхъ каждое изъ сословій выберетъ въ свои представители“ [2]). Они будутъ, по его мнѣнію, „естественно стремиться заслужить расположеніе своихъ довѣрителей“. Но почему Мабли надѣется, что въ переполненномъ „бѣшеной“ жадностью мірѣ въ представители попадутъ люди, расположенные ее обуздывать, или какимъ образомъ, взявшись ее обуздывать, они заслужатъ расположеніе своихъ жадныхъ довѣрителей, издавъ противъ нихъ такіе несносные законы (даже пообѣдать не дадутъ по вкусу! Столъ регламентируютъ!)—это остается не выясненнымъ.

IV.

Какъ Мабли, Морелли, такъ и физіократы нерѣдко употребляютъ, совершенно въ томъ же смыслѣ, вмѣсто слова: „природа“,—слова „Божество“, „Провидѣніе“. Здѣсь дѣло не въ однихъ выраженіяхъ. Идея природы, предписывающей людямъ правила общественнаго устройства и личной морали (двѣ области, которыя философы старались объединить), была въ теоретическомъ отношеніи дѣйствительно видоизмѣненіемъ прежняго понятія о волѣ Божества и въ то же время попыткой распространенія на область положительнаго законодательства и морали того общаго измѣненія критерія истины, которое совершалось въ другихъ областяхъ знанія:

---

[1]) „Doutes proposés aux philosophes“ стр. 215.

[2]) Стр. 244. Не желаетъ „легальнаго деспотизма“ и Гольбахъ Предоставивъ монархамъ „царствовать подобно богамъ“ посредствомъ наградъ и наказаній, онъ въ то же время желаетъ и представительства, но подъ вліяніемъ физіократовъ предлагаетъ надѣлить правомъ голоса при выборахъ однихъ землевладѣльцевъ.

въ понятіяхъ о происхожденіи и устройствѣ вселенной, о свойствахъ матеріи и проч.

Въ общемъ можно сказать, что въ теченіе среднихъ вѣковъ все, что нужно было людямъ знать, какъ объ этихъ отвлеченныхъ для нихъ предметахъ, такъ и о велѣніяхъ Божества относительно ихъ собственной жизни, почерпалось ими изъ записаннаго преданія и писаній отцовъ церкви. Если индивидуальная мысль прорывалась за эти предѣлы, то это было исключеніемъ, легко превращавшимся въ преступленіе. Существованіе извѣстнаго текста служило рѣшающимъ моментомъ, несомнѣннымъ ручательствомъ, что такъ именно слѣдуетъ думать о данномъ предметѣ, что такова именно воля Божія.

Также точно и въ области гражданскаго права существованіе такого-то обычая, которому слѣдовали отцы, такого-то акта, которымъ они обязались дѣлать то-то и то-то, служило несомнѣннымъ ручательствомъ справедливости, законности этихъ дѣйствій, преступности и постыдности уклоненія отъ нихъ. И эти акты и обычаи также связывали сильныхъ міра сего, какъ и трудящуюся массу.

Съ теченіемъ вѣковъ смыслъ какъ текстовъ писанія, такъ и обычаевъ, постепенно измѣнялся, приноравливаясь къ измѣнившимся условіямъ существованія, но измѣнялся такъ медленно, такъ непроизвольно, что эти измѣненія не проникали въ сознаніе, и для каждаго поколѣнія мысль и воля отцовъ оставались рѣшающимъ авторитетомъ въ области общаго міросозерцанія, нравственности и права. Но уже задолго до занимающей насъ эпохи индивидуальная мысль и воля принялись подтачивать со всѣхъ сторонъ опиравшійся на преданіе и обычаи средневѣковый строй. Формально, офиціально и тексты, и обычаи продолжали пользоваться общимъ признаніемъ. Но, съ одной стороны, личная, индивидуальная мысль завладѣла толкованіемъ текстовъ, съ другой стороны, они все чаще и чаще молчаливо отбрасывались въ сторону при всякихъ разсужденіяхъ. Въ области же права въ половинѣ XVIII вѣка во Франціи только тотъ не извращалъ, не нарушалъ, не передѣлывалъ въ свою пользу старыхъ обычаевъ, у кого не хватало на это матеріальной силы или предпріимчивости. Дѣйствительнаго же уваженія къ нимъ у всего просвѣщеннаго дворянства и буржуазіи

оставалось не больше, чѣмъ уваженія къ текстамъ у іезуитовъ.

Философы XVIII вѣка открыто возстали, наконецъ, при помощи голландскихъ книгопечатень, противъ всѣхъ текстовъ и всякихъ ссылокъ на мнѣніе отцовъ, во всѣхъ областяхъ знанія. Но если въ области природовѣдѣнія для открытія истинныхъ законовъ природы слѣдовало изучать существующее, если въ этой области для устраненія ложной, невѣжественной мысли отцовъ достаточно было противопоставить ей *то, что есть*, то въ области права, политики и морали этого было недостаточно. Здѣсь мысль отцовъ воплотилась въ самихъ фактахъ, кристаллизовалась въ законахъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ. Презираемая всѣми просвѣщенными людьми, эта застывшая мысль продолжала тѣмъ не менѣе извращать жизнь, стѣснять дѣятельность. Въ этой области *то, что есть*, не можетъ соотвѣтствовать законамъ природы, оно соотвѣтствуетъ лишь невѣжеству и предразсудкамъ. Въ этихъ нелѣпыхъ законахъ и обычаяхъ истинные законы мудрой природы выражаются такъ же мало, какъ выражались они въ средневѣковомъ объясненіи движенія небесныхъ тѣлъ. А между тѣмъ, чтобы быть достойными вѣчной мудрости и не составлять какого-то нелѣпаго исключенія,—какъ законы государствъ, такъ и правила морали должны настолько же удовлетворять просвѣщенный разумъ, какъ удовлетворяетъ его философія Ньютона. Поэтому въ сферѣ „наукъ нравственныхъ и политическихъ" законы природы могутъ быть узнаны не столько изъ изученія того, что есть, сколько изъ размышленія надъ тѣмъ, что должно быть. Надо придумать систему законовъ, соотвѣтствующую вѣчной мудрости, выражающейся какъ въ движеніи небесныхъ тѣлъ, такъ и въ устройствѣ организмовъ, и вычеркнуть изъ существующаго все, противорѣчащее этой мудрости. „Не могло же Провидѣніе связать человѣческаго счастія съ жадностью и честолюбіемъ", говорилъ Мабли. „Не могла же природа предписать людямъ обставлять свое производство такими условіями, при которыхъ получается всего меньше продукта", говорили физіократы. Надо придумать самый полезный сводъ законовъ, и его достоинства будутъ ручаться за то, что его предписала сама природа. Это превращеніе законовъ природы, изъ законовъ,

которые она „налагаетъ сама на себя“, въ повелѣнія разумнымъ существамъ, придавало природѣ характеръ провидѣнія даже у атеистовъ.

Относительно Руссо, деистическихъ воззрѣній котораго мы въ этомъ очеркѣ касаться не будемъ, замѣтимъ теперь же, что, хотя по его убѣжденію міръ въ своемъ законченномъ совершенствѣ и со своими неизмѣнными законами былъ устроенъ сознательной волей, но эта воля, одаривъ людей способностью измѣняться и измѣнять окружающее, въ самый ходъ этихъ измѣненій не вмѣшивается, предоставивъ его взаимодѣйствію между неизмѣнными законами природы и измѣняющимися усиліями людей вырывать у нея ея дары. Такимъ образомъ, въ историческихъ идеяхъ Руссо совершенно отсутствуетъ понятіе о провидѣніи, о какихъ бы то ни было планахъ и цѣляхъ „Природы“ по отношенію къ ходу исторіи. Въ исторіи и для исторіи природа какъ самихъ людей, такъ и окружающей ихъ организованной и неорганизованной матеріи является у него лишь тѣмъ матеріаломъ, надъ которымъ работалъ (портилъ его) „искусственный“, передѣлавшій себя „тиранъ“—человѣкъ. Дуалистъ въ области философіи, Руссо является монистомъ во взглядахъ на исторію и притомъ—какъ увидимъ дальше—несомнѣннымъ матеріалистомъ въ своемъ объясненіи процесса развитія человѣчества.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Взгляды Руссо на развитіе человѣчества.

I.

Тема Дижонской академіи, на которую Руссо писалъ свое „Разсужденіе о неравенствѣ“, заключала въ себѣ кромѣ вопроса о происхожденіи неравенства еще другой: о томъ, „одобряется ли оно (est elle autorisée) закономъ природы?“ Въ предисловіи къ произведенію, отвѣчавшему на эти вопросы, Руссо пытается выяснить, какъ слѣдуетъ, или вѣрнѣе, какъ не слѣдуетъ понимать выраженіе „законы природы“, по отношенію къ человѣческимъ обществамъ, и при этомъ мимоходомъ мѣтко характеризуетъ распространившійся въ то время способъ составленія такихъ законовъ.

„Римскіе юрисконсульты“, говоритъ онъ, „подчиняли закону природы безразлично какъ людей, такъ и всѣхъ остальныхъ животныхъ, потому что подъ этимъ закономъ они подразумѣвали не повелѣнія природы кому бы то ни было, а скорѣе тѣ законы, которые она налагаетъ сама на себя“. По отношенію къ людямъ и животнымъ „они употребляли, повидимому, слово *законъ* для выраженія общихъ отношеній, установленныхъ природой между всѣми живыми существами для ихъ общаго сохраненія [1]). Новѣйшіе писатели называютъ закономъ лишь правило, предписанное моральному, то есть разумному и свободному существу, разсматриваемому въ его отношеніяхъ съ другими существами;

---

[1]) Напр.: половыя отношенія, отношенія матерей къ дѣтямъ и т. п.

компетенція закона природы распространяется для нихъ поэтому лишь на животное, одаренное разумомъ, то есть на человѣка"... Но на этомъ ограниченіе компетенціи законовъ природы у новѣйшихъ писателей еще не останавливается. „Опредѣляя эти законы каждый по своему, они всѣ устанавливаютъ ихъ на принципахъ, до такой степени метафизическихъ, что даже между нами очень мало людей способныхъ, хотя бы только понять эти принципы, не говоря уже о возможности самимъ открыть ихъ. Такимъ обзомъ, всѣ опредѣленія этихъ ученыхъ людей, всегда противорѣчащія одно другому, сходятся лишь въ томъ, что закона природы нѣтъ никакой возможности понять, а слѣдовательно, и повиноваться ему, не будучи очень большимъ резонеромъ и глубокимъ метафизикомъ". Принимаясь за составленіе этихъ законовъ, ученые люди „начинаютъ съ пріискиванія полезныхъ правилъ, относительно которыхъ было бы желательно, чтобы люди пришли между собою къ соглашенію; а затѣмъ коллекціи этихъ правилъ дается названіе закона природы безъ всякихъ иныхъ доказательствъ его естественности, кромѣ предполагаемаго блага, которое произошло бы отъ введенія его во всеобщую практику. Вотъ по истинѣ очень удобный способъ сочинять опредѣленія и объяснять природу вещей посредствомъ почти произвольнаго понятія удобства. Но пока мы не знаемъ естественнаго человѣка, наше желаніе опредѣлить тотъ законъ, который онъ получилъ или который всего лучше соотвѣтствуетъ его организму, совершенно напрасно. Очень ясно для насъ относительно этого закона лишь то, что уже для того одного, чтобы онъ былъ закономъ, необходимо, чтобы люди могли знать его и согласились подчинять ему свою волю; для того-же, чтобы этотъ законъ могъ считаться еще и закономъ природы, необходимо кромѣ того, чтобы онъ и говорилъ людямъ непосредственнымъ голосомъ самой природы".

Такимъ непосредственнымъ голосомъ самой природы является для Руссо инстинктъ. Безпрекословно повинуясь ему, существуютъ всѣ животныя, существовалъ когда-то и человѣкъ.

Многіе философы, говоритъ Руссо во вступленіи къ тому же произведенію, разсуждали объ естественномъ состояніи

и, не колеблясь, приписывали людямъ въ этомъ состояніи понятіе о справедливости, собственности, власти. „Безпрестанно говоря о нуждѣ, жадности, угнетеніи, желаніяхъ и гордости, они переносили въ естественное состояніе идеи, взятыя ими изъ общественной жизни: говорили о дикарѣ, а рисовали цивилизованнаго человѣка".

Руссо думалъ, наоборотъ, что нельзя иначе представить себѣ естественнаго, повинующагося лишь голосу природы человѣка, какъ взявъ его до начала его человѣческаго развитія. Было бы важно, по его мнѣнію, прослѣдить также тѣ физическія измѣненія, „которыя должны были происходить какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ устройствѣ человѣческаго тѣла по мѣрѣ того, какъ человѣкъ дѣлалъ изъ своихъ органовъ новое употребленіе и переходилъ къ новымъ родамъ пищи". Но для этого нѣтъ достаточныхъ данныхъ. „Сравнительная анатомія сдѣлала еще слишкомъ мало успѣховъ, наблюденія натуралистовъ еще слишкомъ неточны, чтобы можно было построить на такомъ основаніи солидныя разсужденія" [1]). Поэтому онъ вынужденъ предположить человѣка организованнымъ съ самаго начала такъ же, какъ и теперь.

„Отдѣливъ отъ этого существа... всѣ тѣ искусственныя свойства, которыя оно могло пріобрѣсти лишь путемъ долгаго прогресса... я вижу животное, менѣе сильное, чѣмъ одни, менѣе проворное, чѣмъ другія животныя, но въ общемъ организованное выгоднѣе всѣхъ" [2]). Оно живетъ въ лѣсу, питается древесными плодами, утоляетъ жажду изъ перваго попавшагося ручья, ночуетъ подъ тѣмъ же деревомъ, на которомъ пообѣдало, и вотъ всѣ его потребности удовлетворены. Оно не умѣетъ говорить, не знаетъ употребленія огня, не имѣетъ никакихъ орудій, кромѣ попадающихся подъ руки камней и палокъ. Въ одномъ изъ примѣчаній [3]) онъ разбираетъ свѣдѣнія, сообщаемыя путеше-

---

[1]) Начало I-ой части „Разсужденіе о неравенствѣ", а въ примѣчаніи (c) Руссо приводитъ аргументы за и противъ предположенія, что человѣкъ былъ когда-то четвероногимъ, и приходитъ къ заключенію, что, по всему вѣроятію, онъ былъ всегда двуногимъ.

[2]) Ibid.

[3]) Примѣчаніе „I" къ первой части „Разсужденія о нерав.".

ственниками объ орангутангахъ, понго и другихъ большихъ человѣкообразныхъ обезьянахъ, и приходитъ къ тому заключенію, что ихъ слишкомъ поспѣшили отнести къ породѣ обезьянъ, что это еще не доказано, и при болѣе точныхъ свѣдѣніяхъ они могутъ оказаться первобытными людьми, не подвергшимися еще никакому прогрессу.

Такіе первобытные люди были, по мнѣнію Руссо, настолько же равны между собою, какъ дикія животныя одной породы, и такъ же здоровы, какъ всѣ неприрученные и не преслѣдуемые человѣкомъ звѣри. Они имѣли острый слухъ, обоняніе и зрѣніе и были очень ловки, потому что, „не зная иныхъ орудій, кромѣ собственнаго тѣла, они дѣлали изъ него разнообразное употребленіе, къ которому мы, за отсутствіемъ упражненія, потеряли способность“ [1]:

Въ нравственномъ отношеніи первобытный человѣкъ одаренъ двумя чувствами, независимыми отъ развитія разума даже и у современныхъ людей, изъ которыхъ одно: чувство себялюбія, служащее для сохраненія индивидуума, заставляетъ его удовлетворять свои потребности и избѣгать страданій, другое-же, необходимое для сохраненія рода, чувство естественной жалости, наблюдаемое даже у животныхъ, вызываетъ тяжелое ощущеніе при видѣ чужихъ страданій и мѣшаетъ сильному дикарю отнять пищу у слабаго, у ребенка, разъ онъ можетъ достать ее въ другомъ мѣстѣ. Изъ этихъ двухъ чувствъ, непосредственно внушаемыхъ самой природой, развились и всѣ добрыя чувства людей и всѣ ихъ злыя свойства. „Хотя быть можетъ Сократу и подобнымъ ему умамъ свойственно черезъ разумъ достигать добродѣтели, но родъ человѣческій давно исчезъ бы, если бы его сохраненіе зависѣло лишь отъ разсужденій тѣхъ, изъ кого онъ состоитъ“, замѣчаетъ мимоходомъ Руссо по адресу своихъ современниковъ, склонныхъ приписывать все хорошее, что случалось съ человѣческимъ родомъ, разсужденіямъ его членовъ, а дурное—недостатку таковыхъ.

Изъ естественной жалости развилось, по мнѣнію Руссо, все то, что люди называютъ добродѣтелью. „Что составляетъ“, спрашиваетъ онъ, „сущность великодушія, милосердія, че-

---

[1] „Разсужд. о нерав.“ часть I.

ловѣколюбія, какъ не состраданіе въ его различныхъ примѣненіяхъ къ слабымъ, къ виновнымъ или ко всему человѣческому роду?“ [1]).

Въ первобытномъ состояніи жалость является не добродѣтелью, а простымъ инстинктомъ, но въ такомъ же неразвитомъ состояніи находится и себялюбіе. Въ свирѣпую, всепоглощающую страсть оно развилось лишь вмѣстѣ съ ростомъ цивилизаціи.

Первобытные люди, по предположенію Руссо, питались по преимуществу древесными плодами, орѣхами, желудями и жили въ лѣсахъ, изобилующихъ этого рода пищей. При такихъ условіяхъ драки за нее не могли быть часты, а если и случались, то дѣло кончалось легко и быстро, такъ какъ въ него не замѣшивались чувства гордости и униженія, представленія о собственности и справедливости. „Они смотрѣли на насиліе, которое имъ случалось испытать, какъ на легко поправимое зло, а не какъ на оскорбленіе, требующее наказанія, и не знали иной мести, кромѣ мгновенной, машинальной, какъ у собаки, кусающей брошенный въ нее камень“.

Кровожадная мстительность, замѣченная у современныхъ дикарей и внушившая нѣкоторымъ писателямъ поспѣшный выводъ относительно природной жестокости человѣка, могла, по мнѣнію Руссо, явиться лишь въ результатѣ цѣлаго ряда успѣховъ и уже значительнаго развитія.

Джонъ Морлей неправъ, утверждая въ своей книгѣ о Руссо, будто большая половина „Разсужденія о неравенствѣ“ посвящена фантастическому изображенію жизни людей въ естественномъ состояніи. Положительныя утвержденія, что люди въ этомъ состояніи жили такъ-то и такъ-то, занимаютъ, наоборотъ, незначительную часть книги, большая же часть ея посвящена не столько прямому изображенію, сколько опроверженію чужихъ изображеній и доказательствамъ полнѣйшей невозможности для первобытныхъ людей тѣхъ бѣдствій, которыя, по основанному на аналогіи предположенію, должны были испытывать бѣдняки, лишенные знаній, промышленности, законовъ, опредѣляющихъ ихъ права, и попечительнаго начальства, ихъ охраняющаго.

---

[1]) „Разсужд. о неравенствѣ“ часть I.

Руссо старательно доказываетъ, что отсутствіе всѣхъ этихъ благъ не причиняло страданій первобытнымъ людямъ. Дикая лошадь сильнѣе и здоровѣе прирученной, несмотря на отсутствіе удобствъ конюшни. Пока люди размножались въ жаркомъ климатѣ, даже отсутствіе одежды и жилища, не говоря уже о всемъ прочемъ, не было для нихъ лишеніемъ. Нельзя желать того, о чемъ не имѣешь никакого понятія. „Если я вѣрно понимаю слово несчастный (misérable)“, говоритъ Руссо, „оно не можетъ означать ничего иного, кромѣ мучительныхъ лишеній, страданій тѣлесныхъ или душевныхъ: если такъ, то пусть же мнѣ объяснятъ, какого рода несчастія могли терзать свободное существо съ спокойнымъ сердцемъ и здоровымъ тѣломъ... Ничто, наоборотъ, не могло бы быть несчастнѣе дикаря, плѣненнаго блескомъ просвѣщенія, терзаемаго страстями, разсуждающаго о положеніи, отличающемся отъ своего“ [1]). Современный человѣкъ въ положеніи дикаря былъ бы несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ, но въ томъ-то и дѣло, что дикарь не имѣлъ понятія о положеніи, отличномъ отъ своего, не зналъ ни просвѣщенія, ни страстей,—а одни инстинкты.

„Я слышу постоянныя утвержденія, что сильные (при отсутствіи законовъ и властей) угнетали слабыхъ. Но растолкуйте же мнѣ, проситъ Руссо, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ угнетеніе. Положеніе, при которомъ одни насильственно господствуютъ, а другіе стонутъ, подчиняясь ихъ произволу? Это именно то, что я вижу у насъ, но не могу понять, въ какомъ смыслѣ можно говорить объ угнетеніи у дикарей, которымъ даже растолковать было бы очень трудно, что значитъ подчиненіе и господство. Одинъ можетъ отнять у другого сорванные имъ плоды, пойманную добычу, можетъ прогнать его изъ его убѣжища, но какими способами заставитъ онъ его повиноваться себѣ? Какія цѣпи зависимости могутъ существовать между людьми, ничѣмъ не владѣющими? Сгонятъ меня съ одного дерева, вся бѣда ограничится тѣмъ, что придется перелѣзть на другое; мучатъ меня въ одномъ мѣстѣ, кто помѣшаетъ мнѣ уйти подальше?“. Если бы даже нашелся силачъ, которому вздумалось бы

[1]) „Разсужд. о неравенствѣ“ часть I.

насильно заставить другого дикаря доставлять себѣ пищу, ему пришлось бы для этого ни на минуту не разставаться со своимъ плѣнникомъ и сторожить его, не спуская глазъ, т. е. взять на себя большій трудъ, чѣмъ тотъ, отъ котораго онъ хотѣлъ избавиться. „Безполезно было бы", продолжаетъ Руссо, „растягивать эти подробности: каждому должно быть ясно, что такъ какъ узы порабощенія образуются лишь изъ взаимной зависимости людей, изъ связывающей ихъ нужды другъ въ другѣ, то нельзя поработить человѣка, не поставивъ его предварительно въ такое положеніе, при которомъ онъ лишенъ возможности обходиться безъ другого. Отсутствіе такого положенія въ естественномъ состояніи оставляетъ всѣхъ свободными и не допускаетъ господства наиболѣе сильныхъ" [1]).

II.

Какъ ни широко распространено то мнѣніе, что Руссо „идеализировалъ" первобытнаго человѣка и рисовалъ «фантастическія картины» его блаженства [2]), онъ тѣмъ не менѣе самымъ добросовѣстнымъ образомъ рисовалъ звѣря, правда, звѣря, избавленнаго ото всѣхъ бѣдствій, терзавшихъ современныхъ французовъ, но все же звѣря, которому не приписывалъ ровно ничего такого, что звѣрю было бы несвойственно, что можно было бы отнять у орангутанга.

Но у счастливаго звѣря было одно специфическое свойство, которое постепенно выдѣлило его изъ ряда другихъ

---

[1]) Ibid.

[2]) Это мнѣніе досталось намъ, повидимому, въ наслѣдство отъ современныхъ Руссо парижанъ, привыкшихъ къ той мысли, что разъ дѣло идетъ о чьемъ нибудь счастьи, то это уже само по себѣ является приглашеніемъ для французовъ завести его у себя. Въ качествѣ же практическаго проекта для парижанъ, изображенія Руссо были дѣйствительно „фантастичны". Съ другой стороны, мысль Руссо искать въ жизни животныхъ данныхъ для представленія о человѣкѣ раньше первыхъ открытій и изобрѣтеній была слишкомъ нова и осталась непонятой его современниками. Вѣдь первобытный человѣкъ сведенъ на положеніе звѣря лишь въ наше время, лишь во второй половинѣ XIX-го вѣка. Если Вольтеръ объявлялъ бразильцевъ существами не доразвившимися еще до человѣка, то представлялъ онъ ихъ себѣ все же въ родѣ современныхъ ему французовъ изъ низшихъ классовъ,

животныхъ. Это свойство заключается не въ умѣ собственно, а въ способности не повиноваться инстинкту, въ способности «хотѣть или, вѣрнѣе, выбирать» независимо отъ внушеній природы. «Всякое животное имѣетъ представленія, такъ какъ имѣетъ органы чувствъ; до извѣстной степени оно даже комбинируетъ свои представленія: въ этой области человѣкъ отличается отъ животнаго лишь въ количественномъ отношеніи. Нѣкоторые философы утверждаютъ даже, что между отдѣльными людьми различія этого рода значительнѣе, чѣмъ между иными людьми и нѣкоторыми животными. Не въ умѣ, слѣдовательно, заключается специфическое отличіе человѣка отъ животнаго, а въ свободѣ воли. Природа повелѣваетъ всѣмъ животнымъ, и звѣрь повинуется. Человѣкъ тоже чувствуетъ ея внушенія, но онъ сознаетъ свою свободу подчиняться этимъ внушеніямъ или сопротивляться имъ... Но если трудности, окружающія эти вопросы, оставляютъ нѣкоторое мѣсто для спора, то есть другое специфическое отличіе человѣка отъ животнаго, относительно котораго не можетъ быть сомнѣнія: это способность совершенствоваться, которая при помощи обстоятельствъ постепенно развиваетъ всѣ другія его способности и свойственна какъ индивидууму, такъ и всему человѣческому роду; тогда какъ животное черезъ нѣсколько мѣсяцевъ становится тѣмъ, чѣмъ будетъ въ теченіе всей жизни, а его порода въ концѣ тысячелѣтія остается такою, какою была въ первый годъ этого тысячелѣтія... Печально быть выну-

---

олько еще бѣднѣе и невѣжественнѣе. А для бѣдняка, лишеннаго даже той хижины, тѣхъ лохмотьевъ, какими пользовался французскій крестьянинъ, для невѣжды, знающаго меньше любого поденщика, первобытный человѣкъ, изображенный Руссо, былъ дѣйствительно и слишкомъ счастливъ и недостаточно золъ—словомъ „идеализированъ“.

Читателю припомнятся, быть можетъ, дикари, произносящіе въ діалогахъ и иныхъ полубеллетристическихъ произведеніяхъ XVIII-го вѣка очень мудрыя рѣчи и отличающіеся отъ философовъ только отсутствіемъ одежды. Но такіе дикари на ряду съ китайцами, персіянами и проч. выводились въ большинствѣ случаевъ вовсе не въ серьезъ, не ради ихъ самихъ, а лишь для посрамленія ихъ невинными устами суевѣрій и предразсудковъ. Пріемъ былъ такъ удобенъ въ виду условій печати (я, молъ, не отвѣчаю за дикаря, не озареннаго свѣтомъ истиннаго ученія), что къ нему прибѣгалъ и самъ Вольтеръ.

жденнымъ признать эту отличительную и почти безграничную способность человѣка источникомъ всѣхъ его несчастій, признать, что именно она силою времени постепенно вывела его изъ первобытнаго спокойнаго и невиннаго состоянія и, взростивши въ теченіе вѣковъ его познанія и заблужденія, его пороки и добродѣтели, сдѣлала его въ концѣ долгаго развитія тираномъ и себя самого и всей природы" [1]).

Руссо, видимо, склоненъ думать, что способность совершенствоваться заключается именно въ способности сопротивляться голосу инстинкта; не желая, однако, останавливаться на спорномъ метафизическомъ вопросѣ о свободѣ воли, онъ прямо указываетъ на результатъ, на совершившееся усовершенствованіе.

Но способность совершенствоваться не могла, по мнѣнію Руссо, начать дѣйствовать въ человѣкѣ сама собою. Ее могли разбудить лишь внѣшніе импульсы, лишь препятствія, встрѣченныя людьми въ удовлетвореніи своихъ естественныхъ, общихъ съ другими животными, потребностей. Даже значительно усовершенствовавшійся человѣческій родъ продолжалъ развиваться лишь подъ дѣйствіемъ своихъ тоже развивавшихся потребностей. Тѣмъ необходимѣе былъ этотъ импульсъ для начала развитія.

«Что бы ни говорили моралисты, человѣческій умъ многимъ обязанъ страстямъ, которыя, по общему признанію, тоже многимъ ему обязаны: подъ ихъ-то дѣйствіемъ и совершенствуется нашъ разумъ; мы стараемся знать лишь потому, что желаемъ пользоваться... Страсти же возникаютъ изъ нашихъ потребностей, а развиваются вслѣдствіе знаній, такъ какъ желать или бояться какого-нибудь предмета можно лишь или на основаніи составленнаго о немъ понятія, или подъ дѣйствіемъ простого физическаго импульса. Лишенный всякихъ познаній дикарь испытываетъ лишь страсти послѣдняго рода; его желанія равняются его физическимъ потребностямъ: единственныя извѣстныя ему въ мірѣ блага заключаются въ пищѣ, самкѣ и отдыхѣ, а единственныя бѣдствія въ боли и голодѣ... Мнѣ было бы не трудно, если бы

---

[1]) „Разсужд. о нер." часть I.

понадобилось, подтвердить эти мысли фактами и показать, что у всѣхъ націй міра умственный прогрессъ былъ строго пропорціоналенъ ихъ нуждамъ, даннымъ самой природой или навязаннымъ обстоятельствами, а слѣдовательно страстямъ, толкавшимъ ихъ къ удовлетворенію этихъ нуждъ. Я показалъ бы, что искусства зародились и распространились въ Египтѣ, вмѣстѣ съ разлитіемъ Нила, я прослѣдилъ бы ихъ прогрессъ въ Греціи, гдѣ они привились, разрослись и поднялись до небесъ среди скалъ и песковъ Аттики, не смогши укрѣпиться на плодородныхъ берегахъ Еврота; я замѣтилъ бы, что народы сѣвера вообще промышленнѣе южанъ, потому что имѣютъ меньше возможности обходиться безъ промышленности...» Но Руссо убѣжденъ, что, и «не прибѣгая къ сомнительнымъ свидѣтельствамъ исторіи» (а тогда они были дѣйствительно очень сомнительны), нельзя не видѣть, что, пока легко удовлетворялись ничтожныя потребности дикаря, все удаляло отъ него возможность развитія. «Онъ былъ слишкомъ далекъ отъ степени знанія, необходимой для того, чтобы пожелать знать больше... Не у него слѣдуетъ искать философіи, необходимой человѣку, чтобы умѣть наблюдать то, что видишь каждый день. Его душа, которую ничто не волновало, отдавалась лишь ощущеніямъ текущаго существованія безъ всякой мысли о будущемъ...» [1]). Но люди размножались. Пока природа давала, въ готовомъ видѣ, человѣку съ голыми руками все, что было ему нужно, этому человѣку не могло прійти въ голову «вооружаться, чтобы вырывать у нея дары». Но по мѣрѣ размноженія, по мнѣнію Руссо, очень сильнаго въ естественномъ состояніи, люди съ голыми руками начали встрѣчать различныя затрудненія.

Выйдя за предѣлы тѣхъ лѣсовъ, которые служили имъ первоначальнымъ жилищемъ, они могли быть вынуждены измѣнить свой образъ жизни. Продолжительныя зимы, лѣтнія засухи должны были заставить ихъ прибѣгнуть къ непривычнымъ родамъ пищи и привели къ первымъ изобрѣтеніямъ.

Удочки по берегамъ рѣкъ, лукъ и стрѣлы въ лѣсахъ, умѣнье поддерживать, а затѣмъ и воспроизводить огонь, вне-

---

[1]) Ibid.

сли уже множество недоступныхъ раньше понятій въ головы людей и закрѣпили ихъ превосходство надъ животными. Крики, жесты, звукоподражанія образовали зачатки языка. Множество вѣковъ понадобилось на первые, медленно слѣдовавшіе одни за другими успѣхи, которые, накопляясь, вели къ дальнѣйшему прогрессу. При помощи каменныхъ топоровъ люди выучились строить первыя жилища, приведшія къ образованію семьи, которую Руссо сразу же воображетъ соотвѣтствующей по размѣрамъ современной моногамической семьѣ. Досугъ, который должны были доставить людямъ съ такими ограниченными потребностями изобрѣтенныя ими орудія, повелъ къ изобрѣтенію новыхъ приспособленій, новыхъ удобствъ, безъ которыхъ обходились прежнія поколѣнія. «Это было первое ярмо, которое, не сознавая того, наложили на себя люди и первый источникъ бѣдствій, который они приготовили своимъ потомкамъ», такъ какъ эти новыя удобства, ослабивъ съ теченіемъ времени организмъ, «выродились въ насущныя потребности, неудовлетвореніе которыхъ вызывало страданія гораздо сильнѣйшія, чѣмъ доставляемое ими удовольствіе» [1]).

Жилище, семья, сношенія съ сосѣдями, которыя у людей, имѣвшихъ много досуга, должны были привести къ частымъ сборищамъ и играмъ, измѣнили первоначальный характеръ человѣка-животнаго. Онъ пріобрѣлъ уже нѣкоторыя нравственныя понятія, узналъ любовь и вражду, желаніе отличиться, самолюбіе и униженіе. Всякій, добровольно нанесенный однимъ человѣкомъ другому ущербъ пересталъ быть только ущербомъ, а превратился въ оскорбленіе, требующее мести—отсюда жестокость.

Тѣмъ не менѣе, пока люди могли еще, каждый независимо отъ другихъ, удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ; пока не изобрѣли еще производствъ, требующихъ содѣйствія многихъ; пока не дошли до открытія, что одному очень выгодно имѣть запасъ пищи на нѣсколькихъ, они оставались, по мнѣнію Руссо, свободными, счастливыми людьми, среди которыхъ равенство не потерпѣло еще никакихъ

---

[1]) „Разсужд. о нер.“ часть II.

серьезныхъ ущербовъ. Это „молодость“ человѣчества и въ то же время самая устойчивая ступень въ его развитіи.

Металлургія и земледѣліе были роковыми пріобрѣтеніями, сдвинувшими человѣчество съ этой ступени развитія, вынудившими его на непрестанный трудъ, „превратившими обширные лѣса въ смѣющіяся поля, поливаемыя человѣческимъ потомъ, на которыхъ скоро вмѣстѣ съ жатвами начали произрастать рабство и нищета... Желѣзо и хлѣбъ цивилизовали людей и погубили человѣческій родъ. Оба предмета были неизвѣстны дикарямъ Америки, поэтому они и оставались всегда дикарями; кажется даже, что другіе народы оставались на степени варварства, пока производили лишь одинъ изъ этихъ продуктовъ. И, быть можетъ, главнѣйшая причина, почему Европа была, если не раньше, то постояннѣе и полнѣе цивилизована, чѣмъ другія части свѣта, заключается именно въ томъ, что въ ней одновременно всего изобильнѣе встрѣчается желѣзо и всего лучше произрастаютъ зерновые хлѣба“ [1]).

Руссо думалъ, что въ принципѣ земледѣліе было извѣстно людямъ гораздо раньше, чѣмъ они начали практиковать его въ большихъ размѣрахъ. Трудно, постоянно имѣя дѣло съ растеніями, не замѣтить, наконецъ, какъ они произрастаютъ. Дикари могли даже, достигнувъ извѣстной степени искусства, сажать кое-какія сѣмена и корни около хижинъ. Но одного знанія не могло быть достаточно, чтобы побѣдить свойственное дикарямъ „смертельное отвращеніе къ продолжительному труду“, требуемому земледѣліемъ въ большихъ размѣрахъ, и ихъ безпечность относительно будущаго.

„Изобрѣтеніе другихъ искусствъ было, слѣдовательно, необходимо, чтобы вынудить человѣческій родъ къ земледѣлію. Когда понадобились люди для обработки желѣза, другіе люди должны были кормить ихъ. Чѣмъ многочисленнѣе становились первые, тѣмъ меньше оставалось рукъ, занятыхъ добываніемъ общей пищи, при прежнемъ количествѣ ртовъ для ея потребленія; и такъ какъ однимъ нужна была пища въ обмѣнъ за ихъ желѣзо, другіе нашли, наконецъ,

---

[1]) Ibid.

способъ употреблять желѣзо для увеличенія количества хлѣба" [1]).

Обработка земли необходимо вела за собою ея присвоеніе, хотя бы только до жатвы, но, повторяясь изъ года въ годъ, такое владѣніе легко превращается въ собственность.

Лишь при такомъ усложненіи человѣческихъ отношеній, лишь съ началомъ раздѣленія труда, съ началомъ обмѣна и собственности, болѣе сильные, ловкіе, хитрые получили возможность, трудясь не больше другихъ, извлекать изъ своихъ естественныхъ преимуществъ значительныя выгоды по сравненію съ остальными. „Такимъ образомъ, естественное неравенство постепенно развертывается вмѣстѣ съ неравенствомъ комбинацій, и различія между людьми, развиваясь подъ вліяніемъ различій въ обстоятельствахъ, становятся все болѣе чувствительными, ведутъ за собою болѣе постоянныя слѣдствія и начинаютъ все сильнѣе и сильнѣе влiять на судьбу отдѣльныхъ людей". [2]).

Когда населеніе страны, ставшей земледѣльческой, настолько размножилось, что не оставалось уже свободныхъ земель для захвата, среди имущаго населенія должно было образоваться неимущее, которое могло теперь получать средства существованія только отъ имущихъ: грабить ихъ или служить имъ. Къ грабежу шаекъ бѣдняковъ присоединились насилія богатыхъ, которые употребляли силы своихъ рабовъ на грабежъ и подчиненіе себѣ сосѣдей. Между правомъ силы и правомъ перваго захвата происходили непрерывныя столкновенія, разрѣшавшіяся лишь драками и убійствами.

Такая непрерывная борьба, отъ которой богатые терпѣли несравненно больше бѣдныхъ, рисковавшихъ только жизнью, тогда какъ первые рисковали и жизнью и имуществомъ, должна была привести къ учрежденію государства, по иниціативѣ богатыхъ. Тѣснимые необходимостью обезпечить свое вѣчно нарушаемое владѣніе, они должны были, наконецъ, прійти къ „мудрѣйшему проекту, когда либо представлявшемуся человѣческому уму", проекту, заключавшемуся въ томъ, чтобы превратить своихъ противниковъ въ защитни-

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

ковъ и охранителей, убѣдивъ ихъ заключить общій договоръ, гарантирующій каждому его имущество и личную безопасность отъ нападеній. „Таково было или должно было быть происхожденіе общества и законовъ, которые создали новые пути для слабыхъ, придали новыя силы богатымъ, безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда закрѣпили законъ собственности и неравенства, превратили ловкую узурпацію въ неотъемлемое право и въ пользу нѣсколькихъ честолюбцевъ подчинили труду, рабству и нищетѣ весь родъ человѣческій. Легко понять, какимъ образомъ установленіе одного общества сдѣлало необходимымъ установленіе и всѣхъ другихъ, вынужденныхъ объединяться чтобы противиться объединенной силѣ [1]).

Когда мы будемъ говорить о политическихъ взглядахъ Руссо, намъ придется еще возвратиться къ этой части „Разсужденія“, которое, по собственнымъ словамъ его автора, заключаетъ уже все, что есть смѣлаго въ „Contrat social“. Теперь замѣтимъ только, что, прервавъ безсознательный и неизбѣжный, хотя и обязанный своимъ происхожденіемъ свободѣ воли индивидуумовъ, процессъ развитія человѣчества и замѣнивъ его въ моментъ образованія государства едино-

---

[1]) Ibid. Замѣтимъ мимоходомъ, что мнѣніе, будто Руссо заставилъ дикарей изобрѣсти „Общественный договоръ“, такъ же невѣрно, какъ и большая часть повторяемыхъ о немъ мнѣній. Представленіе Руссо о происхожденіи государства было, конечно, ошибочно, но не эту сдѣлалъ онъ ошибку.

Періодъ дикости кончается, по Руссо, съ распространеніемъ обработки металловъ, которая вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими искусствами необходимо предшествовала, по его мнѣнію, распространенію земледѣлія, какъ главнаго источника пропитанія. Страна же, гдѣ впервые образуется государство, такъ давно и всецѣло перешла къ земледѣлію что въ ней нѣтъ уже свободныхъ земель. Неравенство, несовмѣстимое съ дикостью, проявляющееся лишь по мѣрѣ усложненія человѣческихъ отношеній вслѣдствіе развитія собственности, раздѣленія труда, обмѣна, въ данной странѣ уже такъ велико, что вынуждаетъ неимущихъ отдаваться въ рабство. Слѣдовательно, идею „общественнаго договора“ Руссо вложилъ не въ „плоскую голову дикаря“ (flat headed savage), какъ утверждаетъ Джонъ Морлей, а въ головы богачей уже очень развитой страны. Лишь по ея примѣру и изъ страха завоеванія перешли къ государственному строю также и такія племена, которыя были еще близки къ дикости, не утратили первобытнаго равенства и образовали изъ себя демократіи.

временнымъ осуществленіемъ „обдуманнаго проекта", Руссо тотчасъ же отдаетъ само образовавшееся государство во власть неизбѣжнаго развитія. Отъ добровольнаго соглашенія, заключавшагося лишь въ отказѣ отъ насилій и гарантіи каждому того, чѣмъ онъ владѣетъ въ данный моментъ, прогрессирующее государство неизбѣжно переходитъ къ устраненію народныхъ массъ, сперва—отъ участія въ управленіи, затѣмъ отъ законодательства. Правительство, почерпающее все большую и большую силу въ дальнѣйшемъ ростѣ неравенства и цивилизаціи, которому въ свою очередь содѣйствуетъ, становится, наконецъ, выше законовъ, вытекавшихъ изъ первоначальнаго соглашенія, и замѣняетъ ихъ произволомъ, возвращаясь тѣмъ самымъ къ простому праву силы, для обузданія котораго былъ заключенъ общественный договоръ.

„Чтобы понять необходимость этого прогресса", говоритъ Руссо, „нужно разсматривать не столько мотивы, приведшіе къ установленію политическаго общества, сколько тѣ формы, въ какихъ оно осуществляется и тѣ послѣдствія, какія ведетъ за собою, такъ какъ тѣ самые пороки, которые создаютъ необходимость общественныхъ учрежденій, создаютъ также и неизбѣжность злоупотребленія ими" [1]).

Сдѣлавшись необходимымъ, вслѣдствіе развитія неравенства, государство само развивается и въ свою очередь поддерживаетъ и усиливаетъ неравенство всей своей сконцентрированною силою. „Отъ общественнаго строя и роскоши, которую этотъ строй развиваетъ, плодятся искусства, свободныя и механическія, торговля, литература и всѣ эти ненужности (inutilités), отъ которыхъ процвѣтаетъ промышленность, богатѣютъ и гибнутъ государства". Причина этой гибели очевидна: „по мѣрѣ распространенія и процвѣтанія промышленности и искусствъ презираемый земледѣлецъ,

---

[1]) Ibid. Руссо неоднократно замѣчаетъ по различнымъ поводамъ, что писатели, разъ опредѣливши, чѣмъ должно быть то или другое наука, правительство, цивилизація, дальше разсуждаютъ такъ, какъ будто данное явленіе въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ тому, чѣмъ оно должно быть по ихъ мнѣнію. Замѣчаніе, какъ нельзя лучше подходящее къ разсужденіямъ русской литературы о благодѣтельности принципа, противоположнаго правилу: „laissez faire, laissez passer", о пользѣ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и проч. и проч.

отягощенный налогами, необходимыми для поддержанія роскоши, осужденный проводить всю жизнь между трудомъ и голодомъ, покидаетъ поля, чтобы искать въ городахъ того хлѣба, который долженъ бы туда нести. Чѣмъ больше восхищенія тупой публики вызываютъ столицы, тѣмъ сильнѣе должно бы сжиматься сердце при видѣ покинутыхъ деревень, запущенныхъ полей и большихъ дорогъ, наполненныхъ несчастными гражданами, ставшими нищими или ворами" [1]).

„Внимательный читатель", говоритъ Руссо въ концѣ „Разсужденія о неравенствѣ", пойметъ, что „человѣческій родъ одной эпохи не таковъ, какимъ онъ былъ въ другую, и что Діогенъ не находилъ человѣка потому, что искалъ между своими современниками человѣка прошедшей эпохи... Читатель объяснитъ себѣ, какъ, путемъ незамѣтныхъ измѣненій, стала иною самая, такъ сказать, природа человѣческой души и страстей; почему съ теченіемъ времени измѣнились объекты нашихъ потребностей и удовольствій; почему первобытный человѣкъ, исчезнувъ постепенно, уступилъ мѣсто обществу искусственныхъ людей съ искусственными страстями, не имѣющими дѣйствительныхъ основаній въ природѣ, но выработанными въ людяхъ всѣми этими новыми отношеніями".

Изъ существа, которое „пообѣдавши находилось въ мирѣ со всей природой" и ничего больше не искало, человѣкъ въ своей наиболѣе усовершенствованной части превратился въ существо, потребности котораго безграничны и никогда не могутъ быть удовлетворены вполнѣ. „Когда онъ имѣетъ необходимое, онъ стремится къ излишку; затѣмъ слѣдуютъ наслажденія, громадныя богатства, подчиненные, рабы; онъ не знаетъ ни минуты успокоенія. Въ особенности замѣчательно то обстоятельство, что, чѣмъ менѣе настоятельны и естественны потребности, тѣмъ больше страсти въ погонѣ за ихъ удовлетвореніемъ и, что всего хуже, тѣмъ больше могущества удовлетворять ихъ..." „Что же могло до такой степени извратить человѣка, какъ не измѣненія въ его положеніи, совершенный имъ прогрессъ, пріобрѣтенныя имъ знанія? Сколько бы ни восхищались человѣческимъ обще-

[1]) „Разсужд. о нер.", примѣч. „i".

ствомъ, отъ этого не измѣнится та истина, что оно вынуждаетъ людей ненавидѣть другъ друга въ той мѣрѣ, въ какой сталкиваются ихъ интересы, оказывать другъ другу кажущіяся услуги и дѣлать въ сущности всевозможное зло. Что можно думать о такихъ отношеніяхъ, гдѣ разумъ всякаго отдѣльнаго человѣка диктуетъ ему правила, прямо противоположныя той морали, которая публично проповѣдуется всему обществу (т. е. христіанской) и гдѣ каждый видитъ свою выгоду въ убыткахъ другого... гдѣ люди родятся врагами по обязанности и лицемѣрами изъ выгоды".

„Я замѣчаю" говоритъ Руссо въ другомъ мѣстѣ [1]), „что теперь мода на коротенькія положенія (petites maximes), прельщающія простаковъ своимъ лже-философскимъ видомъ и очень удобныя въ спорахъ, которые при помощи такихъ положеній можно заканчивать значительнымъ и важнымъ тономъ, не вдаваясь въ разсмотрѣніе самого содержанія вопросовъ. Таково положеніе: „люди всюду одарены одинаковыми страстями, всюду руководствуются самолюбіемъ и выгодой, слѣдовательно, люди всюду одинаковы". Полу-философъ дѣлаетъ изъ этого тотъ выводъ, что дикарь и цивилизованный европеецъ одинаковы въ нравственномъ отношеніи; человѣкъ же, внимательно всмотрѣвшійся въ сущность вопроса, увидитъ, что цивилизованный европеецъ не можетъ достигать своей выгоды безъ вреда для другихъ, что всѣ условія его существованія повелѣваютъ ему безпрерывно дѣлать зло". „Голосъ личной выгоды", продолжаетъ Руссо, «такъ же силенъ у дикарей, какъ и у европейцевъ, да говоритъ-то онъ имъ совсѣмъ другое... Слово *собственность*, стоющее столькихъ преступленій нашимъ честнымъ людямъ, не имѣетъ среди нихъ почти никакого смысла, между ними нѣтъ спорныхъ интересовъ... Дикарь легко можетъ совершить дурной поступокъ, но не можетъ привыкнуть дѣлать зло, потому что зло совершенно безполезно для него»...

III.

«Внимательнаго читателя», о которомъ мечталъ Руссо, когда писалъ свое «Разсужденіе о неравенствѣ», у него не

---

[1]) Въ предисловіи къ комедіи „Нарцисъ."

оказалось. Нѣсколько появившихся возраженій оспаривали это произведеніе лишь съ теологической точки зрѣнія, непримѣнимой къ нему по существу. «Во всей Европѣ», говоритъ Руссо въ «Исповѣди», «нашлось очень мало читателей, которые поняли «Разсужденіе о неравенствѣ», и изъ этихъ немногихъ никто не заговорилъ о немъ».

Охваченное желѣзнымъ кольцомъ совершенно иного строя мыслей, увѣренное, что для благоденствія человѣческихъ обществъ всего важнѣе выбрать самый разумный изъ предлагаемыхъ рецептовъ ихъ переустройства, французское общество пробѣжало «Разсужденіе о неравенствѣ» именно съ этой точки зрѣнія и, найдя рецептъ несерьезнымъ (не ходить же въ самомъ дѣлѣ парижанамъ на четверенкахъ!), отложило его въ сторону. Къ этому самому продуманному, но въ то же время и самому непригодному для извлеченія практическихъ совѣтовъ, произведенію Руссо продолжали относиться свысока даже и тогда, когда достигшая апогея слава его автора заставила говорить обо всемъ, имъ написанномъ.

Сужденія объ этомъ произведеніи всегда заключаютъ признаніе въ немъ «красотъ», «краснорѣчивыхъ страницъ» но его содержаніе упорно разсматривается съ точки зрѣнія выполнимости или даже желательности выполненія той мнимой программы, которую хотѣли въ немъ видѣть, несмотря на протесты самого Руссо и на очевидность безсмыслицы, приписываемой человѣку, котораго въ же время расхваливали за умъ.

Вотъ, напримѣръ, какую нотацію читаетъ только что умершему Руссо Лагарпъ въ «Mercure de France» отъ 5-го октября 1778 года: «Вмѣсто того, чтобы совѣтовать, ради уничтоженія злоупотребленій (рѣчь идетъ о собственности, государствѣ и проч.), уничтожить самое употребленіе, слѣдуетъ наоборотъ стараться реформировать злоупотребленія посредствомъ лучше понятаго употребленія. Такова задача истинной философіи, не той, которая ввела въ заблужденіе Руссо, когда онъ тратилъ столько искусства и ума на обоснованіе своихъ блестящихъ, но ложныхъ предположеній (въ «Разсужденіи о неравенствѣ»), а той, которая одушевляла его, когда онъ писалъ Эмиля». Въ заключеніе, Лагарпъ совѣтуетъ читателямъ «Разсужденія о неравенствѣ»

«не утруждать себя сущностью вопросовъ, а схватывать лишь тѣ красоты (les beautés), которыя встрѣчаются по пути».

Съ той же точки зрѣнія аргументируетъ и Мирабо, будущій ораторъ національнаго собранія, который еще при жизни Руссо, въ «Essai sur le Despotisme», говоритъ въ видѣ возраженія противъ «Разсужденія о неравенствѣ», что такъ какъ уничтожить общество невозможно, то слѣдуетъ просвѣщать его, вмѣсто того, чтобы доказывать, какъ это дѣлаетъ Руссо, что оно должно перестать существовать.

Совѣту Лагарпа не затрудняться, при чтеніи «Разсужденія о неравенствѣ», сущностью вопросовъ, а лишь пользоваться встрѣчающимися въ немъ красотами, видимо, послѣдовала и M-me de Staël, написавшая восторженную брошюру о Руссо. Выразивъ сперва удивленіе, какъ могъ писатель, отличавшійся такими знаніями и такимъ геніемъ, стремиться довести умъ и сердце человѣка до состоянія, близкаго къ животному, перейдя затѣмъ къ восторгу предъ его краснорѣчіемъ, посредствомъ котораго онъ умѣлъ внушать „справедливыя чувства ненависти къ пороку и любви къ добродѣтели“, она замѣчаетъ, что онъ въ своемъ «Разсужденіи» краснорѣчивъ лишь мѣстами, что онъ то поднимается въ немъ, то опускается, но умѣетъ наполнять „par des pensées ingènieuses les intervalles de son éloquence [1]).

Такимъ образомъ, страницы, на которыхъ Руссо излагаетъ свои идеи, казались Мадамъ-де-Сталь лишь умѣлымъ „наполненіемъ промежутковъ“ между краснорѣчивыми тирадами, возбуждавшими въ ней «чувства ненависти къ пороку и любви къ добродѣтели».

Но вернемся къ «промежуткамъ».

IV.

Отнесшись, какъ мы видѣли, въ предисловіи къ „Разсужденію о неравенствѣ» совершенно отрицательно къ новѣйшему способу составленія «законовъ природы», долженствующихъ служить руководствомъ для человѣческихъ обществъ,

[1]) „Lettres sur les écrits et le caract. de Rousseau“ изданіе 1814 г. стр. 6, 7 и 8. Первое изданіе этой брошюры появилось въ 1788 году.

Руссо уже болѣе не возвращается къ прямой полемикѣ противъ этого все шире разроставшагося понятія. У него встрѣчаются даже фразы, которыя не разъ истолковывались въ смыслѣ признанія существованія такихъ вѣчныхъ и обязательныхъ законовъ. Но формальное согласіе съ современниками по этому пункту всегда сопровождается у него категорическимъ отрицаніемъ всякаго значенія ихъ метафизическихъ законовъ для конкретныхъ человѣческихъ обществъ. Такъ, въ «Общественномъ договорѣ» мы находимъ такую тираду: «то, что хорошо и сообразно съ порядкомъ, является таковымъ по самой природѣ вещей, независимо отъ человѣческихъ договоровъ. Всякая справедливость исходитъ отъ Бога, онъ ея единственный источникъ; но если бы мы умѣли получать ее съ такой высоты, намъ не нужно было бы ни правительствъ, ни законовъ. Есть, конечно, всемірная справедливость, вытекающая изъ одного разума, но чтобы быть допущенной между нами, эта справедливость должна быть взаимной. Разсматривая же вещи съ человѣческой точки зрѣнія, законы справедливости не имѣютъ значенія между нами... Въ гражданскомъ обществѣ всѣ права опредѣляются закономъ положительнымъ. Но что же, наконецъ, значитъ слово *законъ?* Пока съ этимъ словомъ будутъ связывать лишь метафизическія идеи, до тѣхъ поръ будутъ продолжать разсуждать о немъ, не приходя къ соглашенію; и когда объявятъ, наконецъ, что такое законъ природы, это еще ни на шагъ не подвинетъ нашего знанія того, что такое законы государства?» [1]). И вслѣдъ затѣмъ Руссо даетъ свое дѣйствительно не метафизическое опредѣленіе законовъ государства, какъ выраженія общей воли всѣхъ гражданъ въ буквальномъ смыслѣ слова, безъ всякаго отношенія къ содержанію этихъ законовъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда больной Руссо, вернувшись изъ Англіи, нашелъ очень любезное гостепріимство у физіократа маркиза де-Мирабо и, по настойчивому требованію хозяина (самъ Руссо считалъ себя въ это время не въ правѣ писать, а поэтому и читать, «чтобы не будить своихъ заснувшихъ идей»), взялъ для прочтенія знаменитую книгу Мерсье-де-ла-Ривьера, онъ въ письмѣ къ восхищавшемуся

---

[1]) Книга II, глава VI, озаглавленная „О законѣ“.

книгой маркизу обращаетъ главное вниманіе на вопросъ объ «очевидности» законовъ, ручавшейся, по мнѣнію физіократовъ, за то, что рекомендуемый ими «деспотизмъ» будетъ подчиняться велѣніямъ «Природы».

«Мнѣ кажется», пишетъ Руссо, «что ни естественные, ни политическіе законы никогда не могутъ быть очевидны иначе, какъ въ абстракціи. Въ примѣненіи къ опредѣленному государству, состоящему изъ столькихъ различныхъ элементовъ, эта очевидность неизбѣжно исчезаетъ. Государственная наука является лишь наукой комбинацій, примѣненій, исключеній, смотря по времени, мѣсту и обстоятельствамъ» [1]). Поставить законы выше людей кажется ему задачей такой же неразрѣшимой, какъ найти квадратуру круга.

Но если Руссо очень скупъ на прямыя заявленія своего мнѣнія о смыслѣ, вложенномъ современными ему писателями въ слово «естественный» въ его примѣненіяхъ къ человѣческимъ обществамъ, то тѣмъ опредѣленнѣе и разностороннѣе развиваетъ онъ свое собственное понятіе о естественномъ, во многихъ отношеніяхъ противоположное господствовавшему.

По господствовавшему понятію, которое мы пытались очертить въ первой главѣ, «естественность» въ области «морали и политики» почти совпадала съ просвѣщенностью, разумностью, полезностью.

Руссо, какъ мы видѣли, называетъ естественнымъ то состояніе, въ которомъ люди жили прежде, чѣмъ начали «вооружаться, чтобы вырывать у природы ея дары». Съ самыхъ первыхъ открытій и изобрѣтеній, съ первыхъ орудій, сдѣланныхъ самимъ человѣкомъ, начинается постепенное, сперва медленное, затѣмъ все ускоряющееся измѣненіе «естественнаго состоянія» въ искусственное, созданное самимъ человѣческимъ родомъ въ процессѣ его развитія; при чемъ человѣкъ пріобрѣталъ не одно лишь искусство и знаніе, создалъ не одну лишь свою матеріальную и моральную обстановку—вещи и учрежденія, а пересоздалъ и себя самого, свои потребности, чувства, свое отношеніе къ другимъ людямъ, «самое, такъ сказать, природу человѣческой души и страстей».

---

[1]) Письмо къ маркизу де-Мирабо отъ 26 іюля 1767 г.

Что его опредѣленіе понятія «естественный», хотя болѣе объективное и конкретное, чѣмъ понятіе его противниковъ, имѣетъ тѣмъ не менѣе лишь относительное значеніе, вѣрно лишь съ извѣстной «человѣческой» точки зрѣнія, это Руссо и самъ отлично зналъ.

Въ своемъ возраженіи на статью женевскаго ученаго Шарля Боннэ, утверждавшаго, что, такъ какъ общественная жизнь является непосредственнымъ результатомъ способностей человѣка и, слѣдовательно, его природы, то относиться къ ней отрицательно значитъ не желать, чтобы человѣкъ былъ человѣкомъ и возставать противъ дѣла самого творца, Руссо отвѣчаетъ, что и по его мнѣнію общественная жизнь такъ же естественна для человѣческаго рода, какъ старость для индивидуума, а искусства, законы правительства такъ же нужны для него, какъ костыль для старика. Вся разница въ томъ, что старость индивидуума вытекаетъ единственно изъ его природы, развитіе же человѣческаго рода вытекаетъ изъ его природы не непосредственно, а лишь при помощи извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть или не быть или по меньшей мѣрѣ, могутъ прійти раньше или позже и могутъ, слѣдовательно, ускорить или замедлить прогрессъ. Правильно понятый оптимизмъ («tout est bien» Попа), по мнѣнію Руссо, ровно ничего не говоритъ ни за ни противъ его собственной теоріи. Оптимизмъ учитъ лишь, что все, что существуетъ во вселенной, необходимо для существованія цѣлаго. Есть общества, значитъ нужно, чтобы они были; нѣтъ,—значитъ нужно, чтобы ихъ не было. Но понятія добра и зла выводятся изъ отношеній между вещами и непримѣнимы къ ихъ природѣ. Совершенство цѣлаго мірозданія ничуть не препятствуетъ частному злу являться самымъ реальнымъ зломъ для тѣхъ, кто отъ него страдаетъ.

И дѣйствительно, съ точки зрѣнія необходимости всего существующаго, которой Руссо не оспаривалъ, никакая, классификація явленій человѣческой жизни на естественныя и неестественныя не имѣетъ смысла. Если же заниматься такой классификаціей,—а ею была полна литература,—то нельзя возражать съ точки зрѣнія необходимости или совершенства всего существующаго на предложенное Руссо противопоставленіе естественнаго—искусственному, обязан-

наго своимъ происхожденіемъ одной природѣ—созданному самимъ человѣкомъ.

Но этотъ простой смыслъ, вложенный Руссо въ слово „естественный“, отнималъ у него всю его практическую цѣнность, устранялъ претензіи разума открывать „законы природы“, примѣнимые къ человѣческимъ обществамъ. Какъ ни прекрасно все естественное, но именно потому, что оно естественно, оно и невозможно для передѣлавшихъ себя людей. Вернуться къ первобытному состоянію невозможно не только для современнаго цивилизованнаго человѣка, но даже для дикаря, не знающаго еще ни земледѣлія, ни обработки металловъ, но уже привыкшаго къ употребленію огня, каменныхъ орудій, стрѣлъ и грубыхъ жилищъ. И не только возвращеніе назадъ невозможно для начавшаго развиваться человѣчества, но невозможно было, по изображенію самого Руссо, оставаться въ первобытномъ состояніи и звѣрю-человѣку, не переставъ быть довольнымъ, удовлетворяющимъ всѣ свои потребности звѣремъ.

Съ различныхъ сторонъ, подробно и обстоятельно доказавъ въ первой части „Разсужденія о неравенствѣ“, что ничто, кромѣ препятствій, встрѣченныхъ человѣкомъ при удовлетвореніи своихъ животныхъ потребностей, не могло разбудить его умственныхъ способностей, его изобрѣтательности, Руссо во второй части „Разсужденія“ указываетъ въ размноженіи причину того, что человѣкъ съ голыми руками встрѣтилъ, наконецъ, эти препятствія. Размноженіе же, какъ въ „Разсужденіи о неравенствѣ“, такъ и въ другихъ произведеніяхъ Руссо, не разъ фигурируетъ въ качествѣ вѣрнѣйшаго признака и необходимаго слѣдствія удвлетворенія потребностей.

Въ произведеніяхъ Руссо много фразъ, которыя, взятыя въ отдѣльности, легко поддаются всевозможнымъ толкованіямъ, но поддаются онѣ имъ лишь для людей, знакомыхъ съ ними по цитатамъ, или для читателей, которые, по совѣту Лагарпа, не затрудняются сущностью вопросовъ, а интересуются лишь „красотами“ и добродѣтелью. Такова знаменитая фраза, которою начинается вторая часть „Разсужденія о неравенствѣ“. Она цитировалась и цитируется безчисленное множество разъ и въ видѣ отдѣльной цитаты получаетъ тотъ смыслъ, будто, по мнѣнію Руссо, собственность

возникла лишь благодаря ошибкѣ, недогадливости современниковъ перваго человѣка, присвоившаго себѣ клочекъ земли, что обличи они этого перваго собственника, и человѣчество было бы избавлено отъ послѣдовавшихъ бѣдствій. Такая постановка вопроса совершенно входитъ въ кругъ идей просвѣтитетелей XVIII вѣка и утопистовъ XIX, но противорѣчитъ всему способу мышленія Руссо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, дотаточно дочитать до конца ту самую страницу, изъ которой берутся знаменитыя строчки. Онѣ нужны были Руссо, чтобы оттѣнить громадное значеніе собственности въ развитіи человѣчества и причинную зависимость возникновенія государства отъ развитія собственности. Подчеркнувъ свою мысль яркой фразой, Руссо тотчасъ же опровергаетъ тотъ смыслъ, который она могла бы имѣть въ отдѣльности. „Но, по всему вѣроятію, въ это время дѣло дошло уже до того, что вещи не могли оставаться въ прежнемъ положеніи: вѣдь идея собственности сформировалась не сразу. Ея возникновеніе зависѣло отъ множества предшествующихъ идей, которыя не могли зарождаться иначе какъ въ постепенной послѣдовательности: нужно было совершить большой прогрессъ, пріобрѣсти много промышленности и знаній и передавать ихъ, увеличивая въ теченіе долгаго ряда поколѣній, прежде чѣмъ дойти до этого послѣдняго предѣла естественнаго состоянія“.

Оговорившись такимъ образомъ, Руссо намѣчаетъ затѣмъ тѣ успѣхи и изобрѣтенія, которые шагъ за шагомъ должны были неизбѣжно привести къ возникновенію собственности, а затѣмъ и государства.

Взгляды Руссо вносили въ пониманіе исторіи идею развитія, совершающагося путемъ пріискиванія, изобрѣтенія и распространенія новыхъ способовъ удовлетворенія потребностей,—развитія, въ которомъ каждый шагъ, кромѣ непосредственнаго результата, даетъ множество побочныхъ и, закрѣпившись „силою времени“, измѣняетъ самихъ людей: ихъ мысли, чувства и взаимныя отношенія.

То исключительное, по преимуществу книжное культивированіе разума высшихъ классовъ, которое главнымъ образомъ занимаетъ другихъ философовъ XVIII вѣка, когда они говорятъ о развитіи, является у Руссо лишь позднимъ результатомъ уже сильно развившагося неравенства.

V.

Въ „Разсужденіи о неравенствѣ“ Руссо изложилъ свой взглядъ на вѣроятный ходъ развитія человѣческаго рода, взятаго какъ цѣлое. Изъ другихъ произведеній мы можемъ составить себѣ понятіе о его взглядѣ на условія, ускорявшія развитіе отдѣльныхъ частей этого, такъ неравномѣрно прогрессировавшаго, цѣлаго.

Въ каждомъ обособленномъ человѣческомъ обществѣ самостоятельный процессъ развитія долженъ былъ совершаться, по мнѣнію Руссо, крайне медленно, встрѣчая могучаго противника въ національныхъ нравахъ, обычаяхъ, понятіяхъ и закрѣпляющей все это національной религіи, какими были всѣ языческія и еврейская. Такіе, выросшіе вмѣстѣ съ народомъ, нравы и обычаи обладаютъ громадной устойчивостью и препятствуютъ возникновенію въ его средѣ новыхъ, неосвященныхъ обычаемъ, способовъ достигать обогащенія. Самые законы такихъ народовъ, совпадая съ обычаями, такъ же мало измѣняются и нарушаются какъ и обычаи. Поэтому уже съ давнихъ временъ главнѣйшей силой, выводящей отсталые народы изъ ихъ неподвижнаго состоянія, являются международныя сношенія, знакомящія ихъ съ нравами, обычаями, потребностями и изобрѣтеніями сосѣднихъ народовъ. Науки, „просвѣщеніе“ придаютъ въ новѣйшей Европѣ иностранному вліянію небывалую быстроту и силу, вслѣдствіе той легкости, съ какою онѣ вытравляютъ въ высшихъ слояхъ отсталыхъ странъ всякое уваженіе къ нравамъ и обычаямъ своей невѣжественной родины и тѣмъ развязываютъ имъ руки на всякіе новые способы обогащенія.

Свой взглядъ на значеніе національныхъ нравовъ. и на разрушительное дѣйствіе иностраннаго вліянія вообще и просвѣщенія въ частности, Руссо впервые ясно высказалъ въ маленькомъ полемическомъ произведеніи, напечатанномъ въ 1753 году, въ видѣ предисловія къ комедіи „Нарциссъ“

Читатель замѣтитъ, быть можетъ, что *въ первый разъ* Руссо писалъ объ этихъ вопросахъ гораздо раньше въ своемъ „Разсужденіи“ на заданную Дижонской академіей тему: „Содѣйствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ очи-

щенію нравовъ?" Но дѣло въ томъ, что въ этомъ первомъ „Разсужденіи" трудно найти какія бы то ни было мысли, что бы то ни было, кромѣ декламаціи. Самъ его никогда не отличавшійся скромностью авторъ говоритъ [1]) объ этомъ произведеніи, что оно „едва посредственно... совершенно лишено логики и порядка"; что изъ всего имъ написаннаго оно „самое слабое по мысли, самое бѣдное относительно мѣры и гармоніи". „Но", добавляетъ въ свое извиненіе Руссо, „съ какимъ бы талантомъ ни родился человѣкъ, онъ не можетъ сразу выучиться писать".

„Разсужденіе", дѣйствительно, состоитъ почти сплошь изъ похвалъ добродѣтели, которая носитъ здѣсь по преимуществу военный характеръ, и изъ ничего не объясняющихъ, иногда наивныхъ по своему субъективизму, порицаній цивилизаціи [2]). Поэтому, если бы судить объ умственныхъ способностяхъ Руссо на основаніи его біографіи, написанной г. Южаковымъ, въ которой о содержаніи „Разсужденія о вліяніи наукъ и искусствъ" говорится больше, чѣмъ объ „Разсужденіи о неравенствѣ", „Общественномъ договорѣ" и „Эмилѣ", вмѣстѣ взятыхъ, то пришлось бы вполнѣ согласиться съ авторомъ біографіи, сообщающимъ намъ, что Руссо былъ „натура болѣе эмоціональная, нежели интеллектуальная", „болѣе художникъ, нежели мыслитель", „художникъ

---

[1]) Въ заявленіи, предпосланномъ первому „Разсужденію", въ собраніи сочиненій, вышедшемъ при жизни автора.

[2]) Однимъ изъ главныхъ ея прегрѣшеній выставляются здѣсь изученныя манеры, приличія и любезность, мѣшающія различать среди людей, составляющихъ изъ себя свѣтское общество, добродѣтельныхъ отъ порочныхъ и друзей отъ враговъ. Одинъ изъ оппонентовъ Руссо замѣтилъ ему на это, что принимать хорошія манеры за добродѣтель, а любезность за дружбу, конечно, не слѣдуетъ, но что никто и не впадаетъ въ такую ошибку.

Люди, съ дѣтства вращавшіеся въ свѣтскомъ обществѣ, дѣйствительно не смѣшивали этихъ вещей, и Вольтеръ никогда не ошибался въ друзьяхъ. Но Руссо, попавшій въ него очень поздно, да и то на особомъ положеніи, ошибался на каждомъ шагу и принималъ любезное любопытство за дружбу до тѣхъ самыхъ поръ, когда, ударившись въ противоположную крайность, началъ видѣть повсюду однихъ враговъ.

и проповѣдникъ", отличавшійся главнымъ образомъ тѣмъ, „что французы называютъ le sublime [1]).

Но за четыре года, отдѣляющіе „Предисловіе къ Нарциссу" отъ перваго „Разсужденія", Руссо вдумался въ тотъ вопросъ, относительно котораго сперва сумѣлъ выразить только чувства, овладѣлъ своимъ талантомъ и выучился писать.

Замѣтивъ въ началѣ этого „Предисловія" (ничего, впрочемъ, общаго съ комедіей „Нарциссъ" не имѣющаго), что въ теченіе всей полемики, вызванной „Разсужденіемъ о вліянии наукъ и искусствъ", его противники опровергали и прекрасно опровергли лишь то, чего онъ не говорилъ, а именно, будто невѣжество неразлучно съ добродѣтелью, и будучи возстановлено во Франціи, должно превратить всѣхъ французовъ въ честныхъ людей, Руссо продолжаетъ: „Среди людей существуютъ тысячи источниковъ развращенія, и хотя науки представляютъ, быть можетъ, самый изобильный и быстрый изъ нихъ,—онъ далеко не единственный... Все, что облегчаетъ сношенія между различными націями, портитъ нравственность, разрушая старые обычаи"... Въ средневѣковой Европѣ, которую противники Руссо приводили въ примѣръ порочности при невѣжествѣ, нравы были уже расшатаны задолго до возрожденія наукъ и искусствъ. „Варварскія племена, разрушившія римскую имперію, смѣшиваясь съ римлянами и между собою, неизбѣжно теряли при этомъ свои первоначальные, своеобразные нравы и обычаи (перестали быть германцами Тацита, древними франками и проч.).

[1]) Біограф. библіот. Ф. Павленкова, стр. 47, 49, 53, 54. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что г. Южаковъ лишаетъ Руссо названія мыслителя, лишь дойдя въ своемъ изложеніи до періода его литературной дѣятельности. Зато въ первой главѣ, повторивъ отъ своего имени сдѣланное Жоржъ Зандъ (въ предисловіи къ одному изъ изданій „Исповѣди") раздѣленіе великихъ людей на дѣятелей и мыслителей, г. Южаковъ, вслѣдъ за Жоржъ Зандъ, зачисляетъ Руссо въ послѣднюю категорію и въ концѣ этой вступительной главы обѣщаетъ „постараться по возможности оттѣнить душевный процессъ, нарисовавшій намъ во весь ростъ благородную фигуру великаго мыслителя", (стр. 17). „Нашимъ мыслителемъ" (стр. 45) Руссо остается еще и во второй главѣ, посвященной его дѣтству и молодости, и превращается въ „натуру болѣе эмоціональную, нежели интеллектуальную" лишь принявшись, наконецъ, за литературную дѣятельность.

Крестовые походы, торговля, открытіе Индіи, путешествія и другія причины, которыхъ я не хочу называть [1]), разрушали нравы Европы... Не науки, слѣдовательно, сдѣлали все зло... Имъ спеціально принадлежитъ главнымъ образомъ способность украшать зло, придавать ему нѣкоторый видъ честности"... Цивилизованной Европѣ, Франціи въ особенности, науки, по мнѣнію Руссо, не могли уже причинить никакого вреда, но народу, сохранившему цѣльные, прочные нравы, науки могутъ сдѣлать громадное зло: „Догматическія сентенціи ученыхъ людей скоро научили бы его презирать обычаи и законы своей страны, а такое презрѣніе неразлучно съ испорченностью. Малѣйшее измѣненіе обычаевъ, будь оно даже полезно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, всегда вредно въ нравственномъ, такъ какъ нравственность народа—это его обычаи. Какъ только онъ перестаетъ уважать ихъ, у него уже нѣтъ другого руководства, кромѣ страстей, другой узды, кромѣ законовъ, которые могутъ иногда сдерживать злыхъ, но никогда не дѣлаютъ ихъ добрыми. Къ тому-же, разъ философія научила людей презирать свои обычаи, они скоро выучиваются обходить и законы".

А по какимъ бы причинамъ народъ ни утратилъ свою нравственность, т. е. цѣльные, прочные, одинаковые для всего населенія нравы и обычаи, онъ, по мнѣнію Руссо, уже никогда не можетъ возвратиться къ нимъ; начавшееся развращеніе будетъ продолжаться съ большей или меньшей быстротою.

Въ своихъ наброскахъ проекта законовъ для Корсики, Руссо конкретно, на историческомъ примѣрѣ швейцарцевъ до и послѣ борьбы за независимость, бѣгло очерчиваетъ выступленіе отсталаго народа на путь прогресса или развращенія, подъ вліяніемъ сношеній съ сосѣдями.

Въ прежнее время, разсказываетъ онъ, въ гористой Швейцаріи каждая семья, отдѣленная на зиму отъ остального міра снѣгами и всегда потоками, сама производила все для себя необходимое: всѣ были каменьщиками, плотниками, столярами и сами дѣлали свои незатѣйливые экипажи.

Такая семья была совершенно независима не только

[1]) Вслѣдствіе условій печати. „Нарциссъ" печатался во Франціи.

отъ внѣшняго міра, но даже отъ ближайшихъ сосѣдей. Ей не было надобности заключать съ ними иныхъ контрактовъ, кромѣ брачныхъ.

Это былъ бѣдный [1]) народъ, но у него не было неудовлетворенныхъ потребностей. Они не могли бы опредѣлить, что такое добро или справедливость, но были добры и справедливы. Одинаковость образа жизни всего населенія замѣняла ему законы.

Геройская борьба за независимость, изъ которой швейцарцы вышли побѣдителями, положила начало ихъ развитію и развращенію. До этой борьбы они знали только свои горы да избы, борьба и побѣда открыла для нихъ цѣлый міръ. Пріобрѣтенная ими репутація чрезвычайной храбрости внушила сосѣднимъ правительствамъ стремленіе привлекать ихъ на свою службу. Тамъ познакомились они съ жизнію развитыхъ странъ, узнали цѣну денегъ и тогда только замѣтили, что бѣдны. У выдающихся людей между швейцарцами проснулась предпріимчивость, явилось честолюбіе. Они начали устраивать на своей родинѣ различныя промышленныя предпріятія, заводить торговыя сношенія. Все это поставило ихъ въ зависимость и другъ отъ друга, и отъ правительства.

Дѣйствительная бѣдность, т. е. нужда, лишенія, появилась въ Швейцаріи лишь вмѣстѣ съ деньгами, которыя внесли разнообразіе въ источники существованія гражданъ и неравенство въ ихъ имущественное положеніе [2]). Деньги

[1]) То есть *бѣдный* въ общеупотребительномъ смыслѣ слова. Руссо же не разъ замѣчаетъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ, что бѣдность и богатство—это явленія, обусловливающія другъ друга. Гдѣ нѣтъ богатыхъ, тамъ нѣтъ и бѣдныхъ, а также и наоборотъ: безъ бѣдныхъ не можетъ быть богатыхъ.

[2]) Интересно сравнить этотъ взглядъ Руссо на зависимость нравственности народа отъ неизмѣнности всѣхъ условій его существованія со взглядомъ Г. И. Успенскаго на ея зависимость отъ „власти земли". „Народъ, который мы любимъ... до тѣхъ поръ сохраняетъ свой могучій и кроткій типъ, покуда надъ нимъ царитъ *власть земли*... Разъ онъ дѣлаетъ такъ, какъ *велитъ* его хозяйка—земля, онъ ни за что не отвѣчаетъ... онъ ни въ чемъ не виноватъ: а главное, какое счастье не выдумывать себѣ жизни, не разыскивать интересовъ и ощущеній... вѣковѣчный трудъ—это и есть жизнь и интересъ жизни" (От. З. 1882 г. № 1). Оторвавшись отъ земли, попавши служить на вокзалъ, въ примѣрѣ г. Успенскаго, крестьянинъ мгновенно теряетъ свою

сдѣлались могучимъ средствомъ наживы, недоступнымъ для неимущихъ. Въ то же время промышленность и торговля, отвлекши населеніе отъ земледѣлія и заставивъ сосредоточиться въ опредѣленныхъ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ, лишили его возможности обходиться безъ чужихъ, пріобрѣтаемыхъ лишь за деньги, продуктовъ. Деньги, ко-

нравственность, для него „настаетъ душевная пустота, полная воля". Но эти „пустота" и „воля" появляются и въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ, не покидая земледѣлія, тутъ же находитъ выгодный заработокъ (нанявшись прессовать сѣно, зарабатываетъ больше, чѣмъ на своемъ надѣлѣ), или только вводитъ новыя выгодныя отрасли въ свое допотопное хозяйствованіе („выпоитъ теленка—продастъ за сорокъ цѣлковыхъ")—уже отъ одного этого онъ „балуется". Морализирующее дѣйствіе имѣетъ не само земледѣліе, а лишь традиціонное, *обычное* хозяйствованіе безъ всякой возможности сравненія или выбора. „Народъ—это тотъ человѣкъ, который, по изгнаніи изъ рая непокорнаго собрата, предпочелъ остаться тамъ... Сказано: не касайся древа—онъ и не касается... довольствуясь *готовымъ* умомъ природы... Какъ созданіе божіе только, онъ превосходенъ, красивъ и совершененъ, вотъ какъ это развѣсистое дерево, этотъ кленъ, но если маленькій топоръ валитъ огромный дубъ, который валится и падаетъ безъ ропота, то и нашего крестьянина также валитъ всякая малость.. Рубль, свистъ машины и глядишь—образчикъ будущаго развалился прахомъ" („Безъ своей воли". О. З.—82 г. № 2).

Въ такія эпохи, въ такихъ странахъ, гдѣ всѣ отрасли экономической жизни надолго застаивались на извѣстной ступени развятія, въ опредѣленные нравственно и умственно законченные типы складывались не земледѣльцы только, но и ремесленники, даже торговцы или воины. И они жили „готовымъ умомъ", „ни за что *не отвѣчая*, ничего *не придумывая*", а лишь „слушаясь" вѣкового обычая. И по всей Европѣ именно „рубль" (денежное хозяйство) расшаталъ и извратилъ всѣ законченные, сложившіеся въ теченіе среднихъ вѣковъ традиціонные типы, а „свистъ машины" окончательно вымелъ изо всѣхъ уголковъ нравственнаго и умственнаго міра европейцевъ все традиціонное, законченное, святое. На нашего крестьянина, этого послѣдняго представителя традиціоннаго типа въ сферѣ дѣйствія европейской цивилизаціи, сразу въ полномъ развитіи своей энергіи набросились обѣ разрушительныя силы: и „рубль" и „свистъ машины"... Подъ этотъ „свистъ" уже не складывается, не можетъ складываться ни традиціонныхъ нравственныхъ типовъ, ни традиціонныхъ мыслей. Люди попрежнему, конечно, повинуются своей „хозяйкѣ"—экономической необходимости, слушаются тѣхъ условій, при которыхъ живутъ, какъ слушался крестьянинъ „хозяйки-земли". Но дѣло въ томъ, что въ былыя времена хозяйка цѣлыми вѣками твердила почти одно и то-же. Люди поэтому до такой степени приноравливались къ

рыстолюбіе сдѣлалось преобладающей страстью швейцарцевъ [1]).

VI.

Смѣшеніе точки зрѣнія Руссо съ противоположной „интеллигентной" точкой зрѣнія, распространявшейся въ то время среди его современниковъ, долго жившей затѣмъ среди потомства и теперь сохранившейся въ цѣлости лишь среди части русскихъ писателей и читателей, вызывало и вызываетъ то похвалы, то обвиненія Руссо за то, что онъ будто бы въ примѣненіи къ дѣйствительности отступаетъ отъ своихъ „идеальныхъ принциповъ": въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ „требуетъ" слишкомъ многаго, за то въ другихъ „дѣлаетъ уступки" и готовъ иной разъ удовольствоваться чистѣйшими пустяками. Намъ случалось даже не разъ встрѣчать такое изображеніе хода развитія Руссо. Въ началѣ онъ требовалъ естественнаго состоянія, „хлопоталъ" о возвращеніи въ лѣса („Разсужденіе о неравенствѣ"), затѣмъ согласился удовлетвориться демократической республикой („Общественный договоръ"), а, состарѣвшись,

---

духу ея приказаній, что съ дѣтства и до смерти каждую минуту наизусть знали, чего имъ ждать, чего желать, какъ поступать, и въ каждой группѣ населенія всѣ ея члены знали одно и то-же. Теперь же хозяйка кричитъ на разные голоса, безпрерывно мѣняетъ свои приказанія, даетъ все новыя и новыя. Принаровить къ нимъ разъ навсегда свой нравственный міръ отдѣльному человѣку страшно трудно, знать наизусть ничего нельзя, надо выбирать и „придумывать" каждому для себя. Неизвѣстно и то, какъ поступятъ съ тобой сосѣди, вѣдь и они слушаются не одинаковаго для всѣхъ обычая, а текущихъ внушеній усложнившихся экономическихъ условій. Исчезнувъ изъ сферы добыванія средствъ къ жизни, традиція исчезаетъ и изъ другихъ сферъ, до увеселеній включительно. Надо „наполнять себя нравственно чѣмъ попало". Но среди этого разноголосаго хаоса личной выдумки, ради личной наживы, необходимость создала обширный классъ людей, лишенныхъ всякой возможности заниматься личной выдумкой, ради личной карьеры. Знать наизусть и имъ ничего нельзя, но выдумывать пролетаріи могутъ лишь сообща.

[1]) Oeuvres et corresp. inédites de J. J. Rousseau publiées par G. Streckeisen-Moultou. Paris 1861 г. Отъ 77 до 81 стр.

сдѣлавшись практичнымъ, онъ примирился съ польской конституціей и уже ничего большаго не требовалъ.

Съ точки зрѣнія всесилія „идей“ и ихъ носительницы—интеллигенціи, признавать зломъ или добромъ то или другое явленіе человѣческой жизни равносильно, конечно, предъявленію требованія къ „образованному обществу“ или „просвѣщенному правительству“ заняться уничтоженіемъ зла и водвореніемъ добра. Но Руссо не зналъ такого блага, которое, будучи благомъ на одной ступени развитія, не становилось бы невозможностью или не превращалось бы въ зло—на другой, а кромѣ того не допускалъ и возможности для какого бы то ни было облеченнаго законодательной властью меньшинства, въ особенности же для просвѣщеннаго, устраивать благо всего населенія данной страны. Поэтому, разсматривая взгляды Руссо съ интеллигентной точки зрѣнія [1]), въ нихъ нельзя найти ничего, кромѣ сплошного противорѣчія, никакого сколько нибудь связнаго смысла, который не былъ бы совершенно произвольно вложенъ въ нихъ самимъ изслѣдователемъ. Но, принимая во вниманіе точку зрѣнія самого Руссо, нельзя не видѣть, что его дальнѣйшія произведенія не только не заключаютъ въ себѣ отказа отъ идей, высказанныхъ въ „Разсужденіи о неравенствѣ“, а являются, наоборотъ, развитіемъ этихъ идей въ примѣненіи къ отдѣльнымъ сторонамъ жизни. Его политическіе взгляды, въ частности, находятся въ такой тѣсной зависимости отъ его теоріи постепеннаго измѣненія нравственности—„человѣческой души и страстей“—путемъ развитія способовъ удовлетворенія потребностей совершенствующимся человѣчествомъ, что мы считаемъ необходимымъ еще разъ остановиться на этихъ взглядахъ прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію „Общественнаго договора“.

Мы видѣли уже, что къ общепризнанному природному чувству всякаго животнаго—себялюбію, заставляющему его удовлетворять свои потребности, Руссо прибавляетъ такое

---

[1]) Образцомъ противорѣчивыхъ безсмыслицъ, которыя удается открыть въ нихъ съ этой точки зрѣнія, можетъ служить краткое резюме взглядовъ Руссо, сдѣланное г. Карѣевымъ. Мы приводимъ его ниже (гл. третья, IV).

же инстинктивное чувство естественной жалости, внушающее индивидууму стремленіе удовлетворять ихъ съ возможно меньшимъ вредомъ для себѣ подобныхъ.

Все развитіе человѣчества совершилось подъ дѣйствіемъ перваго чувства. Препятствія, встрѣченныя человѣкомъ, удовлетворявшимся готовыми продуктами природы, разбудили его способности и заставили вооружаться, чтобы вырывать у нея ея дары. Пріискивая и создавая все новыя и новыя средства удовлетворенія своихъ потребностей, люди попутно пересоздавали и самихъ себя.

Въ началѣ, пока человѣкъ могъ добывать все для себя нужное независимо отъ другихъ людей и направлялъ свои усилія лишь на подчиненіе себѣ внѣшней природы и главнымъ образомъ остальныхъ животныхъ, его успѣхи еще не мѣшали ему „достигать своей пользы съ возможно меньшимъ вредомъ для другихъ", а начавшееся развитіе ума и воображенія побуждало его искать общества этихъ другихъ, ради доставляемаго имъ удовольствія, игръ и увеселеній. Но постепенно человѣкъ начинаетъ нуждаться въ другихъ людяхъ ради удовлетворенія своихъ потребностей. Когда „одному человѣку стало выгодно имѣть запасъ пищи на нѣсколькихъ", когда возникла собственность и среди имущаго населенія появилось неимущее, самъ человѣкъ превратился для другихъ людей въ одно изъ средствъ и, наконецъ—для цивилизованныхъ людей,—въ единственное средство удовлетворенія ихъ потребностей. „Дикари", замѣчаетъ Руссо, „преслѣдуютъ лишь звѣрей, которыми питаются. Но мы, которымъ необходима цивилизованная жизнь, уже не можемъ не ѣсть людей" [1]).

Люди попрежнему стремятся лишь къ удовлетворенію своихъ потребностей; къ безполезному для себя злу они по прежнему чувствуютъ отвращеніе, но область зла, необходимаго для удовлетворенія почти безграничныхъ потребностей цивилизованнаго человѣка, разрослась до громадныхъ размѣровъ.

„Человѣкъ добръ отъ природы, лишь наши учрежденія дѣлаютъ людей злыми",—это изреченіе, въ которомъ, по

---

¹) „Эмиль", книга V, послѣдній отдѣлъ „Les voyages".

мнѣнію г. Южакова [1]), „сжато и точно формулированъ основной нервъ истины“, „апостоломъ“ которой былъ Руссо, принадлежитъ къ той дюжинѣ фразъ знаменитаго женевца, которая вотъ уже второе столѣтіе извѣстна всему читающему міру. Но въ эту фразу, какъ почти во всякую краткую формулировку слишкомъ сложнаго содержанія, можно вложить самый различный смыслъ; въ ней съ одинаковымъ правомъ можно выразить взгляды на нравственность Гольбаха, Морелли или физіократовъ [2]). Споръ между ними возникъ бы лишь о томъ, какова именно была природная доброта человѣка, какія учрежденія дѣлаютъ его злымъ, а отчасти и о смыслѣ слова: злой.

Категорически, въ формѣ предписанія, Руссо въ „исповѣди“ выразилъ свой взглядъ на нравственность слѣдующимъ образомъ. „Великое правило нравственности, быть можетъ единственное, пригодное на практикѣ, заключается въ томъ, чтобы избѣгать такихъ положеній, при которыхъ наши обязанности сталкиваются съ нашей выгодой и наша польза зависитъ отъ чужого вреда. Можно быть увѣреннымъ, что въ такомъ положеніи, какъ бы искренно ни любилъ человѣкъ добродѣтель, онъ рано или поздно опустится, самъ того не замѣчая, и сдѣлается несправедливымъ и злымъ на дѣлѣ, не переставъ быть добрымъ и справедливымъ въ душѣ“. Руссо говоритъ далѣе, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался въ глубокой основательности своей философіи нравственности и старался „съ различныхъ сторонъ, различными способами показать ее читателямъ во всѣхъ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, но легкомысленная публика не сумѣла ее замѣтить въ нихъ“ [3]).

Что „человѣкъ добръ отъ природы“, это, по Руссо, только

---

[1]) „Ж. Ж. Руссо“. Біогр. библ. Ф. Павленкова, ст. 50.

[2]) Что люди злы отъ природы и лишь абсолютная власть способна удерживать ихъ отъ взаимнаго истребленія,—это утверждалъ Гоббсъ, но всѣ современники Руссо съ негодованіемъ отвергли „гоббизмъ“. Что люди родятся порочными, учила церковь, основываясь на догматѣ грѣхопаденія. Но ужъ изъ того одного, что такъ учила католическая церковь, можно бы a priori заключить, что всѣ вліятельные писатели второй половины XVIII вѣка должны были придерживаться обратнаго мнѣнія.

[3]) „Исповѣдь“, часть I, книга II.

то и значитъ, что онъ не склоненъ къ злу для зла, чувствуетъ къ нему отвращеніе всегда, когда не заинтересованъ въ немъ, и, наоборотъ, все доброе нравится ему само по себѣ. Онъ ненавидитъ добро лишь тогда, когда оно ему вредно. У людей, принадлежащихъ къ верхнимъ слоямъ цивилизованнаго общества, польза которыхъ зависитъ исключительно отъ чужого вреда и вынуждаетъ ихъ быть несправедливыми и злыми на дѣлѣ, любовь къ добру, чувство состраданія могутъ свободно проявляться лишь въ областяхъ, не соприкасающихся съ ихъ реальными интересами. Потерявъ свою непосредственность, это чувство направляется по другимъ каналамъ, услужливо предлагаемымъ искусствомъ въ фиктивныхъ объектахъ для состраданія и наукой въ разсужденіяхъ объ общемъ благѣ, въ различныхъ системахъ морали и проч. „Это естественное чувство", говоритъ Руссо, „такъ сильно, что окончательно уничтожить его не могутъ самые испорченные нравы, и въ нашихъ театрахъ ежедневно умиляются и проливаютъ слезы надъ страданіями несчастныхъ такіе люди, которые, будь они на мѣстѣ тирана пьесы, мучили бы своихъ враговъ хуже его самого, подобно кровожадному Суллѣ, чрезвычайно чувствительному къ тѣмъ страданіямъ, которыхъ не причинялъ" [1]).

Слезы въ театрахъ были тогда такъ обычны, что Вольтеръ считалъ трагедію провалившейся, если зрители не рыдали. Наблюденіе надъ этой чрезвычайной чувствительностью французскаго общества въ театрахъ, за книгами, въ салонахъ, при полной нечувствительности къ реальнымъ страданіямъ крестьянъ, необходимымъ для процвѣтанія этихъ салоновъ или даже для удовлетворенія такой несущественной потребности, какъ охота, видимо сильно интересовало Руссо. Очень рѣдко повторяясь въ своихъ произведеніяхъ, онъ въ „Письмѣ къ Даламберу", а затѣмъ въ „Исповѣди Савойскаго викарія", снова приводитъ слезы въ театрахъ, какъ доказательство способности къ состраданію, проявляющейся у самыхъ злыхъ на дѣлѣ людей, когда ихъ интересы остаются въ сторонѣ. Руссо находилъ даже, что именно въ парижскомъ обществѣ, существованіе котораго оплачивалось такой массой реальнаго зла, было больше,

---

[1]) „Разсужд. о нерав.", часть I.

чѣмъ гдѣ либо, отвлеченной любви къ добродѣтели и самаго искренняго восторга предъ добрыми чувствами, изображенными въ книгахъ [1]). Эти наблюденія могли лишь подтвердить убѣжденіе Руссо, что практическое поведеніе людскихъ массъ въ общемъ зависитъ не отъ ихъ отвлеченныхъ разсужденій, не отъ ихъ хотя бы и искренней любви къ добру, а отъ ихъ положенія; что то зло, которое людямъ выгодно, они будутъ дѣлать, не могутъ не дѣлать, пока будутъ нуждаться въ немъ, и этому ни въ какомъ случаѣ не помѣшаетъ ни моральная проповѣдь, способная лишь порождать лицемѣріе, ни просвѣщеніе, которое, разрушая обычаи, лишь развязываетъ, наоборотъ, руки высшимъ классамъ для новыхъ видовъ извлеченія пользы изъ низшихъ.

Просвѣтители тоже учили, что человѣкъ по самой природѣ своей не можетъ не искать наслажденій, что вся его дѣятельность направлена къ достиженію своей пользы. Но за этимъ, какъ мы видѣли у Гольбаха, тотчасъ же слѣдовало утвержденіе: „Все наше поведеніе, хорошее или дурное, зависитъ отъ вѣрныхъ или ложныхъ идей, которыя мы имѣемъ о счастіи“, а изъ этого явствовало, что всеобщее благополучіе будетъ достигнуто, если мы убѣдимъ богатыхъ и сильныхъ въ томъ, что ихъ счастіе заключается въ заботахъ о бѣдныхъ и подвластныхъ.

Для Руссо, отрицавшаго силу моральныхъ разсужденій надъ практическимъ поведеніемъ людей, изъ той же, признаваемой имъ съ извѣстнымъ дополненіемъ, первой посылки просвѣтителей вытекало отрицаніе всякой возможности такого господства меньшинства надъ большинствомъ, при которомъ господствующіе не употребляли бы власти въ свою пользу и во вредъ подвластнымъ. Отдѣльнымъ же личностямъ изъ высшихъ классовъ, помышляющимъ о благодѣяніяхъ, слѣдовало бы, по его мнѣнію, поставить выше всего правило: не дѣлай зла. „Правило: дѣлай добро, не подчиненное этому первому правилу“, говоритъ Руссо въ „Эмилѣ“, „опасно, ложно и противорѣчиво. Кто не дѣлаетъ добра? Всѣ его дѣлаютъ, злые какъ и добрые,—надѣляютъ одного на счетъ сотни другихъ бѣдняковъ; отсюда-

[1]) „Исповѣдь“, часть II, книга XI

то и вытекаютъ наши бѣдствія“. Съ точки зрѣнія Руссо, величайшимъ добромъ со стороны „les grands et les riches“, которыхъ призывала къ благотворительности просвѣтительная философія, было бы не дѣлать зла. А не дѣлать зла, какъ мы знаемъ, можно было, по его мнѣнію, лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы матерьяльныя средства, которыми располагаетъ человѣкъ, не являлись ни прямо, ни косвенно результатомъ лишеній, налагаемыхъ на другихъ [1]). Но ставъ въ такое положеніе, человѣкъ прежде всего лишился бы возможности благодѣтельствовать однимъ „на счетъ сотенъ другихъ бѣдняковъ“.

Такова сущность отвѣта, который въ «Эмилѣ» Руссо даетъ своимъ французскимъ читателямъ, искавшимъ въ его произведеніяхъ выполнимыхъ для себя практическихъ проектовъ. «Мнѣ не перестаютъ твердить», говоритъ онъ въ предисловіи къ «Эмилю», «что я долженъ давать выполнимые совѣты. Это то же самое, какъ если бы мнѣ говорили: совѣтуйте дѣлать то, что дѣлается, или, по крайней мѣрѣ, предлагайте такое добро, которое можно бы соединить съ существующимъ зломъ. Послѣднее предложеніе, относительно нѣкоторыхъ предметовъ, гораздо химеричнѣе моихъ: такъ какъ въ соединеніи со зломъ добро портится, не исправляя зла. Я предпочелъ бы ужъ ни въ чемъ не от-

---

[1]) Что подъ положеніями, при которыхъ „наша польза зависитъ отъ чужого вреда“, Руссо понималъ не какія нибудь исключительныя положенія, а чуть не всѣ тѣ, въ которыя образованный человѣкъ могъ стать въ то время, не прослывъ сумасшедшимъ, видно изъ слѣдующихъ же строкъ „Исповѣди“, гдѣ онъ сообщаетъ намъ, что, примѣнивъ, хотя и поздно, это правило на практикѣ ко всему своему поведенію, онъ пріобрѣлъ „самый странный, самый сумасшедшій видъ въ глазахъ публики и въ особенности своихъ знакомыхъ. Меня обвинили въ желаніи оригинальничать, въ стремленіи отличаться отъ всѣхъ другихъ“.

Если основные взгляды Руссо были и остаются мало извѣстными публикѣ, то его біографія, въ особенности же обстоятельства его ссоры съ знакомыми, разработаны до мельчайшихъ подробностей, и мы знаемъ, что сперва душевнымъ разстройствомъ, странностями, а когда наросло озлобленіе, тщеславіемъ и стремленіемъ, во что бы то ни стало, отличаться отъ всѣхъ другихъ, объясняли знакомые Руссо его отказъ отъ мѣста кассира, отказы отъ всякихъ пенсій, подарковъ и благодѣяній и упорное стремленіе не зависѣть въ средствахъ къ жизни ни отъ чего, кромѣ ремесла переписчика.

ступать отъ общепринятой практики, чѣмъ измѣнять ее на половину. Въ первомъ случаѣ въ человѣкѣ оказалось бы меньше противорѣчій; онъ не можетъ сразу стремиться къ двумъ противоположнымъ цѣлямъ. Отцы и матери, выполнимо лишь то, что вы желаете выполнять. Обязанъ ли я выражать ваши желанія?»

Тѣмъ не менѣе въ первыхъ главахъ «Эмиля», посвященныхъ первоначальному, главнымъ образомъ, физическому воспитанію, оказалось много выполнимыхъ совѣтовъ, которымъ тысячи дѣтей богатыхъ классовъ были обязаны потомъ болѣе здоровымъ и счастливымъ дѣтствомъ.

Другое дѣло сама въ высшей степени искусственная, сложная и химерическая [1]) система воспитанія, которую онъ начертилъ. Цѣль ея воспитать (т. е. показать читателю) человѣка, который могъ бы въ тогдашней Франціи прожить свободнымъ какъ отъ необходимости дѣлать зло другимъ, такъ и отъ подчиненія чужимъ прихотямъ. Эмиль свободенъ отъ всѣхъ потребностей, порождаемыхъ принадлежностью къ высшему классу порабощенной и цивилизованной страны. Онъ презираетъ общественное мнѣніе, не способенъ къ тщеславію, не стремится стать выше другихъ, власти ему не нужно, роскошь не можетъ ему доставить ни малѣйшаго удовольствія. Воспитаніе развило въ немъ силу, ловкость, выносливость, дало привычку къ физическому труду. Онъ знаетъ нѣсколько ремеселъ и основательно обучился столярному, работая въ мастерскихъ какъ поденщикъ [2]). Столь богато вооруженный для удовлетворенія

---

[1]) Руссо самъ же старательно подчеркиваетъ ея невыполнимость. „Надо бы, чтобы воспитатель былъ нарочно воспитанъ для своего воспитанника... чтобы всѣ, соприкасающіеся съ ребенкомъ люди, получили тѣ впечатлѣнія, которыя должны передавать ему, нужно бы отъ воспитанія къ воспитанію подняться неизвѣстно куда“.

Условія, необходимыя для удачи подобнаго воспитанія, возможны лишь въ предположеніи, „такъ какъ кто же можетъ надѣяться вполнѣ направлять слова и дѣйствіе всѣхъ, кто окружаетъ ребенка?“ („Эмиль“ книга I).

[2]) Самымъ полезнымъ, а потому и самымъ почетнымъ трудомъ Руссо считаетъ земледѣльческій, но не желалъ бы видѣть Эмиля земледѣльцемъ. „Положеніе ремесленника“, говоритъ онъ, „самое независимое отъ случая и людей. Онъ зависитъ единственно отъ своей работы. Онъ настолько же свободенъ, насколько земледѣлецъ

своихъ ничтожныхъ потребностей, онъ можетъ прожить, никому не дѣлая зла и не утрачивая врожденной любви къ добру.

Намъ кажется несомнѣннымъ, что эта «химерическая» сторона «Эмиля» была въ глазахъ самого Руссо не столько руководствомъ къ воспитанію, сколько попыткой еще разъ объяснить читателямъ свой взглядъ на нравственность, котораго они еще разъ «не замѣтили».

До такой степени не замѣтили, что даже у горячихъ поклонниковъ Руссо можно встрѣтить того же Эмиля, фигурирующаго въ видѣ подкрѣпленія противоположнаго взгляда о могуществѣ «идей» въ области нравственности. Для полноты этого могущества считалось, какъ извѣстно, очень важнымъ придать морали точность и доказательность математическихъ наукъ. Для человѣка, воспитаннаго, какъ Эмиль, думаетъ г-жа де-Сталь, которому не внушали никакихъ вѣрованій и всегда сообщали истину, «нравственныя идеи уподобятся геометрическимъ теоремамъ и будутъ въ его умѣ вытекать одна изъ другой въ теченіе всей жизни» [1]).

Будто въ отвѣтъ на эту, написанную черезъ 10 лѣтъ послѣ его смерти, фразу начинаетъ Руссо свое продолженіе «Эмиля». Въ «Исповѣди» онъ высказываетъ надежду пояснить въ этомъ продолженіи свое «единственное правило нравственности» такимъ разительнымъ примѣромъ, что читатель будетъ наконецъ вынужденъ обратить на него вниманіе. Это произведеніе осталось неоконченнымъ, но изъ перваго же письма Эмиля, изображающаго свое нравственное состояніе послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ парижскихъ салонахъ, ясно видно много ли силы приписывалъ Руссо нравственнымъ идеямъ, какъ бы хорошо ни вытекали онѣ одна изъ другой. «Мое сердце незамѣтно изнашивалось», пишетъ Эмиль своему бывшему воспита-

---

является рабомъ, потому что привязанъ къ своему полю, жатва котораго находится во власти другихъ. Врагъ, правитель, могущественный сосѣдъ могутъ ее отнять; посредствомъ его поля, крестьянина можно мучить на тысячу ладовъ: повсюду, гдѣ захотятъ мучить ремесленника, его багажъ тотчасъ же уложенъ: онъ уноситъ съ собою свои руки" („Эмиль", книга III).

[1]) Zettres sur les écrits et le car. de J. J. Rousseau изд. г. 1814 стр. 42.

телю, «оно становилось холоднымъ и безсильнымъ... Моральный и чувствительный жаргонъ занялъ у меня мѣсто дѣйствительнаго чувства. Я сталъ человѣкомъ любезнымъ безъ нѣжности, стоикомъ безъ добродѣтели, мудрецомъ, занятымъ глупостями, отъ вашего Эмиля во мнѣ не оставалось ничего, кромѣ имени да фразъ» [1]).

Замѣчательна эта неукоснительная послѣдовательность Руссо. Вѣдь тѣ чувства, тѣ убѣжденія, отъ которыхъ у Эмиля остался «чувствительный жаргонъ» да «фразы», были убѣжденіями самого Руссо. Но Руссо былъ убѣжденъ въ томъ, что всякія нравственныя убѣжденія постепенно превращаются въ моральный жаргонъ у человѣка, ставшаго въ несоотвѣтствующее имъ положеніе, и съ неподкупнымъ безпристрастіемъ онъ показываетъ на «примѣрѣ», что при этомъ условіи его собственные взгляды также легко превращаются въ пустыя фразы, какъ и всякіе другіе [2]).

Въ «Эмилѣ» Руссо пытается изобразить нравственный типъ «естественнаго человѣка», дикаря (какимъ онъ представлялъ его себѣ), искусственно вырощеннаго въ разложившемся цивилизованномъ государствѣ. Но вмѣстѣ со всѣмъ тогдашнимъ образованнымъ міромъ онъ преклонялся предъ совершенно противоположнымъ типомъ гражданина. Въ «Эмилѣ» онъ проводитъ между этими двумя типами слѣдующую параллель:

«Естественный человѣкъ существуетъ самъ по себѣ; онъ есть абсолютное цѣлое, имѣющее отношеніе лишь къ самому себѣ или къ подобнымъ себѣ отдѣльнымъ индивидуумамъ. Гражданинъ есть лишь часть цѣлаго... каковымъ является для него общественное тѣло. Хороши тѣ общественныя учрежденія, которыя всего полнѣе измѣняютъ природу человѣка и уничтожаютъ его абсолютное существо-

---

[1]) „Emile et Sophie ou les solitaires"

[2]) Къ тому времени, впрочемъ, когда Руссо писалъ свое продолженіе „Эмиля", „моральный и чувствительный жаргонъ" à la Руссо былъ уже значительно распространенъ въ обществѣ и въ немъ вращалось уже не мало Эмилей, докладывавшихъ то лично, то письменно о своемъ существованіи непризнававшему ихъ автору. Цитированныя признанія Эмиля направлялись, вѣроятно, также и по ихъ адресу.

ваніе, чтобы дать ему относительное, перенося его *я* въ общественное цѣлое; такъ что каждый человѣкъ чувствуетъ себя не отдѣльнымъ существомъ, а частью цѣлаго, чувствительной лишь въ этомъ цѣломъ».

Добродѣтель (la vertue) есть именно подчиненіе личныхъ интересовъ общественнымъ.

«Естественный человѣкъ» только не золъ, самое большее добръ (bon), добродѣтель же возможна лишь для гражданина. Руссо показываетъ также обратную сторону гражданской добродѣтели: чѣмъ тѣснѣе объединено государство, чѣмъ солидарнѣе его граждане, тѣмъ полнѣе противопоставляютъ они свою республику всему остальному человѣчеству. „Всякій патріотъ суровъ по отношенію къ иностранцамъ: они ничто въ его глазахъ, они только люди. Этотъ недостатокъ неизбѣженъ, но онъ и не такъ значителенъ. Гораздо важнѣе быть добрымъ съ тѣми, съ кѣмъ находишься въ безпрерывныхъ сношеніяхъ“.

Свободная республика съ ея цѣльной общей волей и суровымъ патріотизмомъ—это та форма объединенія, которой Руссо сочувствуетъ, въ которой находитъ гораздо больше хорошихъ, чѣмъ злыхъ, сторонъ, но объединенія людей въ отдѣльныя отъ окружающей среды группы, преслѣдующія свои отдѣльные интересы,—это явленіе гораздо болѣе общее и принимающее на извѣстной ступени развитія самыя разнообразныя формы. Католическое духовенство, напримѣръ, представлялось Руссо могучимъ интернаціональнымъ государствомъ, направляющимъ свою строго объединенную общую волю противъ всѣхъ національныхъ государствъ. Затѣмъ, по мѣрѣ развитія государственной жизни и роста имущественнаго неравенства, внутри каждаго государства образуются меньшія, болѣе или менѣе объединенныя группы, преслѣдующія свои, общіе для данной группы, но частные по отношенію къ остальнымъ согражданамъ, интересы. Всѣ эти частныя коллективности, главнѣйшей изъ которыхъ является выдѣленное изъ среды гражданъ правительство, порождаютъ чувства, прямо противоположныя гражданскимъ, и при значительномъ развитіи способствуютъ уничтоженію свободныхъ республикъ. Въ большихъ цивилизованныхъ государствахъ Европы нѣтъ ни у кого отечества, нѣтъ и быть не можетъ общественныхъ союзовъ, образующихъ гражданъ. „Слова *отечество* и

гражданинъ должны быть вычеркнуты изъ новыхъ языковъ. Я знаю причины этого, но не хочу сказать", добавляетъ Руссо. Выясненіе этихъ причинъ относилось къ предмету „Общественнаго договора", вышедшаго мѣсяца за два до „Эмиля".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Политическіе взгляды Руссо.

I.

Главнѣйшей ошибкой Руссо въ его схематическомъ изображеніи развитія человѣчества до появленія государства въ современномъ значеніи этого слова, было, очевидно, предположеніе, что звѣри—люди бродили въ одиночку, а въ теченіе «молодости человѣчества» жили отдѣльными, независимыми семьями, по величинѣ и типу соотвѣтствовавшими современной моногамической семьѣ. Такимъ образомъ, эти крайніе индивидуалисты, совершенно не нуждавшіеся другъ въ другѣ и сходившіеся лишь для удовольствія, были, по его предположенію, впервые тѣсно связаны между собою лишь явившимися въ результатѣ постепеннаго роста имущественнаго неравенства, злыми цѣпями, цѣпями необходимости удовлетворять свои потребности на счетъ другихъ людей, цѣпями соперничества, господства и рабства, безпрерывно раскрываемыми посредствомъ грабежей и убійствъ и, наконецъ, закрѣпленными наложеніемъ прочныхъ оковъ государственнаго строя.

Объясненіе происхожденія государства изъ сознанной необходимости прекратить посредствомъ договора борьбу между индивидуумами принадлежитъ не Руссо. Оно уже давно было высказано Гоббсомъ и повторялось многими авторитетными писателями. Мы видѣли, что и у Локка образованіе государства объясняется необходимостью обезпечить собственность, охраняемую раньше лишь единичными силами

самихъ собственниковъ. Другая, тоже многочисленная, группа писателей считала общественность—„sociabilité“—первоначальнымъ свойствомъ человѣческаго рода, поставленнаго самой природой въ невозможность обходиться безъ общественнаго строя. Но средство, которое употребила природа для обезпеченія за человѣческимъ родомъ благъ государственности, заключалось, какъ мы видѣли, въ большомъ первоначальномъ неравенствѣ силъ и способностей, и въ разнообразіи склонностей, заставившемъ каждаго добровольно стать на свое мѣсто: умныхъ начать руководить, управлять, благодѣтельствовать, а глупыхъ повиноваться и работать. Руссо справедливо считалъ все это изображеніемъ цивилизованныхъ людей подъ именемъ дикарей и присоединился къ первому объясненію, казавшемуся ему болѣе вѣроятнымъ.

И въ самомъ дѣлѣ, хотя sociabilité людей—ихъ стадность—досталась имъ по всему вѣроятію отъ ихъ человѣкообразныхъ предковъ, тѣмъ не менѣе то содержаніе, которое вкладывали противники Руссо въ свою sociabilité, ихъ объясненіе происхожденія государства было чистѣйшей фантазіей, тогда какъ мнѣніе, котораго держался Руссо, улавливало, хотя и въ извращенномъ видѣ, одинъ изъ моментовъ дѣйствительности. Оно грѣшило тѣмъ, что моментъ перехода разлагающейся родовой организаціи къ зачаткамъ государственнаго строя въ современномъ значеніи этого слова принимало за первое образованіе какого бы то ни было прочнаго союза между людьми. Но въ то же время оно совершенно вѣрно указывало въ начавшемся раздѣленіи труда, въ широкомъ распространеніи земледѣлія и въ вызванномъ этими успѣхами производства имущественномъ неравенствѣ и невольничествѣ причины, вызвавшія необходимость принудительной власти, охраняющей собственность и способствующей дальнѣйшему развитію всѣхъ этихъ основъ цивилизаціи.

Между двумя періодами: полной независимости всѣхъ людей и полнаго подчиненія большинства законамъ, издаваемымъ меньшинствомъ, Руссо помѣщаетъ переходный періодъ подчиненія всего народа законамъ, вотированнымъ всѣмъ народомъ,—періодъ, большая или меньшая продолжительность котораго зависитъ отъ состоянія населенія данной страны въ моментъ перехода къ общественному строю и отъ большей или меньшей мудрости принятыхъ имъ за-

коновъ. Этому-то переходному періоду посвященъ главнымъ образомъ „Общественный договоръ“, которому—его началу въ особенности—суждена была такая громкая роль въ бурную эпоху конца прошлаго вѣка во Франціи.

„Человѣкъ родился свободнымъ, а онъ повсюду въ цѣпяхъ... Какъ произошло это измѣненіе? Я не знаю. Что можетъ сдѣлать *его законнымъ* (légitime)? Я считаю возможнымъ разрѣшить этотъ вопросъ“. Общественный порядокъ, лишившій людей ихъ естественной свободы, является основнымъ правомъ, на которое опираются всѣ другія права. „Между тѣмъ, оно вытекаетъ не изъ природы и слѣдовательно основано на соглашеніяхъ. Задача въ томъ, чтобы узнать, каковы эти соглашенія. Но прежде чѣмъ приступить къ ней, я долженъ доказать то, что только что высказалъ.“ Таково содержаніе первой очень коротенькой главы первой книги „Общественнаго договора“. Въ трехъ слѣдующихъ главахъ Руссо разбираетъ и отвергаетъ различныя теоріи, выводившія „право“ на господство однихъ людей надъ другими изъ родительской власти, изъ естественнаго неравенства между людьми, изъ права побѣдителя надъ побѣжденнымъ и проч. Фактически господство основывается на силѣ. Попытки прибавить къ силѣ еще и *право*, превратить неизбѣжное подчиненіе ей въ *обязанность* приводятъ, по мнѣнію Руссо, къ полнѣйшей безсмыслицѣ, „un galimathias inextricable“. „Уступать силѣ есть актъ необходимости, а не воли; это самое большее—актъ благоразумія. Но въ какомъ смыслѣ можетъ онъ стать обязанностью?.. Если сила создаетъ право, то оно и исчезаетъ вмѣстѣ съ нею: всякая сила, пересилившая первую, наслѣдуетъ и ея право... Такъ какъ сила всегда право, то изъ этого только и слѣдуетъ, что надо стараться быть всегда сильнѣйшимъ. Очевидно, что слово *право* ничего не прибавляетъ къ силѣ; оно въ этомъ случаѣ не имѣетъ ровно никакого смысла“ [1]). Господство силы основывается не на правѣ въ нравственномъ смыслѣ этого слова, но „La loi du plus fort“, является, по мнѣнію Руссо, „ненарушимѣйшимъ изъ законовъ природы“ („Consid. sur le Gouv. de la Pologne“, гл. XII.) которому нельзя противопоставить ничего, кромѣ силы.

---

[1]) „Contrat Social“, кн. I, гл. III.

Въ шестой главѣ Руссо переходитъ, наконецъ, къ своей задачѣ, къ выясненію содержанія общественнаго договора, являющагося, по его мнѣнію, единственной основой „права“, единственнымъ источникомъ законной власти, повиновеніе которой нравственно обязательно, а не только необходимо или благоразумно. Предыдущія главы являются такимъ образомъ лишь вступленіемъ, расчисткой почвы отъ загромождавшихъ ее теорій. Тѣмъ не менѣе, на основаніи этихъ главъ, въ особенности же первой фразы: „L'homme est né libre“, считается чуть ли не „общепризнаннымъ“, что Руссо „требовалъ“ политической и гражданской свободы, свободы для людей, живущихъ въ государствахъ, на томъ основаніи, что „человѣкъ родился свободнымъ“, что для него общественная свобода „вытекала“ изъ естественной, „основывалась“ на „естественномъ правѣ“, на той свободѣ, съ которой человѣкъ „родился“ и проч. [1]). На самомъ же дѣлѣ, если Руссо выводилъ что нибудь изъ „естественной свободы“, то ужъ никакъ не общественную гражданскую или политическую свободу, а лишь отсутствіе всякаго смысла въ теоріяхъ, пытавшихся украсить фактическое господство меньшинства надъ большинствомъ идейнымъ титуломъ болѣе или менѣе „естественнаго“ (а слѣдовательно неизмѣннаго и вѣчнаго) права.

---

[1]) „Люди рождаются свободными, равными и „непорочными“—это основная идея книги“, говоритъ объ „Обществ. Договорѣ“ г. Южаковъ („Ж. Ж. Р., его жизнь и литерат. дѣят., ст. 60). Такой хотя и взятой г. Южаковымъ въ ковычки, фразы въ „Общ. дог.“ не имѣется. Новорожденными людьми этотъ трактатъ вовсе не занимается. Въ фигуральномъ смыслѣ (первобытное состояніе) они составляютъ предметъ первой части „Разсужд. о нер.“, а въ буквальномъ—первой книги „Эмиля“. „Основная идея книги видимо почерпнута г. Южаковымъ изъ первой фразы ея первой главы, улучшенной измѣненіемъ прошедшаго времени въ настоящее и расширенной добавленіемъ „равенства и непорочности“. Джонъ Морлей съ своей стороны тратитъ цѣлыхъ двѣ страницы (125—126. Rousseau by John Morley vol. II) на отрицаніе свободы новорожденныхъ. Гдѣ же они свободны? Всюду находятся въ полнѣйшей зависимости отъ родителей. У грековъ, у римлянъ, у древнихъ евреевъ родители имѣли даже право убивать ихъ и проч. Какъ будто не ясно, что въ знаменитой фразѣ слово „человѣкъ“ употреблено вмѣсто „человѣчество“, а утвержденіе, что онъ родится свободнымъ, является простымъ резюме первой части „Разсужде-

„Для Руссо... свобода вытекаетъ изъ естественнаго права“. „Нечего говорить, что онъ (Руссо) проповѣдывалъ свободу во имя естественнаго права“, говоритъ и г. Карѣевъ, ссылаясь на „Общественный договоръ“ [1]), чтобы уличить затѣмъ автора этого „договора“ въ самыхъ вопіющихъ противорѣчіяхъ съ навязанными ему взглядами. И далеко не одинъ г. Карѣевъ, а цѣлый рядъ писателей, навязавъ Руссо заимствованные у его противниковъ взгляды на „естественный порядокъ“, „естественные законы“ и проч., примѣняемые къ общественному строю, разводятъ затѣмъ руками надъ противорѣчіями Руссо, придерживавшагося совершенно противоложнаго взгляда.

Не „проповѣдь“, конечно, но изображеніе „естественной свободы“ первобытныхъ дикарей имѣется въ „Разсужденіи о неравенствѣ“. Въ „Общественномъ договорѣ“ рѣчь идетъ о тѣхъ условіяхъ матеріальныхъ и нравственныхъ, при которыхъ народъ, вышедшій изъ дикаго состоянія и тѣмъ самымъ вынужденный отказаться отъ естественной свободы, образуетъ изъ себя коллективную силу, достаточную для того, чтобы при общественномъ строѣ подчиняться не чужой, а своей же собственной коллективной волѣ.

Та свобода, съ которою „человѣкъ родился“, была свободой, ограниченной лишь размѣрами личной силы, ни въ комъ не нуждающагося и самодовлѣющаго индивидуума, какимъ представлялъ себѣ Руссо (и представлялъ ошибочно) первобытнаго человѣка. Какъ только, всѣдствіе успѣховъ производства, самодовлѣющіе индивидуумы начали нуждаться другъ въ другѣ, ихъ свобода начала превращаться въ господство сильнѣйшихъ, въ безпрерывную борьбу за господство между экономической силой имущихъ и физической—неимущихъ [2]). Конецъ этой борьбѣ кладетъ общественный договоръ, которымъ „каждый“ отдаетъ свою личность и все свое могущество подъ верховное руководство общей воли“ [3]).

нія о неравенствѣ“, гдѣ Руссо доказываетъ, что въ первобытномъ состояніи люди не могли зависѣть другъ отъ друга, и всѣ „цѣпи“ пріобрѣли путемъ развитія.

[1]) „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“, стр. 267, 268.

[2]) См. вторую часть „Разсужд. о нер.“.

[3]) „Общ. догов.“ книга I, гл. VI.

„Условія этого договора... не смотря на то, что, быть можетъ, никогда не были формально высказаны, повсюду одинаковы, повсюду молчаливо принимаются (sont partout tacitement admises) и признаются до того времени, когда, съ нарушеніемъ общественнаго договора, каждый снова вступаетъ въ свои первоначальныя права, снова возвращается къ естественной свободѣ, теряя ту условную свободу, ради которой отказался отъ нея“ [1]).

Нарушается общественный договоръ, по теоріи Руссо, въ тотъ моментъ, когда верховная, законодательная власть ускользаетъ изъ рукъ народа, который изъ собранія гражданъ превращается, такимъ образомъ, въ толпу подданныхъ.

Основанный на договорѣ общественный строй, обезпечивающій гражданскую свободу, гораздо основательнѣе уничтожаетъ „естественную“ индивидуалистическую свободу, чѣмъ самый суровый деспотизмъ. Такой строй могучъ и проченъ лишь постольку, поскольку вытравляетъ ее изъ психической жизни гражданина, „перенося его *я* въ общественное цѣлое“, деспотизмъ же—нравственно, психически—возвращаетъ *я* всѣ его индивидуалистическія свойства, ограничивая его естественную свободу лишь посредствомъ внѣшней для него, хотя теперь уже организованной и прочной, силы.

II.

„Общественный договоръ“ отличается отъ другихъ произведеній Руссо тѣмъ, что въ немъ ясныя, конкретныя, глубоко продуманныя мысли во многихъ главахъ заслонены, загорожены чисто абстрактными опредѣленіями государства, народа, правительства и отношеній всего этого между собою и съ территоріей страны, тоже абстрактно выраженныхъ математическими уравненіями и проч. Это въ то же время самое нецѣльное, незаконченное изъ произведеній Руссо [2]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Эти особенности „Cont. Soc.“ объясняются, повидимому, тѣмъ способомъ, какимъ онъ былъ написанъ. Всѣ другія произведенія Руссо писались сразу, подъ вдохновеньемъ. Трактъ же объ „Institutions sociales“, отрывокъ, изъ котораго былъ обнародованъ впослѣдствіи

Въ „Contrat social“ наиболѣе существенной и въ то же время оригинальной мыслью Руссо, вытекающей изъ всего его міросозерцанія и рѣзко расходящейся съ міросозерцаніемъ его современниковъ, является выясненіе разницы между закономъ, какъ выраженіемъ общей воли всѣхъ лицъ, на которыхъ распространяется его дѣйствіе, и носящими имя закона повелѣніями, получаемыми сверху, а также выясненіе тѣхъ условій, при которыхъ народъ можетъ имѣть законы, и тѣхъ, въ особенности, при которыхъ онъ не можетъ имѣть ихъ.

О томъ, что законы должны соотвѣтствовать общей волѣ, можно прочесть не у одного Руссо, но съ тѣмъ простымъ смысломъ, который онъ вкладывалъ въ слова „общая воля“, не былъ согласенъ никто изъ его современниковъ. Гольбахъ тоже говорилъ: „c'est par les lois que le souverain exprime la volonté générale“, [1]) мѣриломъ же того, выражаютъ ли дѣйствительно законы общую волю, должна служить, по его мнѣнію, ихъ разумность, а слѣдовательно полезность, такъ какъ все разумное полезно, а народъ не можетъ не желать своей пользы. Съ этимъ, въ той или иной формѣ, были согласны всѣ передовые писатели XVIII вѣка, какъ бы сильно ни расходились они въ представленіи о томъ, въ чемъ именно должна заключаться та польза, которой не можетъ не желать народъ. Но еще единодушнѣе были они въ томъ, что никоимъ образомъ не дѣло простого народа рѣшать вопросъ о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи закона его пользѣ и волѣ. Это право и обязанность просвѣщенныхъ людей.

Всего больше заботившійся о пользѣ народа и даже о „равенствѣ“ Мабли былъ въ то же время и самымъ горячимъ противникомъ вмѣшательства народа въ вопросы о своей пользѣ и волѣ. Выраженіе „volonté générale“ употребля-

---

подъ заглавіемъ „Contrat social“, былъ задуманъ, по словамъ Руссо, еще въ Венеціи, раньше чѣмъ выработался его самостоятельный и цѣльный образъ мыслей. Этому произведенію онъ никогда не отдавался вполнѣ, работалъ надъ нимъ лишь урывками—„en bonne fortune“, какъ говоритъ въ Исповѣди,—пока не увидѣлъ, наконецъ, что оно ему не подъ силу и не сжегъ написаннаго, выдѣливъ изъ него лишь отрывокъ, которымъ особенно дорожилъ.

[1]) „La politique naturelle“, часть I, стр. 91.

лось большинствомъ писателей въ иносказательномъ смыслѣ, какъ это часто случалось (безсознательно даже) и со словами „nation“, „peuple“.

Руссо бралъ выраженіе „общая воля“ въ его точномъ буквальномъ смыслѣ воли *всѣхъ* (или большинства) взрослыхъ гражданъ данной страны, выраженной на ихъ общемъ законодательномъ собраніи и всѣхъ ихъ одинаково связывающей. Такое опредѣленіе закона стояло, конечно, въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ открытыми разумомъ естественными законами, могущими осчастливить всѣ народы. Согласно опредѣленію закона, какъ выраженія общей воли гражданъ, всякое постановленіе, хотя бы самое разумное и полезное, предписывающее что бы то ни было населенію, не участвовавшему въ его обсужденіи и голосованіи, будетъ не закономъ, а лишь приказомъ, декретомъ. Съ другой стороны, хотя и невѣроятно, чтобы весь народъ постановилъ на общемъ собраніи нѣчто, противорѣчащее интересамъ большинства этого народа, но, если бы это случилось, такое рѣшеніе все же было бы обязательнымъ для всѣхъ закономъ, пока не было бы отмѣнено. Для коллективной воли народа не можетъ быть также никакихъ неприкосновенныхъ, стоящихъ выше ея законовъ. Народъ хорошо дѣлаетъ, конечно, если, постановивъ хорошіе законы, ихъ не мѣняетъ, но „во всякомъ случаѣ, народъ всегда можетъ измѣнить свои законы, хотя бы и самые лучшіе; такъ какъ, разъ онъ желаетъ сдѣлать зло самому себѣ, кто же вправѣ помѣшать ему?“ [1]).

Для того чтобы общая воля стала закономъ, нѣтъ необходимости въ единогласіи, но необходимо, чтобы всѣ граждане имѣли возможность подать свои голоса. Для меньшинства, участвовавшаго въ обсужденіи и голосованіи закона, хотя и подавшаго голосъ противъ него, подчиненіе безусловно обязательно, оно входитъ въ самое основное условіе общественнаго договора, по которому человѣкъ отдаетъ свою личную волю подъ общее руководство и обязывается выполнять ее лишь постольку, поскольку она не противорѣчитъ общей волѣ.

---

[1]) „Cont. Soc.“, кн. II, гл. XII.

Въ одной и той же странѣ, если ея законы обсуждаются и вотируются частью населенія, они будутъ законами для этой части и приказами для остальной. Законы Польши, напр., съ точки зрѣнія Руссо были законами для ея дворянства и простыми актами насилія для крестьянъ и горожанъ. Законы Женевы, по конституціи которой законодательная власть принадлежала всѣмъ гражданамъ, были законами для этихъ гражданъ, но не для многочисленныхъ уроженцевъ города (les natifs—потомки иностранцевъ) и жителей окрестныхъ деревень, не пользовавшихся правами гражданъ, но считавшихся подданными республики.

Народъ не можетъ ни передать, ни поручить своей верховной власти, выражающейся въ законодательствѣ. Воля не передается. Народъ не можетъ сказать: „я буду хотѣть того, чего пожелаетъ такой-то человѣкъ"...

Это значило-бы просто обѣщать повиноваться,—но тѣмъ самымъ народъ теряетъ свое достоинство самодержавнаго народа, и политическое тѣло оказывается разрушеннымъ [1]).

Такимъ образомъ, законными государственными, дѣйствительными политическими тѣлами были, по опредѣленію Руссо, лишь тѣ государства, гдѣ законодательная власть принадлежала всему народу, всѣ же остальныя (т. е. всѣ или почти всѣ государства Европы), нарушивъ условія общественнаго договора, вернулись къ своему исходному пункту, простому господству силы, для обузданія которой были когда-то основаны.

Зачисливъ всѣ эти государства въ деспотіи, Руссо оставляетъ ихъ въ сторонѣ, чтобы заняться законными, свободными государствами, которыя дѣлитъ на демократіи, аристократіи и монархіи, смотря по организаціи ихъ правительственной, т. е. исполнительной, власти (строго различаемой имъ отъ верховной, законодательной), являющейся въ законныхъ государствахъ лишь подчиненнымъ агентомъ самодержавнаго народа.

Народъ можетъ самъ на своихъ собраніяхъ примѣнять къ отдѣльнымъ лицамъ, къ частнымъ случаямъ постановленные имъ законы, можетъ судить, рѣшать войну и проч., являясь такимъ образомъ своимъ собственнымъ аген-

[1]) Ibid. книга II, глава I.

томъ, подчиненнымъ себѣ, какъ законодателю. Такое правительство всего народа или его большинства будетъ демократіей.

Если примѣненіе законовъ поручается меньшинству народа, хотя бы просто старшимъ по возрасту или выбраннымъ, или наконецъ нѣсколькимъ семьямъ, въ которыхъ должности переходятъ по наслѣдству—это будетъ аристократія. Избирательная аристократія, замѣчаетъ Руссо, наилучшая форма правленія, а наслѣдственная—наихудшая.

Если народъ поручаетъ исполнительную власть одному лицу, которое само назначаетъ своихъ помощниковъ—это будетъ монархія.

Кромѣ того, можетъ быть безчисленное множество смѣшанныхъ формъ; но всѣ формы правленія законны, пока законы остаются лишь выраженіемъ общей воли всѣхъ гражданъ, и народъ сохраняетъ верховное право какъ смѣнять правительство, такъ и измѣнять форму правленія.

Такая необычная терминологія, съ которой вдобавокъ Руссо и самъ иногда сбивается, значительно облегчила всѣмъ небрежнымъ или недобросовѣстнымъ писателямъ, излагавшимъ его политическіе взгляды, полнѣйшее извращеніе этихъ взглядовъ. При ея помощи, напримѣръ, орлеанистъ Жирарденъ видитъ въ замѣчаніи Руссо, что избирательная аристократія есть наилучшее правительство, одобреніе монархіи Луи Филиппа [1]), въ которой избирательное право принадлежало горсти самой крупной поземельной и денежной аристократіи. Это же раздѣленіе государствъ на монархіи, аристократіи и демократіи, лишь на основаніи формы ихъ исполнительной власти, дозволяетъ противникамъ демократіи упорно твердить, что Руссо самъ же признался, что демократія невозможна [2]) и никогда и нигдѣ не существовала, при чемъ повторяющіе это писатели всегда забываютъ прибавить, что по общепринятой терминологіи избирательная аристократія Руссо окажется чистѣйшей демократіей, а невозможнымъ онъ считаетъ лишь чтобы весь

[1]) „J. J. Rousseau, sa vie et ses oeuvres“, 1875 г., стр. 374.

[2]) Это же зачѣмъ-то повторяетъ и г. Карѣевъ „Крест. и крестьн. вопр. во Фр.“ стр. 282.

народъ сообща исполнялъ всѣ функціи исполнительной власти, ничего не поручая отдѣльнымъ лицамъ и группамъ.

Въ „Разсужденіи о неравенствѣ“ Руссо предполагаетъ, что различныя формы правленія (исполнительной власти) образовались у различныхъ народовъ въ зависимости отъ степени развитія, на которой застала ихъ необходимость общественной организаціи, вслѣдствіе образованія таковой у сосѣдей. Народы, наиболѣе отсталые, всего менѣе удалившіеся отъ первобытнаго равенства, образовали демократіи; болѣе развитые вручили исполнительную власть спеціально выбраннымъ или назначеннымъ для этого лицамъ—образовали аристократіи или монархіи. Первые могли дольше сохранить свободу, вторые утратили ее быстрѣе. Но при всякомъ образованіи правленія дальнѣйшій ходъ того же прогресса производства и культуры, который привелъ къ необходимости общественнаго договора, ведетъ затѣмъ къ его разрушенію, къ постепенному обезсиленію народныхъ массъ и усиленію на ихъ счетъ правительства въ союзѣ съ высшими слоями населенія, которымъ политическое равенство съ массами становится, по мѣрѣ роста имущественнаго неравенства, болѣе невыгоднымъ, чѣмъ собственное подчиненіе правительству.

Въ „Общественномъ договорѣ“ Руссо разсматриваетъ тотъ же неизбѣжный процессъ превращенія гражданъ въ подданныхъ съ другой стороны.

Въ средѣ выдѣленнаго изъ народной массы правительства образуется отдѣльная отъ общей воли гражданъ своя корпоративная воля, энергія которой все усиливается, въ то время какъ общая воля гражданъ самымъ ходомъ прогресса ослабляется и раздробляется. Когда, наконецъ, правительство устраняетъ законныя проявленія этой послѣдней воли и присваиваетъ себѣ законодательную власть, государство, по выраженію Руссо, „сжимается“. На мѣсто разложившагося большого общественнаго тѣла становится маленькое, состоящее лишь изъ членовъ правящаго меньшинства, являющагося по отношенію къ простымъ гражданамъ уже не правительствомъ, а господиномъ.

Этотъ неизбѣжный процессъ можетъ однако идти скорѣе или медленнѣе, законы могутъ помогать ему или препятствовать, и главнѣйшимъ изъ такихъ препятствій Руссо

считаетъ періодичность народныхъ собраній, независимость нхъ созыва отъ исполнительной власти.

„Государство", говоритъ Руссо, „существуетъ не законами, а законодательной властью. Вчерашніе законы обязательны сегодня лишь въ томъ случаѣ, если народъ не отмѣняетъ ихъ, имѣя возможность отмѣнить. Онъ тогда подтверждаетъ ихъ своимъ молчаніемъ". [1])

Не имѣть своей отдѣльной воли и не стремиться уничтожить проявленіе общей воли правительство могло бы лишь въ демократіи, гдѣ оно не выдѣлялось бы изъ общей массы гражданъ. Но полной демократіи, въ строгомъ смыслѣ этого слова, по мнѣнію Руссо, не можетъ существовать, народъ не можетъ быть постоянно на площади, чтобы заниматься общественными дѣлами; нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ онъ необходимо долженъ поручить отдѣльнымъ лицамъ. Но и смѣшанная демократія, выполненіе самимъ народомъ лишь главныхъ правительственныхъ функцій, требуетъ для своего сохраненія многихъ трудно соединимыхъ условій: „во-первыхъ, очень маленькаго государства, чтобы народъ могъ легко собираться и каждому гражданину было бы не трудно знать остальныхъ; во вторыхъ, большой простоты нравовъ, устраняющей и многочисленность дѣлъ, и сложность дебатовъ; необходимо затѣмъ большое равенство по положенію и имуществу, безъ котораго не можетъ сохраниться надолго равенство правъ и авторитета». [2])

Для демократіи необходима самая высокая степень гражданской добродѣтели, болѣе или менѣе полное тождество общественныхъ интересовъ съ частными, возможное лишь при значительной одинаковости этихъ интересовъ у всѣхъ гражданъ; но безъ добродѣтели, безъ горячей преданности общимъ интересамъ, дозволяющей подчинять имъ частные, не можетъ существовать ни аристократіи, ни вообще какого-бы то ни было свободнаго государства.

Переходъ къ аристократическому образу правленія—передача исполнительной власти отдѣльному отъ народа правительству—снимаетъ съ гражданъ часть ихъ общественныхъ обязанностей, но и для прочнаго сохраненія въ своихъ

[1]) „Cont. Soc." кн. III, гл. XI.
[2]) „Cont. Soc." кн. III, гл. IV.

рукахъ остальной части этихъ обязанностей—законодательства, являющагося въ то же время и драгоцѣннѣйшимъ правомъ народа, лишившись котораго онъ становится рабомъ, необходимы условія, лишь незначительно отличающіяся отъ предыдущихъ. „Пока соединенные въ общество люди смотрятъ на себя, какъ на одно тѣло", говоритъ Руссо, [1]) „они имѣютъ одну волю, направленную къ общему охраненію и благосостоянію... Тогда не существуетъ запутанныхъ противорѣчивыхъ интересовъ, общая польза настолько ясна повсюду, что одного здраваго смысла вполнѣ достаточно для того, чтобы видѣть, въ чемъ она заключается. Общее согласіе и равенство—враги политическихъ ухищреній. Прямыхъ и простыхъ людей трудно обмануть именно вслѣдствіе ихъ простоты... Такое государство не нуждается въ многочисленныхъ законахъ; а когда является необходимость въ новомъ законѣ, она видна всѣмъ. Первый, кто предлагаетъ его, высказываетъ лишь то, что всѣ чувствуютъ, нѣтъ надобности ни въ проискахъ, ни въ краснорѣчіи, чтобы провести въ законъ то, что каждый заранѣе рѣшилъ дѣлать, какъ только убѣдится, что всѣ будутъ дѣлать то же самое".

Образцомъ для этого изображенія послужили, очевидно, не государства древняго міра. Это скорѣе положеніе какого-нибудь изъ наиболѣе отсталыхъ кантоновъ Швейцаріи—республики крестьянъ, оставшихся въ горахъ, когда ихъ болѣе предпріимчивые соотечественники столпились въ долинахъ и завели тамъ промышленность и торговлю.

Но когда это единство начинаетъ разрушаться, „когда даютъ себя чувствовать частные интересы, и маленькія общества начинаютъ вліять на большое, общественный интересъ извращается, онъ уже встрѣчаетъ противниковъ, единогласныя рѣшенія болѣе невозможны. Общая воля перестала быть волею всѣхъ, поднимаются противорѣчія, борьба; самое лучшее предложеніе не проходитъ безъ споровъ.

Наконецъ, когда близкое къ паденію государство продолжаетъ еще держаться лишь по пустой и призрачной формѣ, общественная же связь уже порвалась во всѣхъ сердцахъ, когда священнымъ именемъ общаго блага безстыдно прикрывается самая низкая алчность, тогда общая воля

---

[1]) Ibid. кн. IV, гл. I.

умолкаетъ. Руководимые тайными мотивами люди, подавая голоса, такъ же мало руководятся гражданскими соображеніями, какъ если бы государство никогда не существовало, и подъ ложнымъ именемъ законовъ проводятъ несправедливые декреты, имѣющіе цѣлью лишь частную выгоду"[1]).

Но частная выгода, разнообразіе, сложность и напряженность личныхъ заботъ и интересовъ еще рѣшительнѣе подкапываютъ свободу съ другой стороны. Поглощенные своими личными, домашними дѣлами, граждане начинаютъ тяготиться общественными обязанностями, предпочитаютъ замѣщать себя депутатами въ законодательныхъ собраніяхъ, наемными войсками при защитѣ отечества и утрачиваютъ интересъ къ общественнымъ дѣламъ,отдавая всѣ помыслы личнымъ. А между тѣмъ, „какъ только начинаютъ говорить о дѣлахъ государства: *мнѣ что за дѣло?*—это государство слѣдуетъ считать погибшимъ". [2])

Понятно изъ всего этого, почему Руссо такъ настойчиво утверждалъ, что въ Европѣ нѣтъ законовъ, нѣтъ гражданъ и не можетъ быть нигдѣ, кромѣ одной Корсики. Гражданъ и законовъ, въ смыслѣ Руссо, не могло имѣть обширное государство. Въ немъ неизбѣжно разнообразіе условій, при которыхъ люди снискиваютъ свое пропитаніе, разнообразіе занятій, нравовъ и понятій. Одни и тѣ же законы не могутъ, слѣдовательно, соотвѣтствовать общему благу всего этого разнороднаго населенія, у котораго не можетъ поэтому выработаться и общей воли, способной выразиться въ законѣ, не говоря уже о трудности организаціи народныхъ собраній, воля которыхъ могла бы слиться въ одно цѣлое.

Не можетъ имѣть законовъ богатая (въ обычномъ значеніи этого слова) страна. „Фактически законы всегда полезны лишь собственникамъ и вредны тѣмъ, кто ничего не имѣетъ поэтому общественный строй можетъ быть выгоденъ людямъ лишь, когда всѣ имѣютъ что-нибудь, и никто не имѣетъ, ничего лишняго" [3]). Но совершенно уже невозможно сохраненіе законнаго строя тамъ, гдѣ есть граждане, достаточно богатые, чтобы подкупать другихъ, и достаточно бѣдные,

[1]) C. S. кн. III, гл. XV.
[2]) Ibid.
[3]) Кн. I, гл. IX.

чтобы быть вынужденными продавать свои голоса. А эти два состоянія нераздѣльны: гдѣ есть богачи, тамъ есть и соотвѣтствующіе имъ голодные оборванцы.

Свободу греческихъ республикъ, при той высокой степени развитія, на которой онѣ стояли, а также продолжительность ея сохраненія въ Римѣ, несмотря на значительные размѣры государства и степень цивилизаціи, достигнутой при республикѣ, Руссо могъ объяснить себѣ лишь чрезвычайной мудростью законодателей, которыхъ имъ посчастливилось имѣть въ самомъ началѣ своего государственнаго существованія [1]).

Но несмотря на всю мудрость законовъ, на весь патріотизмъ гражданъ, свобода этихъ республикъ сохранялась благодаря рабству, дозволявшему свободнымъ людямъ отдавать и время, и помыслы общественнымъ дѣламъ. «У грековъ все, что народъ долженъ былъ дѣлать (для государства), онъ дѣлалъ самъ: онъ безпрестанно собирался на площади... Онъ не былъ жаденъ; рабы исполняли его работы; его главнымъ дѣломъ была свобода... Вы („современные народы, считающіе себя свободными", т. е. англичане и въ особенности женевцы, для назиданія которыхъ предназначался Contrat Social) больше заботитесь о своихъ барышахъ, чѣмъ о своей свободѣ, и гораздо меньше боитесь рабства, чѣмъ нужды. Какъ? Свобода держится, лишь опираясь на рабство? [2]) спрашиваетъ себя Руссо отъ лица читателя и отвѣчаетъ утвердительно. Да, существуютъ несчастныя обстоятельства, въ которыхъ находились и греческія республики, когда гражданинъ можетъ быть совершенно свободенъ, лишь при полномъ рабствѣ раба. „Что же касается до васъ, новѣйшіе народы, рабовъ вы не имѣете, но вы сами рабы".

Зная по опыту способность читателей, а въ особенности писателей, дѣлать изъ его словъ самые нелѣпые выводы, Руссо немедленно же предупреждаетъ ихъ: „Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы я совѣтовалъ завести рабовъ или считалъ рабство законнымъ, такъ какъ я доказалъ противное: я просто излагаю причины, по которымъ современные на-

---

[1]) О роли этихъ мудрыхъ законодателей въ воззрѣніяхъ Руссо скажемъ дальше.

[2]) „C. S." кн. III, гл. XV.

роды, считающіе себя свободными, имѣютъ представителей, а древніе ихъ не имѣли" [1]). Ту же мысль о несовмѣстимости преданности общественнымъ дѣламъ съ поглощеніемъ всѣхъ помысловъ и времени гражданъ частными (неизбѣжнымъ при цивилизаціи, но отсутствовавшимъ у грековъ и римлянъ, благодаря рабству) Руссо повторяетъ въ девятомъ „Письмѣ съ Горы", на этотъ разъ обращаясь прямо къ женевцамъ: „Вы не римляне, не спартанцы; вы даже не аѳиняне. Оставьте въ покоѣ эти великія имена, которыя вамъ вовсе не идутъ. Вы торговцы, ремесленники, буржуа, вѣчно занятые своими частными интересами, своей работой, торговлей и барышами, для которыхъ сама свобода является лишь средствомъ пріобрѣтать безъ помѣхи и владѣть безъ опасеній". Онъ далѣе старается убѣдить женевцевъ, что, несмотря на отсутствіе у нихъ досуга, какимъ пользовались греки, имъ все же не слѣдуетъ отдавать всѣхъ общественныхъ дѣлъ въ безконтрольное распоряженіе правительства, а лишь позаботиться объ удобствахъ контроля, о возможномъ облегченіи для себя такъ не охотно выполняемыхъ об-

[1]) На „современные народы" оговорка Руссо подѣйствовала. Но черезъ 101 годъ послѣ его смерти въ Россіи появляется „историческая диссертація" г. Карѣева („Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи"), гдѣ (на стр. 279), на основаніи той же кн. III, гл. XV C. S., несмотря ни на какія оговорки, Руссо обвиняется въ томъ, что косвенно *оправдывалъ* рабство. Вольтеръ приписывалъ Руссо патріотическое желаніе видѣть женевцевъ обоего пола занимающимися въ голомъ видѣ танцами и гимнастическими упражненіями на площадяхъ родного города. Вольтеръ имѣлъ для этого гораздо больше основаній, чѣмъ г. Карѣевъ. Въ „Письмѣ къ Д'Аламберу о спектакляхъ" Руссо дѣйствительно съ большой симпатіей говоритъ объ общественныхъ увеселеніяхъ и упражненіяхъ спартанцевъ. Тѣмъ не менѣе, со стороны Вольтера, это была просто злая шутка, онъ не разсчитывалъ на то, что кто-нибудь ему повѣритъ. Господинъ же Карѣевъ говоритъ совершенно серьезно, а г. В. В. ему вполнѣ вѣритъ.

Такъ какъ Руссо вообще не стремился подыскивать всему злому злыхъ причинъ, а хорошему хорошихъ, такъ какъ, въ его представленіи, зло часто порождало добро, которое въ свою очередь вырождалось въ зло, то *подобнаго рода оправданій* всего по его же мнѣнію злого и *осужденій* всего хорошаго у него можно найти безъ конца. Въ томъ-то и дѣло, что онъ, вопреки мнѣнію г. Карѣева, не былъ ни метафизикомъ, ни „просвѣтителемъ" ни, что въ сущности то же самое, „субъективнымъ" мыслителемъ.

щественныхъ дѣлъ. „Такъ какъ желать совершенно отъ нихъ избавиться, значитъ желать перестать быть свободными. Надо выбирать... тѣмъ, кто не можетъ выносить общественныхъ заботъ, остается искать спокойствія въ рабствѣ".

III.

Мы знаемъ теперь, что „демократія", требовавшая, по мнѣнію Руссо, столькихъ трудно соединимыхъ условій и такой высокой степени добродѣтели, всюду, поскольку хватаютъ изслѣдованія — предшествовала образованію классового государства, „осудившаго родъ человѣческій на трудъ, рабство и нищету въ пользу честолюбцевъ", и была въ духѣ, въ смыслѣ самого Руссо, несравненно совершеннѣе, чѣмъ онъ осмѣливался когда-нибудь представить себѣ самую лучшую изъ демократій.

Припомните въ самомъ дѣлѣ ту часть знаменитой книги Моргана, гдѣ говорится объ общественной организаціи Ирокезовъ. Если бы не знать заранѣе, что это результаты долголѣтнихъ изслѣдованій Моргана, можно бы подумать (въ особенности при чтеніи краткаго резюме Энгельса [1]), что читаешь преувеличенную, вдавшуюся въ крайность, иллюстрацію ко взглядамъ Руссо на условія, необходимыя для существованія демократіи. „Нужно большое равенство по положенію и имуществу",—у краснокожихъ оно такъ абсолютно, какъ не могъ вообразить себѣ Руссо, близко знакомый лишь съ міромъ частной собственности. Нужна простота нравовъ, единство интересовъ и взглядовъ,—у краснокожихъ всѣ рѣшенія всегда принимаются единогласно. Нужно, чтобы частные интересы подчинялись общимъ, чтобы гражданинъ, отрѣшившись отъ своего *я*, чувствовалъ себя лишь частью цѣлаго. У Ирокезовъ въ сущности нѣтъ частныхъ интересовъ, отъ которыхъ имъ нужно было бы отрѣшаться. У нихъ, по выраженію Энгельса, „нѣтъ еще никакого различія между правами и обязанностями". Участіе въ общественныхъ дѣлахъ является для нихъ такимъ же правомъ или все равно—

---

[1]) „Der Ursprung der Familie" и проч., гл. III и начало IX.

обязанностью, какъ ѣсть, пить и ходить на охоту. Для прочности строя нужна, наконецъ, твердость нравовъ и обычаевъ. Нравы и обычаи краснокожихъ Сѣверной Америки были почти такъ же тверды, какъ нравы пчелъ или бобровъ. Цѣлыя столѣтія прожили они бокъ о бокъ съ самымъ прогрессивнымъ, самымъ хищнымъ изъ цивилизованныхъ народовъ, и тѣснимые со всѣхъ сторонъ, они постепенно вымирали, какъ бобры, не подчиняясь слишкомъ чуждымъ имъ обычаямъ, не превращаясь въ „меньшихъ трудящихся братьевъ“ своихъ просвѣщенныхъ сосѣдей. Добычливымъ янки не удалось выжать изъ нихъ ни капли прибавочной стоимости.

Не имѣя понятія о родовомъ строѣ, изъ котораго развился политическій, Руссо не могъ предположить, что всѣ эти античныя свободы, античный патріотизмъ и участіе всѣхъ гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ были лишь переживаніями исконнаго, болѣе тѣснаго союза, основаннаго на кровномъ родствѣ его членовъ, въ политическомъ государствѣ, основанномъ на обладаніи извѣстной территоріей, на собственности, на владѣніи рабами, которыми сперва были лишь иноплеменники.

Всѣ теоретическія затрудненія Руссо вытекали именно изъ того представленія, что нравственное единство гражданъ, необходимое для существованія законнаго государства, могло возникнуть лишь вмѣстѣ съ возникновеніемъ этого государства. Ему приходилось понять, какимъ образомъ вновь возникающій общественный строй превращалъ индивидуалистовъ въ гражданъ, переносилъ ихъ абсолютное *я* въ общественное цѣлое, тогда какъ въ дѣйствительности извѣстный ему героическій періодъ античныхъ республикъ былъ, наоборотъ, началомъ постепеннаго развитія абсолютнаго *я* частныхъ собственниковъ, началомъ выработки индивидуализма, пріостановленной завоеваніемъ Рима варварами, въ которыхъ было еще сильно „мы“ родовой организаціи, но затѣмъ снова двинувшейся впередъ, сперва медленно, затѣмъ все скорѣе и скорѣе, въ особенности съ эпохи „возрожденія“. Во времена Руссо индивидуализмъ приближался къ своему апогею, наконецъ достигнутому въ ничѣмъ не связанномъ и ненасытномъ буржуазномъ *я*, царящемъ въ верхнихъ ярусахъ капиталистическаго строя, въ то время какъ на днѣ этого строя быстро вырабатывается новое ве-

ликое *мы*, уже не ограничивающееся маленькимъ племенемъ, помнящимъ свое кровное родство, а стремящееся охватить всю ту часть цивилизованнаго человѣчества, которая была „осуждена на неравный трудъ... въ пользу горсти честолюбцевъ“,—вырабатывается объединеніе пролетаріата.

Для Руссо, принимавшаго моментъ образованія государства за первый моментъ образованія общественнаго союза, появленіе необходимой для него солидарности, „общей воли“, было еще объяснимо у такихъ отсталыхъ племенъ, гдѣ государство возникло не вслѣдствіе мѣстной борьбы между имущими и неимущими, а лишь изъ необходимости оградить себя отъ ранѣе перешедшихъ къ государственной жизни сосѣдей. У такого отсталаго народа интересы всѣхъ еще одинаковы, общая польза никому не вредна; чтобы видѣть, въ чемъ она заключается, совершенно достаточно простого здраваго смысла.

Но Руссо отлично видѣлъ, что законы античныхъ республикъ писаны вовсе не для такого однороднаго населенія. Онъ зналъ, что въ Римѣ въ лучшія времена шла борьба между патриціями и плебеями. Не та борьба временъ паденія республикъ, гдѣ каждый вотируетъ, руководимый личными, тайными мотивами, не помышляя объ общей пользѣ. „Тамъ (въ Римѣ) было, такъ сказать, два государства въ одномъ“, двѣ цѣльныхъ общихъ воли. Внутри народной партіи борьбы не было и „въ самыя бурныя времена плебисциты народа, когда сенатъ не вмѣшивался, проходили всегда спокойно и огромнымъ большинствомъ голосовъ“ [1]). Борьба между этими „двумя государствами“ входила въ самую конституцію Рима, была урегулирована его законами. Нѣсколько боровшихся между собою частей населенія, имѣвшихъ каждая свои отдѣльные интересы и свою общую волю, существовало также въ Аѳинахъ, и Солонъ, подобно Нумѣ и Сервію, предусмотрѣлъ это въ своихъ законахъ. Лишь благодаря этимъ мудрымъ законамъ народъ могъ сохранить за собой законодательную и даже многія функціи исполнительной власти. Законы Спарты предполагаютъ рабство, т. е. очень значительную степень развитія;

---

[1]) „C. S.“ кн. IV, гл. II.

но посредствомъ присвоенія рабовъ не отдѣльнымъ лицамъ, а всѣмъ спартанцамъ, какъ цѣлому, они устраняли борьбу интересовъ между гражданами, а, слѣдовательно, и раздѣленіе ихъ на партіи.

Какъ могъ Руссо со своей точки зрѣнія объяснить себѣ эти законодательства, въ особенности спартанское? Они не могли быть навязаны народу сверху, чужой силой, какъ илотамъ ихъ положеніе. Вѣдь всѣ эти законодательства гарантировали народу полную возможность не принять ихъ, а принявши, тотчасъ же отмѣнить. Они не могли быть также плодомъ простого здраваго смысла самихъ гражданъ. Они слишкомъ мудры, сложны для этого. Спартанскіе законы заранѣе предполагаютъ въ гражданахъ такую преданность общимъ интересамъ, какая могла быть лишь результатомъ начавшейся государственной жизни. Законы, противорѣчащіе нравамъ и обычаямъ народа, не могутъ быть имъ приняты, но эти сложныя, мудрыя законодательства не могли и вытечь изъ самихъ нравовъ и обычаевъ. И тѣ, и другіе могутъ вполнѣ сложиться лишь при государственной жизни. Обычаи, регулирующіе отношенія между семьями, могутъ сложиться лишь при многочисленныхъ, тѣсныхъ и мирныхъ сношеніяхъ между ними, а, по предположенію Руссо, до начала государственной жизни сношенія между семьями отсталыхъ племенъ были очень не тѣсныя, а у болѣе развитыхъ—не мирныя.

Классическая литература отвѣчала Руссо, что всѣ эти законы были писаны мудрыми законодателями. Онъ принимаетъ это какъ фактъ, но остается предъ такимъ фактомъ въ полнѣйшемъ изумленіи; складываетъ предъ нимъ свое умственное оружіе. Вся глава о „законодателѣ“ [1]) наполнена доказательствами, что это какое то совершенно необъяснимое, сверхестественное существо. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь его законы пишутся для гражданъ, которыхъ въ то время, когда они пишутся, еще нѣтъ, они должны соотвѣтствовать тѣмъ нравамъ и обычаямъ, которые создадутся у теперешнихъ индивидуалистовъ подъ вліяніемъ этихъ самыхъ законовъ. Руссо никогда не допускалъ мысли (хотя всѣ, зачисляющіе его въ представители *господствовав-*

[1]) Кн. II, гл. VII.

щаго въ *XVIII* вѣкѣ метода мышленія и изобрѣтателя „законовъ природы", ему ее навязывали), чтобы могло быть „совершенное законодательство", пригодное для всѣхъ народовъ, на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія и при различныхъ условіяхъ почвы и климата [1]). Наоборотъ, по его убѣжденію законы имѣютъ силу, лишь когда строго соотвѣтствуютъ всѣмъ условіямъ, и внѣшнимъ, и внутреннимъ, даннаго народа. Законодатель долженъ, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ предугадать свой народъ. Но еще необъяснимѣе, еще чудеснѣе, по убѣжденію самого Руссо, принятіе народомъ этого законодательства, налагающаго на него, какъ въ Спартѣ, тяжелыя лишенія, жертвующаго его настоящими, единственными видными для него интересами,—будущимъ. Чтобы будущая полезность этихъ суровыхъ законовъ могла быть доказана народу посредствомъ логическихъ разсужденій, этого Руссо не допускалъ. „Такимъ образомъ", говоритъ онъ, „не имѣя возможности употребить ни силы, ни разсужденій, законодатель долженъ былъ обратиться къ авторитету иного порядка, который могъ бы увлечь безъ насилія и убѣдить не доказывая", долженъ былъ „прибѣгнуть къ вмѣшательству неба и наградить боговъ своей собственной мудростью".

Нечего и говорить, что эти законодатели, достигавшіе своей цѣли лишь при помощи боговъ, не играли никакой роли во взглядахъ Руссо на современное ему человѣчество и его возможное будущее. Къ тому же давно исчезли, по мнѣнію Руссо, и тѣ боги, которые могли оказывать народамъ такія услуги. Языческіе боги были національными богами, вождями, законодателями, правителями своего народа и врагами всѣхъ остальныхъ народовъ. Патріотизмъ язычниковъ сливался съ ихъ религіей, заботиться объ интере-

---

[1]) Писать законы вовсе не такъ трудно, говоритъ Руссо въ „Письмѣ къ Д'Аламберу". „Послѣдній школьникъ, изучающій право, напишетъ теперь кодексъ не хуже Платона... Но законы имѣютъ силу тогда, когда до такой степени соотвѣтствуютъ нравамъ народа, для котораго они писаны и условіямъ его жизни, что ихъ выполненіе само собою вытекаетъ изъ этого соотвѣтствія... Если они вліяютъ на нравы, то только тогда, когда изъ нихъ же почерпаютъ свою силу... Не будемъ мечтать о возрожденіи Спарты тамъ, гдѣ ведется торговля и сильна любовь къ наживѣ".

сахъ государства значило служить богамъ, исполнять ихъ волю. Древніе боги были сами горячими патріотами, да не могли и не быть: они защищали свое собственное независимое существованіе. Покоренный народъ, теряя свое національное правительство, терялъ и боговъ, которые могли еще пользоваться кое какимъ почетомъ лишь въ томъ случаѣ, если побѣдитель давалъ имъ права гражданства въ своемъ пантеонѣ. Такъ дѣлали римляне и, распространивъ свое владычество на громадную часть извѣстнаго тогда міра, они населили постепенно свой пантеонъ, ставшій также пантеономъ и покоренныхъ народовъ, цѣлой массой разнообразнѣйшихъ божествъ. Язычество потеряло такимъ образомъ свой строго національный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ утратило свое гражданское значеніе, переставъ сливаться съ любовью къ отечеству и его учрежденіямъ. На такой почвѣ распространилось христіанство и совершенно отдѣлило религію отъ политики, перенесши отечество на небо. Чистое евангельское ученіе не можетъ служить поддержкой свободнымъ политическимъ учрежденіямъ. Оно можетъ создавать добрыхъ людей, но не гражданъ,—гражданскую добродѣтель оно, наоборотъ, убиваетъ. Оно проповѣдуетъ человѣколюбіе, но уничтожаетъ силу патріотизма [1].

IV.

Очень распространено то мнѣніе, будто въ общественныхъ взглядахъ Руссо экономическія условія жизни народовъ не играли никакой роли, что какъ причинъ народныхъ бѣдствій, такъ и лекарствъ отъ нихъ онъ искалъ исключительно въ политической области. Г. Карѣевъ говоритъ объ

---

[1]) „Contr. Soc.“ кн. IV, гл. VIII. Защищаясь въ „Письмахъ съ горы“ отъ взведеннаго на него за эту главу обвиненія въ оскорбленіи христіанства, Руссо говоритъ: „C'est merveille de voir l'assortiment de beaux sentiments, qu' on va nous entasser dans des livres. Il ne faut pour cela que des mots et les vertus en papier ne coutent guères; mais elles ne s'agences pas tout-á-fait ainsi dans le coeur de l'homme... Le patriotisme et l'humanité sont, par exemple, deux vertus incompatibles dans leur énergie et surtout chez un peuple entier“. (Письмо I, примѣч. 9).

этомъ, какъ о чемъ-то общепризнанномъ и не подлежащемъ сомнѣнію. Что-то въ этомъ родѣ думаетъ даже г. Южаковъ, хотя онъ и написалъ біографію Руссо.

Г. Карѣевъ, по всему вѣроятію, ничего не думаетъ о Руссо кромѣ того, что это былъ круглый идіотъ, излагая взгляды котораго нѣтъ ни малѣйшей надобности искать въ нихъ хоть какого-нибудь смысла. Но ничего не думая, онъ пишетъ о немъ слѣдующее: „Экономическіе вопросы у него, *какъ извѣстно*, (курсивъ нашъ) сводились на задній планъ предъ вопросами политическими. Если, по выраженію Дэра, Вольтеръ не видитъ въ обществѣ другихъ недостатковъ, кромѣ власти духовенства и существованія религіозныхъ вѣрованій, то Руссо, по словамъ того же писателя, въ видѣ лекарства для страданій народныхъ, предлагаетъ политическую свободу Аѳинъ и Рима. Мы даже видѣли, что онъ косвенно оправдывалъ рабство съ точки зрѣнія этой свободы. Въ самыхъ нападкахъ Руссо на собственность, мы наблюдаемъ его особую, лично ему принадлежащую точку зрѣнія: въ собственности полагаетъ онъ le véritable fondement de la société civile, а разъ онъ во имя естественнаго состоянія объявилъ войну гражданскому обществу, онъ не могъ явиться апологетомъ учрежденія, составляющаго, какъ онъ самъ признаетъ, истинное основаніе общества. Но такъ какъ, съ другой стороны, онъ приписываетъ собственности такое значеніе, то его ученіе развѣ только тѣмъ отличается отъ ученія физіократовъ, что выводитъ собственность болѣе изъ положительнаго, чѣмъ изъ естественнаго права». Такимъ образомъ, изображенный г. Карѣевымъ нелѣпый болтунъ свелъ на задній планъ экономическіе вопросы предъ политическими, но отнесся къ собственности такъ же, какъ физіократы, сводившіе предъ нею и вообще предъ экономическими вопросами всѣ остальные на задній планъ. Въ то же время онъ лишилъ себя возможности явиться по примѣру физіократовъ апологетомъ собственности, такъ какъ въ попыхахъ объявилъ войну гражданскому обществу, которому собственность служитъ, по его признанію, истиннымъ основаніемъ. Война съ гражданскимъ обществомъ нисколько не помѣшала ему, однако, предлагать политическія учрежденія Аѳинъ и Рима, т. е. опредѣленныхъ гражданскихъ обществъ, въ видѣ лекарства для страданій народ-

ныхъ, и оправдывать затѣмъ рабство съ точки зрѣнія этого лекарства.

Приписывать на одной страницѣ такую массу вздора одному и тому же человѣку—это уже роскошь, конечно, которую позволилъ себѣ здѣсь г. Карѣевъ [1]). Каждую изъ собранныхъ здѣсъ нелѣпостей (кромѣ „оправданія" рабства, являющагося, повидимому, оригинальнымъ открытіемъ) кто-нибудь да приписалъ Руссо раньше г. Карѣева, но, насколько намъ извѣстно, никто не потрудился собрать ихъ вмѣстѣ. Всю коллекцію мы привели просто для образца изложенія взглядовъ Руссо съ „интеллигентной" точки зрѣнія. Занимаетъ насъ въ настоящій моментъ главнымъ образомъ лишь утвержденіе, что Руссо не придавалъ, „какъ

[1]) „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи", стр. 278, 279. Пойти дальше нѣтъ, повидимому, никакой возможности. Но г. Карѣевъ, упоминая имя Руссо также и въ другихъ мѣстахъ своей книги, каждый разъ награждаетъ его какой-нибудь безсмыслицей. И, несмотря на все это, онъ на стр. 221 той же книги называетъ созданный имъ, такимъ образомъ, почти художественный типъ безсмысленнаго болтуна „лучшимъ представителемъ" „господствовавшаго въ XVIII вѣкѣ метода соціологической метафизики", выводившей нравственныя предписанія и даже политическія учрежденія изъ естественнаго права, естественнаго закона и проч. Если таковъ былъ „лучшій" представитель, каковы же были „худшіе"?! Однако, излагая взгляды этихъ „худшихъ", дѣйствительно придерживавшихся упомянутаго метода, г. Карѣевъ, видимо, старается, понять, что именно они хотятъ сказать, и воздерживается отъ приписыванія имъ абсолютныхъ безсмыслицъ, прибѣрегая ихъ всѣ для Руссо. Никакихъ причинъ злостно преслѣдовать этого послѣдняго у г. Карѣева нѣтъ и быть не можетъ. Все дѣло въ томъ, что, какъ ни презрительно относится онъ къ „соціальной метафизикѣ", во всѣхъ общественныхъ вопросахъ онъ стоитъ на одной точкѣ зрѣнія съ ея послѣдователями и поэтому понимаетъ ихъ и не можетъ понять діалектики Руссо. Почему во Франціи плохо разрѣшенъ, по мнѣнію г. Карѣева, „крестьянскій вопросъ"? Потому что французское образованное „общество", недостаточно альтруистичное и введенное въ заблужденіе ложными принципами, не обращало на этотъ вопросъ достаточнаго вниманія и предоставило крестьянъ ихъ судьбѣ. Почему у насъ этотъ „вопросъ" получаетъ (по мнѣнію г. Карѣева и его единомышленниковъ) гораздо лучшее разрѣшеніе? Потому что къ его рѣшенію приложенъ лучшій „принципъ" и болѣе альтруистичная интеллигенція имъ пристально занимается. Тоже по существу говорили и просвѣтители XVIII вѣка о причинахъ, какъ прошлаго неблагополучія человѣчества, такъ и предстоящаго ему благополучія.

извѣстно", значенія экономической сторонѣ жизни, сведя ее на задній планъ предъ политической.

Чтобы опредѣлить, насколько Руссо „былъ силенъ въ политической экономіи", г. Карѣевъ „невольно обращается за отвѣтомъ" къ его статьѣ въ „энциклопедіи" подъ рубрикой „политическая экономія" и соглашается „съ отзывами лицъ, которыя находятъ ее весьма посредственнаго свойства". Намъ кажется, что какъ бы ни была статья посредственна, прежде всего г. Карѣевъ долженъ бы убѣдиться, что въ ней рѣчь идетъ совсѣмъ не о томъ, что теперь носитъ названіе „политической экономіи", а вообще изъ энциклопедіи могъ бы убѣдиться, что тѣ вопросы, которые теперь входятъ въ составъ вышеупомянутой науки, трактуются тамъ подъ иными различными рубриками. Изслѣдованіе законовъ производства, обмѣна и распредѣленія тогда еще только начиналось. И этого рода изслѣдованіемъ Руссо спеціально не занимался. Но, съ одной стороны, въ то время, когда капитализмъ былъ еще въ зачаточномъ состояніи, когда натуральное хозяйство въ деревняхъ, производство на заказчиковъ въ городахъ еще боролось съ начинавшимъ водворяться товарнымъ производствомъ, экономическіе вопросы были видны простому невооруженному спеціальными знаніями глазу. Съ другой,—мы отлично знаемъ, какъ часто самыя подробныя спеціальныя знанія по политической экономіи мирно уживаются съ полнѣйшимъ непониманіемъ соотношенія между экономической жизнью даннаго общества, его умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ и его политическимъ строемъ. Руссо же, не смотря на то, что не написалъ никакого спеціальнаго изслѣдованія ни по одному изъ вопросовъ политической экономіи, понималъ это соотношеніе едва ли не яснѣе всѣхъ своихъ современниковъ, а также и г.г. Карѣева, Южакова и проч. Не замѣтить, что для Руссо основнымъ факторомъ въ развитіи человѣчества является производство—развитіе „способовъ удовлетворенія потребностей"—можно только, читая его произведенія—„Разсужденіе о неравенствѣ", въ особенности—съ единственной цѣлью искать въ нихъ рецептовъ или „красотъ", по совѣту Лагарпа.

Тѣмъ не менѣе распространенность того мнѣнія, будто Руссо все сводилъ къ политическимъ вопросамъ и игнори-

ровалъ экономическіе, имѣетъ основаніе не въ произведеніяхъ этого писателя, но въ исторической судьбѣ одного изъ этихъ произведеній, а именно „Общественнаго договора“.

Демократическому теченію послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка нужна была идейная основа, свое отличительное знамя, вокругъ котораго могли бы группироваться его активные элементы. А изъ крупныхъ писателей этого вѣка Руссо былъ единственнымъ, стоявшимъ всецѣло на сторонѣ народа, единственнымъ демократомъ въ серьезномъ смыслѣ этого слова. Не въ смыслѣ желанія добра народу—добра ему хотѣли всѣ отъ короля до самаго крайняго оратора Пале-Рояла—а въ смыслѣ отчетливаго пониманія противоположности интересовъ трудящихся классовъ съ интересами высшихъ слоевъ населенія, какъ бы теоретически добры, просвѣщенны и полны желанія его облагодѣтельствовать они ни были. Въ этой послѣдней оговоркѣ и заключалась вся сила. Многіе противопоставляли les miserables высшимъ классамъ въ ихъ качествѣ des grands, de riches. Мабли занимался этимъ никакъ не менѣе Руссо. Но его убѣжденіе, что народъ долженъ быть въ сторонѣ отъ общественныхъ дѣлъ, а осуществлять его благо призваны тѣже высшіе классы, но уже въ качествѣ просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ мудрецовъ, его вражда къ демократіи, дѣлала его непригоднымъ въ качествѣ умственнаго вождя крайняго наиболѣе демократическаго теченія. Годился для этого одинъ Руссо. Но изъ всѣхъ его произведеній только изъ „Общественнаго договора“ можно было съ грѣхомъ пополамъ извлечь хоть что нибудь такое, что можно было приноровить къ текущимъ событіямъ. Для этого надъ нимъ приходилось произвести самую радикальную операцію, выкинуть самыя существенныя его идеи: опредѣленіе закона и выясненіе тѣхъ условій, при которыхъ народъ можетъ имѣть „общую волю“, можетъ являться peuple souverain. Но, хоть и совершенно извращенный по необходимости, „Общественный договоръ“, дѣйствовалъ въ своемъ истинномъ направленіи. Съ нимъ въ рукахъ якобинцы отстаивали самые существенные—не настоящіе пожалуй, а будущіе—интересы народа.

По немъ боролись они противъ раздѣленія гражданъ на

активныхъ и пассивныхъ и отстояли всеобщее избирательное право, получившее такое значеніе для рабочихъ въ XIX вѣкѣ. По этой книгѣ кричали они народу о его великомъ значеніи и увѣряли его, что онъ peuple souverain. Въ смыслѣ Руссо этотъ суверенитетъ ни на одно мгновеніе не былъ и не могъ быть осуществленъ въ тогдашней Франціи. Но даже извращенное туманное понятіе политической и общественной самодѣятельности народа, которое заронили эти крики, оставило неизгладимый слѣдъ и положило начало „освобожденію народной души отъ пороковъ и трусости рабовъ", безъ котораго невозможно и освобожденіе его „тѣла" [1]).

Но получившій такое громадное исключительное значеніе, ставшій „катехизисомъ" якобинцевъ, „Общественный договоръ" по самому своему предмету не могъ касаться экономическихъ вопросовъ. Къ предмету этого произведенія относится, по словамъ самого автора [2]), только законы политическіе, носящіе также названіе основныхъ государственныхъ законовъ. О гражданскихъ же законахъ (lois civiles), говорящихъ объ отношеніяхъ членовъ государства какъ между собою, такъ и къ цѣлому обществу, онъ упоминаетъ въ этой книгѣ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Для общаго блага законы должны поддерживать независимость гражданъ другъ отъ друга и равенство, безъ котораго зависимость неизбѣжна. „Именно потому, что сила вещей постоянно стремится разрушить равенство, сила законодательства должна стремиться сохранять его". Законы должны быть направлены къ тому, „чтобы каждый гражданинъ былъ въ полнѣйшей независимости отъ другихъ гражданъ и въ возможно большей зависимости отъ государства. Средства, ведущія къ этимъ двумъ цѣлямъ, одни и тѣ же, такъ какъ ничто, кромѣ силы государства, не дѣлаетъ его членовъ свободными" [3]).

Не надо забывать, какъ это дѣлаетъ Луи Бланъ и многіе другіе, что по Руссо тамъ, гдѣ распоряжается независимое

---

[1]) Слово Руссо изъ „Considérations sur le Gouvernement de la Pologne", къ которымъ намъ придется возвратиться.

[2]) Cont Soc. кн. II, гл. XII.

[3]) „Общ. Дог." кн. II, гл. XII.

отъ народа правительство, государство уже разрушено, а существуетъ лишь господство.

„Сила государства“, о которой онъ говоритъ, это—коллективная сила самого народа, заключающаяся въ возможности выражать въ законахъ свою общую волю и черезъ правительство заставлять всѣхъ и каждаго подчиняться этимъ законамъ.

Гдѣ есть имущественное неравенство, а слѣдовательно и тенденція меньшинства увеличивать это неравенство и ставить большинство отъ себя въ зависимость (а сила вещей вездѣ создаетъ какъ неравенство, такъ и эти тенденціи), тамъ сила государства должна, очевидно, стѣснять меньшинство въ осуществленіи его цѣлей. Полнѣйшая зависимость гражданъ отъ государства, создающая свободу большинства —такъ какъ она мѣшаетъ его членамъ попадать въ зависимость отъ членовъ меньшинства—можетъ, а при расшаткѣ обычаевъ даже должна,—показаться этимъ послѣднимъ хуже неволи. Понятіе Руссо о свободѣ также отличалось отъ общепринятаго, какъ и о законѣ.

Принадлежность верховной законодательной власти всему народу—необходимое условіе существованія свободнаго государства, но организація народныхъ собраній, способъ подачи голосовъ, форма правленія—это не можетъ не быть различно для каждаго народа, смотря по его численности, степени развитія и величинѣ территоріи.

Еще менѣе возможны были съ точки зрѣнія Руссо подробные проекты гражданскихъ законовъ, одинаково пригодные для двухъ народовъ, не говоря уже о совершенномъ законодательствѣ, пригодномъ для всѣхъ. Поддерживать равенство и независимость гражданъ другъ отъ друга должно быть цѣлью всякаго народнаго законодательства, но средства для достиженія этой цѣли не могутъ не быть различны. Одни и тѣ же законы, регулирующіе экономическія отношенія, не могутъ годиться для городской республики, въ которой промышленность и торговля необходимы и, являясь занятіемъ большинства гражданъ, совмѣстимы съ благосостояніемъ и свободой, и для мало населенной земледѣльческой страны. Какими мѣрами могла бы поддерживать, по мнѣнію Руссо, равенство и независимость гражданъ отсталая земледѣльческая республика, видно изъ его проекта законодательства

для Корсики [1]). Корсика давно была любимой и единственной мечтою Руссо. Страна съ оригинальными, полудикими нравами, не знающая ни торговли, ни промышленности, въ которой долголѣтняя борьба съ Генуей сильно развила чувство общаго единства, горячій патріотизмъ и въ то же время совершенно раззорила и почти уничтожила бывшую тамъ раньше первобытную родовую аристократію; такая страна была единственнымъ уголкомъ въ Европѣ, который по своему внутреннему состоянію могъ бы, если не помѣшаютъ сосѣди, стать на время жилищемъ не угнетаемаго, не обираемаго народа, живущаго для себя, а не для цивилизаціи.

Онъ совѣтуетъ корсиканцамъ, благо вывозъ хлѣба прекратился, позаботиться о томъ, чтобы онъ не возобновлялся, и запретить внѣшнюю торговлю, а въ отдѣльной рукописи, состоящей изъ отрывочныхъ замѣтокъ, говоритъ: „помѣшать вывозу хлѣба значитъ въ корнѣ подрѣзать крупную собственность [2]). Уничтожить также и внутреннюю торговлю, къ сожалѣнію, невозможно, пока различныя мѣстности Корсики производятъ различные продукты, но ее слѣдовало бы вести при посредствѣ правительства. Пусть въ каждомъ приходѣ ведутся записи, изъ которыхъ было бы видно, какихъ продуктовъ производится слишкомъ много для мѣстнаго потребленія и какихъ недостаточно. Слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы каждая мѣстность производила все для нея нужное. Скажутъ, что такимъ образомъ Корсика будетъ производить меньше продуктовъ, чѣмъ спеціализируя культуры. Это вѣрно, соглашается Руссо, никогда не стремившійся соединять на бумагѣ несоединимыя на дѣлѣ вещи, но это зло меньшее, чѣмъ то, которое ведетъ за собою торговля! „Для Корсики лучше дурно употребить свои поля, чѣмъ людей“ [3]).

---

[1]) „Послѣ Руссо осталось двѣ рукописи, относящіяся до Корсики: одна хотя и незаконченная, но болѣе или менѣе отдѣланная, въ которой онъ обращается къ корсиканцамъ; другая, состоящая изъ отрывочныхъ замѣтокъ, очевидно, не назначенныхъ къ опубликованію. Обѣ напечатаны въ 1861 г. Streickeisen-Moultou. въ „Oeuvres et correspondances inédites de J. J. Rousseau“.

[2]) „Oeuv. et corr“. стр. 127.

[3]) „Oeuv. et corr“. стр. 92.

Вмѣсто всякихъ налоговъ онъ совѣтуетъ отдѣлить во всякой мѣстности извѣстный участокъ земли на нужды государства. Въ Корсикѣ есть еще свободныя земли, но если бы даже ихъ не хватило, гражданамъ было бы выгоднѣе удѣлить на нужды государства часть собственной земли, чѣмъ платить налоги. „Неужели вы думаете", спрашиваетъ Руссо, „что французскій крестьянинъ не отдалъ бы охотно двухъ третей той земли, которую обрабатываетъ, ради того, чтобы владѣть остальной третью, совершенно свободной отъ всякихъ налоговъ, оброковъ и десятины?" Но въ свободной Корсикѣ потребности государства не должны быть значительны, такъ какъ все, что можетъ быть сдѣлано личнымъ трудомъ, должно дѣлаться самими гражданами въ видѣ личной повинности, а не по найму. Посредствомъ личной же повинности (corvée) должны обрабатываться и государственныя земли съ правомъ для желающихъ замѣнять ее уплатой части продукта съ собственной земли.

Зная, сколько ненависти скопили феодальныя права около самаго слова corvée, Руссо оговаривается. Онъ не выдаетъ обязательныя работы гражданъ за абсолютное благо. Но налоги, деньги, необходимые при иной системѣ, ведутъ за собою неизмѣримо большее количество неотвратимыхъ бѣдствій. Руссо увѣренъ однако, что эти бѣдствія придутъ со временемъ. Совершенно обходиться безъ производства на продажу Корсика можетъ лишь до тѣхъ поръ, пока не начнетъ извлекать изъ своей почвы всего, что она можетъ дать. Тогда при дальнѣйшемъ размноженіи населенія ей понадобиться промышленность и торговля; тогда волей-неволей она измѣнитъ и свою конституцію и станетъ походить на сосѣднія страны. Въ настоящій же моментъ денежное обращеніе въ странѣ, торговля и налоги привели бы лишь къ полному обнищанію ея порѣдѣвшаго отъ долгой войны населенія.

Въ своихъ набросках законовъ для Корсики Руссо имѣлъ въ виду однородное, небольшое племя, не имѣвшее передъ этимъ самостоятельнаго политическаго существованія. Онъ могъ поэтому предлагать имъ наилучшій, по его мнѣнію, политическій строй и такія рѣшительныя мѣры, какъ запрещеніе торговли. Другую задачу представляло законода-

тельство большого, насчитывавшаго нѣсколько столѣтій независимаго существованія, польскаго государства.

Свои „Considérations sur le gouvernement de la Pologne“ Руссо писалъ по просьбѣ графа Віельгорскаго для польскихъ дворянъ конфедератовъ, свободныхъ гражданъ „сжатаго“ дворянскаго государства и одновременно деспотическихъ правителей крестьянъ и горожанъ. Въ полномъ согласіи со взглядами, высказанными во всѣхъ другихъ своихъ произведеніяхъ [1]), онъ предлагаетъ полякамъ лишь такія реформы, которыя кажутся ему осуществимыми. Онъ совѣтуетъ имъ сохранить въ общемъ свой политическій строй, устранивъ лишь нѣкоторыя злоупотребленія. Прямое народное законодательство въ такомъ громадномъ государствѣ было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы Польша разбилась на маленькія самостоятельныя республики, связанныя между собою лишь союзомъ, противъ внѣшнихъ враговъ. Помимо этого представительство неизбѣжно. Польская же система представительства наилучшая, она неизмѣримо выше англійской. Частые выборы, а въ особенности обязательныя инструкціи посламъ и отчеты пословъ избирателямъ переносятъ, въ сущности, законодательную власть въ мѣстные избирательные сеймы. Нужно только усилить власть этихъ сеймовъ, дать имъ право наказывать посла, вотировавшаго противъ письменно выраженной воли избирателей. Совершенно уничтожить въ Польшѣ всякую торговлю и денежное обращеніе онъ не мечталъ, но предлагаемыя имъ мѣры и здѣсь проникнуты тѣмъ же стремленіемъ,—если не совершенно остановить какъ въ Корсикѣ, то замедлить по возможности переходъ натуральнаго хозяйства въ денежное. Налоги должны взиматься натурой и составлять опредѣленный процентъ урожая всѣхъ земель, кому бы онѣ ни принадлежали. Денежные налоги съ крестьянъ, вынуждающіе ихъ во что бы то ни стало продавать свой хлѣбъ, онъ вообще считалъ страшнымъ бѣдствіемъ и неоднократно настаивалъ на этомъ съ особенной силой въ статьѣ о „Поли-

[1]) Вопреки мнѣнію г. Карѣева, утверждающаго, что Руссо „въ своемъ проектѣ конституціи для Польши дѣлаетъ не одно отступленіе отъ самыхъ основныхъ принциповъ своего знаменитаго политическаго трактата“. („Крестьяне во Франц“. стр. 282.)

тической экономіи". Плата всѣмъ служащимъ должна тоже производиться натурой, избытокъ же хлѣба правительство можетъ продавать за границу.

Главной цѣлью поляковъ, стремившихся къ пересмотру своей конституціи, было увеличеніе внѣшняго могущества государства для отпора сильнымъ сосѣдямъ. Въ числѣ различныхъ матеріаловъ, переданныхъ Віельгорскимъ Руссо для его работы, были проекты образованія въ Польшѣ большого постояннаго войска. Руссо горячо возстаетъ противъ этихъ проектовъ. Постоянное войско истощитъ страну налогами, оно несовмѣстимо со свободой, оно гораздо пригоднѣе для завоеваній, чѣмъ для защиты, такъ какъ любитъ грабить, но не способно къ горячему патріотизму. Единственное спасеніе Польши въ милиціи на подобіе швейцарской. Безправные люди не могутъ быть, конечно, надежными защитниками отечества, котораго у нихъ нѣтъ. Но надѣливъ города, а затѣмъ и освобожденныхъ крестьянъ, политическими правами, Польша можетъ создать громадную военную силу, состоящую изъ цѣлаго народа вооруженнаго и обученнаго военному искусству. Такое войско удесятеритъ ея силы въ военное время и не будетъ почти ничего стоить ей въ мирное. Этой будущей силой Польши Руссо надѣется, повидимому, прельстить на освобожденіе крѣпостныхъ польскихъ дворянъ, которыхъ считалъ большими патріотами. Въ такую эпоху, когда всѣ европейскія войны велись правительствами посредствомъ наемныхъ или завербованныхъ войскъ, Барская конфедерація, боровшаяся противъ иностраннаго вмѣшательства и потворствовавшаго ему короля, дѣйствительно могла внушить Руссо довольно высокое понятіе о польскомъ дворянствѣ и его гражданской доблести.

Г. Карѣевъ [1]), а за нимъ г. В. В. въ „Нашихъ направленіяхъ" [2]), обвиняютъ Руссо въ томъ, что онъ совѣтывалъ польскимъ панамъ *не* освобождать крестьянскихъ тѣлъ, не освободивши сперва ихъ душъ. „Поэтому онъ рекомендуетъ польскимъ панамъ", говоритъ г. Карѣевъ, „отпускать на волю только тѣхъ крѣпостныхъ, которые заслужили этого

[1]) „Крест. во Фр". стр. 268.
[2]) Стр. 30.

своимъ хорошимъ поведеніемъ. Хотя для Руссо, какъ для римскихъ юристовъ, свобода и вытекаетъ изъ естественнаго права, но онъ, подобно античнымъ моралистамъ, ставитъ внутреннюю свободу выше внѣшней и готовъ требовать послѣдней не какъ реализаціи естественнаго права, а какъ награды за хорошее поведеніе".

Какъ изъ этой цитаты, такъ и изъ всего содержанія предыдущихъ страницъ книги г. Карѣева, гдѣ рѣчь идетъ исключительно о гражданскомъ рабствѣ, о невольничествѣ, нельзя не вывести заключенія, что авторъ хочетъ увѣрить читателя, будто Руссо говоритъ о простомъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, о той свободѣ, которою польскіе крестьяне нользуются въ настоящее время. Но у Руссо *объ одномъ такомъ освобожденіи* нѣтъ и рѣчи. Оно является у него лишь необходимымъ условіемъ политическаго освобожденія крестьянъ, надѣленія ихъ законодательной властью. На этотъ разъ, говоря съ господами, просвѣщенное меньшинство которыхъ могло начитаться о естественномъ законѣ, отдающемъ посредствомъ естественнаго неравенства законодательную власть въ руки меньшинства, Руссо какъ нарочно начинаетъ именно со ссылки на естественный законъ. Законы Польши отдаютъ верховную власть въ руки одного дворянства. „Но законъ природы... говорящій въ сердцѣ и умѣ человѣка, не дозволяетъ сжимать такимъ образомъ законодательную власть, не допускаетъ, чтобы повиновеніе законамъ было обязательно для тѣхъ, кто ихъ не вотировалъ лично, какъ послы или, по крайней мѣрѣ, черезъ представителей, какъ масса польскаго дворянства. Этотъ священный законъ никогда не нарушается безнаказанно; и то состояніе слабости, до котораго дошла такая великая нація, есть результатъ именно этой феодальной жестокости, отрѣзывающей отъ государственнаго тѣла ея самую многочисленную, а иногда и самую здоровую часть".

„Не дай Богъ, чтобы было нужно доказывать здѣсь такія вещи, для пониманія которыхъ нужно лишь немного здраваго смысла и сердца! И какъ можетъ Польша претендовать на могущество, откуда возьметъ она силы, когда сама же произвольно душитъ ихъ въ своей средѣ?" Только прекративши такое положеніе, польскіе дворяне могутъ разсчи-

тывать быть свободными, „mais ne vous flattez jamais de l'ètre tant que vous tiendrez vos fréres dans les fers“ [1]).

Руссо принимаетъ всю трудность этого предпріятія, всѣ препятствія не только со стороны своекорыстія, самолюбія и предразсудковъ господъ“ (т. е. тѣхъ же пановъ со стороны, ихъ „частной воли“, къ которымъ обращается какъ къ патріотамъ), но и со стороны „пороковъ и трусости рабовъ“. Не всякій народъ способенъ вынести свободу. Руссо смѣется надъ людьми, которые съ „сердцами, переполнеными всѣми пороками рабовъ“ толкуютъ о свободѣ, не имѣя понятія о томъ, какой цѣною она пріобрѣтается и сохраняется... Г. Карѣевъ въ видахъ пущаго посрамленія Руссо обстоятельно цитируетъ всю эту тираду [2]), гдѣ, очевидно рѣчь идетъ ни въ какомъ случаѣ не о невольничествѣ, какъ почему-то угодно утверждать г. Карѣеву, а о политическихъ рабахъ (парижанахъ, напримѣръ), толкующихъ о политической свободѣ.

Мы уже знаемъ, что, по мнѣнію Руссо, свобода сохра-

---

[1]) „Но не надѣйтесь освободиться, пока будете держать своихъ братьевъ въ рабствѣ“. Considérations sur le gouvernement de la Pologne, глава VI.

[2]) „Крест. во Франц“. стр. 267—268. Той же заимствованной имъ у г. Карѣева цитатѣ г. В. В. предпосылаетъ такую нотацію: „Другая знаменитость 18 в., Руссо, другъ человѣчества вообще, бѣдныхъ по преимуществу, проповѣдникъ прелестей первобытнаго равенства и свободы, относительно реальныхъ попытокъ осуществленія этой свободы высказываетъ такія мысли“. („Наши Напрвл.“ стр. 30). Далѣе слѣдуетъ тирада Руссо, а затѣмъ измышленіе г. Карѣева относительно совѣтовъ панамъ „отпускать на волю только тѣхъ крѣпостныхъ, которые заслужили этого хорошимъ поведеніемъ“. Выходитъ, такимъ образомъ, будто паны хотѣли сдѣлать „реальную попытку осуществленія“ для всѣхъ крѣпостныхъ „прелестей *первобытной свободы*,“ а Руссо уговаривалъ ихъ наградить ею только нѣкоторыхъ за хорошее поведеніе. Если бы панамъ, дѣйствительно, пришла въ голову невѣроятная фантазія осчастливить польскихъ крестьянъ первобытной свободой въ смыслѣ Руссо, послѣдній навѣрное возсталъ бы противъ этого всей душой. Вѣдь для возстановленія первобытной свободы нужно было бы возстановить и первобытные способы удовлетворенія крестьянами своихъ потребностей, т. е. нужно было бы отнять у нихъ скотъ и орудія, отучить ихъ отъ земледѣлія и прогнать ихъ въ лѣса для собиранья желудей, грибовъ и орѣховъ, для занятія охотой (при помощи стрѣлъ и лука) и рыбной ловлей по берегамъ Вислы. Руссо навѣрное нашелъ бы недостойными *такой* свободы даже самыхъ „вѣрныхъ и примѣрныхъ“ изъ всѣхъ „холоповъ“.

няется лишь цѣною подчиненія своихъ личныхъ интересовъ общественнымъ, а пороки рабовъ заключаются въ полнѣйшей неспособности горячо интересоваться общественными дѣлами, въ предпочтеніи спокойствія и довольства свободѣ. Польскихъ крестьянъ Руссо вовсе не считалъ такими безнадежными рабами, онъ увѣренъ, что ихъ освобожденіе можетъ вполнѣ удастся. Они могутъ сдѣлаться достойными свободы и способными переносить ее. „Ils ont en eux l'étoffe pour devenir tout ce qne vous étes" [1]), т. е. стать такими же патріотами, какъ и дворяне, но для этото нужно дѣйствовать постепенно, подготовить ихъ къ освобожденію, сперва „освободить ихъ души".

На самомъ дѣлѣ, вѣдь то „освобожденіе", о которомъ говоритъ Руссо, отдавало судьбу всей Польши въ руки крестьянства какъ подавляющаго своей численностью класса. Произведя это освобожденіе сразу, можно ли было надѣяться, что крѣпостные сумѣютъ справиться съ этой нежданной свободой въ тотъ трудный моментъ, который переживала тогда Польша („Considérations" писаны между Барской конфедераціей и первымъ раздѣломъ)? Не слѣдовало ли опасаться что крестьянскіе послы скорѣе станутъ на сторону, если не прямо чужеземцевъ, то ихъ креатуры—короля, чѣмъ превратятся въ вѣрныхъ союзниковъ своихъ вчерашнихъ господъ?

Для предотвращенія этой опасности Руссо предлагаетъ начать освобожденіе съ тѣхъ крестьянъ, которые такъ или иначе оказали какую-нибудь помощь или хотя бы сочувствіе конфедератамъ во время послѣдней борьбы. Освободить, наградить ихъ всякими благами слѣдуетъ какъ можно болѣе гласно и торжественно. Затѣмъ—продолжать ежегодно освобождать въ каждой мѣстности извѣстный опредѣленный сеймомъ процентъ крестьянъ, отличающихся наилучшими нравами, хорошей обработкой своего поля, заботами о семьѣ и проч.

Какъ составлять списки крестьянъ, подлежащихъ освобожденію въ данномъ году и въ данной мѣстности, такъ и освобождать ихъ ни въ какомъ случаѣ не дѣло ихъ госпо-

---

[1]) „Cons". VI гл.

дина. Первое лежитъ на обязанности мѣстнаго выбраннаго комитета, а второе—сейма.

Заставить рабовъ, не имѣющихъ отечества, заранѣе полюбить его въ лицѣ освобождающаго ихъ сейма, въ которомъ они будутъ засѣдать; возбудить всеобщія ожиданія, а съ ними и общественные интересы: „un zéle ardent pour contribuer au bien public“—въ этомъ-то „пламенномъ стремленіи содѣйствовать общественному благу“, по мысли Руссо, и заключалось бы „освобожденіе душъ“.

Число ежегодно освобождаемыхъ крѣпостныхъ тоже ни въ какомъ случаѣ не зависѣло бы, по его мысли, отъ того, сколько крестьянъ въ данномъ году вело себя хорошо, а опредѣлялось заранѣе закономъ. Составить же первые кадры будущихъ гражданъ не изъ дураковъ или пьяницъ, съ которыхъ, быть можетъ, пожелали бы начать освобожденіе отдѣльные господа, было, конечно, очень важно для успѣха всего дѣла.

Когда въ каждомъ кантонѣ образовались бы группы свободныхъ семей, Руссо предлагалъ приступить къ освобожденію цѣлыми деревнями, съ приписанными къ нимъ общественными землями, „какъ въ Швейцаріи“, и закончить освобожденіе крестьянъ, „возвративъ имъ, наконецъ, ихъ природное право“ участвовать въ законодательствѣ. „On armerait tous ces paysans devenus hommes libres et citoyens et l'on finirait par avoir une milice vraiment excellente“ [1]), прельщаетъ Руссо патріотовъ-пановъ.

Онъ, видимо, предполагаетъ, что на полное завершеніе „освобожденія душъ“ понадобится лѣтъ 20, такъ какъ говоритъ, что послѣ этого срока полякамъ уже не придется опасаться русскихъ [2]).

Но предпочитая постепенное политическое освобожденіе крестьянъ немедленному гражданскому, не оправдалъ ли Руссо сочувственно излагаемое г. Карѣевымъ мнѣніе Дэра (издателя и панегириста физіократовъ), по словамъ котораго

---

[1]) „Всѣ эти крестьяне, ставшіе свободными людьми и гражданами, получили бы оружіе, и Польша имѣла бы, наконецъ, великолѣпную милицію“. „Consid.“, гл. XIII.

[2]) Ibid. гл. XV.

„Руссо въ видѣ лекарства для страданій народныхъ предлагаетъ политическую свободу?“

Пожалуй что и такъ.

Каждый писатель, принадлежащій къ образованному обществу, къ интеллигенціи, желающій добра народу и знающій не мало рецептовъ отъ его бѣдствій, сталъ бы, конечно, уговаривать дворянъ, во имя справедливости, разума или человѣколюбія, немедленно освободить крестьянъ и затѣмъ самимъ же ихъ облагодѣтельствовать на тотъ или другой манеръ, смотря по любимому рецепту писателя. Привлечь къ землѣ капиталы крупныхъ фермеровъ, дать полную свободу конкурренціи и тѣмъ самымъ доставить бывшимъ крѣпостнымъ обильный заработокъ— посовѣтовали бы физіократы со своимъ поклонникомъ Дэромъ.

Прикрѣпить крестьянъ къ землѣ (предполагая, что дѣло происходитъ въ послѣдней четверти XIX-го вѣка), завести у нихъ общинное землевладѣніе, а главное держаться какъ можно дальше отъ laisser faire, laisser passer и всячески тащитъ исторію туда, куда она не идетъ—посовѣтовалъ бы г. Карѣевъ вмѣстѣ съ русской интеллигенціей.

Не принадлежавшій къ „образованному обществу“, Руссо зналъ, что никто, кромѣ самого народа, лѣчить народныхъ бѣдствій не можетъ и не будетъ, что простая отмѣна крѣпостного права была бы для него лишь замѣной зависимости каждой деревни отъ одного господина, лично заинтерисованнаго, по меньшей мѣрѣ, хоть въ томъ, чтобы никто не грабилъ его крестьянъ, кромѣ него самого,—зависимостью всѣхъ деревень отъ всего дворянства, полновластно распоряжающагося всей государственной властью. Поэтому, не заводя и рѣчи о простомъ гражданскомъ освобожденіи, Руссо, во имя спасенія Польши отъ чужеземнаго ига, убѣждалъ пановъ поставить крестьянъ въ такое положеніе, при которомъ они сами были бы достаточно сильны, чтобы отстоять все то, что сочли бы своимъ благомъ. Можно сказать, конечно, что крестьяне не сумѣли бы составить хорошихъ инструкцій своимъ посламъ, что ихъ послы робѣли бы на сеймѣ предъ панами и плохо отстаивали бы интересы избирателей. Все это значило бы только, что крестьяне не успѣли еще вполнѣ освободиться

отъ „пороковъ и трусости рабовъ“, что ихъ „души“ еще не совсѣмъ „свободны“. Но Руссо могъ надѣяться, что одинъ-то изъ своихъ интересовъ крестьяне поняли бы скоро и не дали бы до такой степени давить себя налогами, какъ были раздавлены крестьяне во Франціи, гдѣ „тѣлесная“ зависимость ихъ отъ дворянъ почти всюду исчезла, и гдѣ сборщики всевозможныхъ поборовъ „мучили ихъ тысячью способами“ лишь посредствомъ ихъ полей.

Но въ общемъ, не въ двадцать лѣтъ, конечно, могли освободиться крестьянскія души отъ равнодушія къ общественнымъ дѣламъ.

Вся умственная, нравственная и политическая исторія послѣдняго столѣтія въ западной Европѣ является въ своихъ главнѣйшихъ чертахъ исторіей постепеннаго освобожденія народной души отъ „пороковъ и трусости рабовъ“,—освобожденія далеко еще не законченнаго относительно земледѣльческой части трудящагося населенія.

V.

Мы упоминали уже объ отношеніи Руссо къ передачѣ законодательной власти представителямъ и къ англійскому государственному строю въ частности. Въ XVIII в. это отношеніе было принято за выраженіе крайняго демократизма, вреднаго въ глазахъ однихъ,—идеальнаго, хотя и недостижимаго,—въ глазахъ другихъ. Той связи между вопросомъ о границахъ государственной власти вообще и парламентаризмомъ, которая образовалась въ умахъ писателей XIX вѣка и вызвала въ примѣненіи къ политическимъ взглядамъ Руссо множество недоразумѣній, тогда еще не было. Не было ея и у самого Руссо. Онъ былъ убѣжденъ, что въ чьихъ бы рукахъ ни находилась верховная власть, она останется властью издавать законы или приказы, сообразуясь со своими интересами. Придать законамъ самостоятельное, независимое отъ верховной власти, существованіе немыслимо. Свобода обезпечивается, поэтому, не самымъ содержаніемъ законовъ, которое всегда можетъ быть измѣнено, а обладаніемъ законодательной властью.

Для тѣхъ изъ современниковъ Руссо, которые имѣли

наготовѣ болѣе или менѣе полную систему совершеннаго законодательства, главная сила была, конечно, въ содержаніи законовъ; но и для нихъ большая или меньшая степень государственной опеки и регламентаціи различныхъ сторонъ жизни не была связана съ вопросомъ о представительномъ правленіи. Физіократы, провозглашавшіе неотъемлемость естественныхъ правъ человѣка на безконтрольное распоряженіе своей собственностью и вредоносность регламентаціи, были сторонниками абсолютной монархіи, которую такъ-таки и называли деспотіей. Мабли же, предпочитавшій представительное правленіе, предлагалъ представителямъ обуздывать въ законодательномъ порядкѣ „страсти" своихъ избирателей, и строжайшимъ образомъ регламентировать, ради обузданія „жадности", весь образъ жизни богатыхъ людей, не дозволяя имъ ни малѣйшей роскоши. Рекомендованный Монтескье англійскій государственный строй являлся привлекательнымъ главнымъ образомъ господствомъ законовъ, уничтожающимъ личный произволъ двора и различныхъ агентовъ исполнительной власти, но не ограниченіемъ компетенціи власти законодательной.

Современное понятіе о свободѣ окончательно сложилось и слилось съ идеей парламентаризма лишь въ XIX вѣкѣ, когда опредѣлились и основныя черты новаго экономическаго строя, которому соотвѣтствуетъ этотъ родъ свободы, обезпечиваемой парламентаризмомъ. Съ точки зрѣнія этихъ вновь установившихся понятій взгляды Руссо стали подвергаться особаго рода искаженію, которое мы считаемъ нужнымъ разсмотрѣть подробнѣе. Для примѣра мы возьмемъ отзывы о политическихъ взглядахъ Руссо двухъ извѣстныхъ у насъ писателей, одного сторонника, а другого противника буржуазнаго парламентаризма—Сореля и Луи Блана.

Характеризуя общими штрихами „политику философовъ" XVIII вѣка, которая „сводилась къ тому, чтобы могущество государства отдать на службу непогрѣшимости разума" [1]), Сорель, по очень распространенному обыкновенію, пристегиваетъ сюда и Руссо. Онъ цитируетъ Мерсье-де-ля-Ривьера и стараго Мирабо, прославлявшихъ абсолютную

---

[1]) Albert Sorel, „L'Europe et la révolution Francaise" стр. 107.

монархію,—Летрона, противопоставлявшаго ту легкость, съ какою реформы могутъ быть произведены во Франціи, задержкамъ, могущимъ постигнуть ихъ въ Англіи, и вслѣдъ за тѣмъ утверждаетъ, что въ этомъ съ ними сходился Руссо, ставившій англійскую націю „въ видѣ пугала для своихъ современниковъ". Въ такомъ сопоставленіи это совершенно невѣрно. Не для Франціи, во всякомъ случаѣ, могла Англія въ глазахъ Руссо служить пугаломъ. Онъ повторилъ вслѣдъ за Монтескье, что идея представительства зародилась во времена феодализма, говорилъ также, что англійскій народъ не свободенъ, что представители являются не выразителями его воли, а господами. Но въ томъ же „Общественномъ Договорѣ", гдѣ онъ говоритъ все это, онъ замѣчаетъ мимоходомъ, что изъ несвободныхъ народовъ, англичане всѣхъ ближе къ свободѣ, а въ „Письмахъ съ горы" [1]), сравнивая власть англійскаго короля съ властью женевскаго правительства, онъ отдаетъ полное предпочтеніе Англіи: ни малѣйшій произволъ со стороны исполнительной власти тамъ невозможенъ, равенство предъ закономъ и свобода критики дѣйствій чиновниковъ, министровъ и даже короля полнѣйшая. Въ этомъ отношеніи онъ ставитъ Англію въ видѣ примѣра для подражанія женевскому правительству, которое считалъ неизмѣримо выше французскаго [2]).

---

[1]) Письмо девятое.

[2]) Джонъ Морлей видитъ противорѣчіе между отзывами Руссо объ Англіи въ „Общественномъ Договорѣ" и „Considér. sur le Gouvern. de la Pologne" съ одной стороны и въ „Письмахъ съ горы" съ другой. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что въ то время, когда Руссо писалъ послѣднее изъ названныхъ произведеній, онъ временно измѣнилъ свой первый взглядъ на Англію, а въ „Considérations" снова вернулся къ нему. Достаточно внимательно прочесть эти различные отзывы, чтобы увидѣть, что не взглядъ на англійскую конституцію мѣнялъ въ нихъ Руссо, а говорилъ о различныхъ сторонахъ англійскаго государственнаго строя. Въ „Общественномъ Договорѣ" онъ говоритъ, что англійскій народъ не свободенъ отъ повиновенія *не имъ* изданнымъ законамъ, что въ законахъ, выражена не его воля. Въ „Письмахъ съ горы" онъ говоритъ о свободѣ англійскаго народа какъ отъ нерегулированнаго никакимъ закономъ произвола агентовъ власти, такъ и отъ произвольнаго или лицепріятнаго примѣненій существующихъ, хотя и не имъ изданныхъ законовъ. Это двѣ различныя свободы. Женевцы были свободнѣе англичанъ въ первомъ отношеніи и менѣе свободны въ послѣднемъ.

Дальше Сорель даетъ понять, почему „политика" Руссо кажется ему по существу одинаковой съ политикой сторонниковъ абсолютной монархіи и въ чемъ заключается, совершенно несущественное на его взглядъ различіе между этими двумя политиками. „Вся его революція", говоритъ Сорель, „заключается въ перемѣщеніи верховной власти... въ возвращеніи ея народу, понимаемому такимъ, какимъ онъ былъ въ древнихъ республикахъ (т. е. по Руссо: народу, могущему выражать въ законахъ свою волю)". Уничтоженія верховной власти онъ не желаетъ, для него, по мнѣнію Сореля, „дѣло не въ томъ, чтобы заставить государство поступиться своимъ могуществомъ въ пользу свободы гражданъ, а въ томъ, чтобы во имя этого могущества принять крещеніе новой религіи" [1]). Эта послѣдняя фраза, выражающая лишь отношеніе Сореля ко взглядамъ Руссо, съ точки зрѣнія самого-то Руссо ни малѣйшаго смысла не имѣетъ [2]).

---

[1]) „L'Europe et la rév. Fr". p. 108.

[2]). Г. В. В. („Наши направленія" стр. 42) цитируетъ эту фразу такимъ образомъ, что всякій подумаетъ, будто она принадлежитъ не Сорелю, а самому Руссо. Между тѣмъ эта фраза, не имѣющая смысла съ точки зрѣнія Руссо, не имѣетъ его и съ совершенно противоположной точки зрѣнія самого г. В. В. Приведемъ примѣръ, хотя и не имѣющій ни малѣйшаго отношенія къ предметамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, но знакомый г. В. В. и поэтому могущій, быть можетъ, по аналогіи, объяснить ему, въ чемъ тутъ дѣло. Кабаки въ нашей деревнѣ могутъ быть закрыты какъ по приговору схода, такъ и по распоряженію начальства. Съ той точки зрѣнія, которую Сорель противопоставляетъ Руссо, а также, вѣроятно, и съ точки зрѣнія заинтересованныхъ кабатчиковъ, закрытіе кабаковъ будетъ въ обоихъ случаяхъ вопіющимъ деспотизмомъ, нарушеніемъ свободы. Съ точки зрѣнія Руссо, право населенія закрыть кабаки, вредящіе по мнѣнію этого населенія его общимъ интересамъ, будетъ свободой. Отсутствіе этого права у населенія, но въ то же время отсутствіе всякой возможности и для начальства закрыть кабаки по собственному произволенію, будетъ полусвободой, той несвободой, стоящей всего ближе къ свободѣ, которою пользовались англичане. Закрытіе же кабаковъ волею земскаго начальника будетъ полной несвободой. Съ точки зрѣнія г. В. В., такъ громко вопіявшаго противъ права крестьянъ продавать выкупленные ими надѣлы, такъ твердо убѣжденнаго, что лишь при низкомъ нравственномъ уровнѣ можно произнести извѣстную фразу: „laissez faire, laissez passer" и не поскрежетать при этомъ зубами, будетъ, очевидно, все равно, кто бы ни закрылъ кабаки, лишь бы они были закрыты, разъ

Самодержавная власть, перемѣщенная въ руки самого народа, превращается въ свободу гражданъ дѣлать тѣ постановленія относительно общихъ условій своего существованія, которыя, по ихъ мнѣнію, соотвѣтствуютъ ихъ общимъ интересамъ, и отмѣнять тѣ, которыя не соотвѣтствуютъ. Могущество гражданъ можетъ при такихъ условіяхъ уменьшаться лишь вмѣстѣ съ ихъ свободой, и никакъ ужъ не въ пользу этой свободы. Здѣсь не можетъ быть столкновенія между могуществомъ государства и свободой вообще, а при различіи интересовъ въ средѣ гражданъ можетъ произойти столкновеніе между могуществомъ и вмѣстѣ свободой одной части гражданъ и могуществомъ и свободой другой. Въ Корсикѣ, напримѣръ, предположивъ, что большинство ея населенія согласилось бы съ проектомъ Руссо относительно запрещенія вывозной торговли, столкновеніе могло бы произойти между интересами, свободой и могуществомъ большинства живущаго при условіяхъ натуральнаго хозяйства и желающаго сохранить эти условія, и меньшинства, стремящагося завести торговлю и установить денежные налоги, безъ которыхъ при натуральномъ хозяйствѣ торговля не могла бы принять значительныхъ размѣровъ.

Но въ новѣйшей Европѣ, сосредоточившее въ своихъ рукахъ государственную власть буржуазное меньшинство завоевало ее не въ борьбѣ съ большинствомъ, а въ союзѣ съ нимъ противъ прежде господствовавшаго меньшинства и устарѣлой формы государственной власти. Оно не только не уменьшило, а наоборотъ возродило пришедшее въ упадокъ при старомъ режимѣ законодательное могущество государства и пользовалось этимъ могуществомъ въ своихъ интересахъ. Но интересы молодой буржуазіи требовали „свободы дѣйствія, свободы движенія“ во всевозможныхъ областяхъ жизни, въ сферѣ слова, культа, преподаванія и проч., совпадая такимъ образомъ съ интересами цѣлой массы лицъ, не имѣющихъ никакого прямого отношенія къ интересамъ промышленности

г. В. В. считаетъ ихъ вредными; онъ можетъ даже находить, что начальство закроетъ ихъ гораздо лучше, но все же, стоя на этой точки зрѣнія, нельзя, будучи въ здравомъ умѣ и твердой памяти, сказать, что „заставивъ“ населеніе „поступиться своимъ могуществомъ“ надъ кабаками, мы увеличили бы его „свободу“.

и торговли. Затѣмъ, даже узко экономическіе интересы буржуазіи требовали уничтоженія произвола правительственной власти, строгаго подчиненія агентовъ этой власти законамъ, и ее самое власти законодательной, а свобода отъ произвола лежала въ интересахъ всего населенія.

Господство буржуазіи слилось и въ умахъ всѣхъ буржуазныхъ писателей до сихъ поръ продолжаетъ благополучно сливаться съ господствомъ самой свободы. „Государство, поступавшееся своимъ могуществомъ въ пользу свободы гражданъ“,—это государство, въ которомъ законодательная власть принадлежитъ буржуазному меньшинству населенія при строгомъ подчиненіи ей власти исполнительной. Сорель беретъ два уклоненія отъ этой идеальной для него государственной формы, изъ которыхъ первое, болѣе или менѣе осуществленное при старомъ режимѣ, требуетъ сосредоточенія всей государственной власти въ рукахъ правительства, стоящаго отдѣльно отъ всего населенія и соединяющаго воедино власть законодательную и исполнительную. Второе уклоненіе, единственнымъ представителемъ котораго въ XVIII вѣкѣ явился Руссо, говоритъ о государствѣ, въ которомъ законодательная власть принадлежитъ всему населенію, и исполнительная такъ же подчинена законодательной, какъ а въ первомъ случаѣ. Оба эти уклоненія одинаково противны Сорелю. Зная непопулярность перваго изъ нихъ, онъ пытается скомпрометировать второе, стушевывая ихъ различія и выставляя ихъ одинаковую, по его мнѣнію, противоположность „свободѣ гражданъ“. Объ умышленности этого объединенія говоритъ намъ, главнымъ образомъ, слѣдующая совершенно не идущая къ дѣлу цитата, вклеенная Сорелемъ въ его характеристику политическихъ идей Руссо: „Осуществите европейскую республику [1]) на одинъ день и этого достаточно, чтобы она длилась вѣчно... Пусть намъ вернутъ Генриха VI и Сюлли, и вѣчный миръ снова сдѣлается разумнымъ проектомъ“. Эти двѣ фразы, ничего общаго со взглядомъ Руссо на государственную власть или форму правленія не имѣющія, взяты одна (до многоточія) изъ первой, а другая изъ послѣдней страницы самаго неизвѣстнаго изъ произ-

[1]) У Руссо сказано „sa république“, т. е. республику Аббата Сентъ-Пьера.

веденій Руссо, озаглавленнаго „Jugement sur le projet de la paix perpetuelle de M-eur l'abbé de Saint-Pierre“.

Этотъ аббатъ составилъ проектъ установленія „Европейской республики“ посредствомъ договора между государями Европы, которымъ они взаимно гарантировали другъ другу владѣнія и обязались отдавать всякіе могущіе возникнуть споры на рѣшеніе собранія уполномоченныхъ отъ всѣхъ государствъ. Это было бы по проекту нѣчто въ родѣ тогдашней германской имперіи съ ея франкфуртскимъ сеймомъ, но такъ какъ въ нее входили бы всѣ европейскія государства, то всѣ крѣпости могли бы быть срыты, а войска распущены, кромѣ крѣпостей и гарнизоновъ на границѣ Европы.

Аббатъ де Сентъ-Пьеръ писалъ тяжело и туманно. Его поклонница г-жа Дюпенъ, у которой Руссо служилъ секретаремъ, поручила этому послѣднему изложить проектъ покойнаго аббата въ удобочитаемой формѣ. Руссо изложилъ, но, не желая, чтобы взгляды аббата были смѣшиваемы съ его собственными, онъ отдѣльно написалъ свое „Сужденіе“ о нихъ. На первой страницѣ онъ говоритъ, что республика аббата (въ которой всѣ государи только и думаютъ, что о благѣ народа), разъ установленная, была бы прочна, такъ какъ всякій на опытѣ убѣдился бы въ ея соотвѣтствіи общему благу. Добрый аббатъ хорошо видѣлъ, по мнѣнію Руссо, „дѣйствіе вещей, еслибы онѣ были установлены, но судилъ какъ ребенокъ о средствахъ, пригодныхъ для ихъ установленія“. И все „Сужденіе“ посвящено доказательствамъ несоотвѣтствія вѣчнаго мира интересамъ дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ королей, и полной непригодности какой бы то ни было книги въ качествѣ средства для осуществленія такого рода проекта. Аббатъ ссылается на Генриха VI, пытавшагося составить противъ своего врага, императора, постоянную обще-европейскую коалицію, которая, уничтоживъ въ послѣдней войнѣ силу Австріи, привела бы къ вѣчному миру. Руссо разбираетъ тогдашнія обстоятельства, дѣлавшія изъ императора общаго врага, перечисляетъ, не имѣвшія ничего общаго съ книгами, средства, приготовленныя Генрихомъ для осуществленія своей цѣли, и говоритъ въ заключеніе, что если бы Генрихъ (и всѣ тѣ условія, при которыхъ дѣйствовалъ Генрихъ) вернулись, его проектъ сталъ бы снова разумнымъ проектомъ, а прекрасный проектъ аббата,

не смотря на ссылку на практичнаго Генриха, всетаки остается фантазіей.

Если изъ этого маленькаго произведенія что нибудь видно, то ужъ никакъ не готовность Руссо „примириться со всякой формой правленія, если оно обѣщаетъ осуществленіе его идей“ [1]), какъ это кажется г. В. В., а отношеніе пролетарія XVIII вѣка къ утопистамъ, характерная особенность которыхъ заключается именно въ „ребяческомъ сужденіи“ о средствахъ, пригодныхъ для осуществленія прекрасныхъ проектовъ.

Не пробѣжавши всего „Сужденія“, Сорель не могъ выдернуть изъ него двухъ приведенныхъ имъ фразъ, а разъ онъ пробѣжалъ эту статью, онъ не могъ не видѣть, что для добросовѣстной цитаты фразы не годятся.

Перейдемъ къ Луи Блану. Этотъ послѣдній въ высшей степени благосклоненъ къ Руссо, но искажаетъ его умственную физіономію еще основательнѣе неблагосклоннаго Сореля.

Вопреки обыкновенію онъ не сливаетъ взглядовъ Руссо въ одно цѣлое со взглядами его противниковъ. Луи Бланъ проповѣдникъ „братства“ и относится очень отрицательно къ „индивидуализму“, который, по его мнѣнію, проповѣдывали просвѣтители. Онъ—якобинецъ, сторонникъ сильной, заботящейся о благѣ народа правительственной власти, идею которой послѣдователи Монтескье подрывали, по его мнѣнію, обставляя ее всякими ненужными народу гарантіями индивидуальной свободы.

Изъ Руссо же онъ рѣшилъ сдѣлать своего единомышленника, предшественника своего соціализма. Какъ придется ему поступить съ этимъ предшественникомъ, можно заранѣе видѣть хотя бы изъ слѣдующей странички его „Histoire de la Rèvolution Francaise“. „Въ чемъ состоитъ прогрессъ“, спрашиваетъ онъ, „какъ не въ превращеніи благородныхъ мыслей въ благородныя дѣла и великихъ книгъ въ великихъ людей? Все относить къ тому, что неопредѣленно называютъ народомъ... это ребячество (c'est une puérilité)“. Что такое народъ, если разсматривать его безъ великихъ людей „qui sont la concentration de ses forces éparses... qu'est ce que le peuple ainsi considéré? C'est la foule“. „Это толпа“! [2]).

---

[1]) „Наши Направл.“ стр., 42.

[2]) T. VI, стр. 353.

Уже изъ одной этой цитаты можно заключить, что по всѣмъ тѣмъ пунктамъ, по которымъ Руссо всего полнѣе расходился съ современными ему философами, Луи Бланъ стоитъ по существу на одной точкѣ зрѣнія съ этими послѣдними. Въ области политики онъ можетъ горячо поспорить съ ними относительно тѣхъ рецептовъ, которые начитавшіеся книгъ люди должны прописывать народу, можетъ не согласиться относительно качествъ, необходимыхъ самимъ врачамъ, но съ Руссо, отрицавшимъ самую возможность для врачей сдѣлать народу, обращенному въ „толпу", что бы то ни было, кромѣ зла, у Луи Блана нѣтъ общей почвы даже для спора. Со своей точки зрѣнія онъ долженъ бы признать взгляды этого послѣдняго совершенно ребяческими и поискать себѣ другого предшественника. Вмѣсто того ему приходится, перебирая одно за другимъ произведенія Руссо, объявлять ихъ недѣйствительными, выражающими не истинные взгляды своего автора, а лишь его „парадоксы", „иронію", или горячій „бредъ" [1]).

[1]) Отрицаніе благодѣтельныхъ послѣдствій наукъ и искусствъ, по увѣренію Луи Блана, „не могло въ его (Руссо) намѣреніи быть ничѣмъ инымъ, кромѣ смѣлой и блестящей тактики... Неожиданныхъ парадоксовъ", предназначенныхъ для того, чтобы взволновать умы („Hist de la Rev." т. I стр. 399).

„Разсужд. о нерав.", по мнѣнію Луи Блана,—произведеніе „ироническое". На тѣхъ, кто вздумалъ бы принять въ серьезъ высказанныя въ немъ мысли, онъ просто сердится: „ Quoi! vous le prendrez au mot lui, le plus sociable des humains"... „Eh ne voyez—vous pas quelle malidiction se cache sous l'envelopре de ce nouveau paradox? Ce véhément délire est-il autre chose que l'exagération naturelle de la vérité encolére?" (Развѣ вы не видите, какія проклятія скрываются подъ оболочкой этого новаго парадокса? Неужели этотъ горячій бредъ представляетъ что-нибудь иное, кромѣ естественныхъ преувеличеній разгнѣванной добродѣтели?) (Ibid. стр. 400).

Если въ „Эмилѣ" Руссо занимается воспитаніемъ не общественнаго дѣятеля, а лишь независимаго человѣка, такъ это тоже своего рода „иронія", выраженіе ненависти, являвшейся въ сущности лишь „de l'amour aigri", какъ у мольеровскаго „мизантропа". Самая вѣра въ Бога, подъ перомъ Луи Блана, превращается въ особую тактику. Руссо съ Ребеспьеромъ „n'ignoraient pas, que la forme des societés est la contre épreuve de leur métaphysique et de leur théologie" (знали, что форма общества является снимкомъ съ его метафизики и теологіи) (Ibid. стр. 404) а такъ какъ Руссо, по мнѣнію Луи Блана, желалъ сильной власти на землѣ, то предусмотрительно заботился объ утвержденіи ея на небѣ.

Такъ поступаетъ Луи Бланъ съ „Разсужденіями“ Руссо, съ „Письмомъ къ Даламберу“, съ основной идеей „Эмиля“. Еще строже приходится поступить ему съ политическими идеями своего единомышленника. Въ другихъ областяхъ онъ просто вычеркиваетъ его идеи, но въ положительномъ смыслѣ ограничивается при этой операціи простымъ расхваливаніемъ „чувствъ“. Въ политической же области онъ навязываетъ ему свои опредѣленные взгляды, часто противоположные его собственнымъ.

Руссо, утверждаетъ онъ, былъ сторонникомъ сильной власти „d'un pouvoir fort tant qu'il y aurait dés faibles á proteger et des malheureux à sauver de l'abandon“ (пока есть слабые, которымъ надо покровительствовать, и несчастные, покинутые, которыхъ надо спасать). Конституція по образцу англійской съ ея гарантіями индивидуальной свободы, которую рекомендовалъ Монтескье, имѣетъ огромное значеніе для буржуазіи. Но для чего эти гарантіи народу? „Несчастнымъ, которыхъ одна ихъ неизвѣстность достаточно охраняла отъ произвола двора. Зачѣмъ свобода печати тѣмъ, кто не пишетъ и не читаетъ? Они, слѣдовательно, нуждались отъ правительства не столько въ гарантіяхъ, сколько въ покровительствѣ. Жанъ Жакъ это хорошо понялъ... Какъ могъ онъ не чувствовать необходимости правительственной опеки и опасности ея отсутствія, онъ, который еще ребенкомъ былъ обязанъ своими ошибками и несчастіями свободѣ большихъ дорогъ?“ [1]).

Въ „Исповѣди“, въ которой Руссо разсказываетъ о своей бродячей молодости, рисовавшейся ему, несмотря ни на что, какъ счастливѣйшее время его жизни, нельзя найти и тѣни сожалѣнія о томъ, что въ Савойѣ, Франціи или Швейцаріи, по которымъ онъ бродилъ, не нашлось начальства настолько „попечительнаго“, чтобы лишить его „свободы большихъ дорогъ“. Но автору „Исторіи французской революціи“ приходится не разъ прибѣгать къ тому же самому косвенному доказательству „пониманія“ со стороны Руссо того, чего тотъ рѣшительно не понималъ. „Онъ зналъ, способны ли бѣдные, слабые, невѣжественные сами о себѣ заботиться, онъ, который былъ нищимъ, лакеемъ и проч.“

---

[1]) Стр. 331.

повторяется въ VI томѣ той же „Исторіи“ [1]). Это тотъ же пріемъ, который употребляетъ Мабли для доказательства, что „природа“ предписала людямъ такія-то качества или учрежденія и запретила другія. Вѣдь она мудра и справедлива, слѣдовательно и проч. Руссо былъ бродягой, нищимъ, лакеемъ, слѣдовательно, онъ зналъ, что бѣднякамъ необходима сильная опекающая власть.

Но природа лишь наединѣ излагала философамъ свои мнѣнія по общественнымъ вопросамъ. Книгъ она не писала. Чтобы сослаться на ея авторитетъ, ничего не оставалось, какъ доказывать на основаніи ея добрыхъ качествъ,—ея біографіи нѣкоторымъ образомъ,—что никакихъ иныхъ взглядовъ, кромѣ самыхъ лучшихъ, — т. е. взглядовъ даннаго автора,—она имѣть не могла.

Но Руссо писалъ книги, и въ сущности вопросъ объ отношеніи между существованіемъ „несчастныхъ“ и чьей бы то ни было сильной властью, имѣющей претензію „опекать“ „спасать“ ихъ и проч., являлся то прямо, то косвенно центральнымъ вопросомъ его главнѣйшихъ произведеній. Луи Бланъ ссылается и на „Общественный договоръ“, но подъ вліяніемъ своего отвращенія къ сложившемуся уже въ XIX вѣкѣ буржуазному строю, и нежеланія допустить въ произведеніяхъ Руссо того, что казалось ему „ребячествомъ“, онъ видитъ въ совершенно ясныхъ словахъ этого произведенія совсѣмъ не то, что въ нихъ сказано.

Взглядамъ Монтескье и его послѣдователей, признававшихъ необходимость гарантій противъ правительства, онъ противопоставляетъ слѣдующія слова изъ главы „Обществ. договора“ (гл. VII кн. I), озаглавленной „Du souverain“. „Такъ какъ самодержавнымъ народомъ“, говоритъ Руссо въ приведенной Луи Бланомъ цитатѣ, „являются тѣ же отдѣльныя лица, которыя составляють народъ, то онъ не можетъ имѣть интересовъ, противоположныхъ ихъ интересамъ; нѣтъ, слѣдовательно, никакой надобности въ гарантіяхъ верховной власти по отношенію къ подданнымъ, такъ какъ невозможно, чтобы тѣло пожелало вредить всѣмъ своимъ членамъ“; на этомъ кончается цитата у Луи Блана, у Руссо же фраза заканчивается такъ: „et nous verrons ci-après qu'il ne peut nuire à aucun en particulier“ („и мы увидимъ дальше, что онъ не можетъ вредить никому въ отдѣльности“). И дальше видно,

[1]) Стр. 331.

что самодержавный народъ потому не можетъ вредить частнымъ лицамъ, что выражаетъ свою волю лишь въ законахъ, законы же не имѣютъ дѣла съ отдѣльными людьми, а говорятъ лишь объ общихъ интересахъ, правахъ и обязанностяхъ всѣхъ гражданъ. Руссо расходился съ послѣдователями Монтескье (а также и съ Луи Бланомъ) въ понятіи о верховной власти и законѣ, но правительство, власть исполнительная, которую Руссо строго отдѣлялъ отъ верховной законодательной власти, имѣетъ дѣло съ отдѣльными лицами и частными случаями, оно является посредникомъ между цѣлымъ народомъ и составляющими его отдѣльными лицами, оно по необходимости состоитъ изъ меньшинства гражданъ (чистая демократія невозможна), оно не только можетъ имѣть, но, по мнѣнію Руссо, неизбѣжно пріобрѣтаетъ отдѣльные отъ общихъ интересы, свою корпоративную отличную отъ общей волю. Оно должно быть строго подчинено общей волѣ, верховной народной власти, но неизбѣжно стремится стать выше ея. Противъ захватовъ правительственной власти Руссо считалъ необходимыми болѣе строгія гарантіи, чѣмъ Монтескье.

Луи Бланъ въ совершенно ясныя слова Руссо о puissance souveraine ухитряется, вмѣсто понятія о власти всѣхъ гражданъ вмѣстѣ взятыхъ, подставить понятіе о власти правительства надъ этими гражданами, „искать гарантіи не въ самомъ правительствѣ (вѣроятно, въ хорошихъ качествахъ составляющихъ его личностей), а внѣ его, поясняетъ Луи Бланъ, значитъ неосторожно грозить ему, раздражать его, внушать ему желаніе захватить то, въ чемъ ему отказываютъ [1]). Очевидно, не о самихъ гражданахъ идетъ тутъ дѣло, не самихъ же себя злить и тѣмъ внушать себѣ желаніе захватить то, въ чемъ они сами себѣ отказываютъ,— было бы съ ихъ стороны неосторожностью. Невольно даже приходитъ въ голову, что тутъ имѣется въ виду просто на просто „неосторожное“ поведеніе законодательнаго собранія второй республики по отношенію къ будущему императору Наполеону III-му.

Луи Бланъ не допускалъ, очевидно, чтобы Руссо могъ говорить о волѣ народа, о его власти надъ условіями своего собственнаго коллективнаго существованія иначе какъ

[1]) „Hist. de la Rev.“ т. I стр. 460, 461.

въ переносномъ смыслѣ, подразумѣвая подъ этимъ власть и волю стоящихъ надъ нимъ великихъ или малыхъ людей, безъ которыхъ народъ—толпа.

Мы знаемъ, что Руссо, настаивая на необходимости законныхъ гарантій противъ правительства, считалъ тѣмъ не менѣе, что всѣ гарантіи могутъ быть дѣйствительны, лишь когда народъ—не разрозненная толпа, занятая лишь своими личными частными дѣлами, когда онъ сохраняетъ объединяющій его живой интересъ къ общественнымъ дѣламъ.

Гдѣ отдѣльные граждане начинаютъ говорить объ общественныхъ дѣлахъ: „это до меня не касается", тамъ не помогутъ никакія гарантіи, меньшинство такъ или иначе захватитъ власть надъ большинствомъ, законное государство разрушится, наступитъ господство силы, рабство, деспотизмъ И все это, по мнѣнію Руссо, давно наступило уже въ большихъ государствахъ Европы: всѣ они, съ его точки зрѣнія, были деспотіями. Вопросомъ о наилучшемъ устройствѣ деспотическаго образа правленія Руссо спеціально не занимался; но изъ его отдѣльныхъ замѣчаній, изъ похвалъ англійскому строю, напр., ясно видно, что произвольные (по отношенію къ лишенному участія въ ихъ составленіи народу) законы при строгихъ гарантіяхъ, какъ противъ ихъ нарушенія, такъ и противъ произвола въ ихъ примѣненіи, все же въ его глазахъ были лучше тройного произвола, вытекающаго какъ изъ составленія законовъ, такъ и изъ ихъ произвольнаго примѣненія и нарушенія. Онъ не всмотрѣлся въ начинавшій складываться въ Англіи новый экономическій строй, плохо вѣрилъ, поэтому, и въ прочность ея политическихъ учрежденій, но относительно полезности, желательности гарантій онъ ни мало не расходился съ Монтескье и его послѣдователями. „Les malheureux", увѣряетъ Луи Бланъ, уже самой своей неизвѣстностью гарантированы отъ призвола двора. Но за то, чѣмъ несчастнѣе и неизвѣстнѣе они были, тѣмъ меньше были они гарантированы отъ произвола сборщиковъ податей, низшихъ агентовъ власти, вліятельныхъ сосѣдей, которые въ прогрессирующей странѣ какъ Франція, гдѣ обычаи были расшатаны, а предпріимчивость развивалась, находили тысячи новыхъ способовъ мучить крестьянъ. Благодѣтельствовать народу, покровительствовать ему, защищать его никакое властное меньшинство,

какъ таковое, по мнѣнію Руссо, не было способно, такъ какъ защищать-то нужно было бы именно отъ самаго существованія этого властнаго меньшинства, но все же лучше, если это меньшинство строго опредѣлитъ тѣ способы, посредствомъ которыхъ оно будетъ дѣлать зло.

„Но вѣдь въ большинствѣ европейскихъ государствъ народъ—толпа, неспособная сама устраивать свое благополучіе, такъ кто же его устроитъ, какъ не мы, обладающіе властью и знаніемъ",—могъ бы возразить Руссо всякій другъ народа, принадлежащій къ высшимъ классамъ.—Никто, отвѣчаетъ Руссо всѣми своими произведеніями. Личностямъ изъ высшихъ классовъ, которыя пожелали бы дѣлать добро, прежде всего слѣдовало бы поставить себя въ такое положеніе, чтобы имѣть возможность не дѣлать зла. Слѣдовало бы отказаться отъ своего привилегированнаго положенія, а слѣдовательно и отъ возможности воображать, будто дѣлаешь посредствомъ него добро.

Таковъ именно отвѣтъ Руссо въ „Эмилѣ" французскому образованному обществу, требовавшему отъ него выполнимыхъ совѣтовъ. Отвѣтъ непонятный, неспособный безъ искаженія дойти до сознанія просвѣщенныхъ друзей народа, смотрящихъ на дѣйствительность изнутри того особаго мірка, группирующагося вокругъ опредѣленныхъ литературныхъ теченій, который поочередно образовывался въ европейскихъ государствахъ въ переходные моменты отъ стараго экономическаго и политическаго строя къ новому. Въ этомъ міркѣ „философовъ", „критически мыслящихъ личностей", „интеллигенціи" вырабатывается сознаніе своей обособленности какъ отъ той части высшихъ классовъ, которая, не обращая достаточнаго вниманія на книги, открыто преслѣдуетъ лишь свои частныя, личныя цѣли,—такъ и отъ несчастнаго, пассивнаго народа. Значеніе его собственнаго существованія, его просвѣщенности, доброты, „идеи" до такой степени разростается въ его глазахъ, что совершенно заслоняетъ отъ него истинные размѣры и краски всѣхъ остальныхъ элементовъ дѣйствительности. Сами „философы", сама „интеллигенція" со своей добротой и идеями становится въ своихъ глазахъ чуть не единственной активной силой, чуть не единственнымъ двигателемъ исторіи. И эта единая великая сила думаетъ, говоритъ и пишетъ о томъ, какъ именно устроить

народное благополучіе; въ этихъ-то заботахъ и заключается ея нравственная красота, ея великое достоинство. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что благополучіе будетъ устроено? Уже одно чувство нравственнаго самосохраненія въ качествѣ благой силы не допускало и тѣни такого сомнѣнія. Раньше или позже „les grands, les riches“ проникнутся „идеями“, „les princes“ убѣдятся въ томъ, что идеи соотвѣтствуютъ ихъ же собственной пользѣ—убѣдить ихъ въ этомъ главная задача интеллигенціи,—и народное благополучіе будетъ обезпечено.

И среди этого могучаго въ XVIII вѣкѣ теченія Руссо явился единственнымъ представителемъ своего безнадежнаго въ то время убѣжденія, что благосостояніе народа можетъ быть лишь дѣломъ самого свободнаго „отъ пороковъ и трусости рабовъ“ народа. Такой народъ въ прогрессировавшей части Европы въ то время еще не родился, а въ отсталыхъ закоулкахъ, гдѣ сохранялись еще остатки родоваго строя, быстро исчезалъ.

Ни злымъ, ни добрымъ господамъ Руссо ничего не могъ противопоставить кромѣ простого отрицанія нравственной законности и благодѣтельности ихъ господства, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ. Въ его произведеніяхъ не видно надежды на приближеніе въ прогрессирующихъ государствахъ Европы такихъ условій, при которыхъ станетъ возможнымъ нравственное возрожденіе народовъ, ихъ превращеніе изъ рабовъ въ гражданъ. Въ самой дѣйствительности этихъ условій въ то время еще не было.

VI.

Что дало Руссо силу удержаться на своей безнадежной тогда и недоступной для всѣхъ окружавшихъ его теоретической позиціи и не дать отуманить себѣ глазъ „краснымъ вымысламъ“ о тѣхъ благахъ, которыя дастъ народу просвѣщенное меньшинство?

Намъ кажется, что эту силу дали Руссо именно тѣ обстоятельства его жизни, которыя, по мнѣнію Луи Блана, уже сами по себѣ доказываютъ его пристрастіе къ сильной опекающей бѣдняковъ власти.

Дѣло, конечно, не въ его плебейскомъ происхожденіи.

Въ то время среди писателей было уже не мало выходцевъ изъ низшихъ слоевъ, но это были именно *выходцы*. Попавши съ ранней юности въ среду порядочныхъ, благовоспитанныхъ людей они сжились съ ней и чувствовали себя тамъ дома, въ своемъ кругу. Руссо, проведшій свою первую молодость, какъ бродяга пролетарій, слишкомъ поздно попалъ въ „хорошее общество", чтобы заразиться его настроеніемъ. Онъ всегда чувствовалъ себя въ немъ не на своемъ мѣстѣ и наблюдалъ его со стороны, никогда внутренно не сливаясь съ нимъ [1]).

[1]) Въ какія ложныя положенія долженъ былъ онъ попадать, вращаясь въ богатомъ обществѣ, прекрасно оттѣняется слѣдующимъ маленькимъ эпизодомъ, разсказаннымъ мимоходомъ и по совсѣмъ другому поводу въ „Reveries d'un promeneur solitaire". Разъ—повидимому еще до начала дружбы съ г-жой Д'Эпинэ,—Руссо гостилъ въ ея имѣніи; со своимъ хозяиномъ Франкейлемъ и вмѣстѣ съ собравшейся блестящей компаніей онъ отправился смотрѣть деревенскую ярмарку. Кто-то вздумалъ купить и бросить въ толпу крестьянъ нѣсколько пряниковъ. Его примѣру послѣдовали другіе. Всѣмъ показалось очень забавно смотрѣть, какъ крестьяне спѣшили, толкая и давя другъ друга, подбирать перепачканные въ пыли куски. Подъ вліяніемъ ложнаго стыда, разсказываетъ Руссо, и онъ, какъ другіе. купилъ и бросилъ нѣсколько пряниковъ, но тяжелое чувство скоро заставило его отдѣлиться отъ общества и уйти бродить въ одиночку. Вникнувъ въ свое ощущеніе, онъ понялъ, сколько въ этой сценѣ было насмѣшливаго презрѣнія съ одной стороны и сколько рабскаго униженія со стороны крестьянъ, готовыхъ калѣчить другъ друга изъ за брошеннаго въ грязь угощенія.

Какъ бы ни были просвѣщенны и гуманны тѣ господа, съ которыми Руссо пришелъ на ярмарку, они не могли, хотя бы мимолетно, вообразить себя на противоположной сторонѣ и обидѣться за эту не обижавшуюся толпу. Но Руссо долженъ былъ бы быть негодяемъ, еслибы не устыдился своего участія въ этой сценѣ и не почувствовалъ, что ему не мѣсто среди бросающихъ пряники. Онъ не могъ забыть того времени, когда былъ безпріютнѣе каждаго изъ этой толпы, когда могъ бы просто съ голоду соблазниться подобнымъ угощеніемъ, и когда такіе же крестьяне или люди, не превосходившіе ихъ по своему общественному положенію, не разъ кормили его не такимъ презрительнымъ способомъ. Онъ и теперь, по характеристикѣ сдѣланной одной дамой, гостившей одновременно съ нимъ въ Шевренѣ, быть только „служащимъ по найму" у Франкейля „un pauvre diable, qui vous est pauvre comme Job... On dit toute son histoire aussi bizarre que sa personne et ce n'est pas peu" (бѣдняга, нищій, какъ Іовъ; говорятъ, что вся его исторія также странна, какъ онъ самъ, а это не мало). Онъ и теперь по своему положенію былъ все же ближе къ толпѣ, дерущейся за пряники, чѣмъ къ бросающей ихъ.

Онъ поздно выяснилъ себѣ и высказалъ въ литературѣ свои плебейскія мысли, но всегда неизмѣнно сохранялъ плебейскія чувства. Внезапно пріобрѣтя всемірную славу, онъ сдѣлалъ изъ нея пьедесталъ плебейства. Самая гордость его, громадная гордость, была, по справедливому замѣчанію Брюнетьера, гордостью не писателя, а плебея. Онъ навсегда остался „народомъ въ дурномъ смыслѣ этого слова“, по выраженію того же Брюнетьера [1]).

Въ Западной Европѣ давно уже не требуется такихъ героическихъ средствъ, чтобы дать писателю возможность взглянуть на общественную жизнь со стороны низшаго

---

[1]) Брюнетьеръ очень отрицательно относится къ личности Руссо но въ нѣсколькихъ строкахъ прекрасно характеризуетъ его исключительное положеніе въ литературѣ „Jusqu'a Rousseau l'ancienne société“, говоритъ онъ о писателяхъ XVIII вѣка, „d'aussi bas que l'on fût parti, on se classait en devenant homme de lettres; on passait de sa condition dans une autre et bien loin de s'en vanter, on essayait plutôt d'effacer jusqu. aux traces de son origine; avec une condition nouvelle, on prenait des sentiments nouveaux. Celui-ci fut le premier qui resta peuple en se faisant auteur, et qui fonda sa popularité sur le mépris insolemment avoué le tout ce qu'il n'était lui même. „Etudes critiques sur l'hist. de la Litterature Franc.“ т. III, стр. 277. („Въ старомъ обществѣ, до Руссо, изъ какихъ бы низовъ ни поднимался человѣкъ, становясь писателемъ онъ устраивался; измѣнивши свое положеніе, онъ не только не хвастался своимъ происхожденіемъ, но старался скорѣе стереть всѣ его слѣды вмѣстѣ съ новымъ положеніемъ, пріобрѣтались и новыя чувства. Руссо, первый сдѣлавшись писателемъ, остался человѣкомъ народа и основалъ свою популярность на открытомъ дерзкомъ презрѣніи ко всему, чѣмъ онъ не былъ“).

Въ лицѣ Руссо передъ нами настоящій плебей, который не только зналъ бѣдность—это случалось и съ другими,—но переживалъ ее въ „унижающемъ смѣшеніи“ (promiscuitè degradante) съ подонками человѣчества. „De même que la misére il a connu les misèrables. Voltaire n'a jamais su ce qui se passe dans l'âme d'un paysan, d'un homme de peuple, d'un laquais, d'une fille d'auberge ce qu'ils ruminent silencieusement.., ce qui gronde en eux contre un ordre social... Rousseau l'a su, et il l'a su par expérience... toutes ces rancunes ont passé, pour le grossir et le gonfler dans le torrent de son éloquence... Ibid. „Онъ зналъ не только нищету, но также и несчастныхъ. Вольтеръ не имѣлъ никакого понятія о томъ, что происходитъ въ душѣ крестьянина, человѣка изъ народа, лакея, трактирной служанки, какія мысли молча ворочаютъ они въ своихъ головахъ... что бурлитъ въ нихъ противъ общественнаго порядка... Руссо зналъ все это и зналъ по опыту... всѣ эти злыя чувства влились въ потокъ его краснорѣчія наполняя и вздувая его“). Вольтеръ первый понялъ, что

класса. Теперь существуетъ рабочій классъ, представляющій самостоятельную и активную общественную силу, не ищущій себѣ *хорошихъ господъ* и ни на кого кромѣ себя не разсчитывающій. Но въ то время, когда, при отсутствіи самосознанія въ низшихъ классахъ, такая точка зрѣнія обрекала на одиночество, а знаменитость широко открывала двери хорошаго общества, для того чтобы тогда ни на минуту не заразиться настроеніемъ этого общества и, ставъ такимъ писателемъ, съ которымъ заигрывали короли, принцы и герцоги, сохранить нетронутой свою гордость плебея, нужна была, повидимому, вся исключительность судьбы Руссо.

Онъ былъ одинокой, слишкомъ ранней ласточкой, которая среди общихъ криковъ о наступленіи лѣта не могла ждать ничего кромѣ морозовъ. Но поскольку его произведенія доходили до народа, они содѣйствовали наступленію весны, будя въ немъ именно ту гордость, которой ему недоставало.

VII.

Не какой нибудь отвлеченный принципъ или „законъ природы“ заставлялъ Руссо утверждать, что представительная система по образцу англійской вовсе не обезпечиваетъ народу выраженіе его воли въ законодательствѣ.

Найдя въ польской системѣ обязательныхъ полномочій и отвѣтственности пословъ предъ избирателями нѣкоторую возможность для этихъ послѣднихъ заставлять пословъ сообразоваться со своей волей, онъ, какъ мы видѣли, допускалъ, что при этой системѣ законодательная власть можетъ быть сохранена собраніями избирателей. При „свободѣ“ ихъ „душъ“, конечно, но это основное условіе и для прямого народнаго законодательства.

въ этихъ краснорѣчивыхъ произведеніяхъ не однѣ декламаціи, какъ многимъ казалось, а серьезное объявленіе войны „честнымъ людямъ“ и „хорошему обществу“, отсюда его ожесточеніе противъ Руссо. Брюнетьеръ насмѣхается надъ попытками мирить ихъ взгляды. Это называется, говоритъ онъ „либерализмомъ“, „широтой взглядовъ“, а на самомъ дѣлѣ требуетъ полнаго непониманія какъ того, такъ и другого писателя.

Утверждать, что воля народа выражалась въ законодательствѣ тогдашней Англіи, можно было, лишь опираясь на очень распространенную, но отсутствовавшую въ міросозерцаніи Руссо, фикцію солидарности интересовъ между богатыми и бѣдными. Не говоря уже о томъ, что въ Англіи того времени громадное большинство населенія, будучи лишено избирательнаго права, не участвовало и въ фиктивной (по мнѣнію Руссо) передачѣ своей воли представителямъ; но и для большинства лицъ, пользовавшихся избирательнымъ правомъ, оно было дѣйствительно фиктивнымъ. Избиратели сельскихъ округовъ, въ особенности, посылали въ парламентъ своихъ могущественныхъ сосѣдей вовсе не въ виду ихъ законодательной дѣятельности, не вслѣдствіе своего съ ними единодушія, а просто потому, что находились отъ нихъ въ зависимости, ожидали тѣхъ или иныхъ благъ или опасались непріятностей въ своихъ частныхъ, текущихъ дѣлахъ.

Самодержавнымъ народомъ, воля котораго выражалась въ законодательствѣ, была тамъ лишь горсть поземельной и денежной аристократіи. Многое изъ того, что установила эта аристократія, было, и по мнѣнію Руссо, полезно также для всей массы населенія, но что тотъ же парламентъ вотировалъ законы прямо ужасные для бѣднѣйшихъ слоевъ англійскаго населенія—этого, быть можетъ, не зналъ Руссо, но несомнѣнно знаетъ исторія. Для народныхъ массъ большихъ европейскихъ государствъ возможность быть дѣйствительно представленными въ законодательныхъ собраніяхъ выработалась лишь во второй половинѣ XIX вѣка. Безусловно необходимымъ факторомъ въ этой выработкѣ было и само, хотя бы и дававшее на первое время лишь фиктивное представительство, всеобщее избирательное право, но кромѣ него были необходимы и всѣ пріобрѣтенія,—а съ извѣстной точки зрѣнія и всѣ потери XIX вѣка.

Руссо настаивалъ на томъ, что свободными могутъ быть лишь очень небольшія государства. Онъ не предвидѣлъ до какой степени уменьшатся за одно столѣтіе всѣ существенныя помѣхи, какія могло ставить людямъ пространство. Въ „Эмилѣ“ [1]) онъ замѣчаетъ мимоходомъ, что теперь

[1]) Въ заключительной главѣ, озаглавленной „Les voyages“.

(т. е. въ XVIII вѣкѣ) во сто разъ больше сношеній между Европой и Азіей, чѣмъ было когда-то между Галліей и Испаніей, и что сама Европа была въ старину разбросаннѣе (plus éparse), чѣмъ сталъ въ его время весь земной шаръ.

Теперь можно сказать, что этотъ шаръ сталъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ меньше, чѣмъ была въ XVIII вѣкѣ Францiя или Швейцарія, такъ какъ благодаря телеграфу житель Лондона скорѣе узнаетъ о происшествіяхъ въ южной Африкѣ, Японіи или Америкѣ, чѣмъ во времена Руссо узнавали о происшествіяхъ въ Парижѣ или Бернѣ жители сосѣднихъ провинцій или кантоновъ.

А во многихъ, почти во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ, зависящихъ отъ пространства, цѣлая Францiя стала не болѣе разбросанной, чѣмъ была въ его время крошечная Женевская республика. Быстрота сообщеній, почти безграничная гласность, всеобщая грамотность, доступность газетъ, изо дня въ день печатающихъ подробныя свѣдѣнія о ходѣ всѣхъ общественныхъ дѣлъ и обсуждающихъ ихъ со всѣхъ точекъ зрѣнія,—все это даетъ возможность современному избирателю громадной страны, разъ только онъ живо интересуется общественными дѣлами, знать ихъ такъ же обстоятельно, какъ если бы онъ былъ членомъ законодательнаго собранія. Онъ можетъ даже гораздо лучше оріентироваться въ нихъ, чѣмъ могли во времена Руссо граждане Женевской республики, знавшіе другъ друга въ лицо, достаточно малочисленные, чтобы всѣмъ помѣститься въ одной залѣ, но которымъ нужны были цѣлые годы настойчивой агитаціи, чтобы добиться опубликованія текста законовъ, имѣвшагося лишь въ рукописяхъ, доступныхъ однимъ только членамъ правительства.

Руссо совсѣмъ не предвидѣлъ также возможности увеличенія свободы, независимости, законности для низшихъ классовъ большихъ прогрессирующихъ государствъ. Ему казалось, наоборотъ, что вмѣстѣ съ ростомъ цивилизаціи долженъ рости и всяческій гнетъ надъ поставляющимъ для нея средства народомъ. Онъ яснѣе многихъ, не своихъ только, а также и нашихъ современниковъ, видѣлъ соотношеніе между экономическимъ, нравственнымъ и политическимъ состояніемъ извѣстныхъ ему государствъ, но совершенно

не предвидѣлъ готовившагося экономическаго, а за нимъ и всѣхъ другихъ переворотовъ. Этотъ переворотъ уже намѣчался въ Англіи; но Руссо, видимо, плохо зналъ Англію. Онъ имѣлъ предъ собою, съ одной стороны Швейцарію съ ея сравнительной свободой, дешевымъ правительствомъ, отсутствіемъ постоянныхъ войскъ, ничтожными и притомъ взимаемыми натурой налогами, съ ея сравнительно слабымъ развитіемъ городовъ и всякаго блеска, цвѣтущимъ земледѣліемъ и зажиточнымъ крестьянствомъ. Съ другой стороны, онъ зналъ Францію съ ея ненасытнымъ казначействомъ, постояннымъ войскомъ, безпрерывно возрастающимъ требованіемъ отъ крестьянъ все большаго количества денегъ и усиленіемъ произвола при ихъ вымогательствѣ, съ ея растущими въ то же время большими городами, переполненными всякими arts et sciences, роскошью и блескомъ. Этому соотвѣтствовало всѣмъ въ глаза кидавшееся обнищаніе крестьянъ, ухудшеніе земледѣлія, обезлюдѣнье деревень. Дома Парижа строились, по его мнѣнію, изъ хижинъ крестьянъ. Тотъ же процессъ совершался и въ Швейцаріи: и тамъ цивилизація и неравенство постепенно росли, и Руссо, какъ мы видѣли, приводилъ ее въ видѣ устрашающаго примѣра для менѣе цивилизованной Корсики (и въ тоже время въ видѣ идеала для дворянски-блистательной Польши). Ростъ цивилизаціи въ Швейцаріи не могъ, по его мнѣнію, перейти извѣстныхъ предѣловъ безъ уничтоженія ея сравнительно свободныхъ и демократическихъ учрежденій, какъ не могъ и быстро двинуться впередъ при ихъ сохраненіи. И, разсматривая дѣло съ точки зрѣнія тогдашняго экономическаго строя, Руссо былъ совершенно правъ: у самостоятельнаго производителя владѣльца орудій своего труда нельзя отнимать слишкомъ большихъ кусковъ въ пользу цивилизаціи безъ ограниченія его гражданскихъ правъ и свободы, безъ нѣкотораго насилія надъ его личностью. Поэтому-же дальнѣйшее теченіе роскошнаго пира цивилизаціи, который онъ наблюдалъ во Франціи, представлялось ему совершенно несовмѣстимымъ съ уменьшеніемъ правительственнаго гнета и безправія главной массы производителей.

Чтобы допустить возможность такого уменьшенія, нужно было бы предугадать готовившійся экономическій перево-

ротъ, заключавшійся въ перенесеніи главныхъ расходовъ по цивилизаціи на пролетаріатъ, съ котораго оказалось возможнымъ получать несравненно больше безъ прямого насилія надъ отдѣльными личностями. Вмѣстѣ съ превращеніемъ главнаго поставщика средствъ для цивилизаціи изъ самостоятельнаго производителя въ наемнаго рабочаго, прекратилась необходимость всегда имѣть этого поставщика на опредѣленномъ мѣстѣ и подъ руками, чтобы во время,— прежде чѣмъ онъ успѣетъ ихъ съѣсть,—отнимать у него продукты его труда, а при ихъ недостаточности перетряхивать его имущество и продѣлывать надъ нимъ самимъ тѣ или другія операціи, чтобы удостовѣриться, не утаилъ ли онъ чего, могущаго пойти въ пользу цивилизаціи.

Когда оказавшіяся недостаточными для дальнѣйшаго прогресса средства производства выпали изъ рукъ измученнаго производителя, въ эти руки перестали непосредственно попадать и продукты ихъ труда. Владѣльцы новыхъ усовершенствованныхъ орудій сами, наоборотъ, начали выдавать приставленнымъ къ этимъ орудіямъ рабочимъ рукамъ долю продукта, необходимую для поддержанія тѣхъ тѣлъ, полезную часть которыхъ составляютъ руки. Гражданская и юридическая полноправность производителей, въ особенности же полная свобода ихъ передвиженія и занятій, сдѣлалась не только безвредной, но даже необходимой для цивилизаціи. Личная несвобода экономически самостоятельнаго производителя, крестьянина, замѣнилась экономической несамостоятельностью въ производствѣ лично свободнаго пролетарія.

Разросшаяся въ XVII и XVIII вѣкахъ власть центральнаго правительства (насчетъ былаго феодальнаго), соединенная съ ростомъ цивилизаціи, государственныхъ расходовъ и усиленнаго выколачиванія денегъ изъ неспособнаго выносить эти расходы крестьянства, при новомъ буржуазномъ способѣ добыванія прибавочной стоимости, оказалась въ своемъ прежнемъ видѣ ненужной и вредной помѣхой для дальнѣйшаго роста „національнаго богатства". За время своего владычества эта власть, различными способами и въ особенности раззореніемъ крестьянъ денежными налогами, содѣйствовавшими переходу натуральнаго хозяйства въ денежное и образованію пролетаріата, подготовила пути для

буржуазіи. Но для дальнѣйшаго шествія по этимъ путямъ сама правительственная власть должна была совершенно измѣнить свой характеръ. Отъ нея требовалось теперь зорко охранять собственность, наблюдать за порядкомъ и строгимъ исполненіемъ передѣланныхъ примѣнительно къ новому строю законовъ, но никакого вмѣшательства въ обычное, правильное теченіе жизни, никакого насилія для содѣйствія росту „національнаго богатства“ отъ нея уже не требовалось. За акуратное добровольное доставленіе „рабочими руками“ прибавочной стоимости ручалась полная невозможность для ихъ владѣльцевъ существовать, не доставляя ее. За исправное поступленіе налоговъ должна ручаться лишь собственность плательщиковъ; личность же всегда и всюду должна быть свободна.

Нѣкоторое время буржуазіи казалось, правда, что, предоставивъ полную свободу каждому отдѣльному индивидууму, необходимо въ тоже время всячески мѣшать тѣмъ изъ индивидуумовъ, которые ничѣмъ кромѣ собственной личности не владѣютъ („propriétaire de sa personne“ Мерсье-дела-Ривьера), вступать между собою въ соглашеніе. Но вынужденная, наконецъ, упорствомъ „личныхъ собственниковъ“ узаконить ихъ соглашенія, она увидѣла, что и тутъ принципъ свободы не только не мѣшаетъ, а даже содѣйствуетъ росту какъ національнаго богатства, такъ и всѣхъ благъ цивилизаціи.

„Принципъ“ не помѣшалъ бы буржуазіи сдѣлать для той же категоріи „собственниковъ“ нѣкоторыя изъятія также и изъ свободы слова устнаго и печатнаго. Но и здѣсь сами условія ея господства дѣлаютъ такія изъятія совершенно безполезными и въ концѣ концовъ невыполнимыми. Чѣмъ шире развивается капиталистическій строй, тѣмъ необходимѣе и вмѣстѣ неизбѣжнѣе становится для него самая широкая и всесторонняя гласность, а съ нею не уживается сколько нибудь прочныя и дѣйствительныя изъятія для какой бы то ни было части населенія, желающей говорить. Владычествуя надъ орудіями труда и его накопленными продуктами, буржуазія распоряжается въ области производства гораздо полновластнѣе, чѣмъ дворянство во времена крѣпостного права, но не можетъ прочно и основательно помѣшать производителямъ пользоваться одина-

ковым и для всѣхъ правами въ тѣхъ сферахъ жизни, которыя протекаютъ за предѣлами рабочаго времени. Словомъ, несмотря на громадное возростаніе національнаго богатства и соотвѣтствующее увеличеніе имущественнаго неравенства между владѣющими и трудящимися классами, гражданская полноправность этихъ послѣднихъ въ Западной Европѣ XIX вѣка постоянно возростала.

Всѣ эти новыя условія устраняютъ постепенно какъ внѣшнія, такъ и внутреннія препятствія, не допускавшія во времена Руссо дѣйствительнаго представительства народныхъ массъ въ законодательныхъ собраніяхъ. Онъ ясно видѣлъ то, что было видно съ того пункта историческаго пути, на которомъ онъ стоялъ, но оказался плохимъ пророкомъ относительно болѣе отдаленнаго будущаго. Крайнее развитіе всего того, въ чемъ онъ видѣлъ „грозное предвѣстіе для тѣхъ, кто будетъ имѣть несчастіе жить послѣ него“ само же развило и свое противоядіе.

Лондонъ 1896 г.

ВОЛЬТЕРЪ

его жизнь и литературная дѣятельность.

ВОЛЬТЕРЪ,
его жизнь и литературная дѣятельность *).

ГЛАВА I.

Дѣтство и молодость Вольтера. — Бастилія и первые литературные успѣхи.—„Генріада“.

Франсуа-Мари Аруэ, будущій Вольтеръ, родился въ образованной и зажиточной буржуазной семьѣ, достигшей этого положенія медленно и постепенно усиліями нѣсколькихъ поколѣній.

Въ XVI вѣкѣ предки Аруэ были еще простыми кожевни-

---

*) **Главнѣйшіе источники:**

„Oeuvres complètes de Voltaire avec préfaces, notes et commentaires nouveaux par Em. de la Bédollière et G. Avenel“. Причемъ сохранены также примѣчанія Кондорсе и Декруа къ первому полному собранію сочиненій Вольтера. 1785—1789 года.

„Mémoires sur Voltaire et sur ses ouvrages par Wagnière et Longchamp, ses secrétaires“ (Paris 1826).

Collini. „Mon séjour auprès de Voltaire“ (Paris 1807).

Duvernet. „Vie de Voltaire suivie d'anecdotes qui composent sa vie privée“ (Genève 1786). Для этого изданія написаны замѣтки о Вольтерѣ актера Lekain.

Condorcet. „Vie de Voltaire“.

Gust. Desnoiresterres. „Voltaire et la société au XVIII siècle“ (Paris 1867—76). Въ 8 томахъ.

D. F. Strauss. „Voltaire“. Sechs Vortr. (Leipzig 1870).

J. Morley. „Voltaire“ (Lond. 1872).

Gaberel. „Voltaire et les Génévois“ (Paris 1857).

Grimm. „Correspondance littéraire“ (Paris 1877—82).

A. Sayous. „Le XVIII siècle à l'étranger, hist. de la litt. franç. dans les divers pays de l'Europe depuis la mort de Louis XIV, jusqu'à la rév. franç.“ (Paris 1861).

H. Taine. „Les orig. de la France contemp.“, и другіе.

ками въ Пуату; въ первой половинѣ XVII вѣка дѣдъ Вольтера оказался уже крупнымъ торговцемъ сукнами въ Парижѣ. Онъ далъ сыну солидное образованіе и въ 1666 г. ликвидировалъ свои дѣла. Изъ рядовъ промышленной и торговой буржуазіи семья Аруэ перешла въ ряды служащей буржуазіи, чиновниковъ и легистовъ, близко соприкасавшейся съ дворянствомъ. Сынъ торговца сукнами сдѣлался нотаріусомъ, а впослѣдствіи пріобрѣлъ должность въ государственномъ казначействѣ. Онъ женился на дворянкѣ, не отличавшейся скромными домашними добродѣтелями старой буржуазіи, но сумѣвшей сдѣлать домъ нотаріуса пріятнымъ для его знатныхъ кліентовъ. Онъ велъ дѣло Сенъ-Симоновъ, Сюлли Комартэновъ и пользовался ихъ благосклонностью. Герцогъ Ришелье крестилъ его старшаго сына. Меньшему, будущему писателю, родившемуся въ ноябрѣ 1694 г., судьба послала въ крестные отцы аббата Шатонёфа, оказавшаго значительное вліяніе на его воспитаніе.

Веселый, свѣтскій аббатъ, не имѣвшій съ религіей ничего общаго, кромѣ полученія доходовъ, былъ старымъ знакомымъ жены нотаріуса и другомъ его дома. Онъ заинтересовался своимъ бойкимъ крестникомъ и занялся, по своему его духовнымъ воспитаніемъ. Еще совсѣмъ маленькимъ онъ заставлялъ его заучивать „Моизіаду“, модное въ то время скептическое произведеніе нѣкоего Лурде. Можно съ увѣренностью сказать, что ребенокъ раньше ознакомился съ нападками на религію, чѣмъ съ ея ученіемъ. Еще до поступленія въ училище мальчикъ преслѣдовалъ своего старшаго брата эпиграммами на его благочестіе. Лѣтъ 10—12 онъ уже представлялъ собою миніатюрнаго „вольнодумца“, и Шатонёфъ былъ не прочь похвастаться своимъ воспитанникомъ предъ знакомыми. Онъ возилъ его къ своей старой пріятельницѣ Нинонѣ де-Ланкло, мирно заканчивавшей въ это время свою бурную жизнь, пользуясь общей симпатіей оппозиціонно настроеннаго общества. Мальчикъ, никогда не отличавшійся застѣнчивостью, продекламировалъ ей „Моизіаду“, успѣлъ выказать свои блестящія способности и такъ понравился умной старухѣ, что она оставила ему по завѣщанію 2000 франковъ на книги. Вольтеру было 7 лѣтъ, когда умерла его мать. Десяти лѣтъ отецъ отдалъ его въ коллежъ Луи-ле-Гранъ, гдѣ подъ руковод-

ствомъ іезуитовъ воспитывались дѣти аристократовъ. Воспитанники, принадлежавшіе къ наиболѣе знатнымъ родамъ, жили тамъ на особомъ положеніи: каждый имѣлъ отдѣльную комнату, особаго воспитателя и собственнаго лакея для услугъ его маленькой особѣ. Остальные воспитанники довольствовались одной комнатой и однимъ воспитателемъ на пятерыхъ. Вольтеръ не пользовался, конечно, никакими привилегіями, но это не могло задѣвать его самолюбія,—онъ выдавался въ другомъ отношеніи. Благодаря своимъ способностямъ, а въ особенности умѣнью писать стихи, юный школьникъ очень скоро сдѣлался маленькой знаменитостью коллежа. Онъ писалъ риѳмованныя строчки и на заданныя темы, и для собственнаго удовольствія, а лѣтъ 12-ти уже переводилъ стихами Анакреона и написалъ трагедію. Объ одномъ стихотвореніи юнаго автора заговорили даже въ Парижѣ и Версалѣ. Это было прошеніе въ стихахъ, написанное имъ для стараго инвалида, желавшаго получить отъ дофина денежное вспомоществованіе.

Вольтеръ и въ коллежѣ не только не уронилъ своей репутаціи вольнодумца, а напротивъ пріумножилъ ее, и его вольнодумныя выходки были, повидимому, не безызвѣстны самимъ воспитателямъ. По крайней мѣрѣ первый біографъ Вольтера, Кондорсэ, а за нимъ и другіе приводятъ слова отца Лежэ, предсказывавшаго своему воспитаннику, что онъ „сдѣлается главою французскихъ деистовъ“. Нельзя не замѣтить, что подобное предсказаніе могло скорѣе поощрить, чѣмъ испугать, такого ребенка, про котораго другой его воспитатель, отецъ Паллу, говорилъ, что онъ „пожираемъ жаждой славы“. Несмотря на все это, Вольтеру не дурно жилось у отцовъ-іезуитовъ; они поощряли его поэтическій талантъ, и съ нѣкоторыми изъ нихъ у него навсегда остались добрыя отношенія. Учился онъ вообще прекрасно и на экзаменахъ получалъ первыя награды. Много прочныхъ дружескихъ связей завязалось у него и со школьными товарищами. Вмѣстѣ съ нимъ учились и остались его пріятелями братья д'Аржансонъ, которые оба были впослѣдствіи министрами. Близкія отношенія сохранились у него и съ Сидевилемъ, ставшимъ потомъ парламентскимъ совѣтникомъ въ Руанѣ; но самымъ близкимъ, самымъ дорогимъ другомъ всей его жизни остался графъ д'Аржанталь, „ангелъ-храни-

тель", какъ называлъ его Вольтеръ, за неусыпную заботливость, съ которой тотъ всегда относился къ интересамъ своего безпокойнаго друга.

Шестнадцати лѣтъ Вольтеръ окончилъ курсъ и снова попалъ подъ преобладающее вліяніе Шатонёфа. Юноша испыталъ уже нѣчто въ родѣ авторской славы, былъ увѣренъ въ своемъ поэтическомъ дарованіи и твердо рѣшилъ посвятить себя литературѣ. Отецъ его считалъ такое занятіе равнымъ полнѣйшему бездѣлью и вѣрнымъ средствомъ умереть съ голоду. Онъ опредѣлилъ сына въ школу правовѣдѣнія, но варварскій жаргонъ старыхъ французскихъ законовъ оскорблялъ литературный вкусъ Вольтера и внушилъ ему полнѣйшее отвращеніе отъ избранной отцемъ карьеры. Онъ совсѣмъ не занимался и проводилъ все время въ обществѣ, въ которое ввелъ его аббатъ Шатонёфъ.

Это было избранное свѣтское общество, отличавшееся оппозиціоннымъ духомъ особаго рода. Къ нему принадлежало немало титулованныхъ особъ: герцоги Сюлли, принцъ Конти, маркизъ де-ла-Фаръ, а главою общества считался герцогъ Вандомъ, попавшій впрочемъ въ ссылку ко времени перваго вступленія въ свѣтъ Вольтера. У этого общества была своя опредѣленная окраска, дѣлавшая его непріятнымъ королю. Полнѣйшій скептицизмъ его членовъ въ области религіи и нравственности, насмѣшки надъ ханжествомъ, господствовавшимъ тогда при дворѣ, вызывали неудовольствіе Людовика XIV. Въ большей или меньшей степени, все это были „фанфароны порока", какъ называлъ старый король будущаго регента. Въ этомъ-то обществѣ и зародился тотъ духъ, тѣ нравы, которые стали извѣстны впослѣдствіи подъ именемъ „нравовъ временъ регентства". Особую пикантность придавало вольнодумству этого общества то обстоятельство, что большинство его членовъ принадлежало, подобно Шатонёфу, къ духовенству.

Только что появившійся тогда словарь Бэйля,—который, опираясь на ученіе самой церкви, доказывалъ полное противорѣчіе между разумомъ и религіозными догматами, и рѣшая повидимому споръ въ пользу догматовъ, предоставлялъ самимъ читателямъ выводить противоположное заключеніе,—пользовался большимъ успѣхомъ среди людей, между которыми вращался Вольтеръ. Но мы ошиблись бы,

еслибъ предположили въ нихъ вражду къ религіи, малѣйшее желаніе разрушать ее, распространять свои взгляды. Эти остроумные, образованные язычники не задавались никакими общими цѣлями. Наслажденіе признавалось ими единственной цѣлью жизни. Единственнымъ требованіемъ, которое они себѣ ставили, ихъ единственнымъ правиломъ было: всегда сохранять хорошее расположеніе духа и шуткой встрѣчать всякое несчастье.

Въ такую-то компанію попалъ Вольтеръ. Его живость остроуміе, даръ писать стихи снискали ему всеобщее благоволеніе. Многіе изъ членовъ этого общества были знатоками и любителями литературы; и сами пописывали куплеты по большей части игриваго свойства во славу вина и женщинъ и въ посмѣяніе напускной нравственности стараго двора и особенно духовниковъ придворныхъ дамъ. Вольтеръ быстро вошелъ въ тонъ своихъ по большей части пожилыхъ собутыльниковъ и не отставалъ отъ другихъ, стараясь за развязностью выраженій заставить забыть, что онъ еще почти ребенокъ. Не ровней былъ онъ этому обществу и въ другомъ отношеніи. Онъ — буржуа среди дворянъ, а такое смѣшеніе сословій было еще новостью въ концѣ царствованія Людовика XIV. Но Вольтеръ этого ни мало не чувствовалъ и тотчасъ поставилъ себя со всѣми на равную ногу съ той самоувѣренностью, которая никогда не покидала его, съ какими бы высокими особами ни сталкивала его судьба.

Не заглядывая въ школу, мало бывая дома и проводя почти все время то у Сюлли, то въ другихъ аристократическихъ домахъ, Вольтеръ былъ совершенно доволенъ своей судьбой; но зато отецъ былъ очень недоволенъ его бездѣльемъ и образомъ жизни. Чтобы вырвать сына изъ свѣтскаго общества, онъ придумалъ послать его въ Гагу къ французскому посланнику въ Голландіи маркизу Шатонёфъ, брату тогда уже умершаго аббата. Но это насильственное удаленіе изъ Парижа было непродолжительно. Скоро—и опять противъ собственной воли — Вольтеръ былъ возвращенъ къ отцу. Въ дѣло замѣшалась любовь къ одной соотечественницѣ, Олимпіи Дюнуайе, быстро окончившаяся, по просьбѣ матери его возлюбленной, высылкой влюбленнаго поэта изъ Гаги. Первое время Вольтеръ ведетъ изъ Парижа тайную переписку съ Олимпіей Дюнуайе и строитъ

всякіе планы; но сама барышня, бывшая и старше, и опытнѣе его, скоро утѣшилась съ другимъ, а потомъ вышла замужъ. Встрѣтивши ее нѣсколько лѣтъ спустя въ затруднительномъ положеніи, Вольтеръ отнесся къ ней самымъ дружескимъ образомъ и помогалъ, чѣмъ могъ. Вернувшись въ Парижъ, онъ повелъ прежній образъ жизни, но отецъ окончательно вышелъ изъ себя, прогналъ сына изъ дому и замышлялъ противъ него самыя строгія мѣры. Чтобы умилостивить отца, Вольтеру пришлось побѣдить свое отвращеніе къ судебному жаргону и посвящать ежедневно по нѣскольку часовъ на практическія занятія у прокурора, къ которому помѣстилъ его старый Аруэ. Избавилъ его отъ этихъ несносныхъ занятій знакомый ихъ семьи, интендантъ финансовъ Комартэнъ, принадлежавшій къ дѣловой чиновничьей аристократіи и потому пользовавшійся большимъ уваженіемъ бывшаго нотаріуса. Комартэнъ уговорилъ стараго Аруэ отпустить сына погостить къ нему въ замокъ Сентанжъ, гдѣ вдали отъ вліянія свѣтскаго общества юноша обдумаетъ на досугѣ выборъ карьеры. Но Вольтеръ уже выбралъ свою карьеру, и общество Комартэна только усилило его рѣшимость. Старикъ Комартэнъ, проведшій всю жизнь среди выдающихся людей двора Людовика XIV, зналъ множество анекдотовъ изъ жизни этого двора, множество закулисныхъ подробностей различныхъ событій о которыхъ непосвященная публика могла строить лишь догадки. Его свѣдѣнія не ограничивались при этомъ современными ему событіями. Онъ относился съ горячимъ энтузіазмомъ къ Генриху IV и могъ многое порасказать объ этомъ королѣ, личность котораго была заслонена отъ глазъ послѣднихъ поколѣній пышной фигурой Людовика XIV. Старый хозяинъ любилъ разсказывать, а Вольтеръ жадно слушалъ и разспрашивалъ. Онъ скоро заразился энтузіазмомъ Комартэна къ Генриху IV и заразилъ имъ впослѣдствіи всѣхъ своихъ современниковъ. Въ творцѣ Нантскаго эдикта все нравилось людямъ XVIII вѣка, начиная съ его человѣколюбія и религіозной терпимости, граничившей съ индифферентизмомъ, до веселой распущенности нравовъ, свойственной также и людямъ этого вѣка.

Здѣсь, въ Сентанжѣ, задумалъ Вольтеръ „Генріаду“ и, заинтересовавшись вообще исторіей, началъ собирать матеріалы для своего „Вѣка Людовика XIV“.

Въ сентябрѣ 1715 года старый король умеръ и общество, въ которомъ снова вращался вернувшійся въ Парижъ Вольтеръ, тотчасъ же увеличилось всѣми тѣми членами, которыхъ вырвало изъ него благочестивая подозрительность Людовика XIV. Возвратился изъ изгнанія герцогъ Вандомъ; былъ выпущенъ изъ Венсенскаго замка посаженный въ него за остроумную выходку аббатъ Сервіенъ. Когда послѣдній отправлялся въ свое невольное уединеніе, Вольтеръ напутствовалъ его стихотвореніемъ, въ которомъ называлъ веселаго аббата „законодателемъ сладострастья", „повелителемъ грацій и смѣха", раздѣляющимъ господство съ однимъ только Филиппомъ Орлеанскимъ. Теперь этотъ второй „законодатель сладострастья", получивши регентство, сталъ законодателемъ также и Франціи.

Весело отпраздновавши смерть стараго короля, парижане принялись сочинять стихи, какъ противъ него, такъ и противъ регента. „Фанфаронство порока" на высотѣ трона представляло соблазнительную тему. Сочинилъ и Вольтеръ нѣсколько такихъ куплетовъ, за которые еще недавно онъ могъ бы попасть въ желѣзную клѣтку. Равнодушный ко всему регентъ ограничился высылкой поэта изъ Парижа.

Это первое изгнаніе было для Вольтера однимъ сплошнымъ праздникомъ. Онъ провелъ его въ замкѣ Сюлли, гдѣ собралось многочисленное общество, занятое исключительно устройствомъ всевозможныхъ увеселеній, отъ которыхъ Вольтеръ отрывался лишь для сочиненія посланій къ знакомымъ дамамъ. Тамъ же, по совѣту пріятелей, онъ написалъ посланіе и къ герцогу Орлеанскому, которое заканчивалось просьбою лишь прочесть предлагаемые стихи, чтобы убѣдиться черезъ сравненіе, что ихъ авторъ не можетъ быть сочинителемъ отвратительныхъ куплетовъ, которые ему приписываютъ. Этой тактики Вольтеръ будетъ придерживаться всю жизнь. Никогда не подписывая произведеній, могущихъ навлечь непріятности, онъ при малѣйшей опасности будетъ кричать о клеветѣ, бранить на чемъ свѣтъ стоитъ несчастное произведеніе, которое ему приписываютъ, выражать величайшее презрѣніе къ его автору и горько жаловаться на злую несправедливость людей, предполагающихъ, что онъ можетъ писать такія жалкія вещи.

Неизвѣстно, повѣрилъ ли регентъ невинности Вольтера,

но онъ позволилъ ему вернуться въ Парижъ и даже далъ аудіенцію. Но миръ оказался непродолжительнымъ. Впослѣдствіи, когда регентъ давно умеръ и льстить ему не было никакой надобности, Вольтеръ отзывался о немъ очень хорошо. Въ „Исторіи вѣка Людовика XIV“ онъ говоритъ, что изъ потомковъ Генриха IV-го регентъ больше всѣхъ походилъ на этого короля и характеромъ, и даже лицомъ, но былъ при этомъ образованнѣе и красивѣе Генриха IV. Авторъ видитъ въ Филиппѣ Орлеанскомъ только два недостатка: любовь ко всякой новизнѣ и къ удовольствіямъ, но ни то, ни другое не было большимъ грѣхомъ въ глазахъ Вольтера. Такъ думалъ онъ впослѣдствіи, но въ 20 лѣтъ у него было неудержимое стремленіе оскорблять этого самаго регента. Оскорбительные куплеты, за которые онъ былъ высланъ въ 1716 году, написаны въ шутливомъ тонѣ. Весной 1717 года въ Парижѣ обращалось уже маленькое латинское стихотвореніе, гдѣ въ сжатыхъ, отрывочныхъ фразахъ перечислялись бѣдствія Франціи подъ управленіемъ отравителя и кровосмѣсителя (молва взводила на герцога эти преступленія) и предрекалась ея неизбѣжная гибель. Такое произведеніе не могло не вывести изъ терпѣнія даже и регента. Вольтеръ имѣлъ осторожность пустить въ обращеніе эти опасныя строчки во время своего отсутствія изъ Парижа. Но авторское самолюбіе оказалось сильнѣе осторожности. Едва вернувшись отъ Комартэна, у котораго онъ опять гостилъ, Вольтеръ натолкнулся на шпіона, офицера Борегара, притворявшагося его пріятелемъ. Въ видѣ новости тотъ сообщаетъ ему о ходящихъ по рукамъ латинскихъ строчкахъ.—Нравятся ли онѣ публикѣ?—интересуется Вольтеръ.—Ихъ находятъ очень умными и приписываютъ іезуитамъ,—отвѣчаетъ собесѣдникъ. — Іезуиты рядятся въ чужія перья,—возражаетъ Вольтеръ и сообщаетъ шпіону о своемъ авторствѣ. Борегаръ притворяется, будто не вѣритъ: въ 20 лѣтъ не пишутъ такихъ прекрасныхъ вещей. Вольтеръ горячится и старательно доказываетъ, что пишутъ. Посаженный черезъ нѣсколько дней въ Бастилію, онъ при допросахъ находитъ въ рукахъ начальства подробное изложеніе всего разговора.

Вольтеръ просидѣль въ Бастиліи 11 мѣсяцевъ. Онъ усердно работалъ въ своемъ уединеніи: окончилъ трагедію

„Эдипъ“, которую набросалъ уже болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, и началъ „Генріаду“, описалъ также свой арестъ и тюремную жизнь въ шутливой маленькой поэмѣ „Бастилія“ и вообще ни мало не унывалъ, хотя, кромѣ потери свободы, было у него въ это время и другое горе. У Сюлли онъ познакомился съ одной дѣвушкой, госпожей Ливри. Она играла на домашнемъ театрѣ Сюлли и вообще была безъ ума отъ сцены. Вольтеръ, уже считавшійся знатокомъ въ этомъ дѣлѣ, поправлялъ ея игру, училъ декламаціи. Учитель и ученица влюбились другъ въ друга и поклялись любить вѣчно. Но когда Бастилія разлучила влюбленныхъ, мѣсто отсутствующаго занялъ въ сердцѣ г-жи Ливри ближайшій другъ Вольтера и повѣренный всѣхъ его тайнъ, молодой де-Женонвиль. Этой двойной измѣнѣ въ поэмѣ „Бастилія“ посвящена слѣдующая строчка: „Всѣ измѣнили ему, даже и возлюбленная“. Но одной этой меланхолической строчкой и ограничились всѣ жалобы. Выйдя на свободу, Вольтеръ не упрекаетъ измѣнниковъ, даже не сердится на нихъ, продолжаетъ заботиться о театральныхъ успѣхахъ г-жи Ливри и остается преданнымъ другомъ Женонвиля до самой смерти этого послѣдняго. Такъ же поступитъ Вольтеръ и 30 лѣтъ спустя при разрывѣ другой, долгой, несравненно болѣе серьезной связи.

Въ этой способности почти тотчасъ же искренно прощать измѣну и оставаться другомъ какъ измѣнившей женщины, такъ и своего счастливаго соперника, главная роль принадлежитъ, конечно, личному характеру Вольтера, въ жизни котораго дружба всегда имѣла гораздо больше значенія, чѣмъ любовь къ женщинѣ. Но нѣкоторую роль играли при этомъ также нравы и взгляды того высшаго общества, въ которомъ почти съ дѣтства вращался Вольтеръ. Въ этой средѣ любовь не давала никакихъ правъ, не налагала никакихъ обязанностей, а ревность считалась смѣшной и постыдной.

Черезъ 6 мѣсяцевъ по выходѣ Вольтера изъ Бастиліи въ ноябрѣ 1718 года, была поставлена на сцену его первая трагедія „Эдипъ“. До тѣхъ поръ поэтическій талантъ молодого автора былъ извѣстенъ лишь по мелкимъ стихотвореніямъ, принимавшимъ всего чаще форму посланій къ друзьямъ и знакомымъ. Такой родъ поэзіи былъ вообще въ модѣ,

среди высшаго общества того времени, и даже принцъ Конти удостоилъ самого Вольтера посланіемъ, въ которомъ восхвалялъ его „Эдипа“. Трагедія дѣйствительно имѣла огромный успѣхъ, и уже раздавались голоса, объявлявшіе ея автора преемникомъ Корнеля и Расина.

На отпечатанныхъ экземплярахъ „Эдипа“ въ первый разъ встрѣчается подпись: „Вольтеръ“. Отцовская фамилія не нравилась молодому писателю, но, откуда взялъ онъ имя „Вольтеръ“, осталось невыясненнымъ. Предполагали, что это названіе фермы, принадлежавшей его матери. Несмотря однако на всѣ позднѣйшія изслѣдованія, такой фермы найдено не было.

Регентъ пожаловалъ автору „Эдипа“ значительную денежную награду, но въ слѣдующемъ-же году опять заподозрилъ въ немъ,—и на этотъ разъ дѣйствительно несправедливо,—автора распространяемой противъ него сатиры. Пока не открылась ошибка, Вольтеру пришлось опять повеселиться внѣ Парижа, переѣзжая въ новыхъ лучахъ своей авторской славы изъ одного замка въ другой. Такъ же весело и разнообразно то въ Парижѣ, то въ окрестныхъ замкахъ провелъ онъ и слѣдующіе годы.

Въ 1722 году умеръ отецъ Вольтера. Они рѣдко видались въ послѣдніе годы. Старикъ Аруэ присутствовалъ, говорятъ, на представленіи „Эдипа“, но и громкій успѣхъ трагедіи не примирилъ его съ избранной сыномъ карьерой.

Въ томъ-же году Вольтеръ предпринялъ небольшое путешествіе въ Голландію, куда сопровождалъ одну изъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, г-жу Рюпельмондъ.

Для этой же дамы, обратившейся къ своему спутнику за разрѣшеніемъ—или вѣрнѣе за подтвержденіемъ—своихъ религіозныхъ сомнѣній, Вольтеръ написалъ въ стихахъ „Посланіе къ Ураніи или за и противъ“. Въ этомъ первомъ антирелигіозномъ произведеніи Вольтера, напечатанномъ лишь десять лѣтъ спустя, уже сказывается во всей силѣ отрицательное отношеніе автора къ догматамъ католической церкви, но по серьезной горячности тона оно отличается отъ большинства его позднѣйшихъ произведеній этого рода. „Я хочу любить Бога“, — говоритъ Вольтеръ въ „Посланіи къ Ураніи“,—я ищу въ немъ отца, а мнѣ показываютъ тирана“. Главнѣйшимъ актомъ этой тираніи является въ его глазахъ

осужденіе на адскія муки всѣхъ безчисленныхъ послѣдователей другихъ религій, всѣхъ милліоновъ людей далекихъ странъ и прошлыхъ поколѣній. Въ заглавіи онъ обѣщаетъ говорить и „за и противъ“, но нѣсколько строчекъ, посвященныхъ защитѣ ученія церкви, тонутъ у него въ страстныхъ обвиненіяхъ.

Въ Брюсселѣ, по пути въ Голландію, Вольтеръ посѣтилъ проживавшаго тамъ Жана-Батиста Руссо, къ таланту котораго онъ относился съ большой симпатіей. Послѣ очень любезной встрѣчи авторы прочли другъ другу нѣкоторыя изъ своихъ неизданныхъ произведеній и тѣмъ положили прочное основаніе очень дѣятельной литературной войнѣ. Началъ печатныя нападки Ж.-Б. Руссо. Вольтеръ всегда утверждалъ, что онъ ни на кого и никогда не нападалъ, пока не затрогивали его, или его друзей. Дѣйствительно, въ своихъ многочисленныхъ литературныхъ распряхъ онъ никогда не былъ зачинщикомъ, но зато разъ вызванный на борьбу, никогда не оставался въ долгу, а по большей части платилъ сторицею, язвя противниковъ въ стихахъ и въ прозѣ, въ спеціально посвященныхъ имъ памфлетахъ и мимоходомъ въ произведеніяхъ, трактующихъ о совсѣмъ другихъ предметахъ. Причину враждебности Ж.-Б. Руссо къ Вольтеру оба автора объясняютъ различно. Вольтеръ думаетъ, что Руссо не могъ простить ему остроты, вырвавшейся у него по выслушаніи „Оды къ потомству“, прочитанной ему авторомъ. „Не дойдетъ она по адресу“, замѣтилъ слушатель. Ж.-Б. Руссо съ своей стороны ссылается на нечестивое „Посланіе къ Ураніи“, сообщенное ему Вольтеромъ и возмутившее его религіозное чувство. Когда-то вольнодумный составитель эпиграммъ, Руссо дѣйствительно началъ около этого времени настраивать свою лиру на религіозный тонъ.

Въ 1724 году появилась поэма Вольтера о Генрихѣ IV, озаглавленная въ этомъ первомъ изданіи поэмой „О лигѣ“. Напечатана она была тайно и, по увѣренію Вольтера, безъ его вѣдома, съ многочисленными пропусками и ошибками. Но какъ ни плохо было изданіе, и какъ ни горько жаловался на него Вольтеръ, оно тѣмъ не менѣе сильно подняло его славу. Эпосъ вообще считался въ то время высшимъ родомъ поэзіи. Эпическая поэма казалась даже необходимой

для славы націи, и самолюбіе французовъ давно страдало отъ отсутствія у нихъ таковой. Авторъ, давшій наконецъ Франціи ея поэму, не могъ не подняться очень высоко въ глазахъ соотечественниковъ. Теперь это произведеніе кажется намъ скучнымъ, холоднымъ, совсѣмъ не поэтическимъ. Но XVIII-й вѣкъ, имѣвшій очень мало чутья для чистой поэзіи, вѣкъ „просвѣщенія", умственной борьбы и пропаганды по преимуществу, высоко цѣнилъ свою поэму. Горячій поклонникъ Вольтера, Кондорсэ, въ своей „Жизни Вольтера", изданной въ 1789 году, соглашается, что нѣкоторыя изъ эпическихъ поэмъ, считающихся великими, превосходятъ „Генріаду" разнообразіемъ дѣйствія и интересомъ событій, но ея недостатки въ этомъ отношеніи съ избыткомъ вознаграждаются въ другомъ. Ни одна поэма, говоритъ онъ, не заключаетъ въ себѣ такой „глубокой философіи", такой „чистой морали", ни одна не отличается такой „свободой отъ предразсудковъ"... „Изъ всѣхъ эпическихъ поэмъ одна „Генріада" имѣетъ нравственную цѣль... потому что она дышетъ ненавистью къ войнѣ и фанатизму, терпимостью и любовью къ человѣчеству". Вотъ чѣмъ восхищается въ „Генріадѣ" человѣкъ XVIII-го вѣка. Онъ цѣнитъ ее главнымъ образомъ какъ орудіе пропаганды, которому форма эпической поэмы придаетъ особенную силу. Уже то одно имѣло политическое значеніе, что героемъ поэмы былъ творецъ Нантскаго эдикта въ то время, когда отмѣна этого эдикта оставалась еще зіяющей раной на государственномъ организмѣ Франціи; когда галеры были полны пасторами-гугенотами, тайкомъ пробравшимися во Францію и уличенными въ совершеніи богослуженія; когда браки гугенотовъ не признавались законными и ихъ дѣти не имѣли гражданскихъ правъ. „Генріада" при такихъ обстоятельствахъ была дѣйствительно проповѣдью человѣколюбія и терпимости.

ГЛАВА II.

Столкновеніе съ де-Роганомъ.—Опять Бастилія и изгнаніе.—Вліяніе Англіи на Вольтера.—Англійскія письма.

Въ 30 лѣтъ Вольтеръ достигъ, повидимому, очень блестящаго положенія. Какъ по собственному мнѣнію, такъ и по мнѣ-

нію значительной части публики, онъ стоялъ уже во главѣ современной французской литературы, причемъ вращался въ самомъ высшемъ обществѣ, и считая своими друзьями титулованныхъ особъ, являлся своимъ человѣкомъ въ ихъ салонахъ. Не всѣмъ однако нравилось его положеніе въ этихъ салонахъ. Не нравилось оно любимцамъ молодого короля, не нравилось недавно приставшему къ ихъ кругу кавалеру де-Рогану. Кастовая исключительность дворянства была уже настолько расшатана, что позволяла принимать въ свое общество поэтовъ-недворянъ. Съ ними обращались какъ съ равными. Свѣтская любезность, свѣтскіе нравы требовали этого относительно каждаго гостя. Но въ глубинѣ души ихъ не считали равными.

Къ тому-же Вольтеръ не мало не подходилъ къ типу скромнаго поэта, чувствующаго милость высокихъ меценатовъ. Не то чтобы онъ былъ дерзокъ или заносчивъ,—онъ въ совершенствѣ усвоилъ утонченныя манеры того общества, въ которомъ вращался. Но вполнѣ искренно онъ чувствовалъ себя не только равнымъ, но высшимъ существомъ въ каждомъ обществѣ, въ которое попадалъ. По своей живости, находчивости, остроумію онъ не могъ оставаться въ тѣни, всюду занималъ первое мѣсто и слишкомъ часто, по мнѣнію де-Рогана и подобныхъ ему людей, ничѣмъ не отличавшихся кромѣ титуловъ, приковывалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Де-Роганъ рѣшился выбросить его изъ этого общества. Онъ началъ придираться къ Вольтеру и искать съ нимъ ссоры. Быстрый на отвѣты, Вольтеръ не оставался въ долгу. Не находя ничего болѣе остроумнаго, де-Роганъ пробовалъ потѣшаться надъ именемъ Вольтера, намекая на его слишкомъ скромное происхожденіе. „Я не волочу за собою великаго имени,—парируетъ Вольтеръ,—но дѣлаю честь тому, которое ношу“. При одномъ изъ столкновеній въ театральномъ фойэ Роганъ поднимаетъ трость. Госпожа Лекувреръ, знаменитая актриса и пріятельница Вольтера, весьма кстати падаетъ въ обморокъ и тѣмъ прекращаетъ ссору. Поразмысливши на досугѣ, Роганъ нашелъ вѣроятно, что лакейскими руками гораздо удобнѣе драться, чѣмъ собственными. Такія расправы не были въ то время чѣмъ нибудь слишкомъ исключительнымъ въ сношеніяхъ дворянъ съ писателями.

Въ концѣ декабря 1725 года, — черезъ нѣсколько дней

послѣ ссоры въ театрѣ,—Вольтеръ обѣдалъ у Сюлли, когда его вызвали подъ какимъ-то предлогомъ на крыльцо. Ничего не подозрѣвая, онъ вышелъ, какъ былъ, съ салфеткой въ рукѣ. Четыре лакея кавалера де-Рогана тотчасъ-же бросились на него. Одни держали, другіе били, а самъ де-Роганъ командовалъ экзекуціей, сидя въ каретѣ. Онъ-же и приказалъ прекратить ее. Вольтеръ бросается назадъ къ Сюлли Десять лѣтъ онъ считаетъ герцоговъ своими друзьями; десять лѣтъ онъ свой человѣкъ въ ихъ домѣ. Къ тому-же оскорбленіе нанесено гостю Сюлли на порогѣ его дома. Вольтеръ увѣренъ въ солидарности съ собой хозяина и приглашаетъ его отправиться вмѣстѣ къ комиссару заявить о произведенномъ разбоѣ. Сюлли на отрѣзъ отказывается принять какое-бы то ни было участіе въ непріятной исторіи. Съ этихъ поръ Вольтеръ уже никогда не встрѣчался съ Сюлли. Онъ бросилъ всякую мысль о судебномъ преслѣдованіи. Оставалась одна дуэль. Но и въ этомъ дѣлѣ онъ не могъ надѣяться на помощь и сочувствіе своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ. Они дѣйствительно не нашли въ поступкѣ Рогана ничего особенно предосудительнаго и за глаза подшучивали надъ его жертвой. „Удары были плохо даны, но хорошо приняты“ замѣтилъ принцъ Конти, тотъ самый, который воспѣвалъ Вольтера въ стихахъ. Аббатъ Комартэнъ, родственникъ стараго Комартана, у котораго не разъ гостилъ Вольтеръ, находилъ даже, что дворяне были-бы очень несчастны, „если-бы у поэтовъ не было плечей для палокъ“.

Не только свѣтскіе знакомые, даже искренніе друзья Вольтера были не высокаго мнѣнія о его храбрости. Вотъ какъ выражается въ своихъ мемуарахъ маркизъ д'Аржансонъ, школьный товарищъ и неизмѣнный пріятель Вольтера: „Давно уже замѣчена разница между умственной и физической смѣлостью. Онѣ рѣдко соединяются. Вольтеръ можетъ служить примѣромъ. Его душа полна мужества, достойнаго Тюрена. Онъ смотритъ съ высоты, онъ предпріимчивъ, ничто не можетъ смутить его; но его пугаетъ малѣйшая опасность, грозящая его тѣлу“.

Вольтеръ дѣйствительно не храбрецъ, онъ очень мнителенъ относительно своего здоровья и говоритъ о близости смерти при всякой болѣзни. Онъ, правда, всю жизнь постоянно рискуетъ попасть въ тюрьму за свои произведенія, но за то-

же и отрекается отъ нихъ, и кричитъ о клеветѣ, и старается оградить себя. Но хотя онъ и не храбрецъ,—нервные, впечатлительные люди, особенно подъ дѣйствіемъ такого оскорбленія, способны становиться на время храбрецами. Вопреки ожиданіямъ своихъ знакомыхъ, онъ упорно и страстно добивается удовлетворенія. Въ пользу Вольтера свидѣтельствуетъ въ данномъ случаѣ полиція. Она, въ угоду семьи Рогановъ, неотступно слѣдила за нимъ со дня побоевъ и доносила о каждомъ его шагѣ. Эти донесенія, неизвѣстныя современникамъ, защищаютъ честь Вольтера передъ потомствомъ.

Изъ всѣхъ прежнихъ знакомыхъ оскорбленный писатель сохранилъ въ это время сношенія съ однимъ Тиріо. Это человѣкъ изъ другого міра, бѣдный клеркъ, съ которымъ Вольтеръ сошелся во время своихъ занятій у прокурора. Тиріо— пустой человѣкъ, но онъ не былъ связанъ сложными свѣтскими отношеніями и остался вѣренъ Вольтеру въ эти самые тяжелые дни его жизни. И Вольтеръ никогда не забудетъ ему этого. Лѣнивый и безпутный жуиръ, Тиріо будетъ часто ставить его впослѣдствій въ затруднительныя положенія, будетъ даже злоупотреблять его довѣріемъ, но Вольтеръ все проститъ ему и всегда будетъ о немъ заботиться.

Скрывшись изъ салоновъ, Вольтеръ повелъ какое-то лихорадочное существованіе. Онъ безпрестанно мѣнялъ квартиры, сошелся съ бреттерами самаго низшаго сорта и съ жаромъ учился фехтованію. Фехтованіе и выслѣживаніе Рогана наполняли все его время, но врагъ избѣгалъ встрѣчъ. Проходили недѣля за недѣлей, а Вольтеръ, по донесеніямъ полиціи, не только не успокаивался, но его бѣшенство росло съ каждымъ днемъ. Ему удалось наконецъ встрѣтить своего врага въ театрѣ и сдѣлать ему вызовъ. Тиріо игралъ роль секунданта. Роганъ тотчасъ-же согласился на дуэль и самъ назначилъ встрѣчу на завтрашнее утро; но еще съ вечера онъ извѣстилъ о вызовѣ своихъ родныхъ. Тѣ подняли хлопоты и добились немедленнаго заключенія Вольтера въ Бастилію.

Время своего пребыванія въ крѣпости арестантъ употребилъ на изученіе англійскаго языка. Онъ предвидѣлъ, что такъ или иначе ему придется оставить Францію; объ этомъ заботились Роганы. Дѣйствительно, въ маѣ 1726 г. вмѣстѣ съ освобожденіемъ изъ Бастиліи ему былъ объявленъ при-

казъ о высылкѣ его изъ Франціи. Доѣхавъ до Калэ въ сопровожденіи полицейскаго, онъ переѣхалъ проливъ, но почти немедленно вернулся тайкомъ въ Парижъ и прожилъ здѣсь нѣсколько времени, скрываясь какъ отъ полиціи, такъ и отъ знакомыхъ. Убѣдившись однако въ безплодности дальнѣйшихъ попытокъ добиться удовлетворенія, Вольтеръ вернулся въ Англію и постарался выбросить изъ головы безплодныя воспоминанія пережитыхъ оскорбленій.

Это было тѣмъ легче, что Англія встрѣтила его привѣтливо. У него былъ тамъ знакомый, почти другъ, лордъ Болинброкъ, матеріалистъ и деистъ, соединявшій, по словамъ Вольтера, англійскую ученость съ утонченностью французскаго дворянина. Вынужденный въ началѣ царствованія Георга I оставить Англію, Болинброкъ прожилъ нѣсколько лѣтъ во Франціи и здѣсь познакомился съ Вольтеромъ, который не разъ гостилъ въ его прекрасномъ замкѣ Ласурсъ и посвятилъ ему свою, тогда еще не напечатанную, „Генріаду".

Вернувшійся въ 1723 году въ отечество, благородный лордъ дружески принялъ ставшаго въ свою очередь изгнанникомъ Вольтера и ввелъ его въ кругъ своихъ знакомыхъ. Въ Англіи этого времени все поражало и восхищало Вольтера, все было противуположно тому, что онъ видѣлъ на родинѣ. Въ особенности рѣзко бросалась въ глаза ему—вольнодумцу и писателю—разница въ положеніи религіи и науки въ двухъ сосѣднихъ государствахъ. Во Франціи признавалась одна католическая религія, не допускавшая никакихъ сектъ, ни малѣйшаго разномыслія, готовая преслѣдовать даже янсенистское ученіе о предопредѣленіи, раздѣлявшееся многими отцами церкви, но не нравившееся іезуитамъ. Въ отечествѣ Вольтера религія еще сохранила свойственное католицизму притязаніе заключать въ себѣ всю человѣческую мудрость и держать всѣ науки на степени прислужницъ теологіи, хотя и была уже вынуждена неудержимымъ ростомъ свѣтскихъ наукъ ко многимъ молчаливымъ уступкамъ. Въ Англіи, наоборотъ, „всякій—по выраженію Вольтера въ его Англійскихъ письмахъ имѣетъ право идти въ царствіе небесное тѣмъ путемъ, который ему нравится". Англійская церковь распадается, по вычисленію автора тѣхъже „Писемъ", на тридцать сектъ, начиная съ господствующей въ Англіи и Ирландіи епископальной, сохранившей

большую часть догматовъ и обрядовъ католичества, до квакеровъ, не имѣющихъ никакого духовенства и не признающихъ никакихъ таинствъ. Большинство проповѣдниковъ этихъ сектъ ненавидятъ другъ друга, по словамъ Вольтера, „такъ-же искренно, какъ іезуиты съ янсенистами"; пресвитеріане называютъ епископальную церковь не иначе, какъ „Вавилонской блудницей"; эта послѣдняя очень-бы не прочь преслѣдовать всѣ другія секты, но законъ дозволяетъ ихъ существованіе, свѣтская власть не является къ услугамъ духовной, и секты живутъ мирно, какъ между собою, такъ и съ наукой, свободно рѣшающей всѣ вопросы, за изслѣдованіе которыхъ преслѣдуютъ во Франціи.

Въ особенности поражала Вольтера свобода изслѣдованія священнаго писанія. По пріѣздѣ въ Англію онъ засталъ еще во всемъ разгарѣ полемику, поднятую книгой Коллинса объ „Основахъ христіанства". Въ то же время выходили одна за другой брошюры Вульстона. Эти книги выдержали въ самое короткое время по нѣскольку изданій, вызвали массу возраженій, перешедшихъ въ ожесточенную полемику, но дѣло обошлось безъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти.

Эта свобода была, правда, далеко не безгранична, и если можно было безнаказанно отрицать чудеса, то нельзя было утверждать, безъ серьезныхъ непріятностей, необходимость возвращенія Англіи въ лоно католической церкви. Даже Loккъ въ своемъ трактатѣ о терпимости не требуетъ ея примѣненія къ католикамъ и атеистовъ. Но атеистовъ, по мнѣнію Вольтера, было гораздо меньше въ Англіи, чѣмъ во Франціи. Онъ приписывалъ это различіе распространенію въ первой странѣ философіи Ньютона, „доказавшаго существованіе Бога мудрецамъ".

Пребываніе въ Англіи имѣло рѣшающее вліяніе на всю дальнѣйшую писательскую дѣятельность Вольтера. Здѣсь сложилось въ общихъ чертахъ все его міросозерцаніе, лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ измѣнявшееся потомъ втеченіе его долгой и дѣятельной жизни. Всѣ его послѣдующія философскія произведенія являются лишь приноровленными къ надобностямъ пропаганды комбинаціями и видоизмѣненіями идей, взятыхъ имъ у его англійскихъ учителей. Открытіе Ньютона онъ въ общихъ чертахъ изложилъ уже въ „Англійскихъ письмахъ", а затѣмъ популяризировалъ его филосо-

фію въ отдѣльномъ произведеніи. Огромное вліяніе на него имѣлъ также Локкъ своимъ ученіемъ „о человѣческомъ познаніи“. Изъ всего содержанія своихъ „Англійскихъ писемъ“ Вольтеръ, по его собственному признанію, всего больше дорожилъ именно этимъ „ученіемъ о душѣ“, какъ онъ называлъ теорію Локка. До тѣхъ поръ „резонеры“ писали, по его мнѣнію, лишь „романы души“, Локкъ первый „скромно изложилъ ея исторію. Онъ раскрываетъ человѣку его разумъ такъ, какъ хорошій анатомъ объясняетъ строеніе органовъ человѣческаго тѣла“. Опровергши теорію врожденныхъ идей, доказавши, что всѣ наши идеи вытекаютъ изъ дѣятельности нашихъ чувствъ, прослѣдивши разумъ во всѣхъ его болѣе и болѣе сложныхъ операціяхъ, Локкъ, говоритъ Вольтеръ, „скромно заканчиваетъ предположеніемъ, что быть можетъ мы никогда не будемъ въ состояніи знать, способно-ли чисто матеріальное существо мыслить, или нѣтъ“. Вольтеръ оказывается въ этомъ случаѣ рѣшительнѣе своего учителя. Относительно познаванія всѣхъ первыхъ причинъ мы должны, какъ учитъ скромный Локкъ, признать свое безсиліе и прибѣгать къ Богу. Предвидя гоненіе именно на эту часть своихъ „Писемъ“, Вольтеръ заранѣе переходитъ въ нападеніе: „Безбожна не теорія Локка, а тѣ, которые ограничиваютъ всемогущество Творца, утверждая, что Богъ не могъ даровать мысли матеріи“.

Здѣсь же въ Англіи выковалъ Вольтеръ свое оружіе для позднѣйшей борьбы съ католицизмомъ. Вѣрующимъ сыномъ церкви не былъ онъ и раньше, но лишь изъ твореній англійскихъ раціоналистовъ познакомился съ систематической критикой священнаго писанія и церковныхъ догматовъ.

Обратили на себя вниманіе Вольтера и политическія учрежденія Англіи, но его отношеніе къ этимъ учрежденіямъ всегда оставалось двойственнымъ. Его восхищали религіозная терпимость и политическая свобода пріютившей его страны, но для него не всегда была ясна полная зависимость этой свободы отъ формы правленія Англіи. Онъ колеблется въ своихъ симпатіяхъ между партіями тори, стремившихся къ усиленію королевской власти, и виговъ съ ихъ республиканскими тенденціями. Въ началѣ онъ склоняется на сторону послѣднихъ. Это отражается даже на вывезенныхъ имъ изъ Англіи трагедіяхъ „Брутъ“ и „Смерть Це-

заря“. Въ „англійскихъ письмахъ“ онъ относится съ симпатіей или по крайней мѣрѣ съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ къ англійской революціи и парламенту. „Англичане—говоритъ онъ—любятъ сравнивать себя съ древними римлянами, но совершенно напрасно. Ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ они на нихъ не похожи. Римляне не знали религіозныхъ войнъ. Англичане же усердно вѣшали другъ друга и истребляли въ правильныхъ сраженіяхъ изъ-за вопросовъ этого рода... Другое существенное различіе между Римомъ и Англіей цѣликомъ въ пользу послѣдней: плодомъ гражданскихъ войнъ въ Римѣ было рабство, а англійскія волненія привели къ свободѣ“. Но въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Вольтера мы уже не встрѣчаемъ такого благосклоннаго отношенія къ англійской революціи и не разъ наталкиваемся на противоположные отзывы. И это совершенно понятно. Признавъ за англійскими революціонерами какую-нибудь существенную заслугу предъ человѣчествомъ, Вольтеръ впадалъ въ противорѣчіе съ однимъ изъ основныхъ положеній своего міросозерцанія. Прогрессъ человѣчества заключался, по его мнѣнію, почти исключительно въ успѣхахъ разума, философіи, искусствъ и въ ослабленіи суевѣрій. Оказывать услуги человѣчеству могли, по его мнѣнію, лишь люди просвѣщенные. Борцы же, волновавшіеся, какъ ему казалось, изъ-за вещей аналогичныхъ съ вопросомъ о кормѣ священныхъ куръ, совсѣмъ не занимались науками. Кромѣ Мильтона, въ рядахъ республиканцевъ не было замѣчательныхъ поэтовъ. Къ нимъ не принадлежалъ ни одинъ изъ великихъ философовъ Англіи. „Во времена Кромвеля,—говоритъ Вольтеръ въ своемъ „Опытѣ о нравахъ“, напечатанномъ лишь въ пятидесятыхъ, но написанномъ въ тридцатыхъ годахъ,—мѣсто всякой науки и литературы занимало подыскиваніе текстовъ изъ Стараго и Новаго Завѣтовъ и примѣненіе ихъ къ политическимъ распрямъ и самымъ жестокимъ революціямъ“. Науки и искусства были возстановлены реставраціей. Съ царствованіемъ Карла II совпалъ высшій расцвѣтъ англійской матеріалистической философіи и быстрое развитіе точныхъ наукъ. Вольнодумство, невѣріе было въ модѣ при дворѣ этого короля и тогда-то именно стало ненавистнымъ англійской буржуазіи, связавшись въ ея воспоминаніи съ веселыми французскими нравами, склонно-

стью къ католицизму и съ урѣзываніемъ правъ парламента. Нѣчто аналогичное случилось и съ Вольтеромъ. Уничтоженіе „суевѣрія“ и ростъ философіи тоже связались въ его умѣ съ идеей реставраціи и вызвали въ немъ симпатію къ Стюартамъ, доходившую до живѣйшаго сочувствія современнымъ Вольтеру якобитскимъ заговорамъ.

Въ этомъ же направленіи дѣйствовали на Вольтера и его позднѣйшія связи и отношенія: дружба съ коронованными философами или желавшими слыть таковыми, и вражда къ французскимъ парламентамъ, изъ которыхъ парижскій являлся самымъ дѣятельнымъ врагомъ философскихъ книгъ и писателей, а провинціальные возбуждали его ненависть безобразными юридическими убійствами. Правда, французскіе парламенты его времени имѣли очень мало общаго съ англійскимъ, но тѣмъ не менѣе они являлись нѣкоторымъ ограниченіемъ королевской власти, мѣшавшимъ, по его мнѣнію, лишь необходимымъ реформамъ въ области правосудія. „У меня недостаточно гибкая спина,—говоритъ онъ впослѣдствіи по поводу парламентовъ,—я согласенъ сдѣлать одинъ поклонъ, но сотня поклоновъ сразу меня утомляетъ“.

Его политическимъ идеаломъ осталось въ концѣ концовъ неограниченное правленіе мудраго государя-философа, окруженнаго такими же мудрыми министрами.

Другая сторона англійскаго строя, почетное положеніе, занимаемое тамъ богатой торговой буржуазіей, тоже произвела сильное впечатлѣніе на Вольтера. Замѣтивъ въ своихъ „Англійскихъ письмахъ“, что англійскіе коммерсанты гордятся своимъ занятіемъ, и что младшіе сыновья пэровъ ничуть не стыдятся участвовать въ торговыхъ операціяхъ, Вольтеръ говоритъ, что во Франціи каждый дворянинъ, ничего не имѣющій, кромѣ громкой фамиліи, можетъ твердить: „Человѣкъ, какъ я!“, „Люди моего званія“, и относиться съ великолѣпнымъ презрѣніемъ къ коммерсантамъ. Послѣдніе тоже имѣютъ глупость сами себя стыдиться. „Я не знаю, однако,—заключаетъ Вольтеръ,—кто полезнѣе государству: напудренный сеньоръ, знающій съ точностью, въ которомъ часу ложится и въ которомъ встаетъ король, или негоціантъ, который обогащаетъ свою страну, посылаетъ изъ своего кабинета приказы въ Суратъ и Каиръ и содѣйствуетъ счастью всего міра“.

Самъ Вольтеръ, со времени своего англійскаго изгнанія, принялся усиленно стремиться къ обогащенію, не пренебрегая для этого никакими денежными и торговыми спекуляціями. „Я встрѣчалъ слишкомъ много бѣдныхъ и презираемыхъ писателей,—говоритъ Вольтеръ въ своихъ мемуарахъ,—и давно рѣшилъ, что не долженъ увеличивать собою ихъ числа".

Основаніе его будущему богатству положила сумма въ 2000 фунтовъ стерлинговъ, вырученная въ Англіи отъ подписки на новое изданіе его поэмы „О лигѣ", переименованной теперь въ „Генріаду". Въ подпискѣ принимали участіе сама королева и чуть не вся англійская аристократія. Вольтеръ сдѣлалъ въ этомъ новомъ изданіи нѣкоторыя измѣненія, изъ которыхъ главнѣйшее заключалось въ томъ, что Сюлли, игравшій какъ въ самой исторіи Генриха IV, такъ и въ поэмѣ значительную роль, былъ вычеркнутъ изъ нея при второмъ изданіи. Вольтеръ мстилъ этимъ единственнымъ доступнымъ ему способомъ вѣроломному пріятелю, отрекшемуся отъ него въ тяжелую минуту его жизни. Вопреки обычному ходу вещей, предокъ пострадалъ въ этомъ случаѣ за грѣхи своего потомка.

Возвратившись весною 1729 года во Францію, Вольтеръ, кромѣ „Англійскихъ писемъ" и двухъ трагедій, привезъ также изъ Англіи свой первый историческій трудъ: „Исторію Карла XII". Онъ встрѣтилъ въ Англіи одного изъ приближенныхъ Карла и заинтересовался его разсказами о необычайныхъ приключеніяхъ шведскаго короля. Эти-то разсказы и послужили главнымъ матеріаломъ для блестящаго произведенія, соединяющаго весь интересъ романа съ стремленіемъ къ исторической правдивости, поскольку она была возможна при односторонности доступныхъ автору свѣдѣній. Разсказъ имѣлъ значеніе перваго опыта историческаго произведенія, написаннаго не для однихъ ученыхъ и способнаго заинтересовать широкій кругъ читателей.

Даже это безобидное произведеніе пришлось напечатать безъ дозволенія. Отказъ въ разрѣшеніи изданія былъ вызванъ дипломатическими соображеніями. Предположили, будто польскій король Августъ можетъ обидѣться тѣмъ, что блестящій соперникъ затмѣваетъ его на страницахъ исторіи такъ-же точно, какъ затмѣвалъ въ жизни.

Ровно черезъ годъ по возвращеніи Вольтера изъ Лондона умерла любимица парижской публики, талантливая драматическая актриса г-жа Лекувреръ. При жизни актеры и въ особенности актрисы занимали тогда во Франціи очень видное и довольно независимое положеніе, но послѣ смерти судьба ихъ тѣла вполнѣ зависѣла отъ духовенства. На ряду съ колдунами, они считались отлученными отъ церкви и, въ качествѣ таковыхъ, могли, по желанію духовенства, быть признаны недостойными погребенія. Средневѣковое правило гласило, что тѣла лишенныхъ погребенія выбрасываются на мѣсто, куда свозятся нечистоты; но на самомъ дѣлѣ ихъ просто зарывали безъ церковныхъ обрядовъ въ неосвященную землю. Такъ пришлось поступить и съ тѣломъ г-жи Лекувреръ. Личный пріятель покойной, Вольтеръ, былъ взбѣшенъ такимъ оскорбленіемъ ея памяти и излилъ свои чувства въ полныхъ негодованія стихахъ. Не одно духовенство упрекаетъ онъ въ нихъ, а также слабыхъ, легкомысленныхъ французовъ, покорно несущихъ ярмо предразсудковъ. Стихотвореніе выражало взгляды значительной части публики и было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ. Духовенство, какъ и слѣдовало ожидать, подняло хлопоты о преслѣдованіи автора, которому пришлось скрыться на время, чтобы переждать бурю. Но едва успѣли разсѣяться тучи этой бури, какъ надъ головой Вольтера разразилась новая бѣда. Въ печати появилось написанное имъ десять лѣтъ тому назадъ „Посланіе къ Ураніи“, о которомъ мы уже говорили выше. На этотъ разъ противъ автора было, по требованію парижскаго архіепископа, поднято формальное судебное преслѣдованіе, отъ котораго онъ кое-какъ отдѣлался, лишь сваливши свой грѣхъ на покойнаго аббата Шолье. Выдумка имѣла довольно вѣроятный видъ: аббатъ писалъ стихи и былъ извѣстенъ своимъ вольнодумствомъ.

Такія безпрерывныя столкновенія съ властями дѣлали положеніе Вольтера очень шаткимъ. Онъ задумалъ упрочить его посредствомъ блестящаго театральнаго успѣха. Послѣ „Эдипа“ ни одна изъ его трагедій не вызывала восторга публики. Не особенно понравился и „Брутъ“. Масса публики находила, что любовная интрига, считавшаяся главнымъ дѣломъ въ піесѣ, была слишкомъ холодна; люди-же съ болѣе тонкимъ вкусомъ утверждали, наоборотъ, что

въ эту трагедію вовсе не слѣдовало вводить ненужной любви. Вольтеръ рѣшилъ дать трагедію, весь сюжетъ которой построенъ на любви и ревности, и передѣлалъ во французскомъ вкусѣ „Отелло“ Шекспира. Успѣхъ „Заиры“—такъ назвалъ онъ трагедію—превзошелъ всѣ ожиданія. Публика проливала обильныя слезы, что считалось лучшимъ признакомъ достоинства трагедіи.

Неугомонный авторъ быстро сумѣлъ однако заставить забыть благопріятное впечатлѣніе. Выпущенная имъ въ 1733 г.—опять безъ дозволенія—книжечка носила заглавіе „Храмъ Вкуса“ и разсказывала, наполовину въ стихахъ, наполовину въ прозѣ, путешествіе автора въ этотъ храмъ, гдѣ „Критика“ произноситъ свои приговоры надъ писателями, живыми и умершими. Это художественная оцѣнка литературныхъ произведеній, часто мѣткая и остроумная,—строгая, но въ большинствѣ случаевъ безпристрастная. Авторъ и себѣ самому дѣлаетъ отъ лица „Критики“ нѣсколько замѣчаній и даетъ ехидный совѣтъ: не забывать, что написалъ освистанную публикой трагедію „Артемира“. Критика совсѣмъ не затрогиваетъ мнѣній. Авторъ заставляетъ даже, для наглядности, іезуита дружески разговаривать въ Храмѣ Вкуса съ янсенистомъ.

Хотя произведеніе было напечатано тайкомъ, но на этотъ разъ на автора обрушилось не правительство, а масса писателей и читателей. Одни сердились за замѣчаніе „Критики“, другіе—за то, что авторъ совсѣмъ не упомянулъ ихъ, а слѣдовательно не замѣтилъ ихъ присутствіе въ Храмѣ Вкуса. Читатели сердились за своихъ любимыхъ авторовъ. Почти немедленно появилось нѣсколько пародій „Храма Вкуса“, написанныхъ съ единственной цѣлью—выругать Вольтера. Въ одной комедіи насолившій всѣмъ критикъ выведенъ даже въ видѣ шута.

Поставленная Вольтеромъ въ январѣ 1734 г. новая трагедія: „Аделаида Дюгескленъ“, была, по свидѣтельству современниковъ, освистана публикой именно въ отомщеніе за „Храмъ Вкуса“. По крайней мѣрѣ, возобновленная много лѣтъ спустя, она имѣла успѣхъ.

Всѣ эти бури оканчивались болѣе или менѣе благополучно, но съ самаго пріѣзда изъ Англіи Вольтеръ подготовлялъ для себя гораздо болѣе серьезную опасность.

Говоря объ англійскихъ впечатлѣніяхъ Вольтера, мы уже касались содержанія „Англійскихъ писемъ“. Они были давно написаны, но затрудненія, встрѣчаемыя на каждомъ шагу при печатаніи самыхъ невинныхъ вещей, ясно показывали, что такого произведенія нельзя обнародовать, не рѣшившись заранѣе на арестъ или бѣгство. Съ другой стороны Вольтеръ положительно не могъ не подѣлиться съ соотечественниками тѣми глубокими и сильными впечатлѣніями, которыя оставили въ немъ англійская жизнь и результаты англійской мысли. Стараясь придать по возможности невинный видъ своему произведенію, онъ нарочно приписалъ квакерамъ, которымъ посвящены первыя письма, побольше комическихъ чертъ и даже читалъ самыя смѣшныя выдержки министру Флери. Престарѣлый кардиналъ удостоилъ посмѣяться, но Вольтеръ и самъ отлично зналъ, что это еще ровно ничего не значитъ. „Письма“ были отпечатаны тайкомъ въ Руанѣ, гдѣ у автора былъ сообщникъ, его школьный товарищъ Сидевиль, но все изданіе хранилось подъ замкомъ, и ни одинъ экземпляръ не попадалъ пока въ публику. Отзывы француза объ англичанахъ могли однако заинтересовать также и англичанъ, поэтому Вольтеръ издалъ сперва англійскій переводъ своихъ писемъ. Англичане остались въ общемъ очень довольны произведеніемъ, хотя и отмѣтили въ немъ нѣсколько фактическихъ невѣрностей. Но, кромѣ англійскихъ похвалъ, переводъ принесъ Вольтеру также усиленный надзоръ въ отечествѣ и формальное запрещеніе издавать „Письма“ на родномъ языкѣ. Голландскіе издатели, наживавшіеся отъ продажи запрещенныхъ во Франціи книгъ, тоже не дремали и оказались даже бдительнѣе французскихъ властей. Самой маленькой неосторожности—отданнаго въ переплетъ экземпляра—было достаточно, чтобы въ Амстердамѣ появилась точная поддѣлка руанскаго изданія, начавшая быстро распространяться во Франціи.

Парижскій парламентъ осудилъ книгу, какъ „скандальную, противную религіи, добрымъ нравамъ и уваженію къ власти“, на сожженіе рукою палача у подножія большой лѣстницы зданія парламента. Складъ руанскаго изданія былъ разысканъ и конфискованъ; издатель посаженъ въ Бастилію. Приказъ о помѣщеніи туда-же и самого автора былъ посланъ въ Монжъ, гдѣ Вольтеръ праздновалъ свадьбу

своего пріятеля герцога Ришелье. „Ангелъ Хранитель“ Вольтера, д'Аржанталь, успѣлъ однако во-время предупредить своего друга, и 10-го іюня 1734 г., когда „Англійскія письма“ торжественно сжигались въ Парижѣ, Вольтеръ былъ уже за границей.

Во Франціи того времени за книги преслѣдовали авторовъ, издателей, продавцевъ, но не читателей. Главную массу читателей составляли еще высшіе классы; большими охотницами до запрещенныхъ книгъ были свѣтскія дамы, безпокоить которыхъ никому не приходило въ голову. Поэтому сожженіе и преслѣдованіе раздражали авторовъ, лишая ихъ заработка и безопасности, обогащали голландскихъ издателей, поднимая цѣну на ихъ товаръ, но ни мало не мѣшали, а скорѣе содѣйствовали распространенію произведеній.

Не помѣшало сожженіе и распространенію „Англійскихъ писемъ“ и ихъ громадному вліянію на французское общество.

Въ концѣ XVII-го, въ началѣ XVIII-го вѣка французы очень мало знали своихъ заморскихъ сосѣдей. Англійскій языкъ былъ почти никому незнакомъ. Нѣкоторые ученые трактаты если и переводились, то читались только спеціалистами. „Англійскія письма“, умышленно подчеркнувшія рѣзкія противоположности между двумя націями—и всегда въ пользу англичанъ—заинтересовали всѣхъ. Дамы принялись изучать англійскій языкъ; всѣ сколько-нибудь выдающіеся люди спѣшили побывать за Ламаншемъ. Англійская философія вытѣснила постепенно когда-то будившій мысль, а теперь застывшій картезіанизмъ. Скептицизмъ Бойля, разрушавшій вѣрованія, но не дававшій ничего опредѣленнаго, замѣнился, подъ вліяніемъ англійскаго матеріализма, законченной философской системой, перешедшей постепенно отъ деизма къ открытому атеизму. Англійская философская мысль передѣлала французскую, но передѣлала ее въ нѣчто совершенно съ собою несходное. Аристократическій, придворный, непопулярный англійскій матеріализмъ превратился во Франціи въ разрушительную философію, ставшую катехизисомъ буржуазіи въ ея борьбѣ съ старымъ порядкомъ, — борьбѣ, поразительно аналогичной съ предшествовавшей борьбой англійской буржуазіи, но уже не опиравшейся на пророковъ и на псалмы Давида.

Но до этой переработки англійскаго деизма во французскій атеизмъ, сильно огорчавшій впослѣдствіи Вольтера, оставшагося вѣрнымъ деизму, еще далеко.

ГЛАВА III.

Маркиза дю-Шатле.—Сирей.—Оптимизмъ Вольтера.—Его увлеченіе естественными науками.—Трагедіи.—Знакомство съ Фридрихомъ II.

У скрывшагося въ Лотарингію автора „Англійскихъ писемъ" въ Парижѣ остался недавно пріобрѣтенный, но горячо и страстно преданный ему другъ, маркиза дю-Шатле, любовь къ которой была въ жизни Вольтера его единственной серьезной привязанностью къ женщинѣ.

Послѣ измѣны г-жи Ливри онъ былъ нѣкоторое время увлеченъ любовью къ женѣ маршала де-Вилларъ. Знатная дама позволяла ему ухаживать за собою и изливать свои чувства въ стихахъ, но и только. Особенно страдать отъ любви Вольтеръ никогда расположенъ не былъ и скоро вылечился отъ этой нераздѣленной страсти. Но въ женскомъ обществѣ, въ женской заботливости онъ всегда нуждался и время отъ времени устраивалъ себѣ нѣчто вродѣ домашняго очага у той или другой изъ знакомыхъ дамъ. Одно время Вольтеръ былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ маркизы де-Мимеръ, затѣмъ сблизился съ президентшей де-Бернье. Любовь далеко не всегда играла роль въ этихъ сближеніяхъ. Ея не было и слѣда въ его дружбѣ съ графиней Фантенъ-Мартель, умной, пожилой женщиной, въ домѣ которой онъ жилъ по возвращеніи изъ Англіи въ тѣ промежутки между бѣгствами, которые ему удавалось проводить въ Парижѣ.

Свѣтская жизнь Вольтера по замкамъ и салонамъ французской знати не возобновилась болѣе по возвращеніи въ отечество. Съ нѣкоторыми изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ онъ разорвалъ навсегда, съ другими встрѣчался лишь изрѣдка. Тѣмъ плотнѣе сблизился онъ съ немногими, оставшимися у него друзьями: д'Аржанталемъ, Сидевилемъ, также съ герцогомъ Ришелье и нѣкоторыми другими.

Въ 1732 году Вольтеръ усиленно твердилъ о томъ, что пора любви для него уже прошла (ему 38 лѣтъ), остались только дружба да работа. Вмѣсто любовныхъ посланій, онъ

пишетъ теперь и передаетъ г-жѣ Мартель, изъ верхняго этажа въ нижній, шутливые стихи, въ которыхъ, расхваливая свою хозяйку, говоритъ, что ему потому хорошо живется въ ея домѣ, что съ нимъ вмѣстѣ живетъ здѣсь его единственная возлюбленная—свобода и ея сестра—веселость. Въ это время онъ встрѣтился съ Эмиліей дю-Шатле.

Урожденная де-Бретейль, она еще ребенкомъ въ домѣ отца видала Вольтера, который былъ старше ея на 12 лѣтъ и тогда конечно не замѣтилъ дѣвочки. Въ 1725 году она вышла замужъ за маркиза дю-Шатле. Вышла безъ любви—въ бракѣ она не считалась нужной—и черезъ 2—3 года, по неизмѣнному правилу тогдашняго высшаго общества, уже сохраняла съ мужемъ лишь чисто формальныя, вполнѣ приличныя отношенія номинальныхъ супруговъ, связанныхъ общимъ именемъ, имущественными отношеніями, а также двумя дѣтьми, рожденными въ первые годы брака. Мужъ и жена, впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не подходили другъ къ другу. Во всѣхъ описаніяхъ внутренней жизни этой семьи, ставшей знаменитой со времени присоединенія къ ней Вольтера, маркизъ не играетъ никакой роли. Добродушный, ограниченный человѣкъ, любящій военную службу, охоту и ничего больше, онъ никому не мѣшаетъ и никого не интересуетъ.

Эмилія дю-Шатле была совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Не говоря уже объ ея умственномъ превосходствѣ надъ мужемъ, она обладала горячимъ, любящимъ сердцемъ. Относясь къ браку такъ же, какъ и всѣ современницы ея круга, она любила не такъ, какъ онѣ. Послѣ замужества и еще до встрѣчи съ Вольтеромъ у нея былъ романъ, закончившійся быстрымъ разрывомъ. Разрывъ былъ въ порядкѣ вещей, но онъ довелъ Эмилію до серьезной попытки на самоубійство, что ужъ было вовсе не въ нравахъ ея общества.

Оправившись отъ этой исторіи, она набросилась съ новымъ жаромъ на науку, которой была далеко не чужда и прежде. Еще въ домѣ отца она изучила латинскій языкъ и основательно ознакомилась съ римскими классиками. Позднѣе она пристрастилась къ математикѣ и метафизикѣ. И это былъ не диллетантскій интересъ къ наукамъ, значительно распространенный среди образованныхъ женщинъ XVIII-го вѣка. Г-жа дю-Шатле трудится упорно, серьезно и

внимательно, излагаетъ Лейбница и переводитъ Ньютона.

Ея вторичная встрѣча съ Вольтеромъ относится къ1732 г., а лѣтомъ 1733 г. они уже принадлежатъ другъ другу душой и тѣломъ, и обоимъ кажется, что ихъ прежнія связи не были любовью, что они любятъ въ первый разъ.

Вольтеръ дѣйствительно любитъ ее иначе, чѣмъ своихъ прежнихъ возлюбленныхъ. Онъ снова пишетъ любовныя посланія, но въ нихъ нѣтъ и тѣни той цинической игривости, которая проявлялась въ его прежнихъ произведеніяхъ этого рода. Съ любовью къ ней у него соединяются глубокое уваженіе, восхищеніе ея умомъ и характеромъ. Это не только любовь, но вмѣстѣ и умственное товарищество. Кое въ чемъ они были равны и могли быть товарищами. У нея не было, конечно, и сотой доли его таланта, его разносторонности, его горячей, тотчасъ-же выливающейся на бумагу, отзывчивости на все совершающееся въ жизни и мысли. Но по способности усвоенія отвлеченнѣйшихъ результатовъ философской мысли она была равна ему. По знаніямъ же въ нѣкоторыхъ областяхъ естественныхъ наукъ и въ высшей математикѣ, изученной ею подъ руководствомъ лучшихъ спеціалистовъ ея времени, она превосходила своего друга.

Въ самомъ началѣ ихъ союза Вольтеръ спѣшитъ подѣлиться съ Эмиліей своими знаніями и интересами. Онъ перечитываетъ съ ней своихъ любимыхъ англійскихъ философовъ и поэтовъ: Ньютона, Локка, Попа. Но ихъ слишкомъ часто разлучаютъ безпрерывныя исторіи изъ за литературныхъ произведеній. Съ женской нѣжностью г-жа дю-Шатле беретъ на себя заботу о своемъ слишкомъ горячемъ, предпріимчивомъ и неосторожномъ другѣ. Ее терзаетъ мысль о вѣчной грозѣ, подъ которой онъ живетъ, думая лишь о томъ, чтобы вывернуться изъ даннаго затрудненія, и въ то же время подготовляя своей усиленной умственной производительностью новыя опасности на завтра и послѣ-завтра. „Его нужно вѣчно спасать отъ него же самого", жалуется она друзьямъ. Для этого, по ея увѣренію, ей нужно „больше дипломатическихъ способностей, чѣмъ папѣ для управленія всѣмъ христіанскимъ міромъ". Повторяющіяся время отъ времени внезапныя бѣгства, одному, по тогдашнимъ,

дорогамъ, при слабомъ здоровьѣ Вольтера ей просто невыносимы.

На границѣ Лотарингіи, въ пустынной гористой мѣстности, у маркизы дю-Шатле есть замокъ—Сирей, правда, плохо приспособленный для цивилизованной жизни, но въ высшей степени удобный по своему положенію. Друзья совѣтовали Вольтеру не возвращаться во Францію; но Эмилія горячо возстала противъ этого плана. Ея положеніе не позволило бы ей послѣдовать за Вольтеромъ въ Голландію или Англію. Въ Сиреѣ же она рѣшила сама поселиться съ нимъ. А безопасность тамъ будетъ полная: граница въ двухъ шагахъ. Кромѣ того она надѣялась, что подъ ея бдительнымъ надзоромъ онъ не будетъ совершать неосторожностей, и во всякомъ случаѣ рукописи не будутъ похищаться и попадать въ печать безъ воли автора.

Къ этому времени у Вольтера были уже значительныя денежныя средства. Ни усиленная литературная дѣятельность, ни преслѣдованіе не помѣшали ему позаботиться о приращеніи своего капитала. Удачныя спекуляціи успѣли увеличить первоначальную сумму въ нѣсколько разъ. Онъ не задумался поэтому приняться за отдѣлку замка на свой счетъ. При этомъ не были забыты приспособленія для естественно-научныхъ занятій: физическій кабинетъ и небольшая лабораторія. Въ одной изъ галлерей замка была устроена маленькая сцена для спектаклей.

Съ 1734 года Сирей становится на 15 лѣтъ сперва постояннымъ, а потомъ главнымъ мѣстомъ жительства Вольтера. На всемъ этомъ періодѣ лежитъ отпечатокъ вліянія г-жи дю-Шатле. Опасные литературные труды хотя и пишутся, но не публикуются. Вольтеру пришлось, правда, еще разъ бѣжать на время въ Голландію; но навлекшее немилость стихотвореніе не было однимъ изъ тѣхъ произведеній, печатая которыя, Вольтеръ рисковалъ сознательно. „Свѣтскій человѣкъ“ („Le Mondain“) казался ему совершенно невиннымъ. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ сопоставленіе первобытнаго райскаго состоянія съ жизнью современнаго свѣтскаго человѣка, окруженнаго всѣми удобствами и роскошью. Авторъ благодаритъ природу за то, что она произвела его на свѣтъ въ нынѣшній вѣкъ, на который сыплется столько обвиненій. Эти то безобидныя строки

дали поводъ духовенству добиться отъ кардинала Флери преслѣдованій противъ автора.

Стихотворенія „Свѣтскій человѣкъ" проникнуто полнѣйшимъ оптимизмомъ. Имъ же дышатъ и другія произведенія сирейскаго періода жизни Вольтера. Въ это время зло въ мірѣ представлялось ему обильно перемѣшаннымъ съ добромъ. Въ „Трактатѣ о метафизикѣ", написанномъ въ 1734 году, Вольтеръ говоритъ, что мы не можемъ даже судить о совершенствѣ или несовершенствѣ міра, такъ какъ не имѣемъ возможности представить себѣ ничего лучшаго. Въ сказкѣ „Бабукъ или міръ, каковъ онъ есть" геній Итуріэль колеблется сперва между двумя мѣрами: наказаніемъ Персеполиса (Парижа) ради его исправленія и совершеннымъ уничтоженіемъ этого безразсуднаго города. Но, выслушавъ докладъ посланнаго туда Бабука, геній рѣшаетъ не только не уничтожать Персеполиса, но даже не исправлять его, а оставить такимъ, каковъ есть, такъ какъ въ немъ „если не все совершенно, то все сносно". Еще рѣшительнѣе выразился этотъ оптимизмъ въ напечатанной въ 1738 году дидактической поэмѣ: „Рѣчи о человѣкѣ", написанной въ подражаніе англійскому поэту Попу, одному изъ главныхъ представителей оптимизма. Въ прозаическомъ перечнѣ содержанія поэмы авторъ говоритъ, что „въ первой рѣчи доказывается равенство состояній, вытекающее изъ того, что съ каждой профессіей связаны извѣстныя доли добра и зла, уравновѣшивающія другъ друга". Въ самой рѣчи сообщается, что короли и маршалы Франціи сильно скучаютъ, что если у королевскихъ любимцевъ много льстецовъ, то много и завистниковъ. „Пьеро и Перетта", работающіе въ поляхъ, правда, „зябнутъ зимой и жарятся лѣтомъ, но они весело поютъ за работой, хотя и грубыми фальшивыми голосами, а миръ, спокойный сонъ, сила и здоровье вознаграждаютъ ихъ за трудъ и бѣдность".

Невольно вспоминаются при этомъ знаменитыя описанія бѣдственнаго положенія земледѣльческихъ рабочихъ Франціи XVIII вѣка. Но Вольтеръ и не думаетъ всматриваться въ это положеніе. Онъ говоритъ о Пьеро и Переттѣ общія, ходячія фразы, которыя нужны ему только для доказательства своей тезы. Покончивши съ этими счастливцами въ первой рѣчи, онъ къ нимъ больше не возвращается и въ осталь-

ныхъ шести рѣчахъ занятъ исключительно людьми высшихъ классовъ, которыхъ поучаетъ способамъ поменьше скучать и увеличивать свое счастье. Впрочемъ даже такое мимолетное появленіе Пьеро и Перетты составляетъ большую рѣдкость въ произведеніяхъ нашего автора. По большей части оно ихъ вовсе не касается. Онъ измѣнитъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, свое мнѣніе о мірѣ и перестанетъ находить его удовлетворительнымъ, но низшіе классы и тогда останутся внѣ поля его зрѣнія. Въ немъ нѣтъ вражды къ этимъ классамъ. Не сознательный эгоизмъ, не жестокость заставляютъ его игнорировать положеніе трудящихся массъ. Сдѣлавшись впослѣдствіи землевладѣльцемъ, Вольтеръ явится самымъ заботливымъ, самымъ щедрымъ благодѣтелемъ всѣхъ окружающихъ бѣдняковъ. Онъ всегда былъ очень добръ съ прислугой, со всѣми слабыми зависящими отъ него существами,—былъ очень добръ даже съ животными. Но въ то же время низшіе, необразованные люди занимали въ его міросозерцаніи немного больше мѣста, чѣмъ животныя. Ко всѣмъ классамъ, причастнымъ къ цивилизаціи, двигающимъ ее впередъ или тормазящимъ, подобно духовенству, онъ становится въ тѣ или другія опредѣленныя отношенія: дружитъ съ ними или воюетъ. Къ остальному человѣчеству,—непричастному къ цивилизаціи,—не становится ни въ какія отношенія. Это для него инертная, безформенная масса, не могущая ни помѣшать, ни помочь прогрессу, а лишь, пассивно подчиняющаяся его результатамъ. Поэтому-то онъ и не думаетъ о ней. Люди низшихъ классовъ для него не совсѣмъ люди, а *такъ*, какъ выразился графъ Толстой, говоря о своемъ міросозерцаніи до момента перехода въ новую вѣру.

Съ 1734 по 1739 годъ Вольтеръ прожилъ почти безвыѣздно въ Сиреѣ. Понемногу въ пустынный замокъ стали наѣзжать гости. Извѣстные ученые: Мопертюи, Клэро, Бернулли гостили поочередно въ Сиреѣ. Нѣмецкій ученый, послѣдователь Лейбница, Кенигъ прожилъ тамъ даже цѣлыхъ два года; помогая хозяйкѣ въ ея ученыхъ трудахъ. Итальянецъ Альгаротти привозилъ на ея судъ свою популяризацію философіи Ньютона, предназначенную „для дамъ“. Заѣзжали въ Сирей и знакомыя дамы, но гораздо рѣже,—дамамъ Эмилія вообще не нравилась.

Зиму 1738—39 года тамъ прогостила г-жа Графиньи, оставившая въ своихъ письмахъ подробное описаніе какъ самаго замка, такъ и его обитателей. Въ теченіе дня гости были обыкновенно предоставлены самимъ себѣ. Вольтеръ и г-жа дю-Шатле проводили всѣ дни, а частью и ночи за письменными столами. Гости пользовались ихъ обществомъ за позднимъ обѣдомъ и часъ-другой вечеромъ.

Главнымъ предметомъ занятій Вольтера и его божественной Эмиліи (такъ называлъ онъ ее въ стихахъ и письмахъ) были точныя науки, къ которымъ имѣла пристрастіе маркиза, не любившая ни стиховъ, ни исторіи—любимыхъ предметовъ Вольтера. Одно время онъ до того поддался вліянію своей ученой подруги, что писалъ стихи только въ постели, во время своихъ частыхъ болѣзней, никогда однако не мѣшавшихъ ему работать. Здоровый же онъ занимался физикой и представилъ академіи наукъ мемуаръ „О природѣ и распредѣленіи огня", а также химіей и біологіей. Однажды онъ собственноручно обезглавилъ до сорока улитокъ, чтобы провѣрить одно мнѣніе итальянскаго ученаго.

Друзья въ Парижѣ, куда доходили слухи объ этихъ занятіяхъ, боялись уже, что Вольтеръ совсѣмъ отдастся естественнымъ наукамъ и забросить все остальное. Но увлеченіе было непродолжительно, да и въ самомъ пылу его онъ все таки, по его выраженію, „ухаживалъ сразу за всѣми девятью музами", а потомъ успѣлъ даже привлечь самое Эмилію къ изученію исторіи. „Основы философіи Ньютона" были главнымъ произведеніемъ, появившимся изъ - подъ пера Вольтера въ первые годы пребыванія въ Сиреѣ. Ихъ печатаніе опять встрѣтило затрудненіе, вытекавшее на этотъ разъ изъ чисто-философскихъ соображеній. Канцлеръ д'Агессо, завѣдывавшій дѣлами печати, былъ человѣкъ ученый и именно поэтому очень твердый въ своихъ научныхъ взглядахъ. Онъ былъ ярымъ картезіанцемъ и не желалъ содѣйствовать распространенію ложной, по его мнѣнію, доктрины. Пожинать неомраченные придирками лавры Вольтеру удавалось, да и то не всегда, только на сценѣ. Данная въ 1736 г. его трагедія „Альзира" имѣла значительный успѣхъ.

Съ 1739 года кончается затворничество въ Сиреѣ. Осень этого года и половину слѣдующаго Вольтеръ и супруги дю-Шатле прожили въ Брюсселѣ, а потомъ проводили зимы въ

Парижѣ, возвращаясь въ Сирей на лѣто. Съ этихъ поръ къ безоблачному счастью маркизы начинаетъ примѣшиваться горечь: божественная Эмилія ревнуетъ. Не къ женщинѣ,—въ этомъ отношеніи Вольтеръ не давалъ ей ни малѣйшаго повода, да и вообще никогда первый не измѣнялъ никакой женщинѣ. Предметомъ ея ревности является прусскій король Фридрихъ II. Уже съ 1736 года между нимъ—тогда еще кронпринцемъ—и Вольтеромъ завязалась оживленная переписка. Принцъ оказался горячимъ поклонникомъ Вольтера. О личномъ знакомствѣ съ своимъ кумиромъ при жизни строгаго отца нечего было и думать, но онъ не упускалъ ни одного случая выразить свои чувства „божеству Сирея" и отправлялъ ему на прочтеніе всѣ свои произведенія въ стихахъ и въ прозѣ. Вольтеръ былъ еще въ Брюсселѣ, когда 31 мая 1740 года Фридрихъ вступилъ на престолъ. Уже въ іюнѣ, объѣзжая свои западныя владѣнія, онъ обѣщалъ Вольтеру пробраться инкогнито для свиданія съ нимъ въ Брюссель, но вмѣсто того вызвалъ его въ Клевэ, гдѣ остановился, задержанный лихорадкой. Въ первый разъ знаменитый писатель увидѣлъ своего коронованнаго поклонника въ комнаткѣ безъ всякой мебели, дрожащимъ подъ плохимъ одѣяломъ, въ сильнѣйшемъ припадкѣ лихорадки. Тѣмъ не менѣе, когда пароксизмъ миновалъ, король одѣлся, и за долгимъ ужиномъ они основательно разобрали, по словамъ Вольтера, вопросы о безсмертіи души, свободѣ воли и проч., и проч. За первымъ свиданіемъ въ томъ же году послѣдовало второе, затѣмъ въ 1743 году—новое продолжительное пребываніе у Фридриха. Во время этихъ отлучекъ Эмилія сама не своя. Ей все кажется, что Вольтеръ останется въ Пруссіи, куда она не сможетъ и не захочетъ за нимъ послѣдовать. Письма Вольтера кажутся ей слишкомъ краткими и холодными; она заранѣе протестуетъ противъ величайшей, по ея мнѣнію, подлости: промѣнять женщину на короля. Но Вольтеръ и не думаетъ мѣнять Эмилію на Фридриха, ни, тѣмъ менѣе, предпочесть Берлинъ Парижу, въ которомъ чувствуетъ себя наконецъ въ безопасности. Случилась, правда, маленькая непріятность съ трагедіей „Магометъ". Она была принята на сцену, но затѣмъ, по инсинуаціямъ литературныхъ враговъ Вольтера, Флёри одумался и посовѣтовалъ автору—а совѣтъ въ дан-

номъ случаѣ равнялся приказанію, снять ее со сцены, какъ нарушающую уваженіе къ религіи. Вольтеръ придумалъ напечатать свою трагедію съ посвященіемъ папѣ: „Главѣ истинной религіи произведеніе, направленное противъ основателя ложной религіи“. Папа принялъ посвященіе, поблагодарилъ автора очень любезнымъ письмомъ, благословилъ его и прислалъ золотую медаль со своимъ портретомъ. На самомъ дѣлѣ лишь невѣрующее общество, для котораго равны всѣ религіи, могло увидѣть въ „Магометѣ“ нападеніе на христіанство. Благочестивымъ людямъ трагедія, наоборотъ, должна была казаться благочестивой и назидательной. Магометъ, правда, изображенъ въ ней самыми отвратительными чертами и въ заключительномъ монологѣ самъ называетъ себя обманщикомъ, злодѣемъ и проч. Но въ трагедіи нѣтъ и тѣни какого нибудь намека на христіанство, нѣтъ ни малѣйшей аналогіи съ событіями священной исторіи. Ненависть же къ „невѣрнымъ“ въ былыя, вѣрующія времена всѣми считалась благочестивымъ чувствомъ: нападеніе на ложную религію—защитой истинной. Съ этой точки зрѣнія, очевидно, взглянулъ на дѣло и папа. Но Флери думалъ иначе и не взялъ назадъ своего запрещенія. Зато въ 1743 году Вольтера ждало въ театрѣ такое торжество, какого онъ еще ни разу не испытывалъ. Мы говоримъ о представленіи „Меропы“. Въ неописанномъ восторгѣ публика вызвала автора, что было не въ обычаѣ и явилось порывомъ непосредственнаго чувства. Онъ показался въ ложѣ своей старой знакомой г-жи де-Вилларъ, присутствовавшей на представленіи со своей молодой невѣсткой, герцогиней де-Вилларъ. Желая тутъ же на мѣстѣ чѣмъ нибудь вознаградить автора, публика шумно потребовала, чтобы молодая герцогиня немедленно поцѣловала его, что та и исполнила ко всеобщему удовольствію.

Изъ всѣхъ произведеній Вольтера трагедіи доставили ему всего больше авторскихъ торжествъ и славы при жизни. До самой смерти его называли авторомъ „Меропы“, „Заиры“ и проч., а никакъ ни тѣхъ философско-полемическихъ произведеній, которыя наложили такую неизгладимую печать на всѣ сужденія, на весь умъ XVIII вѣка Франціи—да и не одной Франціи. Друзья и рьяные враги находили, правда, и въ его трагедіяхъ кое какіе намеки на вредъ фана-

тизма и пользу терпимости, но эти намеки были замѣтны лишь людямъ, заранѣе знакомымъ со взглядами автора. Мы говорили уже о „Магометѣ“. Также и знаменитая фраза противъ священниковъ въ „Эдипѣ“ *) казалась антирелигіозной лишь потому, что была написана врагомъ духовенства. То же самое говоритъ объ оракулахъ Іокаста въ трагедіи Софокла, сюжетъ которой заимствовалъ Вольтеръ. Но развязка трагедіи какъ въ греческомъ оригиналѣ, такъ и во французской передѣлкѣ показываетъ, какъ жестоко ошибалась Іокаста, какъ правы священники и вѣрны предсказанія оракуловъ. Прозаическія произведенія Вольтеръ писалъ для пропаганды своихъ идей, для осмѣянія того, что считалъ зломъ, для побіенія своихъ враговъ. Трагедіи писались имъ исключительно для славы, для аплодисментовъ и слезъ публики. Онъ тщательно подмѣчалъ, чѣмъ можно угодить этой публикѣ, и всегда былъ готовъ по нѣскольку разъ передѣлывать свои трагедіи по ея указаніямъ. Въ предназначенныхъ для театра произведеніяхъ Вольтеръ не проявилъ и той небольшой способности къ художественному творчеству, которая замѣтна въ его комической поэмѣ „Дѣвственница“ и въ его сказкахъ. Эти послѣднія онъ писалъ въ большинствѣ случаевъ съ цѣлью разъяснить читателямъ ту или другую идею, а между тѣмъ небрежно и мимоходомъ онъ придаетъ въ нихъ нѣкоторымъ изъ своихъ героевъ живыя, опредѣленныя физіономіи, хотя и очерченныя лишь въ самыхъ общихъ контурахъ. Въ его трагедіяхъ нѣтъ и такихъ физіономій. Въ нихъ есть только положенія, иногда дѣйствительно трагическія,—да звучные стихи, въ которыхъ дѣйствующія лица высказываютъ мысли и чувства, соотвѣтствующія положеніямъ. Въ общемъ Вольтеръ является въ трагедіяхъ подражателемъ Корнеля и въ особенности Расина, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ довольно робкимъ нововводителемъ. Онъ находилъ, напримѣръ, нелѣпымъ обычай вводить любовь въ каждую трагедію, хотя бы въ видѣ эпизода, почти не связаннаго съ главнымъ дѣйствіемъ. Онъ думалъ, что любовь должна или составлять весь интересъ трагедіи, или совсѣмъ отсутствовать. Сообразно съ этимъ онъ дѣйствительно устранилъ любовь изъ трехъ своихъ траге-

*) Les prêtres ne sont pas ce qu'un vain peuple pense и т. д.

дій: „Меропы“, „Ореста“ и „Смерти Цезаря“. Но во многихъ другихъ она и у него играетъ роль холоднаго, совсѣмъ ненужнаго эпизода.

Въ Англіи Вольтеръ заинтересовался Шекспиромъ. Онъ находилъ въ немъ смѣсь достоинствъ съ чудовищными недостатками. Нарушеніе всѣхъ трехъ единствъ, частыя убійства на сценѣ и въ особенности грубые разговоры ремесленниковъ, шутовъ и солдатъ—личностей неприличныхъ въ трагедіи—внушали ему глубочайшее отвращеніе. Но въ то же время ему нравились многіе монологи у Шекспира, и въ особенности сложность и живость дѣйствія, вмѣсто котораго на французской сценѣ допускались лишь разсказы о событіяхъ, происходящихъ за сценой. Въ трагедіяхъ Вольтера дѣйствія гораздо больше, чѣмъ у его предшественниковъ, но знаменитыя единства часто дѣлаютъ совершенно невѣроятными многочисленныя происшествія, совершающіяся въ одной и той же комнатѣ въ три часа времени. У Шекспира заимствовалъ Вольтеръ сюжеты „Заиры“ и „Смерти Цезаря“, а также многія черты и сцены, разсыпанныя въ другихъ его трагедіяхъ. Подъ конецъ жизни, возмущенный тѣмъ, что переводчики Шекспира осмѣлились поставить его выше французскихъ трагиковъ, онъ раскаялся и въ тѣхъ одобрительныхъ отзывахъ, которые дѣлалъ прежде. „Предпочитать чудовище Шекспира Расину! Я скорѣе согласился бы промѣнять Аполлона Бельведерскаго на Христофа“ (грубая статуя, отличавшаяся колоссальными размѣрами), говорилъ Вольтеръ Дидро. „А что бы вы сказали,—возразилъ Дидро,—если бы этотъ громадный Христофъ, совсѣмъ живой, расхаживалъ по улицамъ?“

ГЛАВА IV.

Вольтеръ — придворный. — Смерть Эмиліи дю-Шатле. — Берлинъ.— Дружба и ссора съ Фридрихомъ II. - Арестъ во Франкфуртѣ—Историческія произведенія Вольтера.—„Орлеанская дѣва“.

Въ 1744 году Вольтеръ не былъ уже гонимымъ писателемъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ, но не былъ еще и офиціально признанной знаменитостью Франціи. Онъ былъ

уже членомъ почти всѣхъ европейскихъ академій, но тщетно пытался попасть во французскую, какъ вдругъ въ 1745 году на него сразу посыпались всевозможныя официальныя почести.

Умерла Шатору, гласная фаворитка короля, и ей предстояло найти преемницу. Это была въ то время очень важная должность во Франціи, важнѣе министерскаго портфеля. Объ ней давно уже мечтала и повѣряла свои мечты Вольтеру, его хорошая знакомая, молодая красавица г-жа Этіоль. Мать—жена крестьянина и содержанка генеральнаго фермера—воспитала ее въ томъ убѣжденіи, что ей предстоитъ быть фавориткой короля. Мечта казалась почти неисполнимой, такъ какъ г-жа Этіоль не имѣла доступа ко двору, а мѣста признанныхъ фаворитокъ занимались обыкновенно придворными дамами. Но, когда открылась вакансія, мать и дочь такъ энергично взялись за дѣло, красавица такъ упорно попадалась на глаза королю при всѣхъ его выѣздахъ, что быстро заняла желаемое мѣсто повелительницы короля и Франціи. Ставши маркизой де-Помпадуръ, она не забыла своего стараго знакомаго. По ея желанію, ему было поручено написать стихи для оперы, которая должна была даваться на придворномъ театрѣ по случаю бракосочетанія дофина. Вольтеръ написалъ „Наваррскую принцессу“, за что, къ немалому огорченію многихъ родовитыхъ дворянъ, былъ сразу пожалованъ офицеромъ двора его Королевскаго величества съ 20,000 франковъ жалованья и сдѣланъ придворнымъ исторіографомъ, а при первой открывшейся вакансіи былъ избранъ, наконецъ, и въ члены французской академіи. Милости были такъ велики и внезапны, что Вольтеру стало казаться весьма возможнымъ получить въ скорости и министерскій портфель.

Начинается придворный періодъ жизни Вольтера, недолго длившійся къ счастью если не для него, то для его читателей, а въ извѣстномъ смыслѣ и для всего человѣчества. Онъ самъ называлъ свою „Наваррскую принцессу“ ярмарочнымъ фарсомъ, а излишней скромностью Вольтеръ никогда не страдалъ. Но не больше литературныхъ достоинствъ и въ другихъ его произведеніяхъ того времени. Все это чисто придворная поэзія, вся сотканная изъ лести, преподносимой подъ различными соусами. Такова поэма,

прославляющая битву при Фонтенуа. Она требовала большого искусства, такъ какъ въ ней нужно было назвать въ стихахъ до сотни именъ главныхъ участниковъ битвы, сказать каждому по комплименту и при этомъ не забывать безпрестанно возвращаться къ прославленію короля. Затѣмъ пишется ода на милосердіе Людовика въ побѣдѣ. Наконецъ, сооружается пятиактная опера „Храмъ Славы", въ который Людовикъ XV вводится подъ именемъ Трояна. Даже въ стихотворныхъ посланіяхъ къ третьимъ лицамъ: къ Ришелье, къ герцогинѣ де-Мэнъ и другимъ, Вольтеръ прославляетъ теперь короля, и только короля. Онъ—и Троянъ, и Антонинъ, и Маркъ-Аврелій. Въ посланіи къ герцогинѣ де-Мэнъ Людовикъ XV оказывается даже Александромъ Македонскимъ. Вольтеръ остерегался только называть христіаннѣйшаго короля своимъ любимымъ историческимъ именемъ императора Юліана. Это имя онъ съ гораздо большей искренностью преподносилъ Фридриху II.

Но какъ ни трудился Вольтеръ, совсѣмъ не поэтическій предметъ его—тоже непоэтическихъ, хотя и стихотворныхъ—восхваленій оставался холоднымъ, какъ ледъ. Король терпѣлъ до поры до времени этого новаго придворнаго, но почти не удостаивалъ скрывать своего отвращенія и не говорилъ съ нимъ ни слова. Послѣ представленія на придворномъ театрѣ „Храма Славы" Вольтеръ спросилъ у Ришелье, стоявшаго рядомъ съ королемъ: „Доволенъ ли Троянъ?" Вопросъ предназначался для королевскихъ ушей, но Троянъ молча отвернулся отъ поэта.

Кромѣ холодности Трояна, была у Вольтера и другая, рѣдко покидавшая его, но теперь особенно чувствительная забота: это масса сыпавшихся на него пасквилей. Среди множества литературныхъ враговъ у Вольтера всегда имѣлся какой нибудь одинъ главный. Первымъ изъ такихъ враговъ былъ Ж.-Б. Руссо, затѣмъ—аббатъ Дефонтенъ, доходившій до чисто личныхъ клеветъ, увѣрявшій, что Вольтеръ—воръ, блюдолизъ, что его отецъ былъ крестьяниномъ и проч. Едва въ 1745 году умеръ Дефонтенъ, на смѣну ему явился Фреронъ, и не отставалъ уже отъ Вольтера въ теченіе всей его жизни. Теперь въ пасквиляхъ осмѣивались придворные успѣхи новаго камеръ-юнкера и его вступленіе въ академію. Вольтеръ затѣваетъ процессы, до-

бивается запрещенія позорящихъ его произведеній и даже ареста одного изъ продавцовъ запрещенныхъ пасквилей. Для писателя, и раньше и позже дававшаго такъ много работы этимъ тайнымъ продавцамъ, которыми кишѣлъ тогдашній Парижъ, было въ высшей степени неприлично участвовать въ преслѣдованіи хотя бы одного изъ нихъ. Но такова уже основная черта характера Вольтера, что, разъ взявшись за что-нибудь, разъ вступивши въ какую нибудь борьбу—славную или безславную—онъ не останавливался на полпути и всегда готовъ былъ зарваться въ крайности. У него, какъ и у всѣхъ тѣхъ изъ его современниковъ, которые потеряли вѣру въ традиціи, не было никакихъ заранѣе готовыхъ опредѣленныхъ нравственныхъ правилъ. Еще не было вокругъ него въ сороковыхъ годахъ и сложившейся партіи единомышленниковъ, съ неизбѣжно вырабатывающимся въ каждой партіи опредѣленнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Единственнымъ судьей его поступковъ оставался такимъ образомъ разумъ. А у такого впечатлительнаго, горячаго человѣка, какъ Вольтеръ, его индивидуальный „разумъ“ не могъ не рѣшать—и слишкомъ часто рѣшалъ—подъ диктовку страстей.

Но рядомъ съ дурными чертами онъ въ то же время проявлялъ и самыя лучшія. Вольтеръ всегда былъ такимъ же горячимъ, неутомимымъ другомъ, какъ и неутомимымъ врагомъ. Онъ имѣлъ при этомъ свойство становиться другомъ почти каждаго, кто обращался къ нему за помощью, или кому онъ самъ предлагалъ ее. Всего охотнѣе помогалъ онъ людямъ, подававшимъ какую нибудь надежду сдѣлаться писателями или артистами. И его помощь не была небрежной помощью богатаго барина. Онъ входилъ во всѣ интересы вновь пріобрѣтеннаго друга; при малѣйшей возможности поселялъ его у себя; тратилъ для него не однѣ деньги, а также трудъ, время: переправлялъ его сочиненія, хлопоталь объ ихъ помѣщеніи. Такъ, онъ долго возился съ нѣкіимъ Линаномъ, теперь поддерживалъ Мармонтеля. Не разъ случалось, что его протежэ перебѣгали на сторону враговъ, и самому злому изъ этихъ враговъ, аббату Дефонтену, онъ оказалъ въ началѣ ихъ знакомства очень важныя услуги. Но эти измѣны ничуть не отзывались на судьбѣ людей, послѣ нихъ обращавшихся къ нему за

помощью: онъ также увлекался ими, также объ нихъ горячо заботился. „У этого негодяя—восклицаетъ нелюбившій Вольтера Мариво—однимъ порокомъ больше, чѣмъ у другихъ, и именно: онъ иногда бываетъ добродѣтельнымъ!“ Въ разгаръ увлеченія придворной карьерой его любимцемъ былъ рано умершій даровитый юноша Вовенаргъ. На 20 слишкомъ лѣтъ моложе Вольтера, больной, онъ велъ уединенный образъ жизни, думалъ на досугѣ и записывалъ свои мысли, сообщая ихъ лишь близкимъ друзьямъ. Характеръ его ума былъ совершенно противоположенъ характеру ума Вольтера. Онъ занимался больше нравственными вопросами, придавалъ огромное значеніе чувству; его выраженіе: „Великія мысли вытекаютъ изъ сердца“, пріобрѣло извѣстность. Вольтеръ часто расходился съ нимъ во взглядахъ, но преклонялся предъ его нравственной чистотой, его „добродѣтелью“, какъ тогда выражались. Близкій съ обоими, Мармонтель говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что его восхищало нѣжное уваженіе, которымъ знаменитый писатель окружалъ своего молодого друга.

Между тѣмъ положеніе Вольтера при дворѣ становилось все болѣе и болѣе шаткимъ. Благочестивая королева и большая часть придворныхъ искали лишь удобнаго повода, чтобы устранить его. Поводъ нашелся въ мадригалѣ, поднесенномъ поэтомъ г-жѣ Помпадуръ, оставшейся его единственной покровительницей. Стихотвореніе заканчивалось пожеланіемъ, чтобы какъ король, такъ и она сама навсегда сохранили свои завоеванія. Это понравилось Помпадуръ, но возбудило толки при дворѣ королевы. Выставлялось на видъ, какъ неприлично ставить на одну доску завоеванія короля во Фландріи съ завоеваніемъ его собственной особы фавориткой. Толки приняли такіе размѣры, что Вольтеръ съ г-жою дю-Шатле сочли за лучшее поспѣшно уѣхать въ Сирей, а оттуда въ Люневиль, гдѣ прожили весь 1748 и половину 1749 года при дворѣ Станислава Лещинскаго, этого польскаго пана и совершеннѣйшаго французскаго сеньора, бывшаго два раза польскимъ королемъ, а теперь доживавшаго вѣкъ въ Лотарингіи съ сохраненіемъ королевскаго титула, но почти безъ всякой власти. Онъ считалъ себя философомъ, правда, христіанскимъ, какъ свидѣтельствовало заглавіе одного изъ его сочиненій, но это не

мѣшало ему давать, подобно безбожному Фридриху, поправлять свои сочиненія Вольтеру. Жизнь текла здѣсь такъ спокойно и свободно, что напоминала скорѣе беззаботное существованіе въ гостяхъ у частнаго богатаго человѣка, чѣмъ при дворѣ.

Вмѣсто внѣшнихъ бурь, явились внутреннія. При томъ же дворѣ проживалъ будущій авторъ описательной поэмы „Времена года“, тогда еще просто молодой, блестящій офицеръ Сенъ-Ламберъ, которому выпало на долю отбить любимыхъ женщинъ у двухъ величайшихъ писателей Франціи: сперва—у Вольтера, а черезъ 8 лѣтъ—у Ж.-Ж. Руссо. Онъ нравился не однѣмъ женщинамъ, а также и мужчинамъ, и сразу завоевалъ всѣ симпатіи Вольтера. Лѣтомъ 1748 года этотъ послѣдній внезапно открылъ, что его божественная Эмилія принадлежитъ другому. Подъ первымъ впечатлѣніемъ онъ, хотя больной, рѣшилъ тою же ночью уѣхать изъ замка Коммерси, лѣтней резиденціи Станислава, гдѣ происходило дѣло. Но Эмилія пришла къ нему и повела разсудительныя рѣчи: за что ему сердиться? Чѣмъ огорчаться? Онъ боленъ, онъ нуждается въ спокойствіи, а ей нужна любовь. Не лучше ли, что она полюбила человѣка, къ которому онъ самъ относился дружески, чѣмъ кого нибудь другого?

Рѣчи подѣйствовали на Вольтера, онъ успокоился, обнялъ пришедшаго Сенъ-Ламбера, призналъ, что былъ неправъ, что ему, старику, не слѣдовало предъявлять требованій на чувство, принадлежащее молодости (Сенъ-Ламберу 32 года, но Эмиліи уже за 40), и остался жить со своимъ другомъ. Эту, характерную для людей XVIII-го вѣка, сцену разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ секретарь Вольтера, Лоншанъ, слышавшій разговоръ изъ сосѣдней комнаты.

Вольтеръ не жалѣлъ, конечно, что провелъ еще годъ со своимъ незамѣнимымъ другомъ. Ему и безъ того предстояло скоро потерять Эмилію, умершую отъ послѣродовой болѣзни 10-го сентября 1749 года. Она предвидѣла громадную опасность родовъ въ такіе годы, послѣ двадцатипятилѣтняго промежутка. Ея главнѣйшей заботой въ послѣдніе мѣсяцы жизни было опасеніе, что ея „Комментаріи“ къ сдѣланному ею переводу „Принциповъ“ Ньютона останутся неоконченными. Чѣмъ ближе подходилъ срокъ, тѣмъ напряженнѣе

она работала. Начало родовъ застало ее за этимъ трудомъ. Сверхъ ожиданія роды были легки, но черезъ нѣсколько дней послѣродовая болѣзнь свела ее въ могилу. Выйдя изъ комнаты своего умершаго друга, Вольтеръ упалъ безъ чувствъ внизу лѣсницы, гдѣ его нашелъ Сенъ-Ламберъ.

Люневиль опротивѣлъ Вольтеру. Онъ переѣхалъ въ Парижъ и поселился въ томъ же домѣ, гдѣ раньше жилъ съ Эмиліей. Въ страшной тоскѣ бродилъ онъ по цѣлымъ ночамъ по комнатамъ, точно разыскивая умершую, не хотѣлъ никого вйдѣть и не выказывалъ ни къ чему интереса. Послѣднее обстоятельство, какъ слишкомъ противорѣчащее характеру Вольтера, особенно пугало его близкихъ друзей. Д'Аржанталь и Ришелье употребляли всѣ усилія, чтобы разбудить въ немъ страсть къ театру. За послѣдніе годы при дворѣ вошло въ моду прославлять, на зло Вольтеру, въ качествѣ перваго современнаго трагика почти забытаго Кребильона. Это прежде бѣсило Вольтера, и еще при жизни Эмиліи онъ работалъ въ Люневилѣ надъ двумя трагедіями на тѣ же сюжеты, которые были разработаны Кребильономъ: „Орестомъ" предполагалось побить „Электру", а „Спасеннымъ Римомъ"— „Катилину" Кребильона. Д'Аржанталь и Ришелье нарочно разсказывали Вольтеру о славѣ Кребильона, на сторону котораго враги успѣли уже перетянуть и Помпадуръ. Друзья разсчитали вѣрно: жилка борьбы заговорила въ Вольтерѣ. Онъ согласился поставить на сцену „Ореста", который былъ, впрочемъ, безпощадно освистанъ, благодаря усиліямъ сторонниковъ Кребильона. Но Вольтеръ уже нашелъ себѣ другую заботу, отвлекавшую его отъ тоски и болѣе симпатичную, чѣмъ соперничество со старымъ Кребильономъ.

Въ Парижѣ существовало въ то время нѣсколько обществъ любителей изъ буржуазіи, игравшихъ небольшія пьесы въ нанятыхъ помѣщеніяхъ. Попавши на одно изъ такихъ представленій, Вольтеръ былъ очарованъ талантливой игрой одного молодого ремесленника, Лекена. Послѣ представленія онъ зазвалъ его къ себѣ, обласкалъ и, узнавши, что тотъ по недостатку средствъ не можетъ совершенствовать свой талантъ, тутъ же предложилъ ему значительную денежную помощь. Лекенъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что былъ растроганъ до слезъ такой добротой въ человѣкѣ, котораго молва рисовала жаднымъ, безсердечнымъ эгоистомъ.

При слѣдующихъ свиданіяхъ Вольтеръ окончательно увлекся юношей, поселилъ его у себя, давалъ ему уроки, устроилъ для него домашнюю сцену, на которой тотъ игралъ вмѣстѣ съ товарищами. Онъ же потомъ выхлопоталъ Лекену дозволеніе дебютировать на сценѣ. Это было едва ли не самое удачное изъ всѣхъ внезапныхъ увлеченій Вольтера подающими надежды юношами. Лекенъ скоро сдѣлался лучшимъ парижскимъ актеромъ и навсегда остался преданнымъ другомъ своего знаменитаго покровителя, его „благодарнымъ ученикомъ", какъ онъ самъ называлъ себя.

Между тѣмъ положеніе въ Парижѣ становилось все тяжелѣе для Вольтера: въ литературѣ его осыпали пасквилями, при дворѣ и въ театрѣ торжествовали его враги. Съ другой стороны, Фридрихъ II все настойчивѣе и настойчивѣе звалъ его къ себѣ. „Обыкновенно мы, писатели, хвалимъ королей а этотъ самъ расхваливалъ меня съ головы до ногъ въ то время, какъ негодяи... позорили меня на весь Парижъ по меньшей мѣрѣ разъ въ недѣлю... Какъ было устоять противъ побѣдоноснаго короля, поэта, музыканта и философа, который дѣлалъ видъ, что любитъ меня? Мнѣ показалось, что я тоже люблю его". Такъ объясняетъ Вольтеръ въ мемуарахъ свое рѣшеніе поѣхать къ Фридриху.

Въ началѣ іюня 1750 года онъ выѣхалъ изъ Парижа съ дозволенія Людовика XV-го, съ сохраненіемъ своего придворнаго титула и званія исторіографа, вовсе не предчувствуя, что вернется въ этотъ городъ лишь за три мѣсяца до смерти Фридрихъ встрѣтилъ Вольтера самымъ дружескимъ образомъ, поселилъ его во дворцѣ какъ разъ подъ своими комнатами и предоставилъ своему гостю полную свободу.

За ужиномъ собиралась компанія личныхъ друзей короля, Это были въ большинствѣ французы, между которыми выдавался Ла-Меттри. Былъ одинъ итальянецъ—уже извѣстный намъ Альгаротти, одинъ венгерецъ и ни одного нѣмца. Чтобы попасть на эти ужины, требовалось быть вольнодумцемъ и умнымъ человѣкомъ. „Никогда и нигдѣ въ мірѣ не говорили съ такой свободой обо всѣхъ человѣческихъ суевѣріяхъ и не третировали ихъ съ большими насмѣшками и презрѣніемъ"... говоритъ Вольтеръ, характеризуя знаменитые ужины. За ними говорилось много остроумныхъ вещей. „Король самъ проявлялъ умъ и вызывалъ другихъ на его проявле-

ніе и, что всего удивительнѣе,—добавляетъ Вольтеръ,—я никогда не ужиналъ съ меньшими стѣсненіями".

Фридрихъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы склонить своего гостя на прочное водвореніе въ Пруссіи. Парижскіе друзья отговаривали Вольтера отъ этого шага, пугая его той рабской зависимостью, въ которую онъ станетъ по отношенію къ Фридриху, поступивши на его службу. Вольтеръ письменно сообщилъ королю объ этихъ опасеніяхъ. Они нерѣдко переписывались другъ съ другомъ изъ одного этажа въ другой. „Мы—оба философы,—отвѣчалъ между прочимъ король.—Что можетъ быть естественнѣе, если два философа, связанные одинаковыми предметами изученія, общностью вкусовъ и образа мыслей, доставляютъ себѣ удовольствіе совмѣстной жизни? Я уважаю васъ, какъ моего учителя въ краснорѣчіи и знаніи; я люблю васъ, какъ добродѣтельнаго друга. Какого же рабства, какого несчастія можете вы опасаться въ странѣ, гдѣ васъ цѣнятъ, какъ въ отечествѣ, живя у друга, имѣющаго благодарное сердце?"

„Немногія коронованныя особы писали такія письма,—говоритъ Вольтеръ. Оно окончательно опьяняло меня. Словесныя увѣренія были еще горячѣе... Онъ поцѣловалъ мою руку, я отвѣтилъ ему тѣмъ же и сталъ его рабомъ".

Рабство было вначалѣ самымъ пріятнымъ, какое только можно себѣ представить. Вольтеръ былъ сдѣланъ камергеромъ съ 20.000 франковъ годового содержанія, получилъ золотой ключъ и орденъ на шею.

„Моя должность—писалъ онъ въ Парижъ—заключается въ томъ, чтобы ничего не дѣлать. Часъ въ день я посвящаю королю, чтобы нѣсколько сглаживать слогъ его произведеній въ стихахъ и прозѣ... Все остальное время остается въ моемъ полномъ распоряженіи, а вечеръ заканчивается пріятнымъ ужиномъ".

Свой досугъ онъ употребилъ прежде всего на окончаніе давно начатой „Исторіи вѣка Людовика XIV", которая и была отпечатана въ Берлинѣ въ 1751 году. По обилію и тщательной провѣркѣ матеріала это—лучшій изъ историческихъ трудовъ Вольтера.

Но преклоненіе автора предъ величайшимъ, по его мнѣнію, вѣкомъ, доведшимъ искусство и поэзію (его любимую трагедію) до совершенства,—преклоненіе, распространенное и

на короля, покровительствовавшаго искусству, поощрявшаго блескъ, роскошь и утонченность цивилизаціи, вызывало неудовольствіе даже среди учениковъ и послѣдователей Вольтера, принадлежавшихъ къ молодому, болѣе демократически настроенному поколѣнію.

Несмотря на свое отвращеніе къ Вольтеру, Людовикъ XV былъ очень недоволенъ его переходомъ на службу Фридриха, а при дворѣ этотъ поступокъ прямо называли „дезертирствомъ". Возможность возвращенія во Францію становилась проблематической. А между тѣмъ и въ Берлинѣ безоблачное счастье было очень непродолжительно. Къ восторженнымъ описеніямъ жизни у Фридриха начинаютъ примѣшиваться печальныя нотки. „Все хорошо,—пишетъ онъ уже въ ноябрѣ 1750 года,—театръ, ужины короля, но, но... Въ Берлинѣ прекрасныя зданія, прелестныя принцессы и придворныя дамы, но, но"... Изъ дальнѣйшей переписки, а также изъ мемуаровъ мы можемъ догадаться о смыслѣ этихъ таинственныхъ *но*. Вольтеръ начинаетъ чувствовать себя не совсѣмъ свободно со своимъ всесильнымъ другомъ, опирающимся на 150.000 побѣдоноснаго войска. Умъ этого вѣнценоснаго друга также свободенъ отъ предразсудковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всякихъ опредѣленныхъ нравственныхъ правилъ, какъ и умъ самого Вольтера. Онъ обладаетъ безпощадной, ни предъ чѣмъ не останавливающейся волей Онъ по кошачьи ласковъ со своими „друзьями" и по кошачьи же царапаетъ ихъ, когда вздумается. „Всякое общество,—пишетъ Вольтеръ,—если оно не состоитъ изъ львовъ и козъ (басня Лафонтена), имѣетъ свои законы, а Фридрихъ нарушилъ первѣйшій изъ этихъ законовъ: не говорить присутствующимъ ничего непріятнаго; маленькія царапины то одному, то другому изъ присутствующихъ наносились шутя, но въ наносившей ихъ лапѣ чувствовалась львиная сила, при желаніи, могущая совершенно уничтожить бѣдную козу.

Первое соприкосновеніе съ королевскими когтями было тѣмъ чувствительнѣе для Вольтера, что онъ самъ подалъ къ нему поводъ и не могъ жаловаться. Этимъ поводомъ послужила страсть Вольтера къ денежнымъ спекуляціямъ, которыми онъ такъ счастливо занимался во Франціи и попробовалъ заняться также въ Пруссіи. Не поладивъ съ факторомъ-евреемъ относительно вознагражденія, Вольтеръ

заупрямился, довелъ дѣло до суда, и хотя судъ рѣшилъ въ его пользу, но въ обществѣ осталось подозрѣніе, что знаменитый писатель перехитрилъ хитрѣйшаго изъ берлинскихъ жидовъ. Фридрихъ, бывшій въ Потсдамѣ въ то время, какъ Вольтеръ судился въ Берлинѣ, написалъ ему по этому поводу безпощадное письмо. Онъ высчиталъ всѣ его вины: Вольтеръ впуталъ его въ свои ссоры съ литературными врагами, онъ всегда со всѣми ссорился, имѣлъ процессы еще въ Парижѣ, а теперь занялся спекуляціями и втянулся въ скандальное дѣло съ жидомъ, одно имя котораго, упоминаемое рядомъ съ именемъ Вольтера, является позоромъ для послѣдняго, и проч., и проч.

Словомъ, Фридрихъ разбранилъ Вольтера, какъ провинившагося мальчишку, не забывая при этомъ упоминать о его почтенномъ возрастѣ. И Вольтеру пришлось проглотить обиду и просить извиненія. Эта исторія всегда приводилась врагами Вольтера въ доказательство его безмѣрнаго корыстолюбія. Замѣтимъ только, что весь споръ съ евреемъ шелъ о суммѣ въ 1.000 талеровъ, а за годъ передъ этимъ, по разсказу Лекена, тотъ же человѣкъ предложилъ ему, въ первый разъ его видя, 10.000 фр. и затѣмъ дѣйствительно истратилъ для него не меньшую сумму. Черезъ нѣсколько лѣтъ Вольтеръ затѣетъ съ президентомъ де-Броссъ, у котораго купилъ имѣніе, длиннѣйшій споръ изъ-за нѣсколькихъ вязанокъ дровъ, стоимостью самое большее въ 170 фр. Для богача Вольтера, въ то же самое время раздававшаго гораздо большія суммы, 170 фр. не могли имѣть значенія. А между тѣмъ, попавши на человѣка, такого же упрямаго, какъ и самъ, онъ провозился съ этимъ дѣломъ болѣе года. Спекулировалъ Вольтеръ, конечно, изъ корыстолюбія,—изъ стремленія увеличивать свои средства, но затѣвалъ нелѣпые процессы, сильно вредившіе его репутаціи, никакъ не изъ корыстолюбія, а изъ упрямства, страсти къ борьбѣ, изъ желанія наказать за несправедливое, по его мнѣнію, требованіе.

Фридрихъ простилъ Вольтера. Исторія съ евреемъ была предана забвенію. Жизнь, повидимому, шла по прежнему, но Вольтеръ уже не чувствовалъ себя по прежнему. Ла-Меттри, самый близкій къ королю изъ окружавшихъ его иностранцевъ, еще усилилъ безпокойное чувство Вольтера. Онъ разсказалъ ему, что король въ разговорѣ о немъ выразился

слѣдующимъ образомъ: „Онъ еще нуженъ пока, но разъ сокъ изъ апельсина выжатъ, корку бросаютъ". Вольтеръ былъ сильно взволнованъ этой фразой. Онъ безпрестанно возвращается къ ней во всѣхъ письмахъ этого времени. Иногда на него нападало сомнѣніе: Ла-Меттри любитъ насмѣхаться надъ людьми,—не были ли слова о коркѣ только злой шуткой этого насмѣшника? Вольтеръ принимался тогда разспрашивать Ла-Меттри, умолялъ его сказать правду—тотъ стоялъ на своемъ. Ла-Меттри умеръ въ ноябрѣ 1751 года и Вольтеръ очень жалѣлъ, что не могъ еще разъ поговорить съ нимъ передъ смертью,—можетъ быть онъ сказалъ бы, наконецъ, правду.

Какъ бы тамъ ни было, Вольтеръ сталъ подготовлять свое удаленіе изъ Берлина, рѣшивъ, какъ онъ выражается „убрать апельсинную корку въ безопасное мѣсто". Онъ началъ съ того, что убралъ свои капиталы, перемѣстивъ ихъ изъ Пруссіи въ Виртембергъ. Къ сплетнямъ Вольтеру на короля не замедлили присоединиться также сплетни королю на Вольтера. Сперва ему передали слова Вольтера, что со смертью Ла-Меттри „открылась вакансія на должность королевскаго атеиста". На это Фридрихъ не обратилъ вниманія. Но когда ему сказали, что Вольтеръ называетъ его стихи „грязнымъ бѣльемъ, которое отдается ему для стирки", и вообще не находитъ ихъ хорошими, обращеніе короля измѣнилось и стиховъ для стирки стало присылаться гораздо меньше.

Вольтеръ былъ убѣжденъ, что этими сплетнями занимался не кто иной, какъ президентъ берлинской академіи Мопертюи, который когда-то былъ его пріятелемъ, но, встрѣтясь съ нимъ въ Берлинѣ, началъ относиться къ нему очень недоброжелательно, а подъ конецъ—прямо враждебно. Мопертюи опубликовалъ передъ этимъ свое, очень важное по его мнѣнію, научное открытіе на счетъ „сбереженія силы" природы. Кёнигъ—близкій знакомый Вольтера по Сирею—бывшій членомъ берлинской академіи, сообщилъ президенту свои возраженія на его открытіе и показалъ копію съ письма Лейбница, въ которомъ знаменитый философъ говоритъ о томъ же законѣ „сбереженія силы", но не признаетъ его вѣрнымъ. Открытіе оказывалось такимъ образомъ вовсе не открытіемъ. Мопертюи, привыкшій къ безусловному подчи-

ненію со стороны членовъ берлинской академіи, отнесся очень сурово къ дерзости Кёнига и даже не прочелъ его мемуара. Тотъ тѣмъ не менѣе напечаталъ его. Мопертюи, зная отъ самого Кёнига, что у него имѣется только копія съ письма Лейбница, потребовалъ предъявленія оригинала и назначилъ для этого срокъ. Достать оригиналъ не было возможности. Срокъ прошелъ, и Мопертюи въ торжественномъ засѣданіи своей покорной академіи объявилъ Кёнига фальсификаторомъ. Тотъ апеллировалъ къ общественному мнѣнію. Поступокъ былъ дѣйствительно возмутительный: особаго рода академическое судебное убійство. Если бы Вольтеръ и не дружилъ съ Кёнигомъ, и не былъ золъ на Мопертюи, онъ все-таки возмутился бы и напалъ на обидчика, какъ не разъ въ жизни дѣлалъ это безъ всякихъ личныхъ мотивовъ. Тѣмъ охотнѣе сдѣлалъ онъ это теперь, разоблачивъ во французскихъ журналахъ всю неприглядность поступка президента берлинской академіи. Но на этомъ дѣло не кончилось. Мопертюи, точно нарочно на соблазнъ Вольтеру, вскорѣ выпустилъ книжку „Писемъ“, дававшихъ обильную пищу для насмѣшки. Говорятъ, что, огорченный противорѣчіемъ Кенига, властолюбивый президентъ началъ въ это время усиленно прибѣгать къ водкѣ и написалъ большую часть своего произведенія подъ дѣйствіемъ этого напитка. Иначе дѣйствительно трудно объяснить себѣ всю массу фантазій, серьезно предлагаемыхъ публикѣ въ этихъ удивительныхъ „Письмахъ“. Тамъ имѣются проекты прорыть отверстіе до центра земли и выстроить городъ, въ которомъ всѣ жители говорили бы исключительно по-латыни. Смерть, которую авторъ считаетъ моментомъ полной зрѣлости человѣка, можетъ быть, по его мнѣнію, значительно отсрочена посредствомъ обмазыванія тѣла смолой для предотвращенія испареній. Человѣкъ, думаетъ Мопертюи, можетъ узнавать будущее, приводя свою душу въ экзальтированное состояніе, а природу этой души можно узнать, разсѣкая мозги гигантовъ, живущихъ въ Патагоніи. Можно себѣ представить, какъ отлично воспользовался этими фантазіями Вольтеръ. Между прочимъ Мопертюи предлагаетъ въ тѣхъ же письмахъ платить докторамъ лишь въ томъ случаѣ, когда больные выздоравливаютъ. Несмотря на такую жестокость, добрый докторъ Акакія (по-гречески—„безъ лукавства“), отъ

имени котораго Вольтеръ написалъ свою „Діатрибу“ противъ Мопертюи, берется лечить злого уроженца С. Мало (родина президента) отъ его хронической болѣзни, называемой филократіей, и дѣйствительно лечитъ въ самой остроумной сатирѣ, когда либо выходившей изъ подъ пера Вольтера. Фридрихъ, принявшій въ дѣлѣ съ Кёнигомъ сторону Мопертюи, разсердился. Послѣ грознаго внушенія онъ сжегъ въ присутствіи автора всѣ экземпляры „Діатрибы“ въ каминѣ собственнаго кабинета. Съ Вольтера взято было письменное обязательство больше не трогать президента. Король могъ думать, что спасъ послѣдняго отъ посмѣянія. Но едва догорѣли отпечатанные въ Потсдамѣ экземпляры, какъ изъ Дрездена пришло и наводнило Берлинъ новое изданіе тогоже памфлета. Въ Парижѣ, какъ оказалось, онъ разошелся въ тысячахъ экземпляровъ, и вся читающая Европа хохотала уже надъ несчастнымъ Мопертюи. Фридрихъ пришелъ въ бѣшенство и приказалъ (24 декабря 1752 года) жечь ненавистную брошюру на площадяхъ Берлина рукою палача. Оскорбленный Вольтеръ отослалъ королю знакъ своего камергерскаго достоинства и орденъ и просилъ отставки. Фридрихъ желалъ унизить, наказать Вольтера, но не желалъ съ нимъ разставаться. Въ тотъ-же день довѣренный секретарь короля, Фредерсдорфъ, принесъ ему обратно ключъ и орденъ съ самыми миролюбивыми предложеніями. Король опять желаетъ видѣть его за своими ужинами и зоветъ съ собою въ Потсдамъ, куда отправляется въ концѣ мѣсяца. Вольтеръ отговаривается нездоровьемъ, ему нужно лечиться. Фридрихъ присылаетъ хинину. „Хининъ не поможетъ, — отзывается Вольтеръ:—необходима поѣздка на воды въ Пломбьеръ“.—„Въ моихъ владѣніяхъ въ Глацѣ тоже есть воды не хуже французскихъ“,—отвѣчаетъ король.

Фридрихъ не захотѣлъ бы, конечно, насильно держать Вольтера, но могъ при отъѣздѣ надѣлать ему много непріятностей. Вольтеръ, твердо рѣшившійся уйти изъ подъ власти своего бывшаго друга, прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ поѣхалъ въ Потсдамъ, гдѣ находился король, провелъ съ нимъ недѣлю и снова ужиналъ „подъ мечемъ Дамокла“, по его выраженію. Съ внѣшней стороны старыя отношенія были возстановлены. Вольтеръ получилъ дозволеніе отправиться въ Пломбьеръ, давши слово вернуться осенью обратно.

*

26-го марта 1753 года онъ выѣхалъ изъ Потсдама и черезъ два дня былъ уже въ Лейпцигѣ, гдѣ остановился на нѣсколько недѣль. Со времени появленія „Діатрибы“ у него накопилось уже немало новыхъ насмѣшекъ надъ Мопертюи, и онъ не преминулъ сообщить ихъ многочисленнымъ знакомымъ, которыхъ тотчасъ же пріобрѣлъ въ Лейпцигѣ. Слухи о новыхъ готовящихся сатирахъ дошли до Берлина, и злой геній внушилъ Мопертюи мысль написать Вольтеру угрожающее письмо, въ которомъ президентъ заявляетъ, что онъ достаточно здоровъ, чтобы настичь Вольтера и лично отомстить ему. Такое письмо заслуживало отвѣта, который и былъ написанъ въ самой „дружеской“ формѣ отъ имени все того же добраго доктора Акакія. „Поздравляю васъ съ прекраснымъ состояніемъ вашего здоровья,—пишетъ докторъ,— но я не такъ здоровъ, какъ вы. Я въ постели и прошу васъ отложить на время маленькій физическій опытъ, которому вы намѣрены меня подвергнуть. Вы, можетъ быть, хотите меня анатомировать? Но подумайте о томъ, что я вовсе не гигантъ изъ Патагоніи, и мой мозгъ такъ малъ, что разсѣченіе его волоконъ не дастъ вамъ никакихъ новыхъ свѣдѣній относительно души... Сдѣлайте также одолженіе обратить ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство: если вы соблаговолите экзальтировать вашу душу, чтобы ясно видѣть будущее, вы тотчасъ увидите, что, явившись убивать меня въ Лейпцигъ, гдѣ васъ такъ же мало любятъ, какъ и повсюду, и гдѣ ваше письмо извѣстно, вы рискуете быть повѣшеннымъ, что слишкомъ ускорило бы моментъ наступленія вашей зрѣлости и было бы неприлично для президента академіи“. Одновременно съ этимъ Вольтеръ проситъ секретаря берлинской академіи вычеркнуть его изъ списковъ, такъ какъ иначе было бы слишкомъ много затрудненій съ составленіемъ похвальнаго слова умершему члену послѣ убійства и анатомированія, которыя совершитъ надъ нимъ президентъ. Кромѣ того, въ „Лейпцигской Газетѣ“ появилось объявленіе съ комическими примѣтами неизвѣстнаго человѣка и обѣщаніемъ тому, кто извѣститъ объ его прибытіи, награды въ 1.000 дукатовъ изъ фонда латинскаго города, который будетъ выстроенъ этимъ неизвѣстнымъ.

Потѣшившись такимъ образомъ и потѣшивши читателей, Вольтеръ переѣхалъ въ Готу, гдѣ прожилъ пять не-

дѣль въ гостяхъ у герцога. А тѣмъ временемъ новыя посланія доктора Акакія дѣлали свое дѣло, и надъ Вольтеромъ собиралась гроза. Увидя изъ продолженія войны съ Мопертюи, какъ твердо рѣшилъ Вольтеръ не возвращаться въ Пруссію, Фридрихъ обезпокоился. Мы знаемъ, какъ любилъ онъ писать стихи. Его избранныя стихотворенія были отпечатаны въ нѣсколькихъ экземплярахъ и розданы ближайшимъ друзьямъ, въ томъ числѣ и Вольтеру. Въ этихъ стихахъ было не мало злыхъ выходокъ противъ коронованныхъ особъ, немало также насмѣшекъ и надъ религіей. Ихъ опубликованіе было бы очень непріятно королю. Не довѣряя болѣе Вольтеру, Фридрихъ рѣшилъ отобрать у него офиціальнымъ путемъ свои стихи, а кстати ужъ отобрать также орденъ, ключъ и нѣкоторыя письма. Сдѣлать это въ Готѣ, у гостя герцога, было неудобно, и приказъ былъ посланъ во Франкфуртъ, который лежалъ на пути Вольтера, и гдѣ не было коронованныхъ особъ.

Прибывъ 31 мая во Франкфуртъ и переночевавъ въ гостинницѣ, Вольтеръ приготовлялся уже двинуться въ дальнѣйшій путь, какъ вдругъ къ нему явился прусскій резидентъ во Франкфуртѣ, Фрейтагъ, въ сопровожденіи прусскаго офицера, и потребовалъ у Вольтера выдачи имъ извѣстнаго ключа, ордена, писемъ, а главное—книги „поэтическихъ произведеній моего милостиваго короля“, какъ выражался Фрейтагъ о стихахъ Фридриха. Все остальное Вольтеръ отдалъ, но книга вмѣстѣ съ частью его вещей была оставлена въ Лейпцигѣ для пересылки въ Страсбургъ Фрейтагъ сдѣлалъ подробный обыскъ, длившійся цѣлыхъ 8 часовъ, но „поэтическихъ произведеній“ не оказалось, и Вольтеру было объявлено, что онъ остается подъ домашнимъ арестомъ до прибытія вещей изъ Лейпцига. Понятно бѣшенство Вольтера, но пока онъ еще крѣпился.

Его племянница, дочь его умершей сестры, бездѣтная вдова, г-жа Дени, ожидавшая дядю въ Страсбургѣ, при извѣстіи объ арестѣ, пріѣхала во Франкфуртъ и осталась съ нимъ въ гостиницѣ. 18-го іюня прибыли вещи изъ Лейпцига и съ ними королевскіе стихи, но Фрейтагъ, не получившій еще отвѣта на посланный имъ въ Берлинъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, отказался отпустить плѣнника.

Окончательно выведенный изъ терпѣнія и опасаясь за свою дальнѣйшую судьбу, Вольтеръ рѣшился бѣжать и 20-го іюня тайно выѣхалъ съ своимъ секретаремъ Коллини, но на заставѣ былъ задержанъ бдительнымъ Фрейтагомъ и теперь уже, какъ преступникъ, подвергнутъ настоящему строгому аресту. У него отобрали всѣ вещи, деньги, даже табакерку. Такимъ же строгостямъ были подвергнуты Коллини и г-жа Дени. Всѣхъ ихъ размѣстили по разнымъ комнатамъ очень плохой гостинницы и приставили къ каждому по четыре солдата. На слѣдующій день изъ Берлина пришло приказаніе отпустить Вольтера. Но Фрейтагъ разсудилъ, что приказаніе дано до бѣгства,—бѣгство же есть преступленіе противъ короля, и теперь онъ не можетъ отпустить арестанта, не получивши новаго приказанія. Въ ожиданіи этого приказанія прошло еще двѣ недѣли строжайшаго ареста и лишь 7-го іюля Вольтеръ выѣхалъ наконецъ изъ Франкфурта, поплатившись, вдобавокъ, значительной суммой на покрытіе издержекъ по содержанію его подъ арестомъ.

Онъ стремился въ Парижъ, но, зная, какъ дурно было принято его „дезертирство“ и какъ мало могла поправить его дѣла ссора съ Фридрихомъ, дружба котораго все же придавала ему при дворѣ извѣстное значеніе, онъ былъ въ нерѣшимости и остановился пока въ Страсбургѣ. При немилости двора Вольтеръ, несмотря на свои 60 лѣтъ и европейскую славу, могъ всего опасаться отъ враговъ, а въ такіе годы и при расшатанномъ здоровьѣ преслѣдованія переносятся совсѣмъ не такъ легко, какъ въ молодости. Вражда же духовенства давала себя чувствовать даже въ Страсбургѣ, а затѣмъ въ Кольмарѣ, куда онъ переѣхалъ въ октябрѣ. Лѣтомъ слѣдующаго 1754 года онъ направился было въ Пломбьеръ, но, услыхавши, что тамъ находится его врагъ Мопертюи, предпочелъ остановиться по дорогѣ въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Вогезахъ, настоятель котораго донъ-Кальметъ былъ его хорошимъ знакомымъ по Сирею, гдѣ ученый монахъ часто гостилъ при жизни маркизы. Здѣсь Вольтеръ съ удовольствіемъ провелъ цѣлый мѣсяцъ, вспоминая съ донъ-Кальметомъ счастливые сирейскіе дни, а главное изучая подъ его руководствомъ старые фоліанты богатой монастырской библіотеки. Онъ заказалъ

также монахамъ множество выписокъ изъ твореній отцовъ церкви и изъ исторіи соборовъ, которыя пригодились ему впослѣдствіи. Послѣ отъѣзда Мопертюи Вольтеръ успѣлъ еще пробыть въ Пломбьерѣ нѣсколько недѣль съ прибывшимъ туда для свиданія съ нимъ д'Аржанталемъ. Потомъ снова вернулся въ Кольмаръ. Изъ Парижа приходили все нерадостныя вѣсти. Въ ноябрѣ онъ отправился въ Ліонъ на свиданіе съ другимъ своимъ старымъ пріятелемъ герцогомъ Ришелье. Тотъ тоже не могъ сказать ничего утѣшительнаго: король и слышать не хотѣлъ о Вольтерѣ. Къ довершенію бѣдъ, именно теперь различными путями получило огласку существованіе двухъ произведеній Вольтера, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, кромѣ того, что ни то, ни другое не предназначалось къ печати, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они проникли теперь въ публику. Мы говоримъ о главномъ историческомъ трудѣ Вольтера: „Опытъ о нравахъ и о духѣ націй“ и объ его поэмѣ „Дѣвственница“ („La Pucelle“). Оба эти произведенія были почти окончены еще въ Сиреѣ. Въ предисловіи, предпосланномъ Вольтеромъ своему историческому труду, онъ такъ объясняетъ его происхожденіе; при обширномъ умѣ и способности къ метафизикѣ, маркиза дю-Шатле чувствовала отвращеніе къ исторіи. „Я никогда не могла окончить—говорила она—ни одной исторіи новыхъ народовъ (для исторіи Греціи и Рима она дѣлала исключеніе). Я встрѣчаю въ нихъ лишь путаницу событій; массу мелкихъ фактовъ безъ послѣдовательности и связи, тысячи битвъ, которыя ничего не рѣшаютъ... Я отказываюсь отъ этого изученія, столь же сухого, какъ и обширнаго, которое утомляетъ умъ, не просвѣщая его“. Вольтеръ сходился съ маркизой въ оцѣнкѣ многотомныхъ и сухихъ сводовъ старыхъ хроникъ, изъ которыхъ состояла историческая литература того времени. Но онъ думалъ, что исторію можно изучать по другому способу. Изъ массы безформеннаго историческаго матеріала можно сдѣлать разумный выборъ. Отбросивши скучныя и безполезныя подробности войнъ и дипломатическихъ переговоровъ, можно выбрать изъ исторіи все то, что обрисовываетъ нравы, и прослѣдить сквозь хаосъ событій ходъ развитія человѣческаго ума. Эта мысль понравилась маркизѣ. Они вмѣстѣ принялись за изученіе исто-

ріи по новому плану и „Опытъ“, а также „Философія исторіи“, передѣланная потомъ Вольтеромъ во введеніе къ „Опыту“, были плодомъ этого изученія.

Уже раньше, своими исторіями Карла XIII и Людовика XIV, Вольтеръ доказалъ читающей публикѣ возможность интересныхъ для нея историческихъ произведеній. Но тамъ излагались почти современныя событія. „Опытъ“ заставилъ читателей заинтересоваться исторіей всей Европы со времени Карла Великаго до царствованія Людовика XIV-го. Кромѣ несравненнаго слога Вольтера, его яркой, остроумной манеры изложенія, кромѣ освѣщенія тѣхъ сторонъ жизни человѣчества, на которыя раньше не обращалось вниманія, новостью въ этомъ историческомъ произведеніи было также критическое отношеніе къ источникамъ. Вольтеръ установилъ тотъ принципъ, что, разъ историкъ или хроникеръ разсказываетъ нѣчто невѣроятное, къ его свидѣтельству слѣдуетъ относиться съ сомнѣніемъ; повѣствованія же, несогласныя съ законами природы или здравымъ смысломъ, слѣдуетъ отбрасывать, какъ совершенно ложныя, какъ бы ни было почтенно имя приводящаго ихъ историка. Вольтеръ не первый высказалъ это правило, но онъ первый его популяризировалъ, онъ ввелъ его въ общее сознаніе. Въ „Философіи исторіи“, написанной отчасти по одному плану съ Боссюэтовской „Рѣчью о всемірной исторіи“, Вольтеръ видимо задается цѣлью опровергнуть историческіе взгляды Боссюэта, еще господствовавшіе въ школахъ. У Боссюэта, какъ извѣстно, центромъ всемірной исторіи является исторія еврейскаго народа. Въ краткомъ обзорѣ древней исторіи у Вольтера евреи оказываются, наоборотъ, самымъ ничтожнымъ, варварскимъ племенемъ, неизвѣстнымъ современнымъ ему цивилизованнымъ націямъ. Боссюэтъ совсѣмъ не касается Китая и Индіи, какъ странъ, не соприкасавшихся съ еврейскимъ народомъ. Вольтеръ усиленно напираетъ на сравнительную цивилизованность этихъ странъ и на возвышенную мораль ихъ священныхъ книгъ. Въ особенности прославляется Китай, какъ единственная страна, въ которой высшіе классы вовсе не знаютъ суевѣрій и гдѣ нѣтъ организованнаго духовенства. Сдержанная, замаскированная полемика также и противъ христіанской религіи проходитъ у Вольтера красной нитью черезъ все произведеніе. Съ осо-

бенными старанiемъ выставляетъ онъ на видъ сравнительную терпимость послѣдователей всѣхъ другихъ религiй и нетерпимость христiанъ и высчитываетъ миллiоны уничтоженныхъ человѣческихъ жизней, рѣки крови еретиковъ, пролитой христiанами во имя религiи.

Это-то произведенiе, въ слишкомъ откровенномъ и не вполнѣ обработанномъ видѣ, начало въ 1754 году печататься въ Дрезденѣ по похищенной рукописи. Вольтеръ протестовалъ, по обыкновенiю, увѣряя, что самыя смѣлыя фразы прибавлены издателями. Тѣмъ не менѣе „Опытъ", — и въ особенности одинъ, показанный королю, отрывокъ изъ предисловiя, — былъ въ числѣ причинъ, лишавшихъ автора возможности возвратиться во Францiю. Поселившись въ слѣдующемъ году на женевской территорiи, Вольтеръ докончилъ обработку этого труда и самъ издалъ его въ 6000 экземплярахъ, — количество, неслыханное для того времени. Тѣмъ не менѣе еще при его жизни понадобились новыя изданiя. Надъ своимъ „Опытомъ" Вольтеръ не переставалъ работать до самой смерти, то добавляя, то измѣняя разныя подробности. Его новый способъ писать исторiю быстро создалъ цѣлую школу,—прежде всего въ Англiи: Гиббонъ, Юмъ, Робертсонъ принадлежали къ его послѣдователямъ.

Другимъ произведенiемъ, изгонявшимъ Вольтера изъ Францiи, была знаменитая „Орлеанская дѣва", многочисленныя копiи которой ходили по Парижу, что предвѣщало скорое появленiе ея въ печати. Уже больше двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Вольтеръ началъ писать эту поэму. Она была его любимымъ дѣтищемъ; за ней отдыхалъ онъ отъ серьезныхъ работъ и забавлялъ ею друзей и прiятелей. Онъ никогда не предназначалъ ея для печати и очень заботился, чтобы объ ней не узнали враги. Но самъ онъ такъ любилъ ее, что читалъ почти каждому, кто заслуживалъ его расположенiе, а близкимъ прiятелямъ не отказывалъ и въ копiяхъ. Къ тому же многiе заучивали стихи наизусть, а извѣстный прiятель Вольтера Тирiо сдѣлалъ своей спецiальностью декламированiе поэмы въ салонахъ. Имѣть копiю этой поэмы и знать изъ нея наизусть нѣсколько отрывковъ стало признакомъ хорошаго тона и доказательствомъ принадлежности къ избранному обществу. Со смертью г-жи дю-Шатле, зорко слѣдившей за тѣмъ, чтобы рукописи не

попадали въ невѣрныя руки, копіи „Pucelle“ до того размножились, что въ 1754 г. сотнями продавались въ Парижѣ и съ 50 луидоровъ упали въ цѣнѣ до одного, а въ 1755 г. поэма была напечатана, какъ подозрѣвалъ Вольтеръ, его врагомъ ла-Бомелемъ.

Хотя „Pucelle“ и носитъ названіе поэмы, въ ней нѣтъ цѣльности содержанія. Отдѣльные эпизоды и сцены, писавшіеся втеченіи десятковъ лѣтъ, почти ничѣмъ не связаны, кромѣ имени героини. На историческую вѣрность лицъ и событій Вольтеръ не имѣлъ въ этомъ фантастическомъ произведеніи ни малѣйшей претензіи, и когда впослѣдствіи самъ напечаталъ его, то даже не отказалъ себѣ въ удовольствіи ввести въ поэму съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ исторіи начала XV-го вѣка, своихъ современныхъ литературныхъ враговъ: Фрерона, ла-Бомеля и съ полдюжины другихъ, въ видѣ каторжниковъ. Сама Іоанна, — согласно впрочемъ одной бургундской враждебной ей хроникѣ,—является у него не крестьянкой, а трактирной служанкой 27 лѣтъ, вмѣсто историческихъ 18-ти. По живости, остроумію, по блесткамъ воображенія, разсыпаннымъ повсюду, „Орлеанская дѣва“, какъ художественное произведеніе выше „Генріады“ и трагедій Вольтера, но огромнымъ успѣхомъ въ XVIII вѣкѣ она все-же обязана не столько своимъ литературнымъ достоинствамъ, сколько дерзкому издѣвательству надъ тѣмъ, что считалось святымъ и великимъ: надъ дѣвственницей и героиней. Теперь трудно даже представить себѣ эту охоту издѣваться надъ образомъ геройской дѣвы, явившейся на помощь отечеству въ тотъ моментъ, когда оно было на краю гибели и погибшей на кострѣ. Чтобы понять это, надо стать на точку зрѣнія XVIII вѣка. Для благочестивыхъ людей Іоанна была олицетвореніемъ дѣвственности и вытекающей изъ нея святости. Въ многотомной благочестивой поэмѣ Шапелена, подавшей Вольтеру мысль писать на тотъ-же сюжетъ въ противоположномъ тонѣ, Іоанна безпрестанно совершаетъ сверхестественныя дѣла, находится въ постоянномъ общеніи со святыми—и все благодаря дѣвственности. Дѣвственность, безбрачіе было той прославленной добродѣтелью, которой католическое духовенство всегда придавало гораздо больше значенія, чѣмъ духовенство другихъ вѣроисповѣданій, хотя и мало придерживалось ея на практикѣ. Это заставляло

людей XVIII вѣка переносить свою вражду противъ духовенства и на его прославленную добродѣтель. Кондорсе прямо ставитъ въ заслугу Вольтеру ея осмѣяніе, такъ какъ оно вырываетъ оружіе противъ честныхъ людей изъ рукъ злыхъ ханжей и лицемѣровъ.

Съ другой стороны, хотя Вольтеръ и отдаетъ полную справедливость храбрости Орлеанской дѣвы, но эта храбрость не можетъ внушить ему достаточнаго уваженія къ ней. Вѣдь Іоанна была безграмотной служанкой и жила въ варварскомъ вѣкѣ, а мы уже знаемъ, что для Вольтера имѣли значеніе лишь просвѣщенные люди, способствовавшіе успѣхамъ цивилизаціи. Красота, не покрытая лоскомъ цивилизаціи, была недоступна его пониманію, какъ въ характерахъ и поступкахъ людей, такъ и въ произведеніяхъ искусства и поэзіи. То же пристрастіе къ цивилизаціи и отвращеніе къ варварству заставляетъ его отрицать всякую красоту въ готическихъ храмахъ, предпочитать Виргилія Гомеру и каяться въ мимолетномъ снисхожденіи къ Шекспиру; оно же вліяетъ и на его отношеніе къ Евангельской исторіи...

ГЛАВА V.

Вольтеръ — хозяинъ. — Лиссабонское землетрясеніе. — „Кандидъ“. — Энциклопедія. — Критика Вольтера. — Его философія. — Отношеніе къ Ж.-Ж. Руссо.

Убѣдившись въ необходимости искать себѣ пріюта внѣ Франціи, Вольтеръ въ декабрѣ 1754 г. направился изъ Ліона въ Женеву посовѣтоваться относительно своего здоровья съ знаменитымъ врачемъ Троншеномъ, а также посмотрѣть нельзя ли будетъ устроиться въ этой маленькой говорящей по-французски республикѣ. Осмотрѣвшись онъ дѣйствительно купилъ близъ Женевы усадьбу, которую назвалъ Делисъ (наслажденіе). „Мыслящія существа,—пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ,—предупреждаю васъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ жить въ государствѣ, правительству котораго можно всегда сказать: приходите завтра ко мнѣ обѣдать“.

Вольтеру 60 лѣтъ, но до сихъ поръ у него не было собственнаго жилища. Прошло болѣе 40 лѣтъ со времени его вступленія въ жизнь, и большую часть этихъ лѣтъ онъ про-

жилъ гостемъ то французской и англійской знати, то королей. Въ Сиреѣ, правда, онъ былъ гостемъ любимой женщины, своего лучшаго друга, но все же гостемъ. Теперь онъ—хозяинъ и не зависитъ больше ни отъ какихъ покровителей. Онъ, правда, радуется, зачисляя въ письмахъ къ близкимъ друзьямъ въ „нашу партію“ то одну, то другую владѣтельную особу, вступившую съ нимъ въ сношеніе. Но лично онъ уже не нуждается въ нихъ. Онъ извлекаетъ изъ сношеній съ ними пользу для своихъ цѣлей, они могутъ доставлять ему много удовольствія, но уже не могутъ огорчать его и не огорчаютъ.

Нельзя не поблагодарить Людовика XV за его упорное отвращеніе къ своему знаменитому подданному. Если бы Вольтеръ поселился въ Парижѣ, то, окруженный толпой знакомыхъ, раздражаемый врагами, запутанный въ безчисленныя интриги, онъ никогда не достигъ бы той независимости, силы и вліянія, какими пользовался въ своемъ уединенномъ помѣстьѣ.

Въ противоположность всему предыдущему, полному приключеній существованію Вольтера, въ его послѣдующей жизни почти нѣтъ событій. Съ внѣшней стороны она проходитъ однообразно въ одной и той же мѣстности близь Женевы: сперва въ Делисъ, а потомъ въ Фернеѣ, изъ котораго съ начала 60-хъ годовъ онъ уже не выѣзжаетъ до 1776 г. Но тѣмъ богаче переполнены послѣднія десятилѣтія жизни Вольтера самой напряженной дѣятельностью, которой съ избыткомъ хватило бы на нѣсколько недюжинныхъ существованій. „Въ молодости надо наслаждаться, а въ старости дьявольски трудиться“, говорилъ онъ друзьямъ, возводя въ правило исторію своей жизни. Этотъ „дьявольскій трудъ“ скоро принялъ у него опредѣленный характеръ упорной, систематической борьбы съ суевѣріями, поддерживаемыми духовенствомъ, съ жестокостями, несправедливостями всякаго рода, совершаемыми во имя религіи, со всѣмъ этимъ варварствомъ, которое онъ назвалъ общимъ именемъ „l'Infâme“.

Въ самомъ началѣ этого новаго періода жизни Вольтера встрѣтилось нѣсколько обстоятельствъ, повліявшихъ на направленіе его мыслей и дѣятельности.

Мы знаемъ, что въ своихъ произведеніяхъ тридцатыхъ и отчасти сороковыхъ годовъ Вольтеръ проповѣдывалъ, что

все въ мірѣ обстоитъ благополучно. Но, очевидно, это убѣжденіе было въ немъ очень не прочно, и уже къ концу сороковыхъ годовъ у него начинаются сомнѣнія. Положимъ, зло въ мірѣ перемѣшано съ добромъ, но оно однако существуетъ,—какъ же объяснить его существованіе?—Вопросъ, всегда затруднявшій всѣхъ деистовъ въ родѣ Вольтера, отвергающихъ ученіе церкви, не вѣрящихъ въ будущую жизнь, но признающихъ всемогущее и всевѣдущее Провидѣніе. Въ романѣ „Задигъ или судьба", написанномъ въ 1747 году, герой, послѣ многихъ приключеній, въ которыхъ зло было примѣшано къ добру въ такомъ количествѣ, что вызвало въ немъ недовольство Провидѣніемъ, подъ конецъ бесѣдуетъ съ Геніемъ. Послѣдній объясняетъ ему, что абсолютное совершенство, добро безъ всякой примѣси зла, свойственно лишь жилищу Высшаго Существа, что въ остальныхъ безчисленныхъ мірахъ должно царствовать разнообразіе, въ которомъ зло является необходимымъ элементомъ, ведущимъ къ добру. Задигъ однако не совсѣмъ удовлетворенъ рѣчью Генія.—„Но"... начинаетъ онъ излагать свои сомнѣнія, и не доканчиваетъ, такъ какъ собесѣдникъ улетаетъ, не слушая его возраженій.

Еще большимъ сомнѣніемъ отзывается написанная въ 1750 году маленькая сказка „Мемнонъ", герой которой тоже терпитъ много невзгодъ и бесѣдуетъ съ Геніемъ. Для утѣшенія Мемнона, Геній сообщаетъ ему, что среди ста тысячъ милліоновъ существующихъ міровъ установлена постепенность; все совершенно въ первомъ изъ міровъ, во второмъ мудрости и счастья уже меньше, въ третьемъ еще меньше, а въ послѣднемъ господствуетъ полное безуміе.—„Я боюсь—замѣчаетъ Мемнонъ,—что наша земля и есть этотъ сумашедшій домъ вселенной".—„Не совсѣмъ такъ,—отвѣчаетъ собесѣдникъ,—но около того. Все должно быть на своемъ мѣстѣ... Общій строй вселенной совершененъ".—Ахъ!—возражаетъ бѣдный Мемнонъ, которому недавно выкололи глазъ,—я повѣрю этому тогда, когда перестану быть кривымъ".

Эта идея Болинброка и Попа о разнообразіи міровъ, изъ которыхъ состоитъ вселенная, совершенная въ цѣломъ, но совершенство которой непонятно намъ, видящимъ лишь ничтожную часть цѣлаго,—позволяла Вольтеру примирять идею Высшаго Существа съ существованіемъ зла въ мірѣ.

Лиссабонское землетрясеніе 1-го ноября 1755 года, превратившее большую часть города въ развалины, подъ которыми погибло до 30,000 человѣкъ, разрушило то неустойчивое философское равновѣсіе, въ которомъ находился оптимизмъ Вольтера. „Вотъ ужасный аргументъ противъ оптимизма,—пишетъ онъ д'Аржанталю,—не поздоровится отъ него принципу Попа: все хорошо". Нѣсколько мѣсяцевъ мысль объ этихъ тысячахъ труповъ, о мучительной агоніи полураздавленныхъ людей рѣшительно не даетъ ему покоя. Утверждать, что „все хорошо", кажется ему теперь жестокостью, почти преступленіемъ противъ несчастныхъ лиссабонцевъ. „Поэма о бѣдствіи Лиссабона" явилась страстнымъ выраженіемъ этого настроенія. Онъ зоветъ въ ней всѣхъ тѣхъ, кто утверждаетъ, что все къ лучшему въ мірѣ, взглянуть на ужасную картину разрушеннаго города и отвѣтить: зачѣмъ эти ужасы? Скажутъ ли они, что бѣдствіе послано въ наказаніе лиссабонцамъ? Но развѣ Лиссабонъ былъ преступнѣе Парижа, Лондона, а между тѣмъ: „Лиссабонъ разрушенъ, а въ Парижѣ танцуютъ". Скажутъ ли философы, что землетрясеніе было необходимо въ силу вѣчныхъ законовъ природы? Но откуда берется ихъ увѣренность?

Лиссабонское землетрясеніе какъ будто вдругъ открыло Вольтеру глаза и на другія страданія. Всѣ чувствующія существа, всѣ животныя страдаютъ и истребляютъ другъ друга, а философы утверждаютъ, что изъ этихъ отдѣльныхъ страданій составляется общее счастье, „Весь міръ и ваше собственное сердце васъ опровергаютъ,—говоритъ онъ имъ.— Зло существуетъ на землѣ—это должно признать, хотя и невозможно объяснить его происхожденія". Мѣстами въ этомъ страстномъ спорѣ противъ своихъ собственныхъ недавнихъ мнѣній слышится что-то наивное: Вольтеръ возстаетъ противъ землетрясенія, какъ противъ злой несправедливости, которую можно было не дѣлать, которой не слѣдовало дѣлать. Въ немъ какъ будто говоритъ то же чувство, которое нѣсколько лѣтъ спустя заставитъ его такъ горячо возстать противъ юридическихъ убійствъ Каласса, Ла-Барра и проч.

Тотъ же споръ съ оптимистами, но уже въ болѣе свойственной Вольтеру сатирической формѣ, продолжается въ вышедшемъ три года спустя романѣ „Кандидъ или оптимизмъ". На этотъ разъ дѣйствіе происходитъ уже не въ фанта-

стической странѣ, какъ въ предыдущихъ романахъ того же автора, и герой не бесѣдуетъ съ геніями:—онъ уроженецъ Вестфаліи воспитывается подъ руководствомъ философа Панглоса, утверждающаго, что все устроено какъ нельзя лучше въ этомъ лучшемъ изъ всѣхъ міровъ. Какъ съ самимъ героемъ и его ученымъ руководителемъ, такъ и со всѣми дѣйствующими лицами романа безпрерывно случаются всевозможныя бѣдствія вслѣдствіи войны, землетрясенія, инквизиціи, различныхъ болѣзней, нападеній пиратовъ и разбойниковъ. Панглосъ, несмотря ни на что, даже чуть живой, продолжаетъ восхвалять лучшій изъ міровъ. Въ заключительной главѣ романа большая часть дѣйствующихъ лицъ встрѣчается въ Турціи. Здѣсь кончаются ихъ приключенія, но зато всѣхъ одолѣваетъ такая скука, что даже Панглосъ сознается, что всегда ужасно страдалъ, но, разъ заявивши, что все превосходно, не желалъ отказаться отъ своего мнѣнія. Они обратились къ мудрѣйшему изъ всѣхъ турецкихъ дервишей съ вопросомъ, почему такъ много зла на землѣ? Вмѣсто отвѣта, дервишъ спросилъ ихъ въ свою очередь: „Заботится ли его величество султанъ, посылая корабли въ Египетъ, о томъ, удобно или неудобно па нихъ мышамъ?“ Это, въ сущности, та-же мысль Попа и Болинброка о совершенствѣ вселенной въ ея цѣломъ, несмотря на видимыя несовершенства, поражающія людей съ ихъ ограниченной точки зрѣнія. Вѣдь неудобства, испытываемыя мышами, не могутъ помѣшать кораблю быть прекраснымъ кораблемъ, да только не съ точки зрѣнія мышей. Разница съ прежнимъ взглядомъ заключается лишь въ томъ, что Вольтеръ находитъ теперь смѣшнымъ игнорировать, ради философской стройности міросозерцанія, эти слишкомъ чувствительныя, и людямъ, и мышамъ, неудобства плаванія и отказываться называть ихъ зломъ только потому, что не можешь объяснить происхожденіе зла.

„Будемъ работать, не разсуждая (о злѣ), это единственная возможность сдѣлать жизнь сносной“, говоритъ въ заключеніе благоразумный Мартенъ, и съ нимъ соглашаются всѣ остальныя дѣйствующія лица, принявшіяся обрабатывать пріобрѣтенный ими садъ.

Хотя Вольтеръ тоже пріобрѣлъ нѣсколько садовъ и очень интересовался ихъ устройствомъ, онъ не могъ однако по-

слѣдовать благоразумному совѣту Мартена. Вопросъ о злѣ остался для него, по его собственному неоднократному сознанію, самымъ труднымъ изъ вопросовъ. Еще много разъ будетъ онъ обращаться къ нему, будетъ пытаться рѣшать его то такъ, то иначе и до самой смерти не остановится окончательно ни на одномъ рѣшеніи.

Еще во время пребыванія Вольтера въ Пруссіи Дидро и д'Аламберъ начали издавать энциклопедическій словарь, который долженъ былъ давать свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, излагая ихъ съ точки зрѣнія новой философіи. Словарь предназначался для пропаганды этой философіи среди людей, не имѣющихъ времени, охоты или возможности пріобрѣтать основательныя знанія. Вольтеръ сразу понялъ, какимъ прекраснымъ оружіемъ въ борьбѣ съ предразсудками можетъ быть такое изданіе. Устроившись у воротъ Женевы, онъ начинаетъ усердно помогать предпріятію. Въ письмахъ къ д'Аламберу онъ называетъ себя „слугой энциклопедіи“ и, посылая свои статьи, проситъ редакторовъ не церемониться съ ними: урѣзывать, прибавлять, измѣнять все, что хотятъ. „Я ношу вамъ свои камешки, чтобы вы помѣщали ихъ въ какіе придется углы стѣны“. Онъ достаетъ также статьи для энциклопедіи отъ нѣкоторыхъ ученыхъ членовъ протестантскаго духовенства Швейцаріи, которые были не прочь въ анонимныхъ произведеніяхъ обращаться съ религіей довольно „развязно“, по выраженію Вольтера. Онъ очень радуется, когда въ 1756 г. парламенты ссорятся съ епископами. Это, по его мнѣнію, отличное время для того, чтобы „начинить Энциклопедію истинами, когда педанты дерутся—философы торжествуютъ“. Но хотя между педантами и не было заключено мира, „начиненная истинами“ Энциклопедія была скоро запрещена, и изданіе возобновилось лишь въ 1765 году.

Такъ рано прерванное предпріятіе успѣло уже однако сгруппировать вокругъ себя всѣ лучшія литературныя силы освободительнаго движенія. Самое запрещеніе изданія и грозный литературный походъ, предпринятый клерикальной прессой противъ новаго направленія, способствовали выдѣленію „энциклопедистовъ“—какъ начали называть съ этихъ поръ сотрудниковъ запрещеннаго словаря и ихъ единомышленниковъ—въ особую партію, главою которой есте-

ственно явился Вольтеръ по своему возрасту, знаменитости и таланту. Такое положеніе придало ему новую энергію и внушило самыя оптимистическія надежды. „Чтобы опрокинуть колосса, достаточно 5—6 сговорившихся между собою философовъ“, пишетъ онъ д'Аламберу. „Дѣло не въ томъ, чтобы мѣшать ходить къ обѣднѣ,—спѣшитъ онъ опредѣлить размѣры намѣченной задачи,—а въ томъ, чтобы вырвать отцовъ семействъ изъ подъ тираніи и внушить духъ терпимости. Въ этой великой задачѣ уже сдѣланы большіе успѣхи“.

Но, какъ ни велики эти успѣхи,—съ конца пятидесятыхъ годовъ и до самой смерти Людовика XV-го *„духъ нетерпимости“* проявляется во всей силѣ. Книги, брошюры, даже простыя предисловія къ трагедіямъ подвергаются самому мелочному, придирчивому контролю и запрещаются въ огромномъ количествѣ. Этимъ достигается тотъ результатъ, что все большее и большее число произведеній французской мысли печатается въ Голландіи, въ Дрезденѣ, въ Швейцаріи, и здѣсь эти запрещенныя во Франціи мысли высказываются съ такою откровенностью, рѣзкостью и озлобленіемъ, которыхъ не было и тѣни въ напечатанныхъ во Франціи томахъ Энциклопедіи. Вышедшія за границей произведенія массами провозились во Францію, и здѣсь тѣ экземпляры, которые попадали въ руки властей, сжигались у подножья лѣстницы парламента. Впрочемъ—нѣтъ. По свидѣтельству современниковъ, парламентскіе совѣтники, поговаривавшіе въ шестидесятыхъ годахъ, что мало сжечь книги, что слѣдовало бы сжечь также и авторовъ, разбираютъ произведенія этихъ вредныхъ авторовъ для своихъ библіотекъ, а въ костры бросаются для виду связки старыхъ бумагъ изъ архива.

Главную массу этого рода произведеній поставлялъ Вольтеръ. Прежде чѣмъ приняться за систематическую пропаганду, онъ постарался возможно лучше обезопасить себя. Кромѣ Делисъ, онъ владѣлъ загороднымъ домомъ близъ Лозанны, а въ 1758 г пріобрѣлъ еще Ферней: дворянское имѣніе на французской территоріи, близъ самой границы, въ двухъ часахъ ходьбы отъ Женевы. „Я такъ устроилъ свою судьбу,—говоритъ Вольтеръ въ своихъ мемуарахъ,—что могу считать себя одинаково независимымъ въ Швей-

царіи, на женевской территоріи, и во Франціи... Не думаю, чтобы какое-нибудь частное лицо въ Европѣ имѣло такую свободу, какъ я“.

Начнись въ самомъ дѣлѣ преслѣдованіе во Франціи, онъ оказался бы въ своемъ женевскомъ помѣстьи, а не поладивъ съ женевцами, могъ безъ затрудненій перебраться въ Лозанну. Недалеко было и до Невшателя, принадлежавшаго Фридриху, съ которымъ онъ помирился еще въ 1757 году.

Запасшись столькими убѣжищами, Вольтеръ чувствовалъ себя въ безопасности и могъ приняться за работу. Но „сговориться“ раздѣлить литературный трудъ, работать за одно,—Вольтеру было все-таки не съ кѣмъ. Лучшія силы разроставшагося философскаго движенія все болѣе и болѣе склонялись къ полному матеріализму и устраняли изъ своихъ разсужденій идею творенія и Провидѣнія. Вольтеръ же былъ рѣшительнымъ противникомъ этого ученія, считая его не только ложнымъ, но еще и вреднымъ по своему вліянію на читателей не-философовъ. Жанъ-Жакъ Руссо, вліяніе котораго быстро возростало, былъ деистъ. Вольтеръ очень цѣнилъ его „Исповѣдь Савойскаго викарія“ и даже не разъ самъ перепечатывалъ ее для контрабанднаго распространенія. Зато всѣ другіе взгляды этихъ двухъ писателей были такъ противоположны, что если-бъ у нихъ и не возникло личной вражды, которой намъ придется еще коснуться, между ними все-таки не могло бы существовать, даже того ограниченнаго союза, въ виду общаго врага, котораго держался Вольтеръ по отношенію къ матеріалистамъ.

Недостатокъ сотрудниковъ Вольтеръ старался замѣнить удесятеренной производительностью и разнообразіемъ формъ и даже тона своихъ произведеній. Подъ различными псевдонимами, то выдавая ихъ за переводы съ англійскаго, то приписывая умершимъ писателямъ, а иногда и вымышленнымъ духовнымъ лицамъ, Вольтеръ съ начала шестидесятыхъ годовъ наводняетъ своими изданіями Францію и главнѣйшіе пункты читающей по французски Европы. Одною изъ его излюбленныхъ формъ для этого рода произведеній были философскіе словари, маленькія карманныя энциклопедіи, которыхъ онъ издалъ нѣсколько. Здѣсь въ коротенькихъ статейкахъ подъ заглавіями „Аббатъ“, „Атеизмъ“,

„Богъ“, „Добро“, „Душа“, и проч., и проч., размѣщенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, Вольтеръ излагаетъ всѣ свои взгляды: бранитъ духовенство, доказываетъ бытіе Божіе, споритъ съ атеистами, обсуждаетъ съ различныхъ сторонъ вопросъ о злѣ въ мірѣ, излагаетъ идеи Локка, разбираетъ священное писаніе,—словомъ, не оставляетъ незатронутымъ ни одного изъ занимающихъ его вопросовъ. Рядомъ съ этимъ, въ другихъ изданіяхъ тѣ же вопросы разбираются въ связномъ изложеніи философскихъ трактатовъ. Иной разъ, подъ псевдонимомъ какого-нибудь духовнаго лица, они излагаются въ видѣ проповѣди или поученія. Но самой удачной, самой живой формой разсмотрѣнія все тѣхъ же вопросовъ являются у Вольтера діалоги. Иногда разговоръ касается только одного предмета, чаще разговаривающіе перебираютъ ихъ чуть не всѣ. Собесѣдники являются самые разнообразные: въ одномъ діалогѣ монахъ Риголо разговариваетъ съ китайскимъ императоромъ, котораго старается обратить въ свою вѣру и смѣшитъ своими аргументами.

Китайцы всегда играютъ у Вольтера роль мудрецовъ, и императоръ является представителемъ мнѣній автора. По временамъ собесѣдниками являются древніе философы, или Маркъ-Аврелій, пришедшій съ того свѣта взглянуть на свой родной Римъ, разговариваетъ со встрѣченнымъ имъ монахомъ. Разговоръ между Лукіаномъ, Эразмомъ и Рабле происходитъ уже прямо въ Елисейскихъ поляхъ, гдѣ два новѣйшихъ сатирика знакомятъ древняго римлянина съ тѣми условіями, при которыхъ имъ пришлось писать свои произведенія. А тамъ Вольтеръ вдругъ переноситъ насъ на „Обѣдъ графа Буленвилье“, гдѣ цѣлая компанія живыхъ, современныхъ ему французовъ: графъ, графиня и одинъ изъ гостей,—въ длинномъ спорѣ съ другимъ гостемъ, аббатомъ, разбираютъ библію, пересматриваютъ догматы церкви, излагаютъ ученіе деистовъ и доводятъ подъ конецъ аббата до сознанія, что онъ совершенно съ ними согласенъ. На этотъ разъ авторъ рисуетъ съ натуры. По всей Европѣ, и въ особенности во Франціи, за долгими поздними обѣдами свѣтскіе люди вели тогда разговоры о философскихъ и научныхъ вопросахъ, а всего чаще о религіи—„при лакеяхъ“,—съ негодованіемъ замѣчаетъ Орасъ Вальполь, излагая въ письмѣ

къ другу свои парижскія впечатлѣнія. При этомъ между вымышленными лицами въ „Діалогѣ“ Вольтера и дѣйствительными знакомыми Вальполя, съ которыми онъ обѣдалъ въ 1765 году, та разница, что графъ Буленвилье и его гости—деисты и горячо проповѣдуютъ существованіе Бога, а знакомые Вальполя—отъявленные атеисты, среди которыхъ самъ Вольтеръ считается отсталымъ.—„Вольтеръ—ханжа: онъ деистъ“, говорила о немъ Вальполю одна дама. Этотъ обычай вести въ обществѣ разговоры теоретическаго характера, о которомъ говорится во множествѣ современныхъ мемуаровъ и писемъ, былъ, вѣроятно, причиной того обстоятельства, что писатели XVIII-го вѣка такъ часто прибѣгали къ формѣ діалога для изложенія своихъ взглядовъ.

Главное мѣсто во всей этой обширной контрабандной литературѣ занимаетъ у Вольтера разборъ библіи, догматовъ, исторіи церкви и поведенія духовенства. Вольтеръ издалъ даже со своими примѣчаніями переводъ большей части историческихъ книгъ ветхаго завѣта, производившій тѣмъ большее впечатлѣніе, что сама библія была недоступна большинству читателей католиковъ, такъ какъ допускалась лишь въ латинскомъ переводѣ.

Морлей совершенно справедливо замѣчаетъ, что Вольтеръ разбираетъ священную исторію точно такъ же, какъ если бы разбиралъ произведеніе современнаго историка. Онъ основательно изучилъ и библію, и древнюю христіанскую литературу. Многія изъ его библіогностическихъ замѣчаній подтверждаются позднѣйшими изысканіями въ этой области, но у него нѣтъ и тѣни спокойнаго историческаго отношенія къ предмету, свойственнаго англійскимъ и нѣмецкимъ изслѣдователямъ. Впрочемъ, та сторона католицизма, съ которой по преимуществу боролся Вольтеръ: духъ нетерпимости, преслѣдованія, жестокости, вовсе не былъ въ современной ему Франціи явленіемъ, отошедшимъ въ область исторіи, какимъ былъ онъ для англійскихъ критиковъ XVIII-го и нѣмецкихъ XIX-го вѣка. Этотъ духъ былъ еще настолько живъ въ отечествѣ Вольтера, что могъ порождать, какъ увидимъ изъ дѣла Ла-Барра, чисто средневѣковыя звѣрства.

Вольтеръ не только изслѣдуетъ творенія библейскихъ писателей, онъ съ ними своеобразно полемизируетъ, какъ со своими литературными противниками; острить, негодуетъ

ловитъ ихъ на противорѣчіяхъ. Онъ старательно подбираетъ аргументы, чтобы доказать невозможность даже такихъ библейскихъ событій, въ которыхъ нѣтъ ничего чудеснаго, и приходитъ въ восторгъ, если случайно наталкивается на аргументъ, котораго раньше не зналъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ о посѣщеніи его знаменитымъ скульпторомъ Пигалемъ, пріѣхавшимъ въ Ферней, чтобы сдѣлать статую хозяина замка Вольтеръ не соглашался позировать, увѣрялъ, что разъ у человѣка нѣтъ лица (отъ худобы), нельзя дѣлать его статуи, и нарочно гримасничалъ и шевелился, едва гость принимался за работу. Но вотъ случайно зашла рѣчь объ отливкѣ статуй, и Пигаль замѣтилъ, что эта операція требуетъ довольно продолжительнаго времени. Такой аргументъ противъ золотаго тельца, на отливку котораго, по мнѣнію Пигаля, понадобилось-бы полгода, такъ обрадовалъ Вольтера, что, въ благодарность, онъ отдался въ полное распоряженіе художника, и модель статуи была благополучно окончена. То-же своеобразное полемическое отношеніе къ Библіи выражается у Вольтера и въ насмѣшкахъ надъ теоріей, по которой моря покрывали когда-то современные материки и даже горы. Въ пользу этой теоріи приводили то соображеніе, что на горахъ находятъ окаменѣлости рыбъ и морскія раковины. „Но не проще-ли— спрашиваетъ Вольтеръ,—предположить, что рыбъ занесли на горы путешественники, а относительно раковинъ стоитъ только вспомнить, какъ много приносилось ихъ съ береговъ Сиріи крестоносцами и пилигримами“. Вольтеръ не знатокъ въ этой области и, вообще говоря, онъ не любитъ разсуждать о томъ, чего не знаетъ, но этой теоріи онъ не могъ не преслѣдовать, потому что она напоминала ему о потопѣ. Старательно критикуя библейскія событія, онъ въ то-же время такъ сжился съ Библіей, что относился далеко нехладнокровно и къ библейскимъ личностямъ. Къ однимъ онъ чувствовалъ вражду, другимъ покровительствовалъ. Царя Давида онъ ненавидѣлъ всей душой, а Саула горячо защищалъ противъ несправедливостей Самуила. Къ Соломону у него было двойственное отношеніе: порицая его за нѣкоторые поступки въ началѣ царствованія, онъ въ общемъ относился къ нему хорошо и даже называлъ Фридриха „Соломонъ Сѣвера“ во время величайшей дружбы съ прусскимъ королемъ.—„Экклe-

зіастъ“ и „Пѣснь пѣсней“ онъ перевелъ стихами, приложивши также и подстрочный переводъ подлинника.

Собственная философія Вольтера, изложеніе его положительныхъ взглядовъ далеко не обширно. Хотя въ полномъ собраніи сочиненій этого автора оно занимаетъ довольно значительное мѣсто, но это происходитъ отъ многочисленныхъ повтореній въ разныхъ сочиненіяхъ однихъ и тѣхъ-же положеній, часто подтверждаемыхъ одними и тѣми-же аргументами. Друзья указывали Вольтеру на эти повторенія.—„Да, да,—отвѣчалъ онъ,—повторяюсь и буду повторяться, пока люди не исправятся“. Онъ не любилъ дѣлать вторыхъ изданій своихъ мелкихъ произведеній, а разъ, расходилась одна брошюра, писалъ другую на ту же тему,—въ другой формѣ, но съ тѣмъ же содержаніемъ, измѣняя его лишь по нѣкоторымъ вопросамъ: о злѣ въ мірѣ, о душѣ, о нравственности, о наградахъ и наказаніяхъ Божествомъ человѣка. По этимъ вопросамъ Вольтеръ не только мѣняетъ свои взгляды, но безпрестрастно противорѣчитъ себѣ, и не разъ въ двухъ произведеніяхъ, изданныхъ непосредственно одно послѣ другого, подъ разными псевдонимами, говоритъ противоположныя вещи.

Вольтеръ—не систематическій мыслитель, а по преимуществу борецъ, пропагандистъ — пожалуй—учитель. Для него практическіе выводы изъ теоретическихъ положеній часто дороже самихъ положеній. Для него въ высшей степени важны тактическія соображенія о томъ, какъ отразится данная мысль въ умахъ послѣдователей, какъ отзовутся на нее противники двухъ противоположныхъ направленій: клерикалы и атеисты, не считая уже Ж.-Ж. Руссо и его послѣдователей, стоящихъ въ сторонѣ отъ тѣхъ и другихъ.—Не слѣдуетъ давать противникамъ никакого оружія въ руки; нужно, освобождая читателей изъ подъ авторитета духовенства, предохранять ихъ въ то же время отъ атеизма. Эти правила несомнѣнно руководятъ Вольтеромъ въ его пропагандистской дѣятельности. Поэтому не всегда легко съ увѣренностью сказать, что въ этой массѣ контрабандныхъ произведеній высказывается авторомъ лишь потому, что таково его искренное убѣжденіе, а что говорится по тѣмъ или другимъ тактическимъ соображеніямъ. Нѣкоторымъ пособіемъ въ этомъ отношеніи можетъ для насъ

служить одно произведеніе, стоящее совершенно особнякомъ отъ другихъ: это „Трактатъ о метафизикѣ“, написанный еще въ Сиреѣ и составляющій первое цѣльное изложеніе философскихъ взглядовъ Вольтера. Онъ не предназначался для печати, а исключительно для одной только г-жи дю-Шатле, и дѣйствительно не былъ напечатанъ при жизни автора. На его содержаніе не могли вліять никакія постороннія соображенія. Можно поэтому съ увѣренностью сказать, что взгляды, перенесенные изъ этого сочиненія въ фернейскія произведенія Вольтера, составляютъ его дѣйствительныя убѣжденія. Хотя никоимъ образомъ нельзя заключать обратно, что всѣ мнѣнія, отличающія фернейскія произведенія отъ „Трактата о метафизикѣ“, вызказывались лишь подъ вліяніемъ тактическихъ соображеній: между „Трактатомъ“ и этими произведеніями прошло около 30-ти лѣтъ, и взгляды автора могли еотественно измѣниться.

Уже въ этомъ сирейскомъ произведеніи Вольтеръ приводитъ свои два главныя доказательства бытія Божія, которыя неизмѣнно повторяетъ и впослѣдствіи: все въ природѣ устроено разумно, во всемъ замѣтна цѣлесообразность, слѣдовательно мы должны заключить, что все въ ней устроено высшимъ, разумнымъ существомъ съ мудрыми цѣлями. „Изъ одного этого,—говоритъ Вольеръ,—я не могу еще заключить, что высшій разумъ, такъ искусно устроившій матерію, создалъ ее изъ ничего,—не могу заключить о его безконечности. Къ этимъ заключеніямъ насъ приводитъ другой аргументъ: „Я существую, значитъ, нѣчто существуетъ, а такъ какъ ничто не можетъ само себѣ дать существованія, слѣдовательно все получило его отъ одного вѣчно существовавшаго Бытія, которое и есть Богъ. Изъ этого-же необходимо слѣдуетъ, что Богъ безконеченъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ: что же можетъ ограничить его?“ Онъ и здѣсь уже говоритъ объ атеистахъ, но споритъ съ ними только по существу, совсѣмъ не затрогивая вопроса о вредѣ ихъ ученія. Вольтеръ вообще придерживался того мнѣнія, что прогрессъ знанія подрываетъ атеизмъ, заставивши напримѣръ повсюду признать существованіе зародышей, вмѣсто прежняго представленія о происхожденіи низшихъ организмовъ изъ гніющихъ веществъ. Онъ думалъ, что философія Декарта, съ ея отсутствіемъ пустоты въ при-

родѣ съ ея вѣчностью и безконечностью матеріи, легче допускала возможность обходиться безъ идеи Творца, чѣмъ философія Ньютона съ ея пустотою, атомами и конечностью матеріи. Онъ былъ убѣжденъ, что Ньютонъ, взгляды котораго онъ популязировалъ, докажетъ существованіе Бога франпузскимъ „мудрецамъ". Поэтому до выступленія на сцену во второй половинѣ XVIII-го вѣка матеріализма, признававшаго основныя положенія Ньютона и тѣмъ не менѣе отбросившаго идею Творца,-атеисты не безпокоили Вольтера.

Тѣ мысли о „душѣ", которыя были высказаны Вольтеромъ въ „Англійскихъ письмахъ", почти съ буквальной точностью повторяются и въ „Трактатѣ о метафизикѣ". Въ этомъ отношеніи Вольтеръ всегда остается вѣренъ своему учителю Локку. По вопросу о свободѣ воли онъ и въ „Трактатѣ", и въ написанныхъ тоже въ тридцатыхъ годахъ „Основахъ философіи Ньютона" признаетъ за волей свободу „безразличія". Подъ вліяніемъ страстей или сильныхъ внѣшнихъ импульсовъ воля не свободна, но въ совершенно спокойномъ состояніи человѣкъ можетъ по произволу выбирать между нѣсколькими дѣйствіями. Здѣсь онъ отступаетъ отъ Локка, но впослѣдствіи, очевидно глубже вдумавшись въ этотъ вопросъ, онъ уже всегда—согласно съ Локкомъ—настаиваетъ на томъ, что наша свобода заключается въ возможности дѣлать то, что хотимъ, но никакъ не въ свободѣ хотѣть или не хотѣть. Наши желанія всегда имѣютъ достаточную причину въ той или другой идеѣ, идеи же въ насъ непроизвольны. Свобода безразличія, т. е. безпричиннаго выбора—безсмыслица.

На вопросъ, какъ согласить идею всемогущаго и всевѣдущаго Бога съ существованіемъ въ мірѣ зла нравственнаго и физическаго, Вольтеръ въ „Трактатѣ о метафизикѣ" отвѣчаетъ, что мы не имѣемъ иного понятія о добрѣ и злѣ, о справедливости и несправедливости, кромѣ того, которое составили себѣ о дѣйствіяхъ полезныхъ или вредныхъ для общества и сообразныхъ или несообразныхъ съ тѣми законами, которые сами установили. Это идея отношеній между людьми, которая совершенно не примѣнима къ понятію о Богѣ. Говорить, что Богъ несправедливъ, потому что пауки ѣдятъ мухъ, а люди живутъ только 80 лѣтъ, совершенно безсмысленно. Мысль объ относительности

понятій о добрѣ и злѣ Вольтеръ развиваетъ дальше въ главѣ „О добродѣтели и порокѣ". Для существованія какого бы то ни было общества, говоритъ онъ, необходимы законы,—даже для игры необходимы тѣ или другія правила. Существующіе законы чрезвычайно разнообразны. Въ однѣхъ странахъ они наказываютъ за то, что дозволено въ другихъ, и наоборотъ.

„Всѣ народы согласны лишь въ одномъ: называть *добродѣтелью* дозволенное ихъ законами и *порокомъ*—запрещенное... Добродѣтель есть привычка дѣлать то, что нравится окружающимъ людямъ; порокъ—привычка дѣлать то, что не нравится, а нравятся людямъ поступки, полезныя обществу... Меня могутъ спросить,—продолжаетъ Вольтеръ,—добро и зло, добродѣтель и порокъ существуютъ слѣдовательно не сами по себѣ, а лишь по отношенію къ намъ?—Да, такъ же точно, какъ сладкое и горькое, теплое и холодное существуютъ не сами по себѣ, а по отношенію къ намъ. Тогда, скажутъ иные, если намъ выгодно убивать, красть, насъ ничто не удержитъ. Я могу отвѣтить этимъ людямъ только одно: они, вѣроятно, будутъ повѣшены".

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ Вольтеръ является точнымъ послѣдователемъ Гоббса и Локка, популяризировавшаго мысли Гоббса объ относительности нашихъ нравственныхъ понятій.

А вотъ что говоритъ нашъ авторъ въ трактатѣ „Le philosophe ignorant", написанномъ въ 1766 году, обращаясь къ тому же Гоббсу: „Напрасно удивляешь ты читателей, почти успѣвая доказать имъ, что всѣ законы условны, что справедливо и несправедливо лишь то, что условлено называть таковымъ въ данной странѣ". Вольтеръ соглашается, что трудно съ точностью опредѣлить границы между справедливымъ и несправедливымъ, какъ между слабыми оттѣнками цвѣтовъ; но главные цвѣта бросаются въ глаза такъ же точно, какъ и главныя нравственныя понятія. Это измѣненіе взгляда на нравственность находится въ тѣсной связи съ явившимся у Вольтера въ шестидесятыхъ годахъ третьимъ доказательствомъ бытія Божія, на которомъ онъ настаиваетъ теперь едва ли не больше, чѣмъ на двухъ первыхъ. „Важнѣе метафизическихъ споровъ,—говоритъ онъ въ „Философскомъ словарѣ",—будетъ взвѣсить, не необхо-

димо ли для общаго блага насъ, несчастныхъ мыслящихъ тварей, признать существованіе *карающаго* и *награждающаго* Бога, Который бы служилъ для насъ уздою и утѣшеніемъ?" Вольтеръ находитъ, что это совершенно необходимо. Общество атеистовъ можетъ существовать, по его мнѣнію, лишь въ томъ случаѣ, если оно состоитъ изъ одних философовъ, при этомъ людей богатыхъ, любящихъ спокойствіе и избѣгающихъ трудовъ и опасностей, сопряженныхъ съ занятіемъ общественныхъ должностей. Но какъ для народа—для бѣдняковъ, такъ и для лицъ, занимающихъ какія бы то ни было должности, вѣра въ карающаго и награждающаго Бога необходима: это единственная гарантія противъ тайныхъ преступленій, избѣгающихъ людского правосудія. „Если бы Бэйлю (утверждавшему, что общество атеистовъ можетъ существовать) пришлось управлять пятью или шестью стами крестьянъ, онъ не замедлилъ бы возвѣстить имъ награждающаго и карающаго Бога". Съ другой стороны: „я не желалъ бы имѣть дѣла съ правителемъ-атеистомъ, который нашелъ бы для себя выгоднымъ истолочь меня въ ступѣ: я совершенно увѣренъ, что былъ бы истолченъ" утверждаетъ Вольтеръ. Имѣть дѣло съ фанатикомъ, разумѣется, еще того хуже,—тотъ если не истолчетъ, то сожжетъ человѣка уже безъ всякой для себя выгоды, и спастись отъ него гораздо труднѣе. Но во всякомъ случаѣ гибельны обѣ крайности. Спасеніе въ одномъ деизмѣ или теизмѣ, какъ безразлично называетъ Вольтеръ свою религію.

Вольтеръ утверждаетъ теперь, что мораль одна у всѣхъ людей,—иногда онъ прибавляетъ: у всѣхъ разумныхъ, размышляющихъ людей; иногда же не дѣлаетъ никакихъ исключеній, но тогда сводитъ эту мораль на единственное правило: „Не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы дѣлали тебѣ другіе". Расширяя такимъ образомъ общечеловѣческую мораль, Вольтеръ не находитъ, чтобы ей противорѣчилъ даже обычай нѣкоторыхъ дикарей съѣдать своихъ старыхъ отцовъ,—обычай, приводимый Локкомъ въ примѣръ крайняго разнообразія и относительности людскихъ понятій о справедливости. Дикарь, съѣдающій отца, думаетъ Вольтеръ, желаетъ, вѣроятно, быть въ свою очередь съѣденнымъ своими дѣтьми, когда слишкомъ состарится и полная опас-

ностей жизнь дикаря станетъ ему въ тягость. Иногда Вольтеръ приводитъ, впрочемъ, два-три примѣра опредѣленныхъ нравственныхъ истинъ, признанныхъ всѣмъ человѣчествомъ, и тогда мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ среди этихъ примѣровъ слѣдующій, поражающій своимъ субъективизмомъ: „Если я потребую у турка, гебра или жителя Малабарскаго берега данныя имъ взаймы деньги... всѣ они согласятся, что справедливость требуетъ ихъ заплатить“... („Phil. ignorant“). Невольно вспоминается, что Вольтеръ никому ничего не былъ долженъ, но имѣлъ очень неисправныхъ должниковъ, въ родѣ герцога Виртембергскаго.

Относительно способа наказанія Божествомъ человѣка, Вольтеръ противорѣчитъ себѣ въ различныхъ произведеніяхъ повидимому умышленно. Въ „Проповѣдяхъ“ („Homélies“), изданныхъ въ 1767 году, отъ имени англійскихъ духовныхъ лицъ, доказывается необходимость будущей жизни. Добродѣтельные люди часто страдаютъ въ этой жизни, и божественная справедливость осталась бы неудовлетворенной, если бы ихъ не ждала награда за гробомъ. Но въ „Діалогѣ между А, В, и С.“, изданномъ вскорѣ послѣ „Проповѣдей“, мы находимъ разсужденія, несогласимыя съ мнѣніемъ благочестивыхъ пасторовъ. „Вѣчный принципъ такъ устроилъ вещи,—говоритъ А, представитель мнѣній автора,—что, если моя голова хорошо организована и мой мозгъ не слишкомъ сыръ и не слишкомъ сухъ, я имѣю мысли, за что и благодаренъ отъ всего сердца“. Понятіе объ отдѣльной отъ тѣла душѣ,—говоритъ тотъ же А,—явилось слѣдствіемъ несчастной привычки принимать слова за реальныя существа, чему въ древности не мало способствовалъ Платонъ своимъ философскимъ жаргономъ.

Въ „Исторіи Женни“, романѣ, выданномъ авторомъ за произведеніе англійскаго теолога Шерлока, одно изъ дѣйствующихъ лицъ говорить своему сыну, сдѣлавшемуся атеистомъ и отчаяннымъ негодяемъ, что нельзя быть увѣреннымъ въ полномъ исчезновеніи вмѣстѣ съ жизнью того, что въ насъ мыслитъ и желаетъ и что называли когда то монадой. Богъ можетъ сохранить монаду послѣ смерти и поступить съ нею сообразно съ ея поведеніемъ при жизни. Но въ слѣдующемъ же произведеніи, гдѣ итъ рѣчь о томъ заходже предметѣ, въ діалогѣ „Софронимъ

и Аделосъ“ Вольтеръ устами Софронима говоритъ обратное.

Упорное подчеркиванiе Вольтеромъ *полезности* вѣры не разъ служило поводомъ къ заподозрѣванiю фернейскаго философа въ томъ, что въ сущности онъ не вѣритъ въ Бога, а лишь „изобрѣтаетъ“ его согласно знаменитой фразѣ изъ одного направленнаго противъ атеистовъ стихотворенiя. Но стоитъ вчитаться въ произведенiя Вольтера, чтобы убѣдиться въ томъ безусловномъ, рѣшающемъ значенiи, какое имѣло для него телеологическое доказательство бытiя Божiя. Онъ не допускалъ и мысли о возможности движенiя, развитiя, присущихъ *самой* матерiи. Она представлялась ему неподвижной, мертвой, безформенной массой, надъ которой оперируетъ дѣйствующая по плану внѣшняя разумная сила, вносящая въ матерiю порядокъ, дающая ей форму и сообщающая движенiе. Часовщикъ, архитекторъ со своими продуктами представляютъ для Вольтера полнѣйшую аналогiю съ творящей силой и матерiей. „Природы нѣтъ,—твердитъ онъ въ своихъ произведенiяхъ, — а существуетъ лишь искусство. Каждая соломинка свидѣтельствуетъ о создавшемъ ея великомъ художникѣ“. Тѣмъ же дуализмомъ проникнуты и его соцiальные и политическiе взгляды. Народъ для него—та же неподвижная, безформенная масса. Думать за нее, давать ей ту или другую форму—могутъ только высшiе, образованные классы. До сихъ поръ масса была зла и фанатична, потому что подражала направлявшему ее духовенству. Когда высшiе классы будутъ состоять изъ деистовъ, ихъ терпимость и благожелательность сообщатся и массамъ посредствомъ примѣра съ ихъ стороны и подражанiя съ ея.

Вѣра въ Творца и устроителя вселенной лежала въ самой основѣ мiросозерцанiя Вольтера; зато относительно всѣхъ другихъ вопросовъ, соприкасающихся съ этой вѣрой, онъ находился повидимому въ томъ положенiи, которое выразилъ въ словахъ А, въ упомянутомъ нами дiалогѣ: „Относительно всего остального (кромѣ существованiя Бога) я брожу ощупью, въ потемкахъ. Сегодня я утверждаю явившуюся у меня идею, завтра я сомнѣваюсь въ ней, послѣзавтра я отрицаю ее. Всѣ добросовѣстные философы,—добавляетъ А.—выпивши немного, сознавались мнѣ, что нахо-

дятся въ томъ же положеніи". Далѣе тотъ же А. поясняетъ до нѣкоторой степени и отношеніе Вольтера къ вопросу о „полезности". На возраженія С., не допускающаго, чтобы всемогущій Творецъ сталъ наказывать созданныя имъ существа, которыя по необходимости совершенно безсильны въ его рукахъ, А. отвѣчаетъ: „Знаю я все, что можно сказать объ этомъ темномъ предметѣ, но я объ этомъ не разсуждаю".

Вольтеръ и Руссо, имена которыхъ такъ тѣсно связаны въ умахъ потомства, гроба которыхъ народный энтузіазмъ поставилъ рядомъ въ Пантеонѣ, а кости—реакція выбросила въ одну яму, были при жизни непримиримыми врагами.

Уже первое произведеніе Руссо, обратившее на него вниманіе публики, „Рѣчь о вліяніи наукъ и искусствъ", должно было показать въ немъ Вольтеру человѣка діаметрально противоположныхъ съ нимъ взглядовъ по одному изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ. Въ 1755 году Руссо прислалъ ему свое второе произведеніе—„Рѣчь о неравенствѣ между людьми"—еще рѣзче, въ болѣе широкой области, расходившееся со взглядами Вольтера. Дикари были для Вольтера просто „животными", еще недоразвившимися до человѣка... Это гусеницы, которыя не сдѣлаются бабочками раньше нѣсколькихъ столѣтій („Dial. entre A. B. C."). Вольтеру было тѣмъ легче оставлять гусеницъ за предѣлами человѣчества, что онъ не признавалъ единства человѣческаго рода, и находилъ, что приписывать общихъ предковъ неграмъ, краснокожимъ и европейцамъ также неосновательно, какъ было бы неосновательно предположить, что тѣ деревья, которыя застали въ Америкѣ первые переселенцы изъ Европы, не были непосредственнымъ продуктомъ американской почвы, а произошли отъ какого-то одного дерева, когда-то выросшаго въ Старомъ Свѣтѣ. Этотъ взглядъ на дикарей не мѣшалъ, впрочемъ, Вольтеру возлагать на нихъ иногда (въ нѣкоторыхъ діалогахъ и отчасти въ романѣ „L'ingénu") обязанность побивать своими аргументами бакалавровъ теологіи и священниковъ. Рѣчи о счастіи дикарей и бѣдствіяхъ, принесенныхъ цивилизаціей, были въ глазахъ Вольтера только нелѣпы, но мнѣніе Руссо о собственности, какъ источникѣ всѣхъ бѣдствій и преступленій человѣчества, возбуждало его негодованіе. Для Вольтера уваженіе

къ собственности было, наоборотъ, однимъ изъ немногихъ нравственныхъ правилъ, одинаково свойственныхъ всему человѣчеству.

Тѣмъ не менѣе всегда отвѣчавшій любезностью на любезность, Вольтеръ письмомъ поблагодарилъ Руссо за присылку „Рѣчи", коснувшись ея содержанія, правда, въ шутливой, но въ сущности лестной формѣ. „Никогда еще,—писалъ онъ,—не было потрачено столько ума на попытку возвратить людей къ глупости. Читая вашу книгу, чувствуешь желаніе пойти на четверенькахъ. Но шестидесятилѣтняя привычка заставляетъ меня предоставить это естественное положеніе людямъ, болѣе достойнымъ его, чѣмъ мы съ вами". И тутъ же онъ спрашиваетъ Руссо о здоровьѣ и приглашаетъ къ себѣ въ Делисъ „пощипать нашей травы". Руссо съ своей стороны почтительно благодаритъ за это письмо Вольтера, называя его „нашимъ общимъ учителемъ". Онъ и впослѣдствіи, уже поссорившись, признавалъ, что сочиненія Вольтера имѣли на него нѣкоторое вліяніе. „Онъ самъ не думаетъ, но заставляетъ думать другихъ", говорилъ Руссо о фернейскомъ философѣ.

Обмѣнъ любезныхъ писемъ давалъ Руссо нѣкоторое право обратиться къ Вольтеру по поводу его „Поэмы о бѣдствіи Лиссабона" съ частнымъ письмомъ, въ которомъ онъ возстаетъ противъ пессимизма автора поэмы и защищаетъ міръ и его Творца отъ возведенныхъ на нихъ обвиненій. Руссо самъ обращаетъ вниманіе на странность того обстоятельства, что изъ нихъ двухъ оптимистомъ является онъ, безпріютный бѣднякъ, а пессимистомъ—богатый, знаменитый, обладающій громаднымъ талантомъ и вліяніемъ Вольтеръ, имѣющій, казалось бы, все для того, чтобы быть счастливымъ.

Но въ сущности эта перемѣна ролей была только кажущейся, и пессимизмъ Вольтера былъ гораздо поверхностнѣе недовольства Руссо. Этому послѣднему не нужно было землетрясеній, чтобы убѣдиться въ существованіи зла въ мірѣ; только видѣлъ онъ его не тамъ, гдѣ Вольтеръ. Міръ былъ для него прекрасенъ, несмотря на землетрясенія и на то, что ласточка ѣстъ червяковъ, а коршунъ—ласточку. Съ этимъ можно помириться. Неизмѣримо больше зла въ людскихъ отношеніяхъ, въ томъ, что „горсть людей утопаетъ

въ излишествахъ, когда голодная масса нуждается въ необходимомъ“ (De l'inégalité...). Но это зло люди сами создали; изъ рукъ Творца они вышли равными и счастливыми.

Пессимизмъ землетрясеній и коршуновъ совершенно безнадежный—что тутъ подѣлаешь?—но въ то же время безсодержательный. Онъ можетъ дать тему для двухъ-трехъ художественныхъ произведеній, но на немъ нельзя остановиться на продолжительное время. И Вольтеръ скоро оставилъ его въ покоѣ, вспоминая время отъ времени лишь по поводу „происхожденія зла на землѣ“. Вольтеръ, какъ мы знаемъ, не задавался слишкомъ широкими и далекими цѣлями. Нужно добиться уничтоженія вліянія духовенства на правительственныя учрежденія, свободы убѣжденія для мыслящихъ людей — вотъ главная задача. „Величайшая услуга, которую можно оказать человѣческому роду,—пишетъ онъ въ 1765 г. д'Аржанталю,—заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы отдѣлить глупый народъ отъ порядочныхъ людей, и мнѣ кажется, что это дѣло значительно подвинулось. Нельзя выносить нелѣпаго нахальства людей, которые говорятъ намъ: „я хочу, чтобы вы думали такъ же, какъ вашъ портной и ваша прачка“. Въ такихъ размѣрахъ задача была дѣйствительно близка къ осуществленію. Огромное большинство дворянства, значительная часть буржуазіи уже принадлежала къ „порядочнымъ“ свободомыслящимъ людямъ,—„нелѣпое нахальство“ не могло быть продолжительно. Фанатизмъ, правда, еще показывалъ когти, и къ главной задачѣ у Вольтера скоро присоединилась борьба съ безобразнымъ судопроизводствомъ старыхъ парламентовъ, но и тутъ успѣхи слѣдуютъ за успѣхами, побѣда возможна и даже близка.

По существу же современный общественный строй, кромѣ нѣкоторыхъ подлежащихъ отмѣнѣ средневѣковыхъ законовъ, вполнѣ удовлетворителенъ и въ главныхъ, основныхъ чертахъ все въ немъ должно оставаться попрежнему: просвѣщенные богатые господа—богатыми господами; глупый народъ—народомъ, а лакеи—лакеями.

Письмо въ защиту Провидѣнія не понравилось Вольтеру, и онъ уклонялся отъ отвѣта, сославшись на нездоровье. Это уже обидѣло очень обидчиваго Руссо. А Вольтеръ между тѣмъ, страстный любитель театра, завелъ у себя

спектакли, на которые рвались женевцы, несмотря на запрещеніе Кальвина. Это до глубины души возмущало Жанъ-Жака, который считалъ театръ лучшимъ средствомъ портить нравы, развивать въ людяхъ вкусъ къ роскоши и отдалять ихъ отъ непосѣщающей театръ массы. Копія съ его письма, къ Вольтеру попала въ руки бдительныхъ хищниковъ-издателей и была напечатана. Вольтеръ могъ подумать, что напечаталъ ее самъ Руссо, и послѣдній счелъ нужнымъ оправдаться, но воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выразить Вольтеру вновь развившіяся въ немъ чувства: „Я не люблю васъ, милостивый государь“, такъ начинаетъ онъ свое письмо и, перечисливши вины Вольтера: развращеніе женевцевъ, внушеніе имъ недобрыхъ чувствъ къ нему, Руссо, и проч., онъ опять повторяетъ, что ненавидитъ Вольтера, котораго когда-то любилъ. На это признаніе въ ненависти не послѣдовало отвѣта, но въ письмахъ къ друзьямъ Вольтеръ называлъ уже Руссо не иначе, какъ сумасшедшимъ. „Новую Элоизу“, поразившую общество, которое свело любовь на забаву, своей глубокой страстностью, онъ нашелъ неимовѣрно скучной и подвергъ самой безпощадной критикѣ.

Въ 1762 г. „Эмиль“ и „Общественный договоръ“ Руссо сожигаются сперва въ Парижѣ, а затѣмъ—въ Женевѣ. Бѣжавшаго автора скоро изгоняетъ также Бернское правительство и онъ находитъ временное убѣжище лишь въ Невшательскихъ владѣніяхъ Фридриха II. Узнавши о бѣдственномъ положеніи Руссо, Вольтеръ черезъ общихъ знакомыхъ опять зоветъ его къ себѣ и обѣщаетъ пріютъ и безопасность. Но вскорѣ до него доходятъ слухи, что Руссо въ письмахъ и разговорахъ обвиняетъ его въ подстрекательствѣ къ тѣмъ преслѣдованіямъ, которымъ онъ подвергся со стороны Женевскаго и Бернскаго правительствъ. Такое тяжелое обвиненіе было болѣе чѣмъ несправедливо. Вольтеръ помогалъ наоборотъ, сторонникамъ Руссо, пытавшимся въ Женевѣ добиться отмѣны постановленнаго противъ него приговора. Затѣмъ окончательно и безповоротно Руссо возстановилъ противъ себѣ Вольтера, назвавши его печатно авторомъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ контрабандныхъ произведеній, которыя тотъ приписывалъ умершимъ или вымышленнымъ личностямъ. Послѣ такого поступка Вольтеръ отбросилъ всякую

сдержанность и уже не щадилъ красокъ на изображенiе Руссо. Придуманная имъ генеалогiя, по которой характеръ автора „Эмиля“ объяснялся его происхожденiемъ отъ собаки Герострата, встрѣтившейся съ псомъ Дiогена, принадлежитъ еще не къ самымъ злымъ выходкамъ Вольтера противъ Руссо. Изъ нихъ двухъ первый громче, чаще и рѣзче нападалъ на противника, но какъ иницiатива вражды, такъ и избытокъ ненависти принадлежали въ сущности послѣднему.

ГЛАВА VI.

Дѣла Каласовъ, Сирвеновъ и проч.—Казнь Ла-Барра.—Ферней и его жители.—Гости и переписка.—Отъѣздъ въ Парижъ.—Оваціи.—Болѣзнь и смерть.—Приключенія послѣ смерти.

9 марта 1762 г. въ Тулузѣ былъ колесованъ по приговору парламента старый гугенотъ Жанъ Каласъ, обвиненный въ убiйствѣ родного сына съ цѣлью помѣшать его переходу въ католичество. Уже первыя извѣстiя объ этомъ дѣлѣ произвели сильное впечатлѣнiе на Вольтера. „Совершено страшное преступленiе,—пишетъ онъ одному знакомому,—только кѣмъ?—Отцомъ-гугенотомъ или восемью судьями, колесовавшими невиннаго?“ Онъ настойчиво требуетъ отъ своихъ корреспондентовъ самыхъ обстоятельныхъ свѣдѣнiй объ этомъ дѣлѣ; знакомится съ бѣжавшими въ Женеву остатками семьи Каласа и скоро пишетъ друзьямъ, что преступленiе совершено именно судьями, и что онъ также убѣжденъ въ невинности Каласовъ, какъ въ своемъ собственномъ существованiи. По собраннымъ имъ свѣдѣнiямъ, самоубiйство сына ясно, какъ день. Во всемъ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшихъ основанiй не только для обвиненiя,—даже для простого подозрѣнiя въ убiйствѣ. Но достаточно было кому-то въ толпѣ, собравшейся посмотрѣть на снятое съ петли тѣло самоубiйцы, высказать предположенiе, что старикъ самъ повѣсилъ сына, и это предположенiе повторяется толпой, прiобрѣтаетъ среди враждебно настроеннаго католическаго населенiя достовѣрность факта и дѣйствуетъ на судей.

Убѣдившись въ невинности Каласовъ, Вольтеръ взялъ на себя ихъ защиту и не зналъ ни минуты покоя, пока не

добился ихъ оправданія. Прежде всего онъ пытается заставить судей опубликовать тѣ факты, на которыхъ основанъ ихъ приговоръ. „Они говорятъ, что это не въ обычаѣ. А! чудовища! Такъ мы же добьемся того, что это сдѣлается обычаемъ“, пишетъ онъ д'Аржанталю. „Каласъ колесованъ,—этого не измѣнишь; но можно опозорить его судей, чего я имъ и желаю“. Онъ пишетъ и публикуетъ мемуары въ защиту Каласовъ; пріискиваетъ имъ адвокатовъ и руководитъ этими адвокатами; старается заинтересовать ихъ дѣломъ министра, фаворитку, всѣхъ своихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ. Онъ помогаетъ матеріально несчастной семьѣ и побуждаетъ помогать другихъ.

Парламенты отнеслись вначалѣ очень презрительно къ поднятому Вольтеромъ шуму. „Одинъ совѣтникъ парламента сказалъ на-дняхъ адвокату Каласовъ,—пишетъ въ январѣ 1763 г. д'Аламберъ Вольтеру,—что его прошеніе не будетъ принято, *потому что* во Франціи *судей больше, чѣмъ Каласовъ*. Вотъ они каковы, отцы отечества!“ Но почтенные отцы отечества жестоко ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Каласовъ, то есть людей, имъ сочувствовавшихъ и возмущавшихся приговоромъ, было уже больше, чѣмъ парламентскихъ совѣтниковъ. Скоро, благодаря усиліямъ Вольтера, вся Франція, вся читающая Европа превратилась въ Каласовъ. Понадобилось однако цѣлыхъ 3 года, чтобы добиться пересмотра процесса.

Наконецъ высшій судъ въ Парижѣ призналъ невинность казненнаго гугенота и его семьи. „Эту побѣду одержала философія!“—радостно пишетъ Вольтеръ д'Аржанталю по поводу оправданія.

Но у фернейскаго патріарха были уже на рукахъ другіе процессы. Еще агитація по дѣлу Каласовъ была только что начата, когда аналогичное дѣло привело подъ защиту Вольтера семью Сирвеновъ, заочно приговоренныхъ къ смерти за убійство своей, похищенной у нихъ, сведенной въ монастырѣ съ ума и утопившейся въ припадкѣ безумія, дочери. Послѣ восьмилѣтнихъ неутомимыхъ усилій Вольтеръ добился пересмотра и отмѣны приговора также и по этому дѣлу.

Рядомъ съ громкими побѣдами посредствомъ агитаціи неутомимому патріарху нерѣдко удавалось также освобождать втихомолку, при помощи личныхъ связей съ вліятель-

ными лицами, гугенотскихъ проповѣдниковъ, отправляемыхъ на галеры въ силу исключительныхъ законовъ, подъ которыми жили французскіе кальвинисты со времени отмѣны Нантскаго эдикта.

И не однихъ гугенотовъ защищалъ Вольтеръ. „Судьба" или, вѣрнѣе, слава, пріобрѣтенная имъ въ качествѣ защитника Каласа, сдѣлала Вольтера, какъ онъ говоритъ въ „Мемуарахъ", „адвокатомъ всѣхъ проигранныхъ дѣлъ". Ферней превратился въ собаго рода трибуналъ, гдѣ пересматривались всѣ сомнительные смертные приговоры. Вслѣдствіе тайны тогдашняго судопроизводства дѣла доходили до Вольтера въ болшинствѣ случаевъ уже послѣ совершенія казней и ему удавалось спасать лишь память казненныхъ, ихъ семьи и второстепенныхъ обвиненныхъ. Но въ процессѣ супруговъ Монтабелли, обвиненныхъ въ убійствѣ матери «на такихъ основаніяхъ,—говоритъ Вольтеръ,—которыя показались бы смѣшными даже судьямъ Каласовъ", ему удалось спасти отъ костра жену Монтабелли, сожженіе которой было отложено до разрѣшенія ея отъ бремени.

Но въ самомъ ужасномъ изъ процессовъ того времени Вольтеру не удалось при жизни одержать побѣды. На этотъ разъ со стороны судей не было ошибки, хотя бы и вызванной религіозными предубѣжденіями, а было сознательное злодѣйство янсенистовъ, стремившихся доказать, что съ изгнаніемъ ихъ враговъ-іезуитовъ религія защищается лучше прежняго. Въ августѣ 1765 г. въ Аббевилѣ было поцарапано ножемъ стоявшее на мосту деревянное распятіе. Молва указала на двухъ юношей, Ла-Барра и Эталонда, одного 16, другого 17 лѣтъ, обратившихъ на себя вниманіе публики тѣмъ, что однажды не стали на колѣни, когда мимо нихъ проходила церковная процессія. Началось слѣдствіе. Эталондъ успѣлъ бѣжать. Ла-Барръ былъ арестованъ. Павшее на нихъ подозрѣніе относительно порчи распятія не подтвердилось на слѣдствіи, но было доказано, что юноши непочтительно отзывались о церкви и духовенствѣ, знали наизусть отрывки изъ „Пюсель" и раскланивались—„шутя", какъ показалъ на допросѣ Ла-Барръ,—предъ столомъ, на которомъ были разложены преслѣдуемыя книги, въ томъ числѣ „Философскій словарь" Вольтера. Этихъ-то дѣтскихъ преступленій было достаточно въ глазахъ судей, чтобы при-

говорить Ла-Барра, во-первыхъ, къ пыткѣ съ цѣлью полученія указаній на виновниковъ порчи распятія, затѣмъ—къ казни отцеубійцъ: сожженію живымъ послѣ предварительнаго вырѣзанія языка. Къ тому-же приговоренъ заочно и Эталондъ. Мужественно вынесъ Ла-Барръ ужасныя пыти, никого не назвавши. Казнь надъ нимъ была совершен лишь съ тѣмъ смягченіемъ, что тѣло было брошено въ огонь послѣ обезглавленія. Вся читающая Европа содрогн улась отъ ужаса и негодованія при извѣстіи объ этой казни. У несчастнаго мальчика были безчисленные сообщники. Среди французскаго дворянства, къ которому принадлежалъ онъ, почти не было невинныхъ въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя онъ погибъ. Юноша только подражалъ окружающимъ.

„Я стыжусь принадлежать къ этой націи обезьянъ, такъ часто превращающихся въ тигровъ", пишетъ Вольтеръ д'Аламберу при извѣстіи о казни. „Нѣтъ, теперь не время шутить, остроуміе неумѣстно на бойнѣ.,. И нація дозволяетъ это!.. Парижане поговорятъ немного и пойдутъ въ комическую оперу... Я плачу о дѣтяхъ, у которыхъ вырываютъ языки. Я—больной старикъ, мнѣ это простительно". Друзья совѣтуютъ Вольтеру не вмѣшиваться въ это дѣло. Его „Словарь" брошенъ въ костеръ вмѣстѣ съ тѣломъ казненнаго. Въ парламентскихъ сферахъ поговариваютъ, что онъ виновнѣе Ла-Барра, что его-то сочиненія и развращаютъ Францію. Вольтеръ и самъ былъ испуганъ вначалѣ и подумывалъ о переселеніи во владѣнія Фридриха II; но это не помѣшало ему проявить самую нѣжную заботливость объ Эталондѣ и знакомить Европу, путемъ печати, со всѣми отвратительными подробностями процесса и казни въ Аббевилѣ. Въ 70-хъ годахъ Вольтеръ дѣлалъ попытки добиться пересмотра дѣла, но безуспѣшно. Лишь при республикѣ былъ отмѣненъ этотъ ужасный приговоръ.

Принимаясь хлопотать за тѣхъ или другихъ жертвъ неправосудія, Вольтеръ, съ одной стороны, всей душой возмущался именно данной несправедливостью и сочувствовалъ даннымъ лицамъ, но въ тоже время онъ имѣлъ въ виду и общее положеніе дѣлъ. Борьба съ отдѣльными парламентами за отдѣльныя жертвы, которыхъ онъ старался вырывать изъ ихъ рукъ, сама собою превратилась у него въ болѣе общую борьбу за реформу судопроизводства. Пытка ординарная и

экстраординарная была тогда еще въ полной силѣ при слѣдствіи. Приговоры не мотивировались. Судопроизводство было тайное. Должности судей продавались. Въ различныхъ провинціяхъ дѣйствовали различные законы. Широко примѣняемая смертная казнь осложнялась колесованіемъ, обрубаніемъ членовъ и другими мученіями. Бывали еще и сожженія. Внимательно вникая нѣсколько лѣтъ подрядъ во всѣ подробности этихъ средневѣковыхъ ужасовъ, Вольтеръ проникся къ нимъ величайшей ненавистью. Когда въ 1764 году вышло произведеніе Беккаріа „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“, защитникъ Каласовъ радостно привѣтствовалъ такого сильнаго союзника. Онъ написалъ свое первое сочиненіе противъ казни Ла-Барра въ формѣ посланія къ Беккаріа, а позднѣе составилъ комментаріи на его знаменитое произведеніе.

Всѣ эти судебные ужасы продѣлывали парламенты. Они же преслѣдовали книги и писателей. Состоя въ большинствѣ изъ янсенистовъ и оставшись послѣ изгнанія іезуитовъ, въ 1762 г., господами положенія, они скоро оказались хуже іезуитовъ: и нетерпимы, и безжалостны. Написанная Вольтеромъ „Исторія парламента“ довольно безпристрастна но далеко не лестна для этого учрежденія. Онъ находилъ что если парламенты и ограничиваютъ королевскую власть то лишь въ хорошемъ, мѣшая необходимымъ реформамъ и развитію духа терпимости, къ которому гораздо склоннѣе ихъ высшая знать, составляющая дворъ и вліяющая на королей. „Вы правы,—писалъ Вольтеръ д'Аламберу,—возставая противъ знати и ея льстецовъ; но знатные люди покровительствуютъ при случаѣ; они презираютъ ханжество и не любятъ преслѣдовать философовъ. Что же касается до вашихъ парижскихъ педантовъ, купившихъ свои должности, до этихъ грубыхъ буржуа, полу-фанатиковъ, полу-глупцовъ то эти не способны ни на что, кромѣ гадостей“.

Поэтому, когда въ 1771 году канцлеръ Мопу остановилъ дѣйствія парижскаго парламента и предпринялъ въ то же время нѣкоторыя — правда незначительныя — судебныя реформы, Вольтеръ оказался на сторонѣ Мопу и въ противорѣчіи съ общественнымъ мнѣніемъ, поддерживавшимъ парламентъ.

Подъ конецъ жизни, въ семидесятыхъ годахъ, ферней-

скій патріархъ взялъ на себя также защиту несчастныхъ крѣпостныхъ, жившихъ на земляхъ монастыря Сенъ-Клодъ. До нихъ дошли вѣсти о существованіи неподалеку отъ нихъ такого человѣка, котораго боятся даже монахи, и они обратились за защитой къ Вольтеру. Монастырь Сенъ-Клодъ сохранялъ еще въ то время уже исчезнувшее въ большинствѣ французскихъ провинцій право наслѣдованія имущества, остававшагося послѣ смерти кого-либо изъ живущихъ на его земляхъ. Вольтеръ затѣялъ дѣло, но его хлопоты не увѣнчались успѣхомъ. Безансонскій парламентъ, на разсмотрѣніе котораго поступила жалоба крестьянъ, подтвердилъ права монаховъ. Тѣмъ не менѣе поднятая агитація, обобщившаяся подъ перомъ Вольтера въ агитацію противъ остатковъ крѣпостного права вообще, не пропала даромъ, подготовляя умы къ его отмѣнѣ. Нѣсколько удачнѣе были старанія владѣльца Фернея объ освобожденіи своихъ сосѣдей, обитателей узкой полосы земли между Юрскими горами и Женевскимъ озеромъ, отъ дѣйствія тогдашней системы взиманія налоговъ. При министерствѣ Тюрго сосѣди Вольтера были, за опредѣленный денежный взносъ, избавлены отъ генеральной фермы съ ея разнообразными поборами и многочисленными агентами. И здѣсь, какъ вездѣ, частная защита перешла у Вольтера въ общую агитацію противъ того зла, отъ котораго вмѣстѣ съ обитателями даннаго клочка земли страдало большинство французскаго населенія.

Когда Вольтеръ купилъ Ферней, эта деревенька состояла изъ 8 хижинъ, въ которыхъ нѣсколько крестьянскихъ семей влачило самое жалкое существованіе. Въ послѣдніе годы его жизни Ферней насчитывалъ уже 1200 жителей и представлялъ собою цвѣтущее мѣстечко, ему одному обязанное и своимъ существованіемъ, и благосостояніемъ. Населеніе Фернея составилось изъ переселенцевъ, для которыхъ Вольтеръ строилъ дома, сдавая ихъ за небольшую плату, прекращавшуюся съ его смертью. Онъ же давалъ имъ денегъ на обзаведеніе и устраивалъ черезъ свои связи широкій сбытъ для ихъ продуктовъ—главнымъ обрззомъ часовъ. Часовщиками были по большей части переселенцы изъ Женевы, потомки французскихъ эмигрантовъ, составлявшіе въ этомъ городѣ низшій безправный слой населенія. Они сдѣлали попытку добиться правъ женевскихъ гражданъ

были побѣждены и во множествѣ выселились въ гостепріимно открытый для нихъ Ферней.

Первоначальная дружба съ женевскимъ правительствомъ, такъ охотно „приходившимъ обѣдать" въ Делисъ, оказалась непрочной. Первымъ облачкомъ явилось высказанное Вольтеромъ убѣжденіе, что казнь Сервета была просто убійствомъ, а Кальвинъ—жестокимъ изувѣромъ. Театръ, открытый всѣмъ желающимъ и неудержимо привлекавшій женевскую молодежь, тоже причинялъ немало безпокойства властямъ кальвинистскаго города. Затѣмъ въ начавшихся гражданскихъ смутахъ маленькой республики хотя Вольтеръ и пытался держать нейтралитетъ, приглашая на обѣды представителей обѣихъ ссорящихся партій, но подъ рукою давалъ совѣты оппозиціи. Все это вызывало неудовольствіе противъ Вольтера и заставило его окончательно промѣнять Делисъ на Ферней, постепенно завоевавшій всѣ его симпатіи.

Особенно гордился владѣлецъ Фернея тѣмъ, что въ этомъ мѣстечкѣ съ населеніемъ, смѣшаннымъ изъ католиковъ и протестантовъ, не было и тѣни религіозной вражды. Наоборотъ,—протестанты помогали католикамъ украшать ихъ религіозные праздники и почтительно присутствовали на этихъ праздникахъ, а католики отъ души благодарили ихъ за участіе, вмѣсто того, чтобы гнать и преслѣдовать, какъ въ другихъ мѣстахъ. Это обстоятельство подтверждало въ глазахъ Вольтера его мнѣніе, что низшіе классы будутъ терпимы какъ только высшіе, вмѣсто того, чтобы, въ лицѣ духовенства, разжигать религіозную вражду, будутъ подавать имъ примѣръ терпимости. Выстроивъ въ Фернеѣ новую церковь, вмѣсто почти развалившейся старой, которую онъ тамъ засталъ, Вольтеръ посвятилъ ее одному Богу, вѣра въ котораго объединяетъ всѣ вѣроисповѣданія. Показывая церковь посѣтителямъ Фернея, онъ обращалъ ихъ вниманіе на то обстоятельство, что это едва-ли не единственный во Франціи храмъ, посвященный Богу, а не тому или другому святому.

Роль хозяйки дома, сперва въ Делисѣ, а затѣмъ въ Фернеѣ, играла поселившаяся у Вольтера г-жа Дени—та самая племянница, которая была арестована съ нимъ во Франкфуртѣ. Вольтеръ сдѣлалъ ее своей наслѣдницей и не упу-

скалъ случая въ письмахъ къ друзьямъ хвалить какъ ее самое, такъ и ея драматическій талантъ. Но иначе отзываются о ней почти всѣ знакомые Вольтера, которымъ случается упомянуть о племянницѣ знаменитаго писателя въ своихъ письмахъ или воспоминаніяхъ. Ее изображаютъ недалекой, тщеславной, эгоистичной женщиной. „Она была еще сносна, пока не возымѣла, въ качествѣ племянницы Вольтера, претензій на философію и остроуміе“, пишетъ о ней одна дама. Всѣ три секретаря Вольтера, оставившіе о немъ воспоминанія, сходятся въ похвалахъ ему и въ отвращеніи къ его племянницѣ. Въ 1760 г. онъ пріобрѣлъ себѣ пріемную дочь, взявъ на воспитаніе шеснадцатилѣтнюю родственницу Корнеля, находившуюся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Старикъ быстро привязывается къ веселой, ласковой дѣвочкѣ, и самъ, несмотря на множество занятій, принимается учить ее, начиная съ чистописанія и грамматики. „У меня множество дѣлъ на рукахъ,—пишетъ онъ д'Аржанталю,—но самое трудное изъ нихъ—ознакомить съ грамматикой мадмуазель Корнель, которая не чувствуетъ ни малѣйшаго расположенія къ этой божественной наукѣ“.

Онъ обезпечилъ за своей воспитанницей значительное состояніе и черезъ три года выдалъ ее замужъ, оставивъ молодыхъ жить у себя въ Фернеѣ. „Я самъ пріобрѣлъ себѣ пару дѣтей, въ которыхъ отказала мнѣ природа“, радуется онъ въ письмахъ къ друзьямъ. Потомъ пошли и внучата.

Съ каждымъ годомъ недавно пустынный Ферней все болѣе и болѣе оживлялся. Личность Вольтера привлекала въ него многочисленныхъ гостей. Когда изъ Парижа пріѣзжали артисты: знаменитая актриса Клеронъ и еще болѣе знаменитый Лекень—когда то скромный ученикъ Вольтера—въ Фернеѣ наступалъ шумный праздникъ. Давались спектакли, на которые публика собиралась со всей окрестности. Послѣ представленія фернейскій патріархъ угощалъ зрителей ужиномъ на сто—иногда даже на триста приборовъ, а послѣ ужина начинались танцы. Кромѣ друзей-артистовъ, пріѣзжали также друзья-писатели и единомышленники: д'Аламберъ, Мармонтель, Дамилявиль, г-жа де-Сенъ-Жюльенъ, Тюрго, аббатъ Морелле и другіе. Лагарпъ, тогда еще молодой и бѣдный прожилъ въ Фернеѣ нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ со своей женой.

Чтобы дѣйствовать на общественное мнѣніе изъ такого

отдаленнаго уголка, какъ Ферней, чтобы всегда знать съ точностью, каково настроеніе Парижа, какіе вопросы стоятъ тамъ на очереди, необходимо было поддерживать самую дѣятельную переписку съ парижскими друзьями. Главными корреспондентами Вольтера были д'Аламберъ, д'Аржанталь, Дамилявиль... Послѣдній былъ чрезвычайно полезенъ Вольтеру—да и не ему одному—также тѣмъ, что, служа въ администраціи, имѣлъ право по своей должности прикладывать печать генеральнаго контролера ко всѣмъ письмамъ и пакетамъ, выходившимъ изъ его бюро, и широко пользовался этимъ правомъ въ интересахъ своихъ друзей. Тайна писемъ въ то время не соблюдалась во Франціи, а почта чуть не ежедневно приносила въ Ферней письма и рукописи, требовавшія тайны.

Вольтеръ велъ изъ Фернея дѣятельную переписку также со многими коронованными особами и ихъ родственниками. Съ Фридрихомъ II переписка возобновилась еще во время семилѣтней войны, когда королю приходилось такъ плохо, что онъ подумывалъ о самоубійствѣ и даже выразилъ свои думы въ стихотвореніи. Несмотря на ссору, какъ Вольтеръ такъ и самъ Фридрихъ продолжали очень интересоваться другъ другомъ и собирать одинъ о другомъ самыя подробныя свѣдѣнія. Узналъ Вольтеръ и о мрачныхъ намѣреніяхъ своего „Люка", какъ звалъ онъ теперь бывшаго „Соломона сѣвера", по имени жившей у него въ Делисѣ злой обезьяны, въ которой находилъ сходство съ Фридрихомъ. Въ письмѣ къ маркграфинѣ Байрейтской, любимой сестрѣ прусскаго короля, Вольтеръ выразилъ безпокойство о своемъ бывшемъ другѣ. Та сообщила письмо брату, и Фридрихъ не замедлилъ самъ написать Вольтеру, приложивши къ письму и знаменитое стихотвореніе. Въ своемъ отвѣтѣ бывшій учитель старается разсѣять мрачныя мысли короля; переписка снова завязывается и тянется съ небольшими перерывами до самой смерти старшаго изъ корреспондентовъ. Это еще не значитъ, что Вольтеръ забылъ франкфуртскую исторію. Въ первыхъ письмахъ онъ, конечно не упоминалъ о ней, но какъ только одержанныя побѣды разогнали мрачныя мысли его корреспондента, онъ началъ время отъ времени попрекать его за вынесенныя обиды. Тотъ съ своей стороны, не оправдывая подробностей поведенія Фрейтага, твердо стоялъ на томъ, что Вольтеру только потому такъ легко сошли съ рукъ его поступки съ

нимъ, Фридрихомъ, что онъ имѣлъ дѣло съ человѣкомъ, влюбленнымъ въ его талантъ. Несмотря, однако, на эти взаимные упреки, ихъ переписка снова приняла постепенно и до конца сохранила самый дружескій характеръ.

Много удовольствія Вольтеру и много пользы той массѣ лицъ, заботы о которыхъ онъ бралъ на себя, доставили также его русскія отношенія. Они начались еще—правда, чисто официальныя—при императрицѣ Елизаветѣ, поручившей Вольтеру, по совѣту Шувалова, написать исторію Петра Великаго. Прекратившись со смертью императрицы, они снова возобновляются при Екатеринѣ, но имѣютъ уже другой характеръ. Новая императрица—усердная читательница Вольтера, поклонница его таланта. Она пишетъ ему простыя, любезныя, иногда шутливыя и остроумныя письма. А онъ въ полномъ восторгѣ отъ ея ума, отъ наказа, отъ религіозной терпимости, которой нѣтъ еще во Франціи и которую она водворитъ въ своей обширной имперіи. Онъ осыпаетъ ее похвалами, и Екатерина пишетъ ему, что „проситъ его очень серьезно не хвалить ее прежде, чѣмъ она этого заслужитъ“. Но эти похвалы не лесть, во всякомъ случаѣ— не одна лесть съ его стороны. Онъ также усердно хвалитъ русскую императрицу людямъ, настроеннымъ очень враждебно противъ нея, напримѣръ, герцогинѣ де-Шуазель, женѣ министра, который могъ гораздо больше сдѣлать ему добра или зла, чѣмъ сама Екатерина. „Я—ея рыцарь,—пишетъ Вольтеръ другой недоброжелательницѣ Екатерины, г-жѣ дю-Деффанъ,—и готовъ защищать ее противъ цѣлаго свѣта... Я увѣренъ, что ея мужъ не сдѣлалъ бы ни одного изъ тѣхъ великихъ дѣлъ, которыя ежедневно совершаетъ моя Екатерина“. Онъ гордился ею, она *его*—его русская императрица, его Екатерина. Свое пристрастіе къ ней онъ распространяетъ и на русское дворянство и утверждаетъ, что „открытія Ньютона стали катехизисомъ дворянства Москвы и Петербурга“. Съ своей стороны, Екатерина II очень охотно исполняетъ его желанія, и притомъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ онъ разсчитываетъ. Она покупаетъ нѣсколько сотъ выдѣланныхъ въ Фернеѣ часовъ, чтобы поддержать пріютившихся подъ покровительствомъ Вольтера женевскимъ переселенцевъ, и щедро участвуютъ во всякихъ пожертвованіяхъ въ пользу то тѣхъ, то другихъ несчастныхъ, заботу

о которыхъ беретъ на себя Вольтеръ. Послѣ смерти великаго писателя она покупаетъ у г-жи Дени его библіотеку вмѣстѣ съ нѣкоторыми рукописями и письмами. „Чувствительныя души,—пишетъ она г-жѣ Дени,—при видѣ этой библіотеки всегда будутъ вспоминать, что этотъ великій человѣкъ сумѣлъ внушить человѣчеству то всеобщее доброжелательство, которымъ дышатъ всѣ его произведенія“...

Вольтеръ зачислялъ также въ партію „Философовъ“ королей датскаго, шведскаго и польскаго и находился въ перепискѣ со многими нѣмецкими принцами и принцессами, изъ которыхъ, послѣ рано умершей маркграфини Байрейтской, всего больше дорожилъ дружбой герцогини Саксенъ-Готской.

Въ іюлѣ 1766 года побывалъ у Вольтера герцогъ Браупшвейгскій, тотъ самый племянникъ Фридриха II, который болѣе четверти вѣка спустя командовалъ прусскими войсками въ коалиціонной арміи, шедшей на усмиреніе революціи, и который своимъ оскорбительнымъ манифестомъ такъ сильно содѣйствовалъ патріотическому порыву, спасшему Францію. Въ 1766 г. будущій вождь реакціи былъ вольнодумцемъ. Не задолго до его визита Вольтеръ узналъ о казни Ла-Барра и, весь поглощенный жалостью и негодованіемъ, успѣлъ внушить свои чувства гостю и воспользовался этимъ для своихъ цѣлей. Онъ условился съ герцогомъ, что напишетъ ему рядъ писемъ „О людяхъ, обвинявшихся въ томъ, что дурно отзывались о религіи“, а потомъ эти письма попадутъ невзначай въ печать. Времена были опасныя, но нельзя же преслѣдовать человѣка за опубликованныя безъ его вѣдома частныя письма къ особѣ королевскаго дома.

Въ эти поздніе годы своей жизни Вольтеръ работалъ, какъ сообщаетъ его секретарь Ваньеръ, часовъ по 18 въ сутки. Спалъ онъ очень мало и, случалось, будилъ по ночамъ секретаря, чтобы продиктовать ему пришедшія въ голову мысли. Зато большую часть дня онъ работалъ—читалъ или диктовалъ—лежа въ постели. При малѣйшей болѣзни—дѣйствительной или кажущейся—онъ по нѣскольку дней и даже недѣль совсѣмъ не одѣвался и не выходилъ изъ комнаты, но работать не переставалъ. Въ работѣ онъ былъ очень нетерпѣливъ. Разъ начавши, изо всѣхъ силъ спѣшилъ

кончать и сейчасъ же печатать, если не было къ тому особыхъ препятствій. При усиленной работѣ онъ поддерживалъ свои силы громаднымъ—чашекъ по 15—20 въ день—количествомъ кофе, къ которому привыкъ съ давнихъ поръ. Опредѣленныхъ часовъ для ѣды, какъ и для сна, у него не было: ѣлъ, когда захочется и вообще очень мало. Здоровье его никогда не было цвѣтущимъ. „Я родился убитымъ", возражалъ онъ знакомымъ, которые говорили ему, что онъ убиваетъ себя своимъ образомъ жизни. Но худой, какъ скелетъ, съ необычайно блестящими до самой смерти глазами, онъ почти никогда не хворалъ на столько, чтобы прекращать занятія. „Желчь и постоянно раздраженные нервы были есть и будутъ вѣчными причинами его болѣзней", говорилъ докторъ Троншенъ, лечившій Вольтера въ первые годы его поселенія близъ Женевы. „Я не знаю никого, кто былъ бы умнѣе Троншена и говорилъ лучше его", восхищался паціентъ своимъ докторомъ. Но докторъ не платилъ ему тою же монетой. Спокойному, уравновѣшенному Троншену не нравилась эта безконечно нервная и вовсе неуравновѣшенная натура. „Его нравственное состояніе было такъ неестественно, такъ искажено съ самаго дѣтства, что въ настоящее время все его существо представляетъ собою нѣчто искусственное и ни на что не похожее", писалъ Троншенъ Жанъ-Жаку Руссо.

По признанію своихъ друзей, Вольтеръ дѣйствительно не походилъ ни на что или, вѣрнѣе, ни на кого, но они вкладывали въ подобный отзывъ совершенно противоположное чувство. „Какъ громадно разстояніе между однимъ человѣкомъ и другими!" восклицаетъ д'Аламберъ описывая Фридриху II тотъ взрывъ хохота, которымъ привѣтствовалъ Парижъ сказку „Бѣлый быкъ", написанную 80-ти-лѣтнимъ Вольтеромъ. Въ ней дѣйствительно такъ и бьетъ ключемъ самое веселое и добродушное остроуміе. Сюжетъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ предмету постоянныхъ занятій Вольтера—библіи, но сравнительно самое безобидное. Въ сказкѣ фигурируютъ одни библейскія животныя: быкъ Навуходоносоръ, змѣй, китъ, Валаамова ослица, а изъ людей одна Эндорская волшебница, которая пасетъ всѣхъ этихъ звѣрей. Особенно хорошъ змѣй. Онъ обладаетъ самой благородной и выразительной физіономіей, въ его осанкѣ много достоин-

ства, а по манерамъ—это придворный маркизъ. Онъ чрезвычайно любезенъ съ дамами и не можетъ отказать имъ ни въ чемъ рѣшительно. Отсюда-то—увѣряетъ змѣй—и пошла про него дурная слава. Вольтеръ вообще считалъ змѣй оклеветанными животными и не упускалъ случая замолвить за нихъ мимоходомъ доброе слово.

Въ разговорахъ Вольтеръ былъ до самой смерти положительно виртуозомъ. Многіе изъ современниковъ утверждаютъ, что остроуміе, живость и мѣткость его рѣчи превосходили все имъ написанное. Но въ Фернеѣ онъ не былъ щедръ на разговоры. Только самымъ любимымъ или особенно интереснымъ гостямъ удѣлялъ онъ по нѣскольку часовъ послѣ поздняго обѣда, остальнымъ же показывался на самое короткое время, а часто и вовсе не показывался, ссылаясь на нездоровье. Тогда любопытные, явившіеся посмотрѣть на знаменитаго человѣка, должны были довольствоваться обществомъ его племянницы или отца Адама, іезуита, пріютившагося у Вольтера послѣ изгнанія изъ Франціи членовъ этого ордена. Но не отъ всѣхъ посѣтителей легко было отдѣлаться, и иные англичане оказывались очень упорными. „Скажите ему, что я умеръ“, распорядился хозяинъ Фернея относительно одного англичанина, желавшаго непремѣнно видѣть его, хотя бы и больного. Слуга возвратился съ извѣстіемъ, что англичанинъ не хочетъ уйти, не поклонившись его тѣлу.—„Тѣло тотчасъ же послѣ смерти унесъ дьяволъ“, велѣлъ передать Вольтеръ назойливому посѣтителю.

Добродушный и дружелюбный въ сношеніяхъ со всѣми домашними, онъ однако нерѣдко поддавался своимъ раздраженнымъ нервамъ. Но, вспыливши на кого-нибудь изъ прислуги, онъ часто въ тотъ же день старался загладить рѣзкія слова и въ извиненіе ссылался на свою болѣзнь.

Въ послѣдніе годы, кромѣ раздраженныхъ нервовъ, ему все чаще и чаще давала себя чувствовать давно начавшаяся болѣзнь мочевого пузыря. Нѣсколько разъ случались съ нимъ также обмороки.

Года за три до смерти Вольтеръ опять пріобрѣлъ себѣ дочь, вмѣсто переселившейся въ Парижъ племянницы Корнеля. Еще въ шестидесятыхъ годахъ онъ спасъ отъ раззоренія своихъ сосѣдей дворянъ де-Красси, выкупивши ихъ заложенное имѣніе, чуть было не попавшее въ руки іезуитовъ.

Съ тѣхъ поръ де-Красси и ихъ близкіе родственники де-Варикуры были своими людьми въ Фернеѣ. Въ старинныхъ, но бѣдныхъ дворянскихъ семьяхъ было въ обычаѣ отдавать дѣвушекъ въ монастырь. Безъ приданаго трудно сдѣлать равную по рожденію партію. Молоденькой, умной и красивой дѣвушкѣ де-Варикуръ предстояла такая судьба. Она покорилась семейному рѣшенію, но не скрывала, что не чувствуетъ призванія. Вольтеръ избавилъ ее отъ монастыря, взявъ къ себѣ на тѣхъ же условіяхъ, какъ когда-то Марію Корнель. Дѣвушка нѣжно ухаживала за больнымъ старикомъ старалась предупредить всякое его желаніе. „Belle et bonne" прозвалъ онъ ее. Въ 1777 г. онъ выдалъ ее замужъ за маркиза де-Виллетъ, своего любимца и горячаго послѣдователя, очень бурно проведшаго первую молодость, но обѣщавшаго остепениться. Молодые собирались въ Парижъ, гдѣ де-Виллетъ имѣлъ собственный домъ.

Между тѣмъ со вступленіемъ на престолъ Людовика XV, времена настали болѣе либеральныя. Изъ Парижа писали, что Вольтеру нечего опасаться непріятностей со стороны правительства. Г-жа Дени, скучавшая въ Фернеѣ, настаивала на переселеніи въ Парижъ. Вольтеръ долго колебался, но въ началѣ 1778 года рѣшился на непродолжительную поѣздку Совсѣмъ разстаться со своимъ Фернеемъ и его обитателями онъ не разсчитывалъ. Отъѣздъ былъ назначенъ на 5-е февраля. Племянница и де-Виллеты уѣхали раньше. Жители Фернея со слезами провожали старика, не надѣясь на его возвращеніе. Они не ошиблись, а скоро потомъ имъ пришлось оплакивать и свое, имъ созданное, благосостояніе.

Вольтеръ ѣхалъ со своимъ вѣрнымъ Ваньеромъ, который былъ противъ поѣздки, опасаясь за здоровье старика. Послѣдній былъ очень веселъ, шутилъ и смѣшилъ дорогой своего недовольнаго спутника. На парижской заставѣ, на вопросъ,- нѣтъ ли съ ними контрабанды, онъ заявилъ, что нѣтъ никакой, кромѣ его собственной особы.

Вольтеръ остановился въ отелѣ де-Виллетъ. Онъ былъ такъ бодръ, или вѣрнѣе возбужденъ, что, не отдохнувши и часу съ дороги, отправился пѣшкомъ къ д'Аржанталю. Здѣсь первое полученное имъ извѣстіе было о смерти Лекена. Вольтеръ заплакалъ. Потеря сравнительно молодого друга вызвала въ немъ тяжелое предчувствіе.

Быстро разнесся по Парижу слухъ о пріѣздѣ Вольтера, и многочисленные посѣтители наполнили салонъ Виллетовъ, который уже не пустѣлъ до самого конца. Вольтеръ всѣхъ принималъ, знакомыхъ и не знакомыхъ, и находилъ для всякаго какую нибудь любезную часто остроумную фразу, которая тотчасъ-же разносилась по всему городу. Когда онъ выходилъ на улицу, его провожала толпа и не умолкали привѣтственные крики. Матери показывали его дѣтямъ. Оказалось, что самымъ извѣстнымъ изъ его дѣлъ была защита Каласа. О ней знали даже безграмотныя старухи. Вольтеру была пріятна такая извѣстность. Его писательская слава была давно незыблема, но враги продолжали чернить его, какъ человѣка, а защита Каласа была дѣломъ именно человѣка съ горячимъ сердцемъ, способнымъ биться изъ-за чужого страданія.

Вся эта слава, безчисленные посѣтители, шумъ и оваціи радовали Вольтера, возбужденіе заглушало чувство усталости. Но докторъ Троншенъ, хорошо изучившій его въ Женевѣ, а теперь встрѣтившійся съ нимъ въ Парижѣ, совѣтовалъ ему какъ можно скорѣе возвращаться въ Ферней. „Старыхъ деревьевъ—говорилъ онъ—не пересаживаютъ, если не хотятъ, чтобы они засохли“. И старое дерево не замедлило почувствовать послѣдствіе пересадки. У него начали пухнуть ноги, затѣмъ открылось кровохарканіе. Докторъ уложилъ его въ постель и запретилъ говорить и принимать посѣтителей, но это запрещеніе часто нарушалось. Г-жа Дени, возненавидѣвшая Троншена за настоятельные совѣты возвратиться въ Ферней, постаралась удалить его отъ больного. На этотъ разъ однако Вольтеръ оправился и 30-го марта побывалъ въ академіи, гдѣ его приняли съ большимъ почетомъ. Но величайшее торжество, настоящій апоѳеозъ, ждалъ его въ театрѣ, куда онъ отправился въ тотъ же вечеръ. Давали „Иренъ“, послѣднюю очень слабую трагедію Вольтера, но вся публика смотрѣла только на него и ему аплодировала. На сценѣ вѣнчали его бюстъ, а въ ложѣ его самого—лавровыми вѣнками. „Меня задушатъ подъ цвѣтами“, говорилъ Вольтеръ. Когда онъ уходилъ, вся публика, почтительно разступаясь передъ нимъ, стремилась хоть только дотронуться до его одежды и затѣмъ всей массой провожала его до дому

Ваньеръ между тѣмъ умолялъ его возвратиться въ Ферней. „Если бы онъ уѣхалъ, то навѣрное прожилъ бы еще лѣтъ 10", говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ и обвиняетъ г-жу Дени, сопротивлявшуюся отъѣзду, чуть не въ убійствѣ Вольтера. Но не одна эта старая эгоистка повліяла на рѣшимость Вольтсра остаться въ Парижѣ. Этому сильно содѣйствовала также академія, избравшая его своимъ директоромъ на слѣдующую четверть года. Вольтеръ хотѣлъ однако хоть на время съѣздить въ свой Ферней, чтобы устроить тамъ дѣла колоніи. Уже назначенъ былъ день отъѣзда, когда знаменитому писателю передали о намѣреніи короля, какъ только онъ уѣдетъ, послать ему въ догонку запрещеніе когда либо возвращаться въ Парижъ. Тогда онъ рѣшилъ остаться. Въ Ферней былъ отправленъ Ваньеръ за нужными бумагами и вещами. Покончивъ съ мыслями объ отъѣздѣ, Вольтеръ съ жаромъ принялся за исполненіе своихъ обязанностей директора академіи. Онъ предложилъ ей составить словарь по новому плану, который состоялъ въ томъ, чтобы, прослѣдить исторію каждаго слова и отмѣтить различные оттѣнки смысла, которые принимало оно въ различные вѣка. Эта мысль очевидно давно занимала его, такъ какъ даже въ своемъ „Философскомъ словарѣ", преслѣдовавшемъ совсѣмъ иныя цѣли, онъ отмѣчаетъ для нѣкоторыхъ словъ различные смыслы, какіе они имѣли прежде. Раздавши академикамъ каждому по буквѣ, онъ взялъ себѣ *А* и, чтобы поощрить къ труду своихъ лѣнивыхъ сочленовъ горячо принялся за работу. Возбужденіе скрывало отъ него самого дѣйствительный размѣръ его силъ, но за работой на него напала сонливость, которую онъ прогналъ своимъ обычнымъ средствомъ—большимъ количествомъ кофе. На этотъ разъ прогнанный сонъ уже не возвращался болѣе, не смотря на сильную усталость. Противъ безсонницы онъ прибѣгъ къ опіуму и въ нетерпѣніи нѣсколько разъ повторялъ пріемы, такъ какъ первые не подѣйствовали. Онъ впалъ наконецъ въ полубезсознательное состояніе, изъ котораго очнулся съ страшными болями въ области пузыря. Позванный по настоянію больного Троншенъ нашелъ его безнадежнымъ. Передавая въ письмѣ къ брату тяжелыя впечатлѣнія послѣднихъ свиданій съ Вольтеромъ, Троншенъ говоритъ въ заключеніе, что такой конецъ еще сильнѣе

„утвердилъ бы его въ его принципахъ, еслибы эти принципы нуждались въ подкрѣпленіи“. На этой фразѣ знаменитаго доктора основалась впослѣдствіи легенда о страхѣ чертей и ада, обуявшемъ Вольтера передъ смертью. Но Троншенъ ни слова не говоритъ о страхѣ ада, а лишь о страшномъ нежеланіи больного разставаться съ жизнью. Онъ то высказывалъ ему жгучее раскаяніе въ томъ, что не уѣхалъ по его совѣту, то спрашивалъ Троншена, не можетъ ли онъ спасти его, и толковалъ о словарѣ, надъ которымъ ему надо работать.

Эти жалобы понятны. Вольтеръ любилъ работать и судьба почти до конца сохранила ему во всей силѣ его громадную способность къ труду. Д'Аламберъ, описывая Фридриху II послѣдніе дни Вольтера, тоже говоритъ о сожалѣніяхъ больного о томъ, что не уѣхалъ изъ Парижа, но, по словамъ д'Аламбера, умирающій въ общемъ былъ твердъ и спокоенъ въ тѣ недолгіе промежутки, когда приходилъ въ сознаніе. Въ одинъ изъ такихъ промежутковъ, за 3 дня до смерти, онъ продиктовалъ свое послѣднее письмо къ молодому Лалли, сыну генерала, казненнаго за государственную измѣну, въ которой былъ невиненъ. При помощи Вольтера сынъ добивался и добился, наконецъ, отмѣны приговора, и Вольтеръ поздравлялъ его съ этой побѣдой. Онъ умеръ 30-го мая въ 11 часовъ ночи.

Во избѣжаніе отказа въ погребеніи, Вольтеръ еще въ мартѣ, во время первой болѣзни, исповѣдался у одного аббата, который удовольствовался простымъ заявленіемъ больного, что онъ проситъ у Бога прощенія, если чѣмъ погрѣшилъ противъ церкви. Вольтеръ находилъ, что аббатъ если не уменъ, то очень добрый человѣкъ, и за нѣсколько дней до смерти опять послалъ за нимъ. Но доброму аббату сильно досталось отъ его начальства за то, что онъ не потребовалъ отъ Вольтера формальнаго признанія главнѣйшихъ догматовъ церкви. Поэтому онъ явился теперь не одинъ, а съ приходскимъ священникомъ, который и началъ допросъ. „Оставьте меня умереть спокойно“, отвѣчалъ больной и умеръ, не получивши отпущенія. На этомъ основаніи парижское духовенство не дозволило хоронить его тѣло. Племянникъ Вольтера, аббатъ Миньо, ночью увезъ своего мертваго дядю, подъ видомъ больного, въ Шампань, въ свое

аббатство, и тамъ со всевозможной поспѣшностью похоронилъ его подъ плитою монастырской церкви. Едва окончилась церемонія,—пришло запрещеніе хоронить преступное тѣло, но уже было поздно.

Прошло 13 лѣтъ. Власть духовенства исчезла. Монастырь, гдѣ лежали останки Вольтера, поступалъ въ продажу въ качествѣ національнаго имущества. Объ этомъ заговорили въ Парижѣ, и національное собраніе постановило перенести тѣло великаго борца за свободу мысли въ Парижъ, въ церковь Св. Женевьевы, превращенную въ Пантеонъ великихъ людей Франціи.

На парадной колесницѣ, встрѣчаемой и провожаемой по дорогѣ всѣмъ окрестнымъ населеніемъ, гробъ Вольтера прибылъ въ Парижъ 10 іюля 1791 года. Онъ былъ поставленъ на площади Бастиліи на подножіи, сложенномъ изъ камней бывшей крѣпости, а на другой день со всей пышностью и энтузіазмомъ народнаго торжества перенесенъ въ Пантеонъ.

Прошли еще десятки лѣтъ. Наступила реставрація. Пантеонъ сталъ снова церковью Св. Женевьевы: гробы Вольтера и Руссо были снесены въ подвалъ. Но уже тогда ходили слухи, что эти гробы пусты, что тѣла двухъ великихъ людей были предварительно выброшены въ сорное мѣсто.

Тѣмъ не менѣе въ 1830 году, когда церковь стала снова Пантеономъ, гробы безъ всякаго осмотра ихъ содержанія были поставлены на прежнее мѣсто.

Наконецъ, въ 1864 году, наслѣдники Виллета принесли въ даръ націи сердце Вольтера, хранившееся въ отдѣльномъ сосудѣ. Было рѣшено присоединить это сердце къ тѣлу въ гробницѣ Пантеона, снова ставшаго церковью и зависѣвшаго отъ парижскаго архіепископа. Когда къ архіепископу Дарбуа обратились за дозволеніемъ, онъ отвѣтилъ, что сперва слѣдуетъ удостовѣриться, есть ли что въ гробницѣ, такъ какъ, насколько ему извѣстно, она давно пуста.

Объясненіе этого таинственнаго исчезновенія мертвыхъ костей находится въ сообщеніи Лакруа, опубликовавшаго слышанный имъ разсказъ Пюиморена о томъ, что произошло одной майской ночью 1841 года. Съ молчаливаго разрѣшенія властей, нѣсколько благочестивыхъ господъ—Пюиморенъ въ ихъ числѣ—вскрыли гроба Вольтера и Руссо, сложили ихъ кости въ одинъ холщевый мѣшокъ, вывезли за городъ

и бросили тамъ въ заранѣе приготовленную яму съ негашеной известью.

Родственники умершаго Пюиморена старались набросить тѣнь сомнѣнія на достовѣрность разсказа объ этомъ благочестивомъ поруганіи надъ мертвыми врагами. Но какъ бы тамъ ни было, а вскрытые гроба Вольтера и Руссо оказались дѣйствительно пустыми, и опустѣли они при *реставраціи.*

Вольтеръ не внесъ новыхъ идей въ область философской мысли, не сдѣлалъ никакихъ важныхъ научныхъ открытій. На его долю выпала другая—въ тотъ моментъ гораздо важнѣйшая—задача. Онъ перечеканилъ тяжеловѣсные слитки знанія, доступные до тѣхъ поръ лишь записнымъ ученымъ, въ монеты, пригодныя для обращенія среди массы людей различныхъ званій, состояній и національностей. Его несравненный слогъ, ясное до прозрачности изложеніе и неистощимое остроуміе дѣлали всякій предметъ, до котораго онъ касался, доступнымъ и привлекательнымъ всей массѣ способныхъ читать людей, отъ королей до ремесленниковъ, отъ версальскихъ придворныхъ до русскихъ помѣщиковъ, среди которыхъ еще въ половинѣ XIX вѣка можно было встрѣтить старыхъ „вольтеріанцевъ“.

Кромѣ разрушительнаго дѣйствія на всѣ унаслѣдованныя отъ среднихъ вѣковъ традиціи, главнѣйшимъ результатомъ пропаганды Вольтера для Франціи было, по нашему мнѣнію, распространеніе вѣры въ силу человѣческаго разума,—вѣры, свойственной большинству французскихъ философовъ второй половины XVIII вѣка, но раньше и ярче всего сказавшейся у Вольтера.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ
МЕЖДУНАРОДНАГО
ОБЩЕСТВА РАБОЧИХЪ.

Очеркъ исторіи Международнаго Общества Рабочихъ [1]).

ГЛАВА I.

Полная исторія Международнаго Общества Рабочихъ еще невозможна. Архивъ Генеральнаго Совѣта, его переписка съ мѣстными федераціями и секціями не обнародована. Источниками для знакомства съ этимъ обществомъ остаются лишь появлявшіеся въ печати, во время его существованія, отчеты конгрессовъ, процессы, нѣкоторые журналы того времени, вышедшія тогда же брошюры и проч. Но хотя Интернаціоналъ не былъ ни заговоромъ, ни тайнымъ обществомъ, далеко не все, его касающееся, доводилось до свѣдѣнія публики. Негласная дѣятельность Генеральнаго Совѣта посредствомъ переписки секретарей, посредствомъ личныхъ сношеній, въ особенности въ Англіи, для которой онъ являлся не международнымъ только, а также и мѣстнымъ центромъ, была значительнѣе его открытой дѣятельности. Въ то же время и внутренняя жизнь секцій и федерацій, смѣна взглядовъ и настроеній проявлялась публично лишь въ своихъ общихъ результатахъ; борьба, предшествовавшая этимъ смѣнамъ, велась за глазами публики и прорывалась наружу лишь въ случаяхъ окончательнаго разрыва. Въ задачу этого очерка входитъ, такимъ образомъ, лишь гласная исторія Интернаціонала: борьба идей на его конгрессахъ, международная поддержка стачекъ, ростъ и развитіе организаціи. Мы займемся при этомъ, главнымъ образомъ, развитіемъ общества во Франціи, Швейцаріи и Бельгіи, гдѣ въ шестидесятыхъ годахъ рабочее движеніе росло вмѣстѣ съ нимъ.

[1]) По различнымъ причинамъ очеркъ остался не законченнымъ. Нѣчто цѣльное онъ все таки даетъ, мнѣ кажется, охватывая періодъ развитія интернаціонала отъ кружковъ самообразованія къ движенію и организаціи рабочихъ массъ и разложенію прудонизма, господствовавшаго надъ умами рабочей интеллигенціи странъ французскаго языка.

Примѣчаніе 1906 года.

вылилось въ форму его организаціи и замолкло вмѣстѣ съ его исчезновеніемъ. Мы постараемся показать, что внесло въ Международное Общество участіе въ немъ представителей нѣмецкой Соціалистической Демократіи и англійскихъ Ремесленныхъ Союзовъ. Обратное вліяніе Интернаціонала на нѣмецкое и англійское рабочія движенія, столь различныя по характеру, но имѣющія каждое свою богатую содержаніемъ исторію, далеко выходитъ за предѣлы этого очерка Не войдетъ въ него также и исторія второго, Бакунинскаго Интернаціонала; о немъ придется говорить лишь постольку, поскольку онъ развивался внутри перваго; его самостоятельной дѣятельности въ Италіи и Испаніи мы касаться не будемъ.

I.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ реакція, наступившая вслѣдъ за кровавымъ возстановленіемъ порядка, нарушеннаго революціоннымъ 48-мъ годомъ, повсюду ослабѣваетъ, и прерванное общественное движеніе начинается снова. Въ различныхъ странахъ Европы почти одновременно замѣчается всегда предшествующее революціоннымъ эпохамъ, возбужденное состояніе промышленныхъ рабочихъ, проявляющееся, смотря по условіямъ той или другой страны, въ уличныхъ безпорядкахъ, въ учащенныхъ стачкахъ, въ ростѣ коалицій, въ поддержкѣ радикальныхъ кандидатовъ тамъ, гдѣ рабочіе участвуютъ въ выборахъ, въ большей отзывчивости ко всякой пропагандѣ. Соединить въ одно сознательное цѣлое эти разрозненныя движенія было задачей, поставленной Международному Обществу Рабочихъ его основателями.

Впрочемъ, во Франціи подъемъ общественнаго настроенія обнаруживается сперва въ средѣ буржуазіи, въ особенности революціонной. Здѣсь образуются кружки такъ называемыхъ бланкистовъ и замышляются заговоры противъ правительства. Но рабочія массы остаются къ нимъ равнодушны. Въ ихъ средѣ движеніе возобновляется съ воспоминаніями о томъ, какъ отплатила рабочимъ Іюньскими днями созданная ими республика,—возобновляется съ глубокимъ недовѣріемъ къ революціонерамъ изъ буржуазной среды, къ заговорщикамъ, къ „политикамъ“ и даже къ самой политикѣ, неразрывно связанной въ умахъ рабочихъ съ слѣдованіемъ

за той или другой фракціей радикальной буржуазіи. Идея самостоятельной, отдѣльной отъ буржуазіи политики рабочаго класса еще не знакома во Франціи. Этому настроенію вполнѣ соотвѣтствуетъ и соціальная программа, складывающаяся по Прудону въ интеллигентныхъ кружкахъ рабочаго класса. Уже съ давнихъ поръ теоріи этого писателя были единственными, проникавшими въ рабочую среду Франціи, Бельгіи и французской Швейцаріи. Читали Прудона, конечно, очень немногіе, а понимали его запутанныя, многотомныя творенія и того меньше, но отдѣльныя фразы Прудона, отрывочныя свѣдѣнія о даровомъ кредитѣ, объ обмѣнѣ продуктовъ по ихъ истинной стоимости, о федерализмѣ и анархіи были наготовѣ у каждаго, кто желалъ поразсуждать, потеоретизировать. Теперь, съ началомъ оживленія въ рабочей средѣ, чувствуется потребность въ практической программѣ, и прудонисты пытаются вывести ее изъ твореній своего учителя. Въ Парижѣ за эту задачу берется, между прочими, чеканщикъ Толенъ и кружокъ его друзей, превратившійся впослѣдствіи въ первую секцію французскаго Интернаціонала. Свести къ практически выполнимому плану выводы изъ экономической части ученія Прудона (необходимость организаціи дарового кредита и обмѣна продуктовъ по ихъ истинной стоимости) представлялось очень затруднительнымъ. Зато политическая часть программы была совершенно ясна. Относясь отрицательно къ самой идеѣ государства, въ которомъ, по ихъ теоріи, послѣ организаціи обмѣна не будетъ никакой надобности, прудонисты считали вредной всякую затрату силъ и энергіи рабочаго класса на борьбу противъ той или иной современной формы государственнаго строя, противъ того или иного правительства. Рабочимъ ничего не нужно отъ правительства, лишь бы оно не мѣшало имъ организовать обмѣнъ. Въ данный моментъ не было никакихъ основаній ожидать такихъ помѣхъ со стороны императорскаго правительства. Оно старалось, наоборотъ, всячески задобривать рабочихъ, въ надеждѣ противопоставить ихъ начинавшей поговаривать о своихъ правахъ буржуазіи.

Уничтоживши, послѣ государственнаго переворота, всѣ остатки созданныхъ движеніемъ 1848 года рабочихъ союзовъ и ассоціацій, императоръ начинаетъ заботиться теперь о насажденіи „истиннаго соціализма“ и жертвуетъ 500,000 ф.

на помощь ассоціаціямъ. Попытка, впрочемъ, остается безплодной, основанныя ассоціаціи почти тотчасъ же приходятъ въ упадокъ и не пріобрѣтаютъ ни малѣйшей популярности. Не довѣряя буржуазіи, лучшіе элементы рабочаго класса еще недовѣрчивѣе относятся къ правительству:— они гнушаются принимать отъ него денежную помощь.

То же стремленіе къ популярности заставляетъ императора способствовать поѣздкѣ въ Лондонъ на всемірную выставку 1862 года рабочихъ делегатовъ отъ различныхъ отраслей парижской промышленности. Выборы делегатовъ разрѣшено было произвести всеобщей подачей голосовъ, внѣ всякаго посторонняго вмѣшательства и при полной свободѣ собраній, вообще запрещенныхъ. Делегатами были выбраны лица, слывшіе за наиболѣе образованныхъ въ своей средѣ. Большинство изъ нихъ осталось потомъ въ сторонѣ отъ дальнѣйшихъ событій, но руководство всѣмъ дѣломъ попало въ руки Толена, завѣдывавшаго, въ качествѣ секретаря комиссіи, организаціей поѣздки и всѣхъ сношеній делегаціи.

Герой 2-го декабря и не подозрѣвалъ, конечно, что онъ содѣйствуетъ возникновенію новой революціонной силы, грознаго впослѣдствіи Интернаціонала.

Въ Лондонѣ, послѣ осмотра выставки, французскіе гости были приглашены на банкетъ, устроенный для нихъ мѣстными рабочими. Хозяева обратились къ нимъ съ адресомъ, въ которомъ обсуждалось положеніе рабочаго класса цивилизованныхъ странъ. „По мѣрѣ увеличенія могущества машинъ, необходимость въ человѣческомъ трудѣ должна все болѣе и болѣе уменьшаться. Что же сдѣлаютъ съ тѣми, которыхъ лишаютъ работы? Должны ли они оставаться праздными и участвовать въ конкурренціи? Оставятъ ли ихъ умирать съ голоду или будутъ кормить на счетъ трудящихся? Мы не имѣемъ претензіи рѣшать такіе вопросы, говоритъ адресъ, но мы убѣждены, что они должны быть рѣшены и что для этого необходимы соединенныя усилія всѣхъ, какъ философовъ, государственныхъ людей, историковъ, такъ и работодателей и рабочихъ всѣхъ странъ. Долгъ каждаго человѣка, взять на себя часть этого труда...“ „Мы думаемъ, что, обмѣниваясь мыслями и наблюденіями съ рабочими

различныхъ національностей, мы скорѣе откроемъ тайны экономической жизни общества...“ [1]).

Вопросъ былъ поставленъ, какъ видимъ, съ самой жгучей его стороны, съ той именно, съ которой, очевидно, что трудность положенія рабочаго класса растетъ и должна рости вмѣстѣ съ ходомъ промышленнаго развитія. Но съ другой стороны, въ наивномъ намѣреніи рабочихъ рѣшать свою „огромную задачу“ сообща съ капиталистами и государственными людьми всѣхъ странъ, бросается въ глаза полное отсутствіе сознанія непримиримости классовыхъ интересовъ „Единодушіе между нами и нашими хозяевами есть единственное средство уменьшить окружающія насъ трудности,“ говорится въ другомъ мѣстѣ адреса.

Французскіе делегаты отвѣтили предложеніемъ устроить рабочіе комитеты для письменныхъ сношеній по вопросамъ промышленности. Предложеніе встрѣчено было сочувственно, но ничего формальнаго устроено не было, да и комитетъ, написавшій адресъ, не принадлежалъ ни къ какой рабочей организаціи.

Нѣкоторые изъ делегатовъ нашли себѣ въ Лондонѣ выгодную работу, остальные вернулись въ Парижъ и принялись за составленіе отчетовъ своимъ избирателямъ. Съ оставшимися въ Лондонѣ делегатами завязалась переписка. Въ Парижѣ, между пришедшими въ соприкосновеніе по поводу делегаціи рабочими, также продолжались дѣятельныя сношенія и центромъ всего этого, естественно, явился кружокъ Толена, имѣвшій правильныя собранія и состоявшій изъ людей сравнительно образованныхъ. Поэтому, когда лѣтомъ 1863 г. въ Парижѣ начались манифестаціи, съ цѣлью побудить правительство высказаться въ пользу возставшей Польши и явился проектъ вызвать такія же манифестаціи въ Лондонѣ, то для поѣздки снова былъ выбранъ Толенъ и его друзья: Лимузенъ, Перрашонъ и два другихъ.

Въ Лондонѣ и безъ того происходила сочувственная Польшѣ агитація. По случаю пріѣзда парижанъ состоялся большой рабочій митингъ, на которомъ докладчикомъ явился Оджеръ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ англійскихъ ремесленныхъ союзовъ. Въ адресѣ къ „французскимъ

---

[1]) Procès de l'Association Internationale des travailleurs, ст. 62.

братьямъ" докладчикъ отъ угнетенной Польши переходитъ къ угнетенію труда капиталомъ и говоритъ о необходимости международныхъ рабочихъ конгрессовъ для успѣшной борьбы противъ этого угнетенія. Такіе конгрессы могли бы во всякомъ случаѣ помѣшать предпринимателямъ вызывать, при каждой стачкѣ, заграничныхъ рабочихъ, являющихся въ ихъ рукахъ орудіемъ для пониженія заработной платы мѣстныхъ производителей.

Французы взяли на себя распространеніе Оджеровскаго адреса и условились подготовлять въ Парижѣ почву для основанія международнаго рабочаго союза. Они попытались также войти въ сношенія съ французской эмигрантской колоніей въ Лондонѣ. Здѣсь главную роль играли чистокровные политики, какъ Ледрю Ролленъ и бланкисты. Они были въ это время въ полнѣйшемъ восторгѣ отъ успѣха Парижской оппозиціи на выборахъ 1863 г. и Ледрю Ролленъ заявилъ даже Толену, что этими выборами Наполеону прописана отставка. Делегаты восторга не раздѣляли и къ заговорщицкимъ стремленіямъ эмигрантовъ отнеслись отрицательно. Тѣ, съ своей стороны, недовѣрчиво смотрѣли на ихъ спеціально рабочую, вовсе не революціонную, какъ имъ казалось, затѣю. Отношенія поэтому сразу установились очень натянутыя.

Въ Лондонѣ, кромѣ нѣсколькихъ англичанъ, какъ Оджеръ и старый чартистъ Эрнестъ Джонсъ, подготовкой дѣла занялись главнымъ образомъ нѣмецкіе эмигранты: Марксъ и другіе, бывшіе члены Союза Коммунистовъ, который уже въ сороковыхъ годахъ провозгласилъ международный характеръ движенія пролетаріата и выпустилъ знаменитый манифестъ Маркса и Энгельса, заканчивающійся извѣстнымъ лозунгомъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

ГЛАВА II.

24 сентября 1864 года состоялся, наконецъ, большой митингъ въ С.-Мартенсъ-Галлѣ, созванный для учрежденія Международнаго Общества Рабочихъ. Делегатами изъ Парижа снова явились Толенъ, Лимузенъ и Перрашонъ. Пришли также политическіе эмигранты различныхъ странъ:

Марксъ и его нѣмецкіе послѣдователи, французскіе бланкисты, итальянцы, находившіеся цѣликомъ подъ вліяніемъ Мадзини, поляки и т. д. Всѣ эти разнородные и разномыслящіе элементы хотѣли по своему направить начавшееся движеніе.

Бланкисты желали превратить его въ демократическій радикальный заговоръ противъ наполеоновскаго правительства. Заговоръ же хотѣлъ въ немъ видѣть и Мадзини, но другого цвѣта, чистый отъ всякой классовой борьбы и полный идеальной любви и нравственности. По мнѣнію англичанъ, международный союзъ долженъ былъ имѣть значеніе подспорья въ стачкахъ и вообще въ той непосредственной борьбѣ съ предпринимателями, которая велась мѣстными ремесленными союзами. Парижане-прудонисты относились, наоборотъ, крайне отрицательно къ стачкамъ и желали найти въ новомъ обществѣ почву для пропаганды своихъ идей и для попытокъ ихъ практическаго примѣненія. Чего хотѣли Марксъ и его сторонники, мы увидимъ изъ дѣятельности Генеральнаго Совѣта, всѣ публичныя заявленія, всѣ манифесты котораго, до самаго гаагскаго конгресса, были писаны Марксомъ. Но въ главныхъ чертахъ стремленія его можно было бы предугадать уже изъ Коммунистическаго Манифеста 1848 года, который заключаетъ въ себѣ всѣ основныя положенія современнаго научнаго соціализма.

„Коммунисты не составляютъ какой-либо особой партіи, противостоящей другимъ рабочимъ партіямъ, говоритъ манифестъ. Они не выставляютъ никакихъ особыхъ принциповъ, подъ которые они хотѣли бы подвести движеніе пролетаріевъ“.

„Коммунисты отличаются отъ другихъ рабочихъ партій только тѣмъ, что, съ одной стороны, въ движеніи пролетаріевъ различныхъ націй они выдѣляютъ и отстаиваютъ общіе, независимые отъ національности, интересы всего пролетаріата; съ другой стороны,—тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ развитія, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуазіи, они всегда защищаютъ общіе интересы движенія, въ его цѣломъ... Ближайшая цѣль коммунистовъ та же, что и другихъ рабочихъ партій: организація рабочаго класса, сверженіе господства буржуазіи, завоеваніе пролетаріатомъ политической власти.

„Теоретическія положенія коммунистовъ ни въ какомъ случаѣ не основываются на идеяхъ и принципахъ, открытыхъ и установленныхъ тѣмъ или другимъ всемірнымъ реформаторомъ.

„Они представляютъ собой лишь общее выраженіе современныхъ отношеній, существующей нынѣ борьбы классовъ, совершающагося на нашихъ глазахъ историческаго движенія".

Говоря объ отношеніи коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ, манифестъ заявляетъ, что „коммунисты повсюду поддерживаютъ всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній".

Уже отсюда можно было предвидѣть, что Марксъ не захочетъ создать ни заговора, который никогда не можетъ объединить рабочей массы, а всегда захватываетъ лишь отдѣльныхъ фанатизированныхъ личностей, ни секты съ опредѣленнымъ символомъ вѣры, которая сразу оттолкнула бы отъ себя все съ этимъ символомъ несогласное. Можно было бы напереди сказать, что знаменитый коммунистъ постарается вызвать широкое движеніе, способное объединить всѣ элементы рабочаго класса, начавшіе сознавать свои классовые интересы. Дальнѣйшая исторія рабочаго движенія показала, что именно такая попытка была необходима и въ высшей степени своевременна.

Митингъ въ С. Мартенсъ-Галлѣ вотировалъ основаніе Международнаго Общества Рабочихъ и выбралъ временный комитетъ изъ 50 членовъ различныхъ національностей для выработки устава, утвердить который предстояло первому конгрессу основаннаго общества.

Проектъ устава, представленный Мадзини, былъ повтореніемъ обычныхъ, строго централистическихъ уставовъ тайныхъ обществъ, которыми такъ богата была первая половина столѣтія. Комиссія отвергла его такъ же, какъ и проектъ манифеста, въ которомъ Мадзини „гремѣлъ противъ классовой борьбы" [1]).

Проникнутые совершенно другимъ духомъ, проекты Маркса были приняты огромнымъ большинствомъ.

---

[1]) Eichoff. Internationale Arbeiterassociation. Berlin, ст. 4.

Вотъ уставъ, утвержденный первымъ конгрессомъ общества.

„Принимая во вниманіе:

Что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ; что, борясь за свое освобожденіе, рабочіе должны стремиться не къ созданію новыхъ привиллегій, но къ установленію равныхъ для всѣхъ правъ и обязанностей, и къ уничтоженію всякаго классового господства;

Что экономическое подчиненіе рабочаго обладателю средствъ производства является источникомъ рабства во всѣхъ его видахъ: нищеты, умственнаго отупѣнія и политической зависимости;

Что, поэтому, экономическое освобожденіе рабочаго класса есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство;

Что всѣ стремленія рабочихъ къ достиженію этой цѣли оставались до сихъ поръ безуспѣшными, вслѣдствіе недостатка единодушія между рабочими различныхъ отраслей труда въ каждой странѣ, и отсутствія братскаго союза между рабочими различныхъ странъ;

Что освобожденіе рабочихъ является не мѣстной только или національной задачей, а затрагиваетъ интересы всѣхъ цивилизованныхъ націй и можетъ быть достигнуто только ихъ теоретическимъ и практическимъ содѣйствіемъ другъ другу.

Что движеніе, которое возобновляется теперь въ наиболѣе промышленныхъ странахъ Европы, вызывая новыя надежды, даетъ, вмѣстѣ съ этимъ, торжественное предостереженіе противъ старыхъ ошибокъ, и заставляетъ стремиться къ объединенію всѣхъ, пока еще разрозненныхъ, усилій.

Въ виду вышесказаннаго основывается Международное Общество Рабочихъ. Оно объявляетъ:

Что всѣ примыкающія къ нему общества и отдѣльныя личности принимаютъ истину, справедливость и нравственность за основу своихъ отношеній ко всѣмъ людямъ, независимо отъ ихъ расы, религіи или національности; не должно быть обязанностей безъ правъ—правъ безъ обязанностей.

Ст. 1. Общество основано для того, чтобы создать центральный пунктъ соединенія и совмѣстнаго дѣйствія рабо-

чихъ обществъ, существующихъ въ различныхъ странахъ и стремящихся къ одной цѣли, именно: ко взаимной поддержкѣ, развитію и полному освобожденію рабочаго класса.

Ст. 2. Это общество называется Международнымъ Обществомъ Рабочихъ.

Ст. 3. Ежегодно собирается общій рабочій конгрессъ, состоящій изъ уполномоченныхъ отъ различныхъ вѣтвей Общества. Конгрессъ формулируетъ общія стремленія рабочаго класса, издаетъ необходимыя для успѣшной дѣятельности Общества постановленія, и выбираетъ членовъ Генеральнаго Совѣта Общества.

Ст. 4. Каждый конгрессъ назначаетъ время и мѣсто созванія слѣдующаго конгресса. Къ опредѣленному имъ сроку уполномоченные собираются въ назначенномъ мѣстѣ, не дожидаясь особыхъ приглашеній. Въ случаѣ надобности, Генеральный Совѣтъ можетъ перемѣнить мѣсто созванія конгресса. Конгрессъ опредѣляетъ ежегодно мѣстопребываніе Генеральнаго Совѣта и выбираетъ его членовъ. Избранный такимъ образомъ, Генеральный Совѣтъ имѣетъ право принимать въ свою среду новыхъ членовъ. На каждомъ ежегодномъ конгрессѣ Генеральный Совѣтъ представляетъ гласный отчетъ о работахъ своихъ за истекшій годъ. Въ случаѣ крайней нужды, онъ можетъ созвать конгрессъ ранѣе обыкновеннаго годового срока.

Ст. 5. Генеральный Совѣтъ образуется изъ рабочихъ различныхъ національностей, имѣющихъ въ обществѣ своихъ представителей. Онъ выбираетъ изъ своей среды членовъ необходимаго для веденія дѣлъ бюро: казначея, главнаго секретаря, особыхъ секретарей для различныхъ странъ и т. д.

Ст. 6. Генеральный Совѣтъ долженъ дѣйствовать въ качествѣ агентуры для сношеній между различными національными или мѣстными вѣтвями Общества, такъ чтобы рабочіе каждой страны всегда имѣли свѣдѣнія о движеніи ихъ класса въ другихъ странахъ, чтобы одновременно и по общему плану можно было предпринять изслѣдованіе соціальнаго положенія различныхъ странъ Европы; чтобы вопросы, возбужденные одной изъ вѣтвей Общества, но имѣющіе общій интересъ, могли обсуждаться всѣми прочими его вѣтвями, и чтобы, въ томъ случаѣ, когда со

стороны Общества потребуется то или другое практическое дѣйствіе—напр., при международныхъ столкновеніяхъ,—всѣ примыкающія къ нему общества могли дѣйствовать одновременно и цѣлесообразно. Генеральный Совѣтъ можетъ, когда найдетъ это нужнымъ, обращаться съ различными предложеніями къ мѣстнымъ или національнымъ рабочимъ обществамъ. Для облегченія своихъ сношеній съ различными вѣтвями Общества, Генеральный Совѣтъ будетъ печатать періодическіе отчеты.

Ст. 7. Такъ какъ успѣхъ движенія рабочихъ каждой страны можетъ быть обезпеченъ только ихъ союзомъ и единодушіемъ; такъ какъ, съ другой стороны, дѣятельность Генеральнаго Совѣта существенно облегчится въ томъ случаѣ, когда онъ войдетъ въ сношенія лишь съ немногими національными центрами, а не съ многочисленными и разрозненными мѣстными обществами, то члены Международнаго Общества Рабочихъ всѣми силами должны стремиться—каждый въ своей странѣ—къ объединенію существующихъ въ ней рабочихъ обществъ въ одинъ національный союзъ, съ центральнымъ органомъ управленія. Само собою разумѣется, что исполненіе этой статьи устава зависитъ отъ законовъ данной страны, и что каждое мѣстное общество можетъ входить въ непосредственныя сношенія съ Генеральнымъ Совѣтомъ, если къ этому нѣтъ препятствій со стороны закона.

Ст. 8. Каждая секція имѣетъ право, для сношеній своихъ съ Генеральнымъ Совѣтомъ, назначить особаго секретаря.

Ст. 9. Всякій раздѣляющій и отстаивающій принципы Международнаго Общества Рабочихъ можетъ сдѣлаться его членомъ. Но каждая вѣтвь Общества отвѣтственна за принятаго ею члена.

Ст. 10. При переселеніи изъ одной страны въ другую, каждый членъ Международнаго Общества встрѣтитъ братскую поддержку со стороны мѣстныхъ членовъ Общества.

Ст. 11. Примыкающія къ Международному Обществу рабочія общества, хотя и связываются другъ съ другомъ братскими узами взаимной поддержки, удерживаютъ тѣмъ не менѣе свойственные имъ виды организаціи.

Ст. 12. Настоящій уставъ можетъ быть измѣненъ ка-

ждымъ конгрессомъ, если на это согласятся двѣ трети уполномоченныхъ.

Ст. 13. Все, не предусмотрѣнное уставомъ, будетъ пополняться особыми правилами, подлежащими контролю каждаго конгресса.

Особенно нравились всюду основныя положенія, предпосланныя статьямъ устава. Интернаціоналъ всегда гордился ими.

Подъ этими положеніями, дѣйствительно, долженъ былъ, не колеблясь, подписаться каждый членъ той части рабочихъ массъ, которая защищаетъ свои интересы, въ какой бы формѣ ни велась ея борьба, на какой бы ступени развитія она ни стояла, какія бы теоріи ни бродили въ головахъ ея вожаковъ.

Противъ нихъ не нашли ничего возразить даже ученики благочестиваго доктора Куллери, защитника собственности и союзника мѣстныхъ консерваторовъ, основавшаго въ Юрскихъ горахъ одну изъ первыхъ секцій Интернаціонала[1]). И потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Интернаціоналъ, сдѣлавъ все, что было возможно на той ступени развитія, на которой стоялъ тогда пролетаріатъ, и пріобрѣтя всемірное значеніе, погибъ, и на его развалинахъ пытались дѣйствовать бакунисты, всей душой ненавидѣвшіе Генеральный Совѣтъ, а въ особенности Маркса, даже и они не рѣшились ничего измѣнить въ этихъ положеніяхъ.

Пришли въ восторгъ и французскіе прудонисты, когда, вскорѣ по возвращеніи изъ Лондона, получены были въ Парижѣ отпечатанные по-англійски проекты устава и манифестъ. Толенъ, впрочемъ, обратившій особенное вниманіе

---

[1]) Даже и болѣе ученые друзья собственности не нашли въ уставѣ Интернаціонала ничего для нея вреднаго. Что „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“—это казалось утвержденіемъ принципа *самопомощи* и привлекло къ новому обществу симпатіи многихъ почтенныхъ людей“, говоритъ Лавелле (Socialisme contemp. ст. 242).

„Почтенный“ бельгійскій экономистъ полагалъ, что эта фраза представляетъ собою новую варіацію на старую тему о воздержаніи, сбереженіи, трудолюбіи и прочихъ добродѣтеляхъ, усердно рекомендуемыхъ почтенными людьми въ качествѣ единственнаго рецепта для освобожденія рабочихъ отъ всѣхъ бѣдствій.

на фразу о подчиненіи политическаго движенія [1]) великой цѣли экономическаго освобожденія рабочаго класса, радовался очевидно, по недоразумѣнію. Онъ видѣлъ въ ней оправданіе воздержанія рабочаго класса отъ вмѣшательства въ политическую борьбу, т. е. нѣчто прямо противуположное мысли Маркса, имѣвшаго въ виду политическую борьбу рабочаго класса, сообразующуюся исключительно съ его классовыми интересами.

Бланкисты, воевавшіе съ прудонистами главнымъ образомъ именно изъ-за вопроса о „политикѣ", тоже присоединились, въ лицѣ лондонскихъ эмигрантовъ, къ новому обществу, и бланкистъ Лелюбе попалъ въ избранный изъ среды комиссіи первый Генеральный Совѣтъ.

Вступительный манифестъ новаго общества начинается указаніемъ того факта, что нужда рабочаго класса съ 1848 по 64 годъ нисколько не уменьшилась, несмотря на безпримѣрную быстроту развитія промышленности и торговли за этотъ періодъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ слышались пророчества, что пауперизмъ исчезнетъ въ Англіи, если ея ввозъ и вывозъ поднимутся на 50 процентовъ. Они почти утроились, а пауперизмъ усилился. Въ подтвержденіе, какъ громаднаго роста промышленности, такъ и усиленія нищеты рабочаго класса, приводится цѣлый рядъ цифръ и фактовъ, оффиціально констатированныхъ англійскими парламентскими отчетами.

„Съ другой, мѣстной окраской и въ нѣсколько меньшемъ масштабѣ, продолжаетъ манифестъ, англійскія условія повторяются и во всѣхъ, захваченныхъ промышленнымъ развитіемъ, странахъ континента. Во всѣхъ этихъ странахъ шло съ 48 г. неслыханное развитіе промышленности, такое расширеніе ввозной и вывозной торговли, о возможности котораго прежде и не догадывались. И повсюду, такъ же какъ въ Англіи, этимъ увеличеніемъ богатства и могущества воспользовались одни имущіе классы... Нищета рабочихъ повсюду возросла, по меньшей мѣрѣ, въ той же пропорціи, въ какой увеличилось богатство высшихъ классовъ... Теперь

---

[1]) При чемъ слова „какъ средство" (as a mean), заканчивающія фразу въ англійскомъ оригиналѣ были пропущены въ 1-мъ французскомъ переводѣ.

уже, во всѣхъ европейскихъ странахъ, незыблемо установлена та истина, что ни усовершенствованіе машинъ, ни приложеніе науки къ промышленности и земледѣлію, ни какія бы то ни было ухищренія въ области обмѣна, ни колоніи и эмиграція, ни открытіе новыхъ рынковъ, ни всѣ эти вещи, вмѣстѣ взятыя, не могутъ устранить нищеты рабочихъ массъ, что наоборотъ, на существующей ложной основѣ, всякое новое развитіе творческой силы труда лишь углубляетъ общественныя противоположности, лишь обостряетъ столкновенія. Эта истина несомнѣнна теперь для каждаго безпристрастнаго изслѣдователя, оспаривать ее можно уже не по убѣжденію, а только по разсчету".

Пораженіе революціи 48 г., уничтожившi всѣ организаціи, всѣ журналы рабочей партіи, распространилось также и на Англію. Хотя между рабочимъ классомъ этой страны и его континентальными собратьями не было общности въ борьбѣ, но имъ пришлось тѣмъ не менѣе испытать общность пораженія. Побѣда реакціи на материкѣ возвратила англійскимъ землевладѣльцамъ и капиталистамъ ихъ пошатнувшуюся самоувѣренность и дозволила взять назадъ уже обѣщанныя уступки.

И однако рабочій классъ сдѣлалъ за этотъ періодъ два важныхъ пріобрѣтенія.

Первымъ было завоеваніе, послѣ 30-тилѣтней борьбы, закона о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ, который удалось провести благодаря мимолетному расколу между поземельной и денежной аристократіей. Весьма значительная физическая, умственная и нравственная польза этого закона для фабричныхъ рабочихъ теперь обнаружена со свѣхъ сторонъ. Континентальныя правительства вынуждены вводить у себя его болѣе или менѣе искаженныя копіи, а англійскому парламенту приходится съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширять область его примѣненія. Но чрезвычайный успѣхъ этой мѣры имѣлъ не одно только практическое значеніе... „Во время борьбы за нее буржуазія предсказывала и доказывала устами своихъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, какъ докторъ Юрэ и профессоръ Сеніоръ, что всякое законодательное ограниченіе рабочаго времени будетъ смертельнымъ ударомъ англійской промышленности... Борьба за законодательное ограниченіе рабочаго времени велась тѣмъ упор-

нѣе, что грозила не только барышамъ предпринимателей, но прямо вторгалась въ область великой распри между слѣпыми правилами закона спроса и предложенія, составляющими всю суть буржуазной политической экономіи, и цѣлесообразно, сознательно организованнымъ общественнымъ производствомъ, составляющимъ внутреннее содержаніе политической экономіи рабочаго класса. Поэтому-то 10-тичасовой билль былъ не только большимъ практическимъ успѣхомъ, но вмѣстѣ и побѣдой принципа. Въ первый разъ политическая экономія буржуазіи была, при яркомъ свѣтѣ дня, побѣждена политическою экономіей рабочаго класса".

Другимъ пріобрѣтеніемъ былъ успѣхъ опытовъ кооперативнаго производства, фактически доказавшій, что крупныя промышленныя предпріятія могутъ вестись сообразно требованіямъ науки безъ участія работодателей, что орудія труда могутъ функціонировать и приносить плоды, не становясь орудіями господства и эксплуатаціи, и что наемный трудъ есть такая же преходящая, предназначенная къ исчезновенію форма, какъ и рабство или крѣпостничество. И тотъ же опытъ періода 48—64 г.г. доказалъ также, что коопераціи, оставаясь предпріятіями отдѣльныхъ рабочихъ группъ, никогда не будутъ въ состояніи остановить растущей въ геометрической пропорціи монополіи и освободить рабочій классъ или хотя бы замѣтнымъ образомъ облегчить его положеніе... „По этой-то, вѣроятно, причинѣ благомыслящіе аристократы, сладкорѣчивые буржуа и даже иные практичные экономисты, послѣ тщетныхъ усилій задавить въ зародышѣ систему кооперативнаго труда, вдругъ принялись осыпать ее такими слащавыми комплиментами".

Чтобы освободить рабочія массы, кооперативный трудъ долженъ развиться до размѣровъ національнаго производства, а, слѣдовательно, вестись государственными средствами. Пока государственная власть находится въ рукахъ имущихъ классовъ, они будутъ пользоваться ею лишь для увѣковѣченія своей монополіи.

„Завоеваніе политическаго могущества составляетъ поэтому великій долгъ рабочаго класса".

И рабочіе, повидимому, это поняли: въ Англіи, Германіи, Италіи и Франціи начинается одновременное возрожденіе рабочаго движенія.

„Одинъ изъ элементовъ успѣха у рабочихъ имѣется— это ихъ многочисленность. Но тяжело ложатся на вѣсы исторіи лишь числа, объединенныя въ союзъ и направляемыя къ сознательной цѣли... Опытъ показалъ, что въ борьбѣ за освобожденіе, отсутствіе братскаго союза между рабочими различныхъ странъ наказывается всеобщей неудачей ихъ несогласованныхъ усилій. Эти соображенія побудили рабочихъ различныхъ странъ, собравшихся на открытый митингъ въ С. Мартенсъ-Галлѣ, основать Международное Общество Рабочихъ“.

Манифестъ новаго общества оканчивается подобно своему предшественнику, Коммунистическому Манифесту 1847 г., призывомъ пролетаріевъ всѣхъ странъ къ соединенію.

Прочтя повнимательнѣе этотъ документъ, правовѣрные последователи Прудона легко могли бы замѣтить въ выводахъ автора ненавистный коммунизмъ, но повидимому они не обратили на нихъ вниманія.

Кружокъ Толена превращается въ парижскую секцію Интернаціонала и избираетъ бюро, состоящее изъ кассира, архиваріуса и нѣсколькихъ корреспондентовъ для сношеній, пока еще съ однимъ Лондономъ, а впослѣдствіи съ имѣющими образоваться другими секціями.

Вскорѣ начинаются индивидуальныя присоединенія къ этой маленькой группѣ.

Въ комнатку на улицѣ Гравилье, гдѣ помѣстилось бюро секціи, приходятъ записываться нѣкоторые бывшіе члены республиканскихъ ассоціацій 1848 года, распущенныхъ реакціей. Приходятъ и люди, чуждые рабочему міру, какъ Фрибуръ или студенты Лонге, Эмиль Ришаръ, даже доктора и публицисты.

Нѣсколько лицъ съ громкимъ именемъ, съ положеніемъ, какъ историкъ Генри Мартенъ, душеприказчикъ Прудона Густавъ Шоде, вице-президентъ учредительнаго собранія 48 г. Корбонъ, выражаютъ свое сочувствіе и готовность содѣйствовать, быстро исчезнувшую, впрочемъ, какъ только новое общество начало пріобрѣтать значеніе. Лишь съ бланкистами отношенія не налаживаются. Нѣкто Лефоръ, судившійся уже разъ за участіе въ тайномъ обществѣ, доводитъ до свѣдѣнія бюро, что могъ бы сразу присоединить къ нимъ до 10,000 рабочихъ. Бюро отмалчивается. Лефоръ сносится

съ Лондономъ, и отъ Генеральнаго Совѣта получается письмо, назначающее его корреспондентомъ Интернаціонала во французской прессѣ. Онъ могъ бы, такимъ образомъ, сразу придать дѣлу ту или иную окраску передъ публикой. Члены бюро заявили Лефору, что ихъ цѣли различны, что они не стремятся къ республиканской манифестаціи, о которой мечтаетъ онъ. Они хотятъ основать ассоціацію, ведущую путемъ изслѣдованія и пропаганды къ постепенному освобожденію труда, а на этой почвѣ его извѣстность можетъ быть лишь опасна, не принося никакой пользы дѣлу. Лефоръ настаивалъ. Тогда Толенъ и Фрибуръ отправились въ Лондонъ, добились отмѣны рѣшенія и пріобрѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣятельныхъ враговъ въ лицѣ бланкистовъ. Съ этихъ поръ начинаютъ ходить долго преслѣдовавшіе парижскій Интернаціоналъ смутные слухи о его мнимыхъ связяхъ съ императорскимъ правительствомъ.

Несмотря на нѣкоторый видимый успѣхъ, секція чувствовала себя изолированной среди рабочихъ массъ Парижа. Въ основанныхъ, при содѣйствіи кредитныхъ учрежденій, ассоціаціяхъ, въ синдикальныхъ камерахъ, въ различныхъ ремесленныхъ корпораціяхъ, появившихся вслѣдъ за отмѣной въ 1864 году закона о коалиціяхъ, она почти не имѣла связей. Чтобы помочь горю, была придумана слѣдующая мѣра [1]. Члены бюро составили списокъ наиболѣе вліятельныхъ рабочихъ Парижа въ различныхъ отросляхъ промышленности, и написали каждому изъ нихъ отдѣльное приглашеніе—явиться въ назначенный часъ, по такому-то адресу. Болѣе 100 человѣкъ откликнулось на призывъ.

Имъ поспѣшили объяснить, что отвѣтственность за незаконное собраніе (собранія свыше 20 человѣкъ были запрещены) падетъ только на приглашавшихъ, и затѣмъ, изложивъ цѣль международнаго общества, просили собравшихся употребить все свое вліяніе въ различныхъ группахъ парижскихъ рабочихъ, чтобы добиться отъ нихъ выбора делегатовъ, которые, присоединившись къ бюро Интернаціонала, помогли бы ему въ его дѣятельности. Въ отвѣтъ на это, одинъ изъ приглашенныхъ, Гелигонъ, прямо заявилъ, что новое общество должно прежде оправдаться отъ обвиненія

[1]) Фрибуръ, L'Internationale ст. 31—33.

въ бонапартизмѣ, что объ немъ въ Парижѣ ходятъ недобрые слухи.

Толенъ, наиболѣе подозрѣваемый, отвѣтилъ Гелигону, что имѣлъ сношенія съ принцемъ Наполеономъ въ качествѣ секретаря выставочной комиссіи и болѣе — никакихъ; что Интернаціоналъ стремится вербовать своихъ членовъ, по преимуществу, въ средѣ республиканцевъ, но, какъ цѣлое, онъ намѣренъ воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ политику. Это—общество изученія, изслѣдованія, а не новый карбонаризмъ, и во всякомъ случаѣ, имъ, вліятельнымъ рабочимъ, слѣдуетъ вмѣшаться въ дѣло, чтобы изобличить членовъ общества, если они обманщики, или присоединиться къ нимъ, если они искренніе дѣятели.

Собраніе разошлось, обѣщавъ подумать и посовѣтоваться.

Выборы не состоялись, но результатомъ попытки было присоединеніе къ обществу нѣсколькихъ цѣнныхъ дѣятелей и въ томъ числѣ Варлена, ставшаго впослѣдствіи душой французскаго Интернаціонала. Присоединился также и Гелигонъ, очевидно удовлетворившійся объясненіемъ. Вообще, съ этихъ поръ положеніе новаго общества становится прочнѣе, оно пріобрѣтаетъ нѣкоторымъ образомъ права гражданства среди рабочихъ группъ Парижа, хотя и не проявляетъ пока большой притягательной силы. Къ сентябрю 65-го года парижская секція насчитывала до 500 членовъ.

Настало время предполагавшагося конгресса, но силы Интернаціонала были еще слишкомъ незначительны. Въ Лондонѣ итальянскіе эмигранты отстали по совѣту Мадзини. Послѣ исторіи съ Лефоромъ изъ Генеральнаго Совѣта вышелъ Лелюбе и отшатнулись бланкисты, хотя и продолжала существовать французская секція съ бланкистской окраской. Внѣ Лондона и Парижа имѣлось къ этому времени только двѣ секціи: въ Женевѣ, основанная старымъ нѣмецкимъ коммунистомъ Іоганомъ-Филиппомъ Беккеромъ, и другая въ Юрскихъ горахъ,—докторомъ Куллери. Рѣшено было вмѣсто конгресса созвать конференцію въ Лондонѣ. На этой конференціи присутствовали Толенъ, Фрибуръ, Лимузенъ и Варленъ отъ Парижа, Цезарь Депапъ отъ Брюсселя, Беккеръ и Дюпле отъ Женевы, Везинье и Лелюбе отъ лондонской бланкистской секціи и затѣмъ представители Генеральнаго Совѣта: Оджеръ — президентъ, Кремеръ — Генеральный Секретарь,

Марксъ—секретарь для Германіи, Дюпонъ—для Франціи и Юнгъ—для Швейцаріи.

По первому же вопросу, поднявшемуся при чтеніи устава, именно по вопросу о томъ, кого считать рабочимъ,—парижане стали въ противорѣчіе со всѣми остальными членами конференціи. Они предлагали закрыть доступъ въ общество такъ называемымъ работникамъ мысли, опасаясь, что тѣ увлекутъ Интернаціоналъ на путь политики. Слѣдуя Прудону, они желали также исключить женщинъ, которыхъ природа, по ихъ мнѣнію, создала кормилицами и хозяйками, а не общественными дѣятелями; но и въ этомъ случаѣ они ни въ комъ не встрѣтили поддержки. Послѣ дебатовъ было рѣшено предоставить каждой секціи понимать слово *рабочій* настолько широко или узко, какъ она пожелаетъ. Французы, для себя, рѣшили принимать впередъ исключительно работниковъ мускульнаго труда.

Второй, вызвавшій пренія, вопросъ былъ о Польшѣ. Французы желали исключить его изъ программы будущаго конгресса. Но большинство было противъ исключенія, а бланкисты заявили даже, намекая на парижанъ, что лишь бонапартисты могутъ возражать противъ обсужденія на конгрессѣ вопроса о возстановленіи Польши, чѣмъ и вызвали бурный протестъ со стороны оскорбленныхъ.

По окончаніи конференціи былъ данъ вечеръ съ чаемъ и танцами. Пока Варленъ и Лимузенъ, разсказываетъ Фрибуръ, [1]) танцовали съ дочерьми Маркса, послѣдній пытался выяснить Толену и Фрибуру ложность прудонистской постановки рабочаго вопроса. Объясненія, по словамъ Фрибура, вовсе не убѣдили ихъ, а лишь заставили увидѣть разницу взглядовъ и опасность, угрожающую прудонизму со стороны Маркса.

Въ теченіе слѣдующаго года во Франціи были основаны новыя секціи въ Ліонѣ, Руанѣ и Марселѣ.

Въ Парижѣ число членовъ почти не увеличивалось. Бюро собиралось по четвергамъ, перечитывало Прудона и приготовляло для конгресса свой мемуаръ въ отвѣтъ на вопросы, предложенные конференціей. Оно продолжало также подчеркивать свою политическую нейтральность, свои мирныя на-

---

[1]) Ст. 46.

клонности. Когда поднялась было агитація въ пользу стачекъ, прудонисты ей противодѣйствовали. Варленъ и другіе новые люди пока еще стушевывались передъ группой Толена.

Въ Англіи Генеральный Совѣтъ старался сблизиться съ ремесленными союзами. Правила этихъ обществъ запрещали членамъ обсуждать политическіе вопросы на своихъ собраніяхъ. Внѣ собраній организаціи они могли, конечно, заниматься чѣмъ угодно и вступать, какъ частные лица, въ какіе угодно политическіе союзы, но въ общемъ они были равнодушны къ политикѣ. Въ Англіи шла въ это время агитація за избирательную реформу. Интернаціоналъ принялъ въ ней дѣятельное участіе. Многіе изъ членовъ Генеральнаго Совѣта вступили въ лигу реформы и говорили на ея митингахъ. Они употребляли всѣ усилія, чтобы втянуть ремесленные союзы въ это движеніе и успѣли до нѣкоторой степени. На одномъ многочисленномъ собраніи, гдѣ большинство состояло изъ членовъ этихъ союзовъ, и предсѣдателемъ былъ выбранъ Оджеръ, приняли резолюцію, признающую неотложную необходимость всеобщаго избирательнаго права, какъ первой ступени для пріобрѣтенія рабочимъ классомъ политическаго могущества.

Генеральному Совѣту удалось также помѣшать привозу иностранныхъ рабочихъ во время большой стачки лондонскихъ портныхъ, что произвело на ремесленные союзы очень хорошее впечатлѣніе. Конференція делегатовъ этихъ союзовъ вотировала обращеніе къ рабочимъ обществамъ съ совѣтомъ присоединяться къ Интернаціоналу. Но ни одного полнаго присоединенія не послѣдовало. Нѣкоторыя общества вступили лишь въ необязательныя отношенія. Были также личныя присоединенія къ Интернаціоналу членовъ ремесленныхъ союзовъ.

Въ Швейцаріи за этотъ годъ было основано много маленькихъ секцій, благодаря, главнымъ образомъ, пропагандѣ Куллери, а женевская секція раздѣлилась на двѣ—французскую и нѣмецкую, и послѣдняя начала издавать первый органъ Интернаціонала, „Vorbot“, подъ редакціей Беккера.

ГЛАВА III.

3-го сентября 1866 года состоялся въ Женевѣ первый Конгрессъ Международнаго Общества, на который собралось 60 представителей отъ двадцати пяти его секцій и тринадцати постороннихъ рабочихъ обществъ. Особенно широко была представлена Франція (14 делегатовъ отъ 4-хъ секцій) и французская Швейцарія. Нѣмецкая делегація состояла изъ 6 человѣкъ, Генеральный Совѣтъ прислалъ пятерыхъ. Проектъ устава принятъ конгрессомъ единогласно, только французы снова подняли было вопросъ объ исключеніи представителей умственнаго труда, но встрѣтили единодушный отпоръ со стороны всѣхъ остальныхъ делегатовъ.

Кромѣ устава, конгрессу предстояло высказаться по цѣлому ряду вопросовъ, интересующихъ рабочій классъ. Эти вопросы проедлагались какъ секціями, черезъ посредство Генеральнаго Совѣта, такъ и самимъ Совѣтомъ, и заранѣе разсылались секретарями для предварительнаго обсужденія на собраніяхъ секцій. На этотъ разъ они были составлены еще годъ тому назадъ лондонской конференціей. Генеральный Совѣтъ высказался по главнѣйшимъ изъ предложенныхъ вопросовъ въ краткой письменной „инструкціи" своимъ делегатамъ. Парижане явились со своимъ мемуаромъ, разросшимся ко времени конгресса въ объемистое сочиненіе, обнимавшее почти всю программу прудонистовъ. Нѣмцы тоже приготовили свою записку, но ознакомившись съ инструкціей Генеральнаго Совѣта, рѣшили не читать ее на конгрессѣ и цѣликомъ присоединиться къ лондонской делегаціи. Мы познакомимъ читателей, какъ съ этой инструкціей, намѣчающей взгляды Генеральнаго Совѣта на задачи Международнаго Общества, такъ и съ главнѣйшими чертами парижскаго мемуара, характеризующими первоначальную программу прудонистовъ, съ различными видоизмѣненіями которой мы будемъ встрѣчаться во все время существованія Международнаго Общества.

По первому вопросу, о международной помощи рабочимъ отдѣльныхъ странъ въ борьбѣ между трудомъ и капиталомъ, Генеральный Совѣтъ говоритъ въ своей инструкціи, что, съ общей точки зрѣнія, вся дѣятельность Интернаціонала должна заключаться въ объединеніи, въ обобщеніи разрозненныхъ усилій рабочаго класса, борющагося за свои интересы. Задача общества—создать такую связь, при которой рабочіе различныхъ странъ будутъ не только чувствовать себя товарищами въ борьбѣ, но и дѣйствовать какъ члены одной освободительной арміи. Въ примѣръ проявленія такой активной солидарности ставится международная помощь при стачкахъ, препятствіе патронамъ замѣнять непокорныхъ мѣстныхъ рабочихъ заграничными и проч Чрезвычайно важной международной задачей признается затѣмъ статистическое изслѣдованіе положенія рабочаго класса всѣхъ странъ, предпринятое по собственной иниціативѣ рабочихъ. Выполненіемъ такой задачи рабочій классъ доказалъ бы, что онъ способенъ взять свою судьбу въ собственныя руки. Всѣ секціи должны заняться рабочей статистикой, и посылать собранныя свѣдѣнія Генеральному Совѣту для обработки въ одно цѣлое.

По второму вопросу, объ отношеніи труда къ капиталу и о ремесленныхъ союзахъ, инструкція говоритъ, что „капиталъ есть концентрированная общественная сила, рабочій же располагаетъ только своей личной рабочей силой. По этому контрактъ между капиталистомъ и рабочимъ не можетъ быть установленъ на справедливыхъ основаніяхъ Единственной общественной силой рабочихъ является ихъ число. Но эта сила уничтожается разъединеніемъ рабочихъ вытекающимъ изъ-ихъ взаимной конкурренціи. Ремесленные союзы выросли совершенно естественно изъ первыхъ же попытокъ рабочихъ устранить, или по крайней мѣрѣ уменьшить конкурренцію въ своей собственной средѣ, мѣшающую сопротивляться деспотизму капитала. Рабочіе стремились посредствомъ союза видоизмѣнить въ свою пользу условія контракта. Непосредственная дѣятельность ремесленныхъ союзовъ, въ борьбѣ труда съ капиталомъ, ограничивалась до сихъ поръ потребностями текущаго времени, вопросами о заработной платѣ, о продолжительности рабочаго дня и проч. Такая дѣятельность не только законна—она

обязательна и, пока существуетъ современная система, отъ нея невозможно отказаться. Ее необходимо, наоборотъ, расширитъ и усилить объединеніемъ ремесленныхъ союзовъ всѣхъ странъ. Но еще важнѣе другая сторона дѣла: сами того не сознавая, ремесленные союзы создали центры организаціи рабочаго класса, такъ же точно, какъ средневѣковыя коммуны и муниципалитеты создали такіе же центры для буржуазіи. Необходимые въ партизанской борьбѣ труда противъ капитала, ремесленные союзы имѣютъ еще большее значеніе въ качествѣ могущественныхъ орудій уничтоженія самой системы наемнаго труда и диктатуры капитала. Кромѣ своей непосредственной задачи — противодѣйствія капиталу, они должны теперь сознательно взять на себя роль очаговъ организаціи рабочаго класса, въ виду великой цѣли его полнаго освобожденія. Они должны содѣйствовать всякому соціальному и политическому движенію въ этомъ направленіи, должны явиться представителями всего рабочаго класса, охватить его цѣликомъ и обратить особенное вниманіе на привлеченіе рабочихъ всего хуже оплачиваемыхъ отраслей промышленности.

Переходя къ вопросу объ ассоціаціяхъ и коопераціяхъ, инструкція Генеральнаго Совѣта напоминаетъ своимъ делегатамъ, что Международное Общество не должно ни въ какомъ случаѣ навязывать рабочему движенію ту или другую доктринерскую систему. Его задача лишь въ томъ, чтобы расширять и связывать въ одно цѣлое всѣ отдѣльныя освободительныя движенія, самостоятельно возникающія въ рабочей средѣ. Конгрессъ не долженъ бы, поэтому, вотировать за какую нибудь спеціальную систему коопераціи, но ограничиться заявленіемъ нѣкоторыхъ общихъ основныхъ положеній. „Значеніе ассоціацій заключается въ фактическомъ доказательствѣ возможности иныхъ формъ производства кромѣ современныхъ... И въ этомъ смыслѣ, производительныя ассоціаціи заслуживаютъ большаго вниманія, нежели потребительныя. Послѣднія скользятъ лишь по поверхности экономическаго строя, тогда какъ первыя захватываютъ его основанія. Но не отъ ассоціацій, какихъ бы то ни было, можно ожидать устраненія капиталистическаго строя. Для этого необходимы широкія, коренныя измѣненія, распространяющіяся на цѣлое общество. Такія измѣ-

ненія возможны лишь черезъ посредство организованной общественной силы—государственной власти, которая изъ рукъ капиталистовъ и земледѣльцевъ должна предварительно перейти въ руки рабочаго класса".

Совсѣмъ въ другую область идей переносятъ насъ авторы парижскаго мемуара. Для осуществленія ихъ идеала не нужно государственной власти, не требуется мѣръ, измѣняющихъ условія производства и распредѣленія въ цѣломъ обществѣ. Ихъ новый общественный строй можетъ быть созданъ, въ небольшихъ размѣрахъ, усиліями убѣжденныхъ личностей, внутри существующаго общества, чтобы, расширяясь силою примѣра и убѣжденія, постепенно замѣнить его собою. Для нихъ, поэтому, нужно не объединеніе разнородныхъ попытокъ пролетаріата, не организація борящейся освободительной арміи, а пріобрѣтеніе убѣжденныхъ сторонниковъ своей системѣ исправленія существующаго зла. Въ этомъ они сходятся со всѣми предшествовавшими Марксу соціалистическими системами.

Къ стачкамъ прудонисты относятся отрицательно. Онѣ составляютъ, въ ихъ глазахъ, такое же вредное для обѣихъ сторонъ проявленіе борьбы между трудомъ и капиталомъ, какъ и пріостановки работъ самими хозяевами. Капиталъ так же необходимъ для производства, какъ и трудъ. Причина борьбы между ними лежитъ въ ихъ современныхъ отношеніяхъ, которыя слѣдуетъ измѣнить посредствомъ организаціи обмѣна на началахъ взаимности. Въ достиженіи этой цѣли и заключается, по мнѣнію прудонистовъ, задача Международнаго Общества. Въ настоящее время всѣ продукты обмѣниваются на деньги, которыя въ свою очередь превращаются въ продукты. Это посредничество не нужно. „Пусть употребляютъ деньги тѣ, кому угодно платить проценты, лишь бы и намъ дозволено было обмѣниваться удобнымъ для насъ способомъ. Для этого мы не требуемъ ни покровительства, ни вспомоществованія. Мы не хотимъ никому ничего навязывать, но требуемъ, чтобы и намъ ничего не навязывали" [1]).

Обмѣнъ на началахъ взаимности можетъ осуществиться

---

[1]) По вопросу о значеніи денегъ въ обмѣнѣ см. „Нищету философіи" Маркса, русскій переводъ которой составляетъ пятый выпускъ Библіотеки Современнаго Соціализма.

посредствомъ кооперацiи, которую авторы мемуара противо поставляютъ ассоцiацiи, стремящейся сливать индивидуальные интересы и создавать абсолютное равенство. При кооперацiи индивидуумы остаются вполнѣ самостоятельными, независимыми въ своемъ производствѣ и потребленiи, личностями. Они связаны другъ съ другомъ лишь рядомъ свободно заключенныхъ контрактовъ, въ виду отдѣльныхъ, опредѣленныхъ цѣлей. Этими контрактами самостоятельные производители гарантируютъ другъ другу доставленiе опредѣленнаго количества продуктовъ, услугъ, обязательствъ въ обмѣнъ за равноцѣнное количество другихъ продуктовъ и проч. Здѣсь сумма услугъ, свободы, благосостоянiя тѣмъ значительнѣе, чѣмъ большее число лицъ участвуетъ въ контрактѣ. Ассоцiацiя, наоборотъ, распространяясь, привела бы къ полному поглощенiю индивидуума, къ государственному коммунизму. Несмотря на осужденiе ассоцiацiи за ея коммунистическую тенденцiю, прудонисты знали, конечно, что существуютъ такiя отрасли, гдѣ индивидуальное (т. е. ремесленное) производство уже немыслимо, и гдѣ приходится выбирать между наемнымъ и ассоцiацiоннымъ трудомъ. Они видѣли, что въ такихъ отрасляхъ для производства необходимъ капиталъ: для пролетарiевъ, желающихъ составить ассоцiацiю, надо прiобрѣсти этотъ капиталъ въ кредитъ, и кредитъ, по мнѣнiю прудонистовъ, долженъ быть даровымъ: иначе будетъ нарушено равновѣсiе обмѣновъ на началѣ взаимности. Кредитъ является для прудонистовъ краеугольнымъ камнемъ ихъ системы.

По предложенiю французской делегацiи, конгрессъ вотировалъ резолюцiю, рекомендующую всѣмъ секцiямъ,—во 1-хъ, заняться изученiемъ вопроса о кредитѣ и посылать свои работы Генеральному Совѣту для напечатанiя;—во 2-хъ, заботиться о томъ, чтобы соединить всѣ существующiя рабочiя кредитныя учрежденiя въ одинъ банкъ Международнаго Общества.

Противники прудонистской постановки рабочаго вопроса не пытались доказывать на конгрессѣ ея теоретическую несостоятельность. Лондонская и нѣмецкая делегацiи сосредоточили всю энергiю на отстаиванiи рѣшенiй, опредѣлявшихъ ближайшую практическую дѣятельность Интернацiонала въ борьбѣ рабочихъ массъ за свои непосредственные интересы.

Самыя жаркія пренія, самую горячую оппозицію французскаго большинства вызвалъ вопросъ объ ограниченіи часовъ труда.

Делегаты Генеральнаго Совѣта предложили слѣдующее рѣшеніе:

„Конгрессъ объявляетъ ограниченіе рабочаго дня необходимымъ предварительнымъ условіемъ, безъ котораго невозможны дальнѣйшіе шаги по пути освобожденія рабочаго класса. Онъ предлагаетъ рабочимъ требовать законодательнаго ограниченія рабочаго дня восемью часами“.

Большинство французскихъ делегатовъ возстало противъ подобной регламентаціи. По ихъ мнѣнію, принципъ свободы контрактовъ запрещаетъ Интернаціоналу вмѣшиваться въ частныя отношенія между хозяевами и рабочими. Государству также не должно быть никакого дѣла до такихъ вопросовъ. Количество часовъ труда зависитъ отъ условій производства, а эти условія различны въ каждой странѣ. Вмѣсто ограниченія часовъ труда французскіе делегаты предлагаютъ „утвердить эквивалентность (равноцѣнность) функцій (т. е. труда различныхъ отраслей) посредствомъ установленія минимума заработной платы (иначе сказать, равенства рабочей платы во всѣхъ отрасляхъ)“.

Лондонскіе делегаты, Оджеръ въ особенности, горячо защищаютъ свое предложеніе. Восьмичасовой рабочій день долженъ стать общимъ всемірнымъ лозунгомъ. Установить минимумъ заработной платы очень трудно, добиться же восьмичасового дня вполнѣ возможно. Въ Соединенныхъ Штатахъ этимъ вопросомъ уже занято законодательство; тамъ всѣ рабочія общества требуютъ его разрѣшенія и просятъ содѣйствія европейцевъ. Въ Англіи тоже идетъ агитація за 8-мичасовой день. Международное Общество должно всецѣло присоединиться къ этому движенію.

На большихъ фабрикахъ, возражалъ Куллери, гигіена дѣйствительно требуетъ уменьшенія часовъ труда, но швейцарская мануфактура, часовая, напримѣръ, находится въ такихъ условіяхъ, что здѣсь, безъ всякаго вреда, можно работать больше 10 часовъ. Многіе представители французской Швейцаріи присоединяются къ заявленію Куллери.

Оджеръ снова беретъ слово. Прежде, говоритъ онъ, въ Англіи, даже дѣти работали по 15-18 часовъ и только законъ

уничтожилъ такую жестокость. При 8-мичасовомъ днѣ рабочій будетъ имѣть время развивать свой умъ. Наконецъ американцы, почти добившіеся 8-ми часовъ, жалуются на европейскую конкурренцію и не могутъ быть солидарны съ нами, если мы не пожелаемъ ограничить своего рабочаго времени. Англичане присоединятся въ данномъ случаѣ къ американцамъ.

Нѣмцы поддерживаютъ лондонскую резолюцію во имя народнаго образованія, невозможнаго при продолжительномъ трудѣ.

Въ концѣ концовъ большинство уступаетъ и конгрессъ принимаетъ какъ рѣшеніе, предложенное Генеральнымъ Совѣтомъ, такъ и французскую прибавку объ „эквивалентности функцій".

Тотъ же практическій способъ аргументаціи, какъ и по вопросу о 8-мичасовомъ трудѣ, употребляютъ лондонскіе делегаты и по вопросу о стачкахъ. При сговорѣ рабочихъ всѣхъ странъ для противодѣйствія патронамъ, говорятъ они, можно будетъ устраивать громадныя, непобѣдимыя стачки, и для достиженія такой цѣли англійскіе ремесленные союзы не остановятся ни передъ какими пожертвованіями, въ противномъ же случаѣ, при отрицательномъ отношеніи Интернаціонала къ стачкамъ, ихъ присоединеніе весьма сомнительно.

Въ своемъ рѣшеніи конгрессъ постарался удовлетворить обѣ стороны: „При современномъ состояніи промышленности", говоритъ принятое имъ рѣшеніе, „рабочіе различныхъ странъ должны поддерживать другъ друга въ защитѣ заработной платы, но конгрессъ считаетъ долгомъ заявить въ то же время, что Международное Общество рабочихъ имѣетъ болѣе возвышенную цѣль: уничтоженіе наемнаго труда. Онъ рекомендуетъ изученіе экономическихъ средствъ, основанныхъ на справедливости и взаимности". Хотя редакція послѣдней фразы несомнѣнно прудонистская, но суть дѣла—международная помощь при стачкахъ—была выиграна сторонниками Генеральнаго Совѣта.

Предложеніе этого послѣдняго относительно рабочей статистики принято было безъ преній. Прудонисты тоже придавали ей большое значеніе.

По вопросу о работѣ женщинъ и дѣтей, поставленному

въ связи съ вопросомъ о воспитаніи, мнѣнія самой французской делегаціи, единодушной по всѣмъ другимъ вопросамъ, раздѣлились.

Большинство (Толенъ, Фрибуръ, Шемале, Мюра и другіе) не считали образованіе дѣтей дѣломъ государства. Оно не должно быть ни даровымъ, ни обязательнымъ. „Государственное преподаваніе, говорится въ мемуарѣ Толена, логически требуетъ однородной программы, вылѣпляющей умы по одному типу, а это ведетъ къ безжизненности и общей атрофіи. Только семейное воспитаніе образуетъ человѣка“. Слѣдуетъ восторженный панегирикъ семьѣ, „безъ которой человѣчество погибнетъ вслѣдствіе отсутствія идеала“.

Что же касается до женщинъ, то все ихъ время до 40-45 лѣтъ поглощено рожденіемъ дѣтей (черезъ 2 года по ребенку, счетомъ 4-хъ) и ихъ воспитаніемъ (дѣвочекъ до замужества мальчиковъ до 16 лѣтъ). Незамужняя женщина есть ненормальное явленіе, котораго нѣтъ нужды принимать во вниманіе. Изъ этого выводится полное отрицаніе всякой работы, всякой дѣятельности женщинъ внѣ дома. Самая „преданность общественному дѣлу, увлеченіе интересами коллективности, являющееся добродѣтелью въ мужчинѣ, представляетъ въ женщинѣ лишь ненормальное уклоненіе отъ ея истиннаго призванія“...

Меньшинство французской делегаціи требуетъ общественнаго, дарового и обязательнаго образованія. Варленъ и Бурдонъ утверждаютъ также, что нужно не осуждать женскій трудъ, а улучшить его условія. Цѣлая масса женщинъ вынуждена искать заработка, если желаетъ оставаться честной.

Куллери завѣряетъ собраніе, что честной женщинѣ не понадобится искать работы,—она всегда найдетъ себѣ мужа.

По вопросу объ образованіи конгрессъ принимаетъ рѣшеніе Генеральнаго Совѣта, требующее дарового и обязательнаго, какъ умственнаго, такъ и профессіональнаго, образованія, соединеннаго съ производительнымъ трудомъ: для дѣтей отъ 9 до 12 лѣтъ по 2 часа, отъ 12 до 16—по 4. Въ мотивировкѣ этого рѣшенія Генеральный Совѣтъ говоритъ, что достигнуть образованія подростающаго рабочаго поколѣнія возможно не иначе, какъ сдѣлавъ его обязательнымъ путемъ закона, изданнаго государственной властью. Доби-

ваясь подобныхъ законовъ, рабочій классъ нисколько не усиливаетъ этимъ государственной власти. Онъ заставляетъ, наоборотъ, служить себѣ ту силу, которая теперь всегда направлена противъ него. Однимъ общимъ актомъ онъ достигаетъ того, чего не могли бы достигнуть никакія разрозненныя, индивидуальныя усилія.

Въ этомъ вопросѣ швейцарцы, знакомые на практикѣ съ даровымъ и обязательнымъ образованіемъ, отдѣлились отъ прудонистовъ. Зато относительно женщинъ мнѣніе французскаго большинства одержало верхъ, при дружной поддержкѣ Куллери и его послѣдователей.

Затѣмъ конгрессъ единодушно вотировалъ за уничтоженіе постоянныхъ армій и всеобщее народное вооруженіе, и почти безъ преній отказался отъ всякаго рѣшенія по вопросу „о вліяніи религіозныхъ идей“.

Послѣднимъ обсуждался вопросъ о возстановленіи Польши и уничтоженіи вліянія русскаго деспотизма въ Европѣ. По мнѣнію Генеральнаго Совѣта, Россія является послѣднимъ оплотомъ аристократіи и буржуазіи противъ роста рабочаго класса. Онъ предлагаетъ резолюцію, требующую возстановленія независимой Польши.

Французы были противъ какого бы то ни было рѣшенія по этому вопросу. Англичане и нѣмцы высказывались за проектъ Генеральнаго Совѣта. Всѣ согласились, наконецъ, принять слѣдующее рѣшеніе: „конгрессъ осуждаетъ деспотизмъ во всѣхъ странахъ и желаетъ его уничтоженія, какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ“.

Какъ сторонники постановки Генеральнаго Совѣта, такъ и французскіе прудонисты могли быть довольны результатами конгресса. Первымъ удалось отстоять тѣ рѣшенія, которымъ они придавали наибольшее значеніе. Отнесись конгрессъ отрицательно къ международной помощи при стачкахъ и къ агитаціи за ограниченіе рабочаго времени, Интернаціоналу пришлось бы отказаться отъ намѣченной имъ цѣли,—объединенія разрозненныхъ движеній, самостоятельно возникающихъ въ средѣ пролетаріата. Его секціямъ предстояло бы оставаться кружками самообразованія, какими они были въ большинствѣ случаевъ во время женевскаго конгресса, и отложить на неопредѣленный срокъ всякую надежду привлечь ремесленные союзы, придающіе главное значеніе

непосредственной борьбѣ съ предпринимателями. Опасеніе оттолкнуть отъ Международнаго Общества богатые и сильные англійскіе ремесленные союзы и повліяло главнымъ образомъ на уступчивость французовъ.

Съ другой стороны, несмотря на вынужденныя у нихъ уступки, могли быть довольны и прудонисты. Ихъ мемуаръ встрѣтилъ видимое сочувствіе большинства. Они заставили также конгрессъ принять самыя важныя для нихъ рѣшенія по вопросамъ о кредитѣ, объ уничтоженіи наемнаго труда „экономическими мѣрами, основанными на взаимности и справедливости“ и объ „эквивалентности функцій“. При этомъ ни въ одномъ рѣшеніи не было ничего, прямо говорящаго въ пользу неодобряемаго ими коммунизма.

„Это—формальное отрицаніе коммунизма и защита правъ индивидуума“, говоритъ о конгрессѣ парижская газета Liberté. Отбросивъ старыя утопіи, соціализмъ является теперь мютюелизмомъ“ [1]). Полученное такимъ образомъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи приложено къ отчету о конгрессѣ, изданному французской женевской секціей.

Женевскій конгрессъ положилъ, такимъ образомъ, формальное основаніе Международному Обществу Рабочихъ. Выработанный Марксомъ и принятый на конгрессѣ Уставъ Общества придавалъ ему широкій, чуждый всякаго доктринерства, революціонный въ самомъ глубокомъ смыслѣ слова, характеръ. Этому характеру вполнѣ соотвѣтствовали рѣшенія, принятыя конгрессомъ по поводу различныхъ практическихъ вопросовъ. Но мы видимъ также, что теоретическія основы движенія понимались большинствомъ представителей не ясно и часто противорѣчиво. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что главное вліяніе принадлежало на женевскомъ конгрессѣ прудонистамъ. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ читателямъ, какъ вліяла сама жизнь на уясненіе теоретической стороны дѣла.

---

[1]) Мютюелистами (сторонниками взаимности) называли себя въ это время прудонисты оттѣнка Толена.

ГЛАВА IV.

Судя по числу представленныхъ на женевскомъ конгрессѣ секцій (15), можно бы подумать, что Интернаціоналъ пріобрѣлъ уже тогда значительныя силы въ Швейцаріи, но такое заключеніе было бы ошибочно. Это были крошечныя секціи въ маленькихъ городкахъ, и всѣ онѣ, за исключеніемъ женевской, находились подъ полнѣйшимъ вліяніемъ доктора Куллери, усердно поддерживавшаго прудонистовъ на конгрессѣ. Онъ, впрочемъ, не былъ и прудонистомъ, и ни мало не заботился ни объ обмѣнѣ на началахъ взаимности, ни объ „эквивалентности функцій". По опредѣленію его органа, „Voix de l'Avenir" [1]), „соціальное движеніе исходитъ изъ принциповъ христіанства и философіи", а ведетъ оно „къ царству справедливости на землѣ, подобному небесному царству". Средства для достиженія этой „великой цѣли" заключаются въ воспитаніи, трудѣ, бережливости, нравственности, добродѣтели и въ ассоціаціи во всѣхъ ея нравственныхъ формахъ". Первое время Куллери былъ неутомимъ въ своей пропагандистской дѣятельности. Онъ ѣздилъ изъ одного городка въ другой, говорилъ трогательныя рѣчи на тему: Богъ, отечество, человѣчество, братство, нравственность, организуя секціи, гдѣ сходились люди различныхъ ремеслъ и говорили, по мѣрѣ силъ и умѣнья, на тѣ же темы. Ремесленные и другіе рабочіе союзы, довольно многочисленные въ Швейцаріи, до весны 1868 года не присоединялись къ Интернаціоналу.

Въ такомъ же зачаточномъ состояніи, въ видѣ небольшихъ кружковъ, почти не соприкасавшихся съ рабочей массой, продолжалъ оставаться и французскій Интернаціоналъ, руководимый прудонистами. Въ Парижѣ число сторонниковъ общества увеличивалось крайне медленно. Еженедѣльныя собранія членовъ бюро посвящались теперь, главнымъ образомъ, обсужденію плана устройства конторы для обмѣна продуктовъ по принципамъ взаимности. Прудонисты надѣя-

---

[1]) Voix de l'Avenir за май 1867 г. Цитированъ въ Met. de la Fed. Jurassienne.

лись, что такая контора докажетъ на практикѣ осуществимость и благодѣтельность ихъ теоріи. Но между составленіемъ плана и его осуществленіемъ лежала еще цѣлая пропасть. Не было ни малѣйшей надежды найти среди посторонней публики охотниковъ обмѣниваться своими продуктами по способу, рекомендуемому прудонистами. Сами же члены парижской секціи: бронзовщики, механики, переплетчики, красильщики и т. п., работая по найму не имѣли собственныхъ продуктовъ для обмѣна. Приходилось начинать дѣло очень издалека и бюро остановилось на слѣдующемъ проектѣ: брать еженедѣльно съ каждаго изъ членовъ секціи по 10 сантимовъ, на собранныя деньги доставить одной ремесленной группѣ орудія производства и поддерживать ее противъ конкурренціи капиталистовъ. Когда группа достаточно окрѣпнетъ, сдѣлать то же для другой, третьей и т. д., пока не образуется въ каждой отрасли производства по подобной группѣ. Тогда можно будетъ приступить, наконецъ, къ обмѣну продуктовъ этихъ группъ по ихъ истинной стоимости и безъ посредства денегъ. Но сантимные сборы съ нѣсколькихъ сотенъ членовъ отодвигали этотъ счастливый моментъ на долгіе и долгіе годы.

Подобные же планы занимаютъ и нѣкоторыя провинціальныя секціи. „Мы поняли, пишутъ интернаціоналисты Невиля въ своемъ докладѣ слѣдующему конгрессу, что насильственныя средства не ведутъ ни къ чему полезному и что нашей эпохѣ предназначено рѣшеніе мирныхъ задачъ“. А мирная задача состоитъ, по мнѣнію невильской секціи, въ томъ, чтобы составить капиталъ изъ равныхъ взносовъ всѣхъ членовъ и „противопоставить его привилегированному капиталу“. Но и въ провинціи всѣ эти мирныя задачи остаются лишь въ области проектовъ и пожеланій. „Всѣ наши усилія распространить въ рабочемъ классѣ Руана идеи мютюелизма остались тщетны, не было еще возможности основать ни одного кооперативнаго общества“, жалуется Обри, основатель Руанской секціи въ докладѣ конгрессу 1867 года.

Внѣ Интернаціонала существовало въ это время не мало различныхъ кооперативныхъ обществъ, и прудонисты пытались внушить имъ, что продукты должны обмѣниваться по ихъ истинной стоимости, состоящей сверхъ затратъ на сы-

рой матеріалъ, инструменты и т. п. лишь въ заработной платѣ, и что поэтому выручать при продажѣ продуктовъ что либо сверхъ этой платы было бы противорѣчіемъ, превращающимъ членовъ коопераціи въ простыхъ лавочниковъ. Но, ни мало не заботясь о противорѣчіяхъ, кооперативныя общества не только продавали свои продукты какъ можно дороже, но еще сильнѣе нарушали всѣ принципы, отсчитывая проценты на внесенный членами капиталъ, а если дѣла шли хорошо, то начинали даже требовать болѣе или менѣе значительныхъ взносовъ съ вновь поступающихъ членовъ.

Теорія „истинной стоимости“ не вызывала никакого стремленія къ матеріальнымъ пожертвованіямъ во имя ея даже у людей, относившихся къ ней весьма почтительно. Впрочемъ, полную, несомнѣнную, „истинную“ стоимость въ сущности еще нужно было найти, и даже путь къ ея открытію не былъ вполнѣ ясенъ для самихъ прудонистовъ.

Истинная стоимость продукта должна была состоять, по ихъ мнѣнію, изъ заработныхъ платъ всѣхъ рабочихъ, участвующихъ въ его производствѣ. Обыкновенная рыночная цѣна продуктовъ выше этой стоимости, ибо въ нее, кромѣ заработныхъ платъ, входитъ, по ученію прудонистовъ, еще процентъ на капиталъ (котораго они не отличали отъ предпринимательской прибыли). Но не вполнѣ совпала бы съ истинной стоимостью, а лишь приблизилась бы къ ней и цѣна продукта, самостоятельные производители котораго удовольствовались бы за свой трудъ платой, равной заработной платѣ наемныхъ рабочихъ въ соотвѣтствующихъ отрасляхъ производства данной мѣстности. Не совпала бы— потому, что сама существующая заработная плата не есть еще истинная справедливая заработная плата. Прудонисты Интернаціонала думали, что заработная плата должна быть равна для всѣхъ рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ производства, и это-то уравненіе заработныхъ платъ имѣли они въ виду, проводя на женевскомъ конгрессѣ свое рѣшеніе относительно „эквивалентности функцій“. Величину такой несуществующей, идеальной заработной платы можно бы узнать, предполагали прудонисты, посредствомъ выведенія средней заработной платы изъ всей суммы разнообразныхъ платъ, получаемыхъ всей рабочей массой. Но подобное вы-

численіе не сдѣлано и не можетъ еще быть сдѣлано, подробной статистики заработныхъ платъ не существуетъ, поэтому въ настоящій моментъ нѣтъ никакой возможности опредѣлить стоимость продукта съ полной точностью.

„Лишь знаніе средней заработной платы можетъ указать намъ стоимость продуктовъ и лишь при этомъ условіи наши обмѣны могутъ стать справедливыми“, говоритъ Обри въ цитированномъ уже докладѣ. Онъ умоляетъ членовъ интернаціонала избѣгать всякихъ отклоненій отъ пути, ведущаго къ установленію стоимости. Стачки, однако ему не кажутся такими уклоненіями, онъ ожидаетъ, наоборотъ, что онѣ помогутъ опредѣленію средней заработной платы. Подобной услуги стачки, конечно, оказать не могли, но несомнѣнно, что лишь вмѣшательство въ борьбу рабочихъ съ предпринимателями мѣшало въ это время французкому интернаціоналу застыть надъ своими псевдо-учеными, туманными теоріями и микроскопическими планами. Такія планы, такія теоріи могли занимать, да и то не надолго, отдѣльныя группы рабочихъ, но самая вѣсть о существованіи интернаціонала начала распространяться въ рабочихъ массахъ лишь благодаря стачкамъ.

Первое столкновеніе, въ которомъ международное общество оказало французскимъ рабочимъ существенную помощь, имѣло болѣе общій интересъ, чѣмъ обычныя неудовольствія изъ-за заработной платы, изъ-за тѣхъ или иныхъ порядковъ на фабрикѣ и т. п. Дѣло шло о попыткѣ хозяевъ помѣшать рабочимъ пользоваться закономъ 1864 г., разрѣшающимъ образованіе ремесленныхъ союзовъ. Одними изъ первыхъ воспользовались новымъ закономъ парижскіе бронзовщики и къ началу 1867 года ихъ союзъ насчитывалъ уже тысячи членовъ. Нѣкоторые предприниматели въ этой отрасли, обезпокоенные распространеніемъ въ Парижѣ вредной англійской заразы ремесленныхъ союзовъ, рѣшили положить ей предѣлъ и въ февралѣ 1867 года начали предлагать своимъ рабочимъ на выборъ: или выходить изъ союза, или оставлять мастерскія. Въ отвѣтъ на такія тенденціозныя изгнанія, ремесленный союзъ бронзовщиковъ постановилъ, что всѣ его члены должны тотчасъ же оставлять каждую мастерскую, изъ которыхъ хоть одинъ рабочій будетъ изгнанъ за

участіе въ союзѣ [1]). Въ то же время оскорбительный характеръ борьбы, затѣянной предпринимателями, подѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ и на тѣхъ изъ рабочихъ-бронзовщиковъ, которые прежде не присоединялись къ союзу. Они начали теперь цѣлыми массами приходить записываться въ его бюро. Предприниматели со своей стороны, на общемъ собраніи, обязались взаимно: закрыть свои мастерскія и не открывать ихъ, пока хоть одна останется подъ запрещеніемъ со стороны рабочихъ.

Такимъ образомъ, нѣсколько тысячъ бронзовщиковъ осталось безъ работы. Ихъ запасный капиталъ былъ истраченъ въ первые же дни. Ремесленные союзы другихъ профессій опустошили свои кассы на помощь бронзовщикамъ, но этого было мало.

Даже самому ярому прудонисту нельзя было не сочувствовать подобной стачкѣ. Здѣсь была задѣта честь и гордость каждаго рабочаго. Парижское бюро интернаціонала предложило союзу бронзовщиковъ обратиться за помощью къ англійскимъ ремесленнымъ союзамъ. На просьбу Генеральнаго Совѣта, который оказалъ уже не мало услугъ англійскимъ союзамъ, послѣдніе отвѣтили полной готовностью и тотчасъ принялись за дѣло. Первыя деньги и письмо съ самыми щедрыми обѣщаніями прибыли въ Парижъ какъ разъ во время большого собранія стачечниковъ, на которомъ присутствовали также делегаты отъ коалицій хозяевъ. Прочтенное во всеуслышаніе письмо и мелькнувшіе передъ глазами хозяевъ банковые билеты вызвали полный упадокъ духа въ ихъ средѣ. Коалиція рушилась; хозяева взяли назадъ свой ультиматумъ и открыли мастерскія.

Въ мартѣ того же года произошли безпорядки на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ Рубэ, вызванные главнымъ образомъ чрезвычайно строгими фабричными уставами, налагавшими огромные штрафы за малѣйшую оплошность, за каждую отлучку съ фабрики и проч. 25.000 забастовавшихъ рабочихъ опустошили нѣсколько фабрикъ и поломали машины. Пришедшія изъ Лилля войска прекратили безпорядки и произвели много арестовъ, но стачка продолжалась, грозя страшными бѣдствіями. Парижское бюро из-

[1]) О стачкѣ бронзовщиковъ: Eichoff. Int. Arb. Ass., Fribour, L' Int.

дало прокламацію, гдѣ, порицая рабочихъ за безпорядки и въ особенности за порчу машинъ, оно въ то же время протестовало противъ фабричныхъ кодексовъ, въ силу которыхъ фабриканты, помимо общихъ для всѣхъ судовъ, налагали на рабочихъ суровыя наказанія, являясь при этомъ одновременно и истцами и судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ и исполнителями всегда выгоднаго для нихъ приговора. Эта прокламація не осталась безъ послѣдствій. Она обратила общественное вниманіе на незаконный характеръ штрафовъ, налагаемыхъ въ видѣ наказанія, заставила заговорить объ этомъ вопросѣ въ прессѣ и даже въ палатѣ.

Кромѣ секцій, существовавшихъ во Франціи и Швейцаріи, къ сентябрю 1867 г. Интернаціоналъ имѣлъ въ Германіи нѣсколько секцій, группировавшихся около редакціи Vorbott'a и одну въ Брюсселѣ, занявшуюся извлеченіемъ практическихъ плановъ изъ теоретическихъ измышленій Прудона съ тѣмъ же усердіемъ, какое вкладывали въ это дѣло французскія секціи.

Несмотря на незначительное еще развитіе Международнаго Общества, Генеральному Совѣту удалось уже за этотъ годъ на дѣлѣ доказать англійскимъ ремесленнымъ союзамъ все значеніе международной связи въ борьбѣ съ капиталомъ. Обычная въ прежнее время угроза хозяевъ замѣнить непокорныхъ мѣстныхъ рабочихъ иностранными перестала оказывать свое дѣйствіе. При каждой такой угрозѣ Генеральный Совѣтъ давалъ знать въ тѣ мѣстности, откуда можно было ожидать привоза рабочихъ, и агенты капиталистовъ наталкивались на упорные отказы. Вмѣсто того, чтобы угрожать и дѣйствовать открыто, капиталистамъ пришлось привозить рабочихъ тайкомъ и удалять ихъ отъ всякихъ сношеній. Но и это удавалось лишь на самое короткое время. Стоило кому нибудь изъ членовъ Генеральнаго Совѣта пробраться за санитарный кордонъ и поговорить съ рабочими, чтобы тѣ тотчасъ же согласились отправиться въ обратный путь, получивъ на дорогу деньги изъ кассы заинтересованнаго союза.

Кромѣ этой борьбы на экономической почвѣ, Генеральный Совѣтъ принималъ также дѣятельное участіе въ политической агитаціи въ пользу расширенія избирательнаго права въ Англіи.

ГЛАВА V.

Между тѣмъ приближалось время ежегоднаго конгресса Общества, который въ этомъ, 1867 году, состоялся въ Лозаннѣ [1]). На немъ присутствовало только 50 делегатовъ. Главными ораторами среди французовъ явились тѣ же Толенъ, Шемале, Фрибуръ, Лонге. Между делегатами французской Швейцаріи попрежнему первенствовалъ Куллери, хотя слышались уже голоса молодежи, не отличавшейся благочестіемъ почтеннаго доктора. Новой и выдающейся личностью среди говорящей по французски части конгресса явился делегатъ Брюссельской секціи Сезаръ Депапъ—молодой журналистъ съ университетскимъ образованіемъ, послѣдователь Прудона, относившійся, однако, къ теоріямъ учителя гораздо свободнѣе и самостоятельнѣе своихъ французскихъ товарищей. Нѣмецкая делегація, болѣе многочисленная, чѣмъ въ прошлый разъ, представляла, кромѣ рабочихъ обществъ нѣмецкой Швейцаріи, также нѣсколько секцій въ самой Германіи. Изъ Лондона присутствовали члены Генеральнаго Совѣта: Эккаріусъ, Дюпонъ, Картеръ, Лесснеръ.

Часть вопросовъ, предложенныхъ Лозанскому конгрессу различными секціями, оказалась лишь повтореніемъ прошлогоднихъ темъ, уже разбиравшихся въ Женевѣ. Кредитъ, воспитаніе, общественная роль женщины, отношеніе труда къ капиталу—снова подверглись обсужденію, причемъ послѣдній вопросъ снова свелся на споры о стачкахъ; также и въ рѣчахъ обо всѣхъ этихъ предметахъ было высказано мало новаго и рѣшенія, въ главныхъ чертахъ, остались прежнія.

Зато вопросъ объ ассоціаціяхъ, тоже поднимавшійся уже на прошломъ конгрессѣ, но поставленный теперь съ новой точки зрѣнія, вызвалъ пренія, сильно заинтересовавшія французскую и швейцарскую молодежь конгресса. На этихъ преніяхъ мы остановимся подробнѣе.

Вопросъ былъ внесенъ отъ имени нѣмецкихъ секцій Филиппомъ Беккеромъ въ такой формѣ: «Не могутъ ли попытки освобожденія четвертаго сословія, посредствомъ ассо-

---

[1]) Compte rendu du II Congrès.

ціацій, привести къ образованію пятаго сословія, положеніе котораго будетъ еще бѣдственнѣе». Беккеръ пояснилъ при этомъ, что такъ какъ сословій давно не существуетъ, а имѣются лишь два класса: имущихъ и неимущихъ, то вопросъ формулированъ въ сущности неправильно; но въ такой именно формѣ онъ обсуждался уже многими нѣмецкими рабочими обществами въ Германіи и Швейцаріи, поэтому, въ такой же формѣ онъ предложилъ его и на обсужденіе Интернаціонала.

Проектъ рѣшенія [1]) по вопросу объ ассоціаціяхъ составилъ Сезаръ Депапъ. Онъ предложилъ въ немъ конгрессу признать, что распространеніе ассоціацій, въ ихъ теперешней формѣ, должно повлечь за собой выдѣленіе изъ общей массы рабочаго класса лучше обставленнаго меньшинства, оставляя большинство въ положеніи еще болѣе бѣдственномъ.

На эту часть проекта со стороны французовъ послышались возраженія, что подобное возраженіе непрактично, что оно подорветъ энергію пробивающихъ себѣ дорогу ассоціацій, пугая людей воображаемыми опасностями.

Тамъ, гдѣ ассоціаціи прогрессируютъ, уже и теперь образуется нѣчто вродѣ пятаго сословія, утверждалъ, наоборотъ, Беккеръ. Принимать участіе въ ассоціаціяхъ могутъ только наилучше поставленные рабочіе, преимущественно самостоятельные мелкіе производители, ремесленники. Ассоціаціи выдѣляютъ изъ солидарной по своимъ интересамъ массы рабочаго класса самые способные элементы и часто обращаютъ ихъ противъ него. Успѣшно конкурировать они могутъ только съ мелкими мастерами и не хуже ихъ умѣютъ эксплоатировать рабочихъ. Крупная промышленность, впрочемъ, добавилъ Беккеръ, сама позаботится о томъ, чтобы снова привести всѣхъ рабочихъ къ одному уровню.

Ту же мысль объ объединяющемъ значеніи крупной промышленности, которая уничтожаетъ возможность выдѣленія изъ общей массы рабочаго класса отдѣльныхъ частей, развивалъ и Эккаріусъ. Эти предсказанія не представляли, ко-

---

[1]) Какъ на лозанскомъ конгрессѣ, такъ и на двухъ послѣдующихъ проекты рѣшеній вырабатывались делегатами заранѣе, внѣ засѣданій конгресса, и затѣмъ уже вмѣстѣ съ мотивировками предлагались ему на обсужденіе.

нечно, ничего утѣшительнаго для послѣдователей Прудона, такъ какъ объединеніе, о которомъ говорили Беккеръ и Экkаріусъ, могло быть достигнуто лишь путемъ уничтоженія самого мелкаго производства, самой возможности образованія маленькихъ ассоціацій при помощи индивидуальныхъ усилій и сбереженій, а между тѣмъ на этой-то возможности и основывались, волей-неволей, всѣ практическіе планы и начинанія мютюэлистовъ. Съ другой стороны, Депапъ во второй части своего проекта предложилъ, для предотвращенія опасности отъ исключительнаго развитія ассоціаціи, обратить вниманіе на нѣкоторые, достойные изученія, проекты различныхъ соціалистическихъ школъ, какъ-то: превращеніе національныхъ банковъ въ банки дарового кредита, ограниченіе права наслѣдованія на извѣстныхъ степеняхъ родства, обращеніе земли въ коллективную собственность всего общества и проч.

Послѣднее предложеніе возмутило Куллери и мютюэлистовъ. Они протестовали противъ него, называя требованіе коллективной собственности на землю коммунизмомъ, противорѣчащимъ идеаламъ свободы, взаимности и справедливости.

Депапъ усердно защищался отъ обвиненія въ коммунизмѣ. „Я, говорилъ онъ, такой же мютюэлистъ, какъ Толенъ и Шемале, но я не вижу, чтобы коллективное землевладѣніе противорѣчило программѣ мютюэлизма. Эта программа требуетъ, чтобы весь продуктъ труда принадлежалъ производителю и обмѣнивался лишь на продуктъ, стоившій такого же точно количества труда. Но почва не есть продуктъ чьего бы то ни было труда, и къ ней непримѣнима взаимность при обмѣнѣ. Чтобы стать въ одинаковыя условія съ промышленнымъ рабочимъ, замледѣлецъ долженъ сохранить право собственности лишь на произведенія земли... отдать самую землю въ собственность нѣсколькимъ лицамъ, значитъ, сдѣлать все человѣчество данникомъ этихъ нѣсколькихъ. Имъ достаточно было бы сговориться, чтобы уморить его съ голоду“.

По требованію Куллери и нѣсколькихъ членовъ французской делегаціи пренія о поземельной собственности, не входящія, по ихъ мнѣнію, въ задачи конгресса, были прекращены, и принято рѣшеніе, въ которомъ признавалось,

что въ своей современной формѣ ассоціаціи дѣйствительно могутъ имѣть вредныя слѣдствія, но что тѣмъ не менѣе ихъ слѣдуетъ поощрять подъ условіемъ „прекращенія въ ихъ средѣ всякаго выдѣленія изъ общаго продукта труда процента на капиталъ, т. е. подъ условіемъ проникновенія ассоціаціи духомъ взаимности и федераціи".

Депапъ, однако, снова нашелъ поводъ заговорить о коллективной собственности на землю при обсужденіи внесеннаго парижской секціей вопроса о роли государства.

Опредѣляя государство, какъ „манекенъ", предназначенный поддерживать уваженіе сторонъ къ заключенному ими контракту", французскіе прудонисты присоединились, тѣмъ не менѣе къ проекту Лонге, по которому копи, мины и пути сообщенія должны принадлежать коллективности, т. е. тому же государству, сдающему ихъ по контрактамъ рабочимъ обществамъ, обязаннымъ поставлять свои услуги по ихъ истинной стоимости.

„То же самое, вмѣшался Депапъ, чего проектъ Лонге требуетъ относительно подземныхъ полей—минъ и копей,—я распространяю на поля, находящіяся на поверхности почвы... Говоря о коллективной собственности на землю, я очень далекъ отъ мысли объ ея коллективной эксплоатаціи. Я думаю только, что разъ уже требуются гарантіи противъ злоупотребленій тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находятся мины и пути сообщенія, тѣмъ болѣе причинъ для общества гарантировать себя противъ людей, эксплоатирующихъ почву, такъ какъ въ крайности еще можно обойтись безъ минераловъ и желѣзныхъ дорогъ, но ни въ какомъ случаѣ безъ хлѣба".

Противники коллективнаго землевладѣнія, настаивавшіе на неумѣстности обсужденія этого вопроса, не воздержались отъ возраженій, и пренія о немъ снова затянулись на цѣлое засѣданіе.

Лонге мотивировалъ предпочтеніе, оказываемое имъ частной собственности передъ коллективной, политическими соображеніями, заставляющими его опасаться вреднаго усиленія власти государства, если бы земля сдѣлалась національной собственностью.

Толенъ, со своей стороны, доказывалъ, что полнѣйшей гарантіей противъ злоупотребленій частныхъ землевладѣль-

цевъ будетъ служить контрактъ, которымъ установится между производителями взаимный обмѣнъ продуктовъ, по ихъ истинной стоимости. „Моя формула, закончилъ онъ, такова: земля—земледѣльцу, кредитъ—промышленному рабочему“.

Съ наибольшей горячностью напалъ на общественную собственность Куллери: „Я сторонникъ свободы, заявилъ онъ, а слѣдовательно и частной собственности. Земля есть орудіе труда. Если сдѣлать ее общественной собственностью, то отчего не примѣнить этой теоріи и къ остальнымъ орудіямъ труда? Это было бы логично, но нелѣпо. Общественная собственность на землю уже существуетъ въ Турціи. Что же касается до коллективизма, распространеннаго на всѣ виды собственности, то это было бы приниженіемъ индивидуума, общественной тираніей, и я надѣюсь умереть прежде, чѣмъ дойдетъ до этого“.

Депапъ началъ свою защиту съ утвержденія, что всѣ возраженія противъ коллективной собственности на земли, относятся также и къ коллективной собственности на мины, желѣзныя дороги и проч. „Я также, продолжалъ онъ, очень люблю индивидуальную свободу, но такъ какъ ея не можетъ быть безъ хлѣба, то я и хочу гарантій противъ владѣльцевъ источника хлѣба. Въ Турціи земля принадлежитъ султану. Я не хочу, чтобы собственникомъ земли стало какое нибудь современное, напримѣръ, французское государство; ужъ лучше частная собственность. Коллективной собственности я желаю лишь въ обществѣ, основанномъ на мютюэлизмѣ. Меня спрашиваютъ, почему я не требую общественной собственности на всѣ орудія труда? Потому что прежде общественныхъ правъ существуютъ права индивидуума. Такъ какъ большая часть орудій и инструментовъ является продуктами труда, то общество не имѣетъ права налагать руку на мой продуктъ, потому что это мой трудъ, а мой трудъ,—это я самъ. Лонге я отвѣчу: вы требуете индивидуальной собственности на землю, какъ гарантіи индивидуальной свободы противъ угнетенія ее коллективностью? Но, чтобы эта гарантированная свобода не была привилегіей, необходимо, чтобы каждый членъ общества имѣлъ свою собственную часть земли. Въ такомъ случаѣ, или всѣ должны быть земледѣльцами, что было бы нелѣпо, или нѣкоторые будутъ оставлять свои части необра-

ботанными, или, наконецъ, эти части будутъ обрабатываться не собственниками, а фермерами. Моя формула: кредитъ и земледѣльцу и промышленному рабочему".

Пренія становятся всеобщими; всѣ, имѣющіе какое нибудь мнѣніе о вопросѣ, спѣшать заявить свое согласіе съ той или другой стороной. Нѣмецкіе коммунисты высказываются за коллективное землевладѣніе и коллективную эксплоатацію земли. Но говоря объ этомъ вопросѣ, Эккаріусъ, Лесснеръ и Беккеръ защищаютъ его съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ Депапъ. Они напираютъ главнымъ образомъ, на историческій ходъ развитія промышленности, вызывающій необходимость обработки земли все большими и большими участками и губительно дѣйствующій на мелкое землевладѣніе.

Въ концѣ концовъ всѣ согласились на томъ, что вопросъ о поземельной собственности долженъ быть изученъ и предложенъ на обсужденіе слѣдующаго конгресса.

Послѣднимъ рѣшался внесенный, вопреки правиламъ, на самомъ конгрессѣ женевцемъ Перрономъ вопросъ: „Не является ли отсутствіе политической свободы препятствіемъ къ соціальному освобожденію рабочихъ и одной изъ главнѣйшихъ причинъ общественнаго неустройства?" Почти единогласно и безъ всякихъ преній по существу вопроса, конгрессъ отвѣтилъ на него слѣдующимъ рѣшеніемъ:

„Принимая во вниманіе, что отсутствіе политической свободы препятствуетъ общественному развитію народа и освобожденію пролетаріата, конгрессъ объявляетъ, что соціальное освобожденіе рабочихъ неотдѣлимо отъ ихъ политическаго освобожденія и что установленіе политической свободы есть мѣра первой и абсолютной необходимости" [1]).

---

[1]) Нюренбергскій конгрессъ рабочихъ союзовъ Германіи, засѣдавшій въ сентябрѣ 1868 г. и принявшій программу Интернаціонала, прибавилъ къ ней слѣдующій пунктъ: „Политическая свобода есть необходимое предварительное условіе экономическаго освобожденія рабочаго класса. Соціальный вопросъ, поэтому, неотдѣлимъ отъ вопроса политическаго, рѣшеніе перваго обусловлено рѣшеніемъ послѣдняго и возможно лишь въ демократическомъ государствѣ". Этотъ же пунктъ вошелъ затѣмъ и въ программу соціалъ-демократической партіи.

Съ другой стороны Перронъ и его товарищи, подпавши впослѣдствіи подъ вліяніе Бакунина, стали считать борьбу за политическое освобожденіе буржуазной, не революціонной, не соціалистической, а

Та же чувствовавшаяся въ средѣ Интернаціонала потребность заявить о своемъ политическомъ радикализмѣ высказалась и въ отношеніи конгресса къ Лигѣ Мира и Свободы.

9-го сентября, т. е. тотчасъ же по окончаніи конгресса Интернаціонала, долженъ былъ собраться первый конгрессъ этой Лиги, насчитывавшей въ своихъ рядахъ много свѣтилъ политическаго радикализма и популярнѣйшихъ именъ буржуазіи. Женевскіе члены Интернаціонала: Перронъ, Дюпле, Беккеръ, участвовавшіе въ комиссіи, организовавшей конгрессъ Лиги, передали отъ ея имени приглашеніе собравшимся въ Лозаннѣ представителямъ Интернаціонала принять участіе въ конгрессѣ Лиги. Былъ предложенъ и проектъ адреса, выражающаго солидарность рабочаго конгресса съ цѣлями Лиги (уничтоженіе постоянныхъ армій, сохраненіе мира и федерація свободныхъ штатовъ Европы).

Эккаріусъ сообщилъ, что Генеральный Совѣтъ, не предполагая со стороны Лиги намѣренія бороться съ дѣйствительными причинами войны, поручилъ своимъ делегатамъ воздержаться отъ выраженій солидарности этому обществу. Депапъ и Толенъ также выразили нѣкоторое сомнѣніе относительно Лиги. Но Перронъ и Дюпле такъ горячо увѣряли, что Лига вполнѣ раздѣляетъ идеи Интернаціонала, и казались, какъ организаторы ея конгресса, такими компетентными судьями въ этомъ вопросѣ, что конгрессъ Интернаціонала принялъ адресъ, обусловивши, однако, свою солидарность съ Лигой признаніемъ съ ея стороны необходимости освобожденія рабочаго класса изъ-подъ власти капи-

---

вышеприведенный пунктъ соціалъ-демократической программы, имѣющій тотъ же самый, лишь точнѣе выраженный смыслъ, какъ и лозанское рѣшеніе, сталъ въ ихъ глазахъ главнѣйшимъ преступленіемъ нѣмецкихъ соціалистовъ. Въ Mémoire de la Fédér. Jurassienne, книжкѣ изданной въ 1873 году, они такъ объясняютъ свое прегрѣшеніе на лозанскомъ конгрессѣ: „Въ глазахъ Перрона вопросъ долженъ былъ послужить пробнымъ камнемъ искренности нѣкоторыхъ парижскихъ делегатовъ, надъ которыми съ прошлаго (1866) года тяготѣло подозрѣніе въ имперіализмѣ. Вопросъ предназначался, слѣдовательно, не для серьезнаго и глубокаго обсужденія принциповъ, а лишь для того, чтобы вызвать со стороны подозрѣваемыхъ публичное и рѣшительное заявленіе... Повторяемъ, не слѣдуетъ придавать излишняго значенія этой деклараціи“. (Стр. 708).

тала. А затѣмъ большинство Лозанскихъ делегатовъ (41) отправились въ Женеву на конгрессъ Лиги.

Намъ придется еще вернуться къ этой едва ли не послѣдней вспышкѣ умирающаго въ Западной Европѣ буржуазнаго радикализма и свободомыслія. Теперь же замѣтимъ только, что хотя рабочимъ Интернаціонала, присутствовавшимъ на конгрессѣ Лиги, пришлось горько разочароваться въ ея сочувствіи къ ихъ освобожденію, они тѣмъ не менѣе подали голоса за предложенную резолюцію — нѣчто вродѣ контракта, по которому рабочіе обѣщаютъ буржуазіи помочь ей въ дѣлѣ пріобрѣтенія политической свободы, за что, со своей стороны, буржуазія обѣщаетъ помочь экономическому освобожденію пролетаріата.

ГЛАВА VI.

Уже въ началѣ ноября членамъ парижскаго Интернаціонала пришлось на практикѣ выполнять заключенное съ либеральной буржуазіей условіе, участвуя въ демонстраціяхъ противъ занятія Рима Императорскими войсками. Къ этому открытію враждебныхъ дѣйствій противъ Имперіи давно уже толкали ихъ, кромѣ того, вѣчно повторявшіяся обвиненія Интернаціонала въ связяхъ съ правительствомъ. Послѣднее не замедлило отвѣтить судебнымъ преслѣдованіемъ.

30 декабря 1867 года въ помѣщеніи бюро парижской секціи, также какъ и на квартирахъ нѣкоторыхъ членовъ сдѣланы обыски, захвачены списки, приходо-расходныя книги и письма. Никто не былъ арестованъ однако, но всѣ члены бюро были преданы суду исправительнаго трибунала. Они объявили въ газетахъ объ этомъ происшествіи, а затѣмъ вышли изъ бюро и назначили на 26 февраля новые выборы.

Судъ начался 6-го марта 1868 г. [1]).

Подсудимые: чеканщикъ Толенъ, архитекторъ Шемале, печатникъ обоевъ Гелигонъ, бронзовщикъ Камелина, механикъ

---

[1]) Смотри Procés de l'Associat. Int. des. travailleurs, 1-ière et 2-ième Commissions du Bureau de Paris.

Мюра, бронзовщикъ Перрашонъ, красильщикъ Жерарденъ и 8 другихъ рабочихъ, обвинялись въ составленіи, безъ разрѣшенія правительства, сообщества, имѣющаго болѣе 20 членовъ. Прокуроръ Лепелетье такъ началъ свою рѣчь:

„Подсудимыми по настоящему дѣлу являются трудолюбивые, умные, честные рабочіе. Они никогда не подвергались ни одному приговору, на ихъ нравственности нѣтъ ни одного пятна, и поддерживая направленное противъ нихъ обвиненіе, мнѣ не придется произнесть ни одного слова, которое могло бы задѣть ихъ честь". Въ томъ же духѣ изысканной любезности ведется и все обвиненіе.

Правительство, говоритъ прокуроръ, не разрѣшало вашего общества, но и не преслѣдовало его, выжидая, чѣмъ окажется оно на дѣлѣ. „Идеи, которыя, повидимому, одушевляли васъ, которыя провозглашались вашими статутами, были полезны, великодушны, прогрессивны; но общество уклонилось отъ этого прекраснаго пути". Уклоненіе заключалось въ участіи въ стачкахъ, въ демонстраціяхъ, въ обсужденіи общихъ вопросовъ политики и экономіи. Коллективную защиту отъ лица всѣхъ подсудимыхъ, какъ въ первой, такъ и во второй инстанціи, велъ Толенъ и построилъ ее главнымъ образомъ на томъ соображеніи, что законъ о недозволенныхъ сообществахъ фактически вышелъ изъ употребленія, не примѣняется, что безчисленное множество торговыхъ, ремесленныхъ, религіозныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ существуетъ безъ всякаго разрѣшенія, и Интернаціоналъ не могъ не считать себя въ такомъ же точно положеніи. Отъ своего первоначальнаго пути общество не уклонялось. Въ демонстраціяхъ Интернаціоналъ, какъ цѣлое, не участвовалъ, а отдѣльные члены его присутствовали тамъ наравнѣ съ другими гражданами, которыхъ никто не преслѣдуетъ. Онъ былъ и остается обществомъ изученія, изслѣдованія.

„За послѣднія 20 лѣтъ, безчисленныя перемѣны въ промышленности создали новыя потребности и совершенно измѣнили соціальную экономію", продолжалъ Толенъ. „Для насъ, рабочихъ, необходимо знать, что будетъ съ нами, и въ этой-то необходимости лежитъ первая причина созданія Международнаго Общества Рабочихъ".

„Прокуроръ находитъ, что мы занимались не той политической экономіей, какой бы слѣдовало. По его мнѣнію,

мы должны интересоваться только высотой заработной платы и величиной рабочаго дня. Другая политическая экономія, имѣющая профессоровъ въ Collège de France и оплачиваемая изъ бюджета, должна быть извѣстна только образованнымъ людямъ... но мы, рабочіе, принуждены изучать оффиціальную политическую экономію, такъ какъ несемъ послѣдствія ея ошибокъ. Мы должны изучать ее, чтобы знать, гдѣ она ошибается, гдѣ лжетъ, такъ какъ лжетъ она намъ всегда во вредъ..." Судъ приговорилъ каждаго изъ подсудимыхъ къ 100 фр. штрафа.

За это время вновь избранной комиссіи и въ особенности Варлену было очень много дѣла со сборомъ пожертвованій для поддержки происходившей въ Женевѣ стачки. Сборы были такъ успѣшны и стачка, благодаря газетному шуму, надѣланному перепуганной женевской буржуазіей, получила такую всеевропейскую огласку, что французское правительство отдало подъ судъ вторую комиссію, даже не дождавшись окончательнаго приговора надъ первой.

Подсудимыми по второму процессу явились: переплетчикъ Варленъ, красильщикъ Малонъ, чеканщикъ Ландренъ, граверъ Бурдонъ, золотильщикъ Моллинъ, столяръ Шарбоно, щеточникъ Гранжонъ, гранильщикъ кристалловъ Гумбертъ и брилліантщикъ Комбо. Все это были люди сравнительно новые въ движеніи, болѣе увлекающіеся, менѣе обращавшіе вниманія на то, вытекаетъ или нѣтъ ихъ образъ дѣйствій изъ теоріи Прудона.

„Во вторую комиссію вошла значительная часть коммунистовъ", говоритъ о нихъ сторонникъ Толена, Фрибуръ. Коммунистами они были, конечно, такъ же мало, какъ и Депапъ, со взглядами котораго мы познакомились на Лозанскомъ конгрессѣ; но замѣчаніе это доказываетъ во всякомъ случаѣ, что разница взглядовъ успѣла уже ясно выразиться среди парижской секціи.

И процессъ второй комиссіи носитъ уже нѣсколько иной характеръ. Не такъ любезенъ прокуроръ, совсѣмъ иначе ведется и защита подсудимыхъ.

Общую защитительную рѣчь отъ имени всѣхъ товарищей произнесъ Варленъ.

Разсказавъ вкратцѣ исторію Международнаго Общества, онъ останавливается на роли парижскаго бюро въ женевской

стачкѣ—единственномъ преступленіи, которое успѣло оно совершить послѣ своего избранія.

„Дѣятельность нашего бюро, говоритъ онъ, вполнѣ соотвѣтствовала цѣли основателей Интернаціонала: создать постоянную связь между рабочими группами различныхъ странъ... Безъ Интернаціонала женевскіе рабочіе, при всеобщей стачкѣ, которой невозможно поддержать одними мѣстными средствами, не могли бы получить своевременной помощи отъ рабочихъ Франціи, Англіи и остальной Швейцаріи. Теперь же женевскому комитету достаточно было извѣстить одновременно различныя бюро, чтобы отовсюду немедленно начали стекаться необходимыя средства“. Отъ фактическаго изложенія своей дѣятельности онъ переходитъ на общую почву.

„Хотя передъ закономъ, говоритъ онъ, вы судьи, а мы обвиняемые, но въ принципѣ мы являемся представителями двухъ партій: вы—партіи порядка во что бы то ни стало, партіи застоя; мы—партіи реформаторовъ, партіи соціалистической. Разсмотримъ же добросовѣстно, каковъ современный общественный строй, по отношенію къ которому, все наше преступленіе состоитъ лишь въ томъ, что мы считаемъ его способнымъ къ совершенствованію“.

Мрачными красками рисуетъ онъ картину современнаго общества—рисуетъ судьбу рабочаго, рожденнаго въ нищетѣ и грязи, растущаго безъ матери, принужденной покидать его для работы, съ 8-ми лѣтъ начинающаго каторжный трудъ, чтобы, не испытавши въ жизни ничего, кромѣ лишеній и оскорбленій, умереть въ тюрьмѣ, куда запрутъ его за нищенство. „А этотъ человѣкъ, добавляетъ Варленъ, произвелъ въ своей жизни въ четыре раза больше, чѣмъ потребилъ“.

Затѣмъ слѣдуетъ картина полной наслажденія жизни богатаго сына буржуазіи, „который ничего не произвелъ, а лишь пользовался лишеніями 99% своихъ братьевъ“.

Единственное утѣшеніе этихъ 99%, продолжаетъ Варленъ, состоитъ лишь въ томъ, что изъ уроковъ прошлаго они знаютъ, какъ непрочно то общество, гдѣ люди могутъ умирать съ голоду на порогахъ богатыхъ дворцовъ.

Глухая ненависть раздѣляетъ уже классы. „Присмотритесь, и вы увидите, что почва рушится подъ вашими ногами. Берегитесь!...“

Всѣ подсудимые были приговорены, сверхъ штрафа, еще и къ тюремному заключенію.

Этими процессами заканчиваетъ свое существованіе въ Парижѣ первоначальный Интернаціоналъ, уже болѣе двухъ лѣтъ застывшій на нѣсколькихъ сотняхъ членовъ, мирно обсуждавшій по четвергамъ теоріи Прудона и строившій самые невинные и вмѣстѣ съ тѣмъ неосуществимые планы. Двумя процессами правительство достигло полнаго разстройства этой маленькой организаціи съ правильно избраннымъ бюро и правильнымъ пріемомъ членовъ. Нѣкоторое время въ Парижѣ не существовало никакого оффиціальнаго центра, и желавшіе вступить въ общество получали свои членскія карты, каждый отдѣльно, прямо отъ Генеральнаго Совѣта. Но въ то же время и отчасти благодаря именно преслѣдованіямъ, движеніе начало принимать широкій, массовой, неизмѣримо больше соотвѣтствующій цѣлямъ Интернаціонала характеръ. Синдикальныя камеры, различныя ремесленныя организаціи и кооперативныя общества Парижа, раньше почти не интересовавшіяся Интернаціоналомъ, берутъ теперь дѣло въ свои руки и, не присоединяясь формально къ его организаціи, начинаютъ дѣйствовать заодно съ нимъ, а въ сентябрѣ посылаютъ представителей на его конгрессъ въ Брюссель.

Съ другой стороны, вмѣсто одного уничтоженнаго центра пропаганды появляются цѣлые десятки новыхъ. Вошедшій въ силу 28 іюня (въ двадцатую годовщину окончанія іюньской битвы) законъ, дозволяющій публичныя собранія, создалъ для соціалистическихъ теорій самую широкую трибуну. На публичныхъ засѣданіяхъ не дозволялось, правда, говорить ни о политикѣ, ни о религіи, въ особенности не дозволялось упоминать о 2-мъ декабря и касаться формы правленія и династіи, а для наблюденія за тѣмъ, чтобы ораторы дѣйствительно всего этого не касались, на собраніяхъ присутствовалъ полицейскій комиссаръ; но объ экономическихъ, о соціальныхъ вопросахъ говорить дозволялось, и на первыхъ же собраніяхъ мютюэлисты вступили въ состязаніе съ экономистами съ одной стороны и со всѣми послѣдователями болѣе крайнихъ соціалистическихъ теорій—съ другой. „Мы присутствуемъ при шумномъ пробужденіи соціалистическихъ

доктринъ, пишетъ де-Молинари [1]), онѣ снова появляются полныя движенія, снова оживаютъ...“ Проводя параллель съ 48 годомъ, когда былъ усыпленъ проснувшійся теперь соціализмъ, де-Молинари замѣчаетъ, что хотя ораторы „съ уваженіемъ упоминаютъ имена Кабе и Фурье [2]), но никто не думаетъ продолжать пропаганду ихъ системъ. Луи Бланъ также отошелъ на задній планъ, какъ и Пьеръ Леру. Только Прудонъ имѣетъ учениковъ“. Но Прудонъ не оставилъ никакой системы, ученики принуждены сами строить ее изъ оставленнаго имъ матеріала. Они всѣ согласны относительно недостатковъ существующаго строя, но въ ихъ представленіяхъ о тѣхъ порядкахъ, которые должны замѣнить его, оказывается значительное разнообразіе.

Всѣ прудонисты единодушно отстаивали свои взгляды при спорахъ съ тогдашними французскими экономистами, изъ которыхъ многіе, Курсель Сенель между прочими, пытались на первыхъ собраніяхъ доказывать рабочимъ законность и необходимость существующаго экономическаго строя. Но, какъ только, предметомъ преній являлись проекты будущаго строя, вчерашніе союзники распадались на нѣсколько фракцій, и между ними начиналась оживленная полемика. Первое время изъ членовъ Интернаціонала ораторами на публичныхъ собраніяхъ являлись почти исключительно мютюэлисты группы Толена, представлявшіе самый умѣренный элементъ среди соціалистическихъ фракцій. Де-Молинари называетъ ихъ „жирондистами соціализма“.

Но скоро мютюэлистамъ Интернаціонала пришлось выдерживать на публичныхъ собраніяхъ словесныя битвы не только съ посторонней публикой, но и съ собственными сочленами, излагавшими болѣе крайнія теоріи, а разъ вмѣшались въ споръ даже члены второй комиссіи. На одномъ изъ собраній былъ поднятъ, столько разъ ставившійся на конгрессахъ Интернаціонала, вопросъ объ общественной роли женщины. Кто-то сообщилъ слухъ о появленіи въ Швейцаріи женской секціи Международнаго Общества. Публика привѣтствовала это сообщеніе громкими аплодисментами. Но присутствовавшіе на собраніи члены первой ко-

---

[1]) Le mouvement socialiste et leséunions publiques, ст. I.

[2]) Ibidem ст. 9.

миссіи выразили строжайшее порицаніе такому выступленію женщинъ на публичную арену, и Гелигонъ прочелъ изъ мемуара, представленнаго на женевскій конгрессъ парижской секціей, уже извѣстный намъ параграфъ о роли женщины, добавивъ, что таково мнѣніе о данномъ вопросѣ, принятое Интернаціоналомъ. Узнавши объ этомъ диспутѣ, арестованные члены второй комиссіи протестовали открытымъ письмомъ, гдѣ утверждали, что мемуаръ вовсе не выражаетъ взглядовъ всего Интернаціонала, что въ Интернаціоналѣ существуютъ двѣ группы, расходящіяся между собой по многимъ вопросамъ, и что они совершенно несогласны со взглядами, высказанными на публичномъ собраніи отъ имени ихъ общества.

Въ тюрьмѣ С. Пелажи Варлену съ товарищами пришлось встрѣтиться съ заключенными тамъ же за заговоръ бланкистами. При ежедневныхъ сношеніяхъ взаимная враждебность между молодыми рабочими и ихъ нерабочими товарищами по заключенію быстро сгладилась. Такое же сближеніе появилось нѣсколько позднѣе и на публичныхъ собраніяхъ, гдѣ наиболѣе крайніе элементы Интернаціонала оказались по многимъ вопросамъ союзниками и единомышленниками тѣхъ революціонеровъ изъ буржуазной среды, которые интересовались не однимъ лишь сверженіемъ Наполеона, но также и соціальными вопросами. Подъ вліяніемъ этихъ крайнихъ элементовъ въ связи съ быстрымъ ростомъ числа его членовъ, Интернаціоналъ во Франціи началъ принимать все болѣе и болѣе революціонную окраску.

ГЛАВА VII.

Не для одного Парижа весна 1868 года была моментомъ перелома въ развитіи Международнаго Общества. Въ Швейцаріи и Бельгіи Интернаціоналъ въ эту же весну пріобрѣтаетъ тысячи членовъ и, тѣмъ самымъ, сразу теряетъ зачаточный характеръ союза кружковъ пропаганды и самообразованія и становится организаціей рабочихъ массъ, борющихся за свои классовые интересы.

Въ Швейцаріи вовлеченію въ движеніе рабочей массы помогла уже упомянутая женевская стачка, о которой мы

разскажемъ подробнѣе, такъ какъ она имѣла значеніе далеко не для одного этого города [1]).

Женевскіе рабочіе распадались на два большихъ отдѣла. Къ первому принадлежали, главнымъ образомъ, рабочіе по часовому ремеслу и по производству различныхъ драгоцѣнныхъ вещей. Почти всѣ они были женевскими гражданами-избирателями. Задолго до появленія Интернаціонала они были уже организованы въ ремесленные союзы и владѣли богатыми кассами. Сравнительно они развиты, и уровень ихъ потребностей довольно высокъ. Всѣ эти отрасли вмѣстѣ носятъ почему-то на женевскомъ жаргонѣ названіе фабрики (la fabrique), хотя производство вовсе не имѣетъ фабричнаго характера и части часовъ, напримѣръ, дѣлаются, правда, на хозяина, но на дому.

Второй отдѣлъ носитъ общее названіе рабочихъ по постройкамъ. Сюда, кромѣ плотниковъ, штукатуровъ, каменщиковъ, землекоповъ и т. п., относятся также слесаря, кузнецы и нѣкоторыя другія отрасли. Этотъ отдѣлъ рабочихъ состоялъ почти сплошь изъ пришлаго, постоянно мѣняющагося люда: итальянцевъ, савояровъ, нѣмцевъ. Они не пользовались правами гражданства, не соединялись въ общества, не имѣли кассъ, получали почти вдвое меньшую заработную плату, чѣмъ рабочіе фабрики, и вообще составляли болѣе низкій классъ населенія.

До весны 1868 года въ Женевѣ, какъ и во всей Швейцаріи, ремесленные союзы не присоединялись къ Интернаціоналу, и его смѣшанныя секціи состояли, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ по различнымъ отраслямъ постройки.

Въ средѣ этихъ рабочихъ уже съ осени 1867 г. замѣчалось особое оживленіе; происходили частыя собранія, на которыхъ толковалось о необходимости потребовать отъ хозяевъ увеличенія заработной платы и уменьшенія часовъ труда. 19 января 1868 г. на большомъ собраніи былъ принятъ проектъ общихъ требованій, сводившихся къ уменьшенію работы съ 12 на 10 часовъ и увеличенію заработной платы на 20%. Эти требованія были сообщены всѣмъ хозяевамъ рабочимъ комитетомъ, спеціально избран-

---

[1]) О женевск. стачкѣ смотри: Les procés de l'Int.—Mémoires de la Féd. Jur,—Eichoff, Int. Arbeiter Ass. и проч.

нымъ для веденія переговоровъ. Но со стороны хозяевъ никакого отвѣта не послѣдовало, и затѣмъ цѣлыхъ два мѣсяца рабочимъ неизмѣнно сообщали, что за недосугомъ ихъ требованія еще не разсмотрѣны, и для обсужденія дѣла будетъ назначено собраніе. А между тѣмъ по городу ходили слухи, что хозяева составили коалицію, устраиваютъ собранія, что-то постановляютъ и т. д.

Рабочіе рѣшили, наконецъ, сдѣлать послѣднюю попытку и, назначивъ мѣсто и время свиданія, предупредили хозяевъ, что, разъ никто не явится, дѣло будетъ передано въ руки Интернаціонала. Хозяева опять промолчали, и руководство предстоящей борьбой было поручено женевской секціи. На ея предложеніе вступить въ переговоры, хозяева отвѣтили, что съ Интернаціоналомъ они ни въ какомъ случаѣ не желаютъ имѣть никакого дѣла. Тогда афишами, расклеенными на всѣхъ стѣнахъ, Интернаціоналъ заявилъ, что, если до вечера 23 марта не получится отъ хозяевъ благопріятнаго отвѣта, барабаннымъ боемъ созовутъ общее собраніе, для опредѣленія дальнѣйшаго образа дѣйствій. Когда въ 6 часовъ вечера, дѣйствительно, по барабанному бою, толпы рабочихъ направились со всѣхъ сторонъ къ назначенному мѣсту собранія, паника охватила буржуазію. Лавки поспѣшно запирались, кассы перетаскивались въ безопасныя мѣста, служащіе нѣкоторыхъ конторъ запасались оружіемъ. Рабочихъ собралось отъ 4 до 5 тысячъ, но порядокъ былъ образцовый. Собраніе выслушало докладъ о неудачѣ всѣхъ попытокъ вступить въ переговоры съ хозяевами и единодушно рѣшило, что стачка необходима. Каменщики, плотники и штукатуры должны были прекратить работу; всѣ остальныя отрасли обѣщали имъ свою поддержку. Въ 9 часовъ вечера собраніе разошлось, и Женева снова приняла свой обычный, мирный видъ.

Стачка началась. Хозяева расклеили прокламацію, въ которой объявляли, что рабочіе Женевы находятся подъ руководствомъ иностранныхъ агентовъ, нарушающихъ доброе согласіе между жителями города. Съ Интернаціоналомъ, этой иностранной агентурой, хозяева не хотятъ имѣть никакого дѣла, но они охотно улучшатъ судьбу тѣхъ рабочихъ, которые поодиночкѣ и безъ всякихъ переговоровъ возьмутся за работу. Если же, паче чаянія, этого не

произойдетъ, хозяева прекратятъ работы и въ тѣхъ отрасляхъ „постройки“, которыя не принимаютъ участія въ стачкѣ.

Никто не соблазнился. Одушевленіе въ средѣ рабочихъ было громадно. Не только вся „постройка“ примкнула къ Интернаціоналу, но и ремесленныя корпораціи „фабрики“ одна за другой присоединялись къ нему и опустошали свои богатыя кассы на помощь стачечникамъ. Женевская буржуазія тоже не оставалась простой зрительницей стачки. Она дѣйствовала единодушнѣе и энергичнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Угроза прекратить работы по остальнымъ отраслямъ была скоро приведена въ исполненіе, и до 3.000 лишнихъ семей нуждалось теперь въ помощи.

Швейцарскія газеты, съ Journal de Genève во главѣ, гремѣли противъ „иностранныхъ агентовъ“ и заранѣе толковали о громадныхъ суммахъ, присылаемыхъ изъ Лондона и Парижа на помощь стачечникамъ. Изъ Швейцаріи эти достовѣрныя свѣдѣнія проникли во французскія, нѣмецкія и англійскія газеты. Парижская „Presse“ въ корреспонденціи изъ Женевы представляла стачку первой вылазкой Интернаціонала, за которой должна начаться всеобщая война противъ буржуазіи, и извѣщала о полученіи изъ Парижа 100.000 фр., когда еще не начались сборы. Даже „Таймсъ“ занималъ свою публику подробными корреспонденціями съ поля сраженія.

Изъ простого несогласія между женевскими рабочими по постройкѣ и ихъ нанимателями стачка превратилась, такимъ образомъ, въ открытую борьбу между буржуазіей и пролетаріатомъ, за которой жадно слѣдила по газетамъ вся Европа.

Женевская секція обратилась за поддержкой ко всѣмъ центрамъ Интернаціонала. Самую скорую, а потому и самую существенную помощь оказалъ въ данномъ случаѣ Парижъ. Тамъ, благодаря энергіи Варлена, въ нѣсколько дней было собрано до 10.000 фр., которые и отсылались въ Женеву по мѣрѣ полученія.

Потерявъ надежду взять рабочихъ голодомъ, буржуазія обратилась за защитой къ правительству и заговорила о необходимости содѣйствія войскъ. Но женевскія власти оказались, къ счастію, вовсе не расположенными оказывать подобнаго содѣйствія.

Обезкураженные хозяева въ началѣ апрѣля уже готовы были на уступки, но самолюбіе мѣшало вступить въ переговоры съ Интернаціоналомъ. Рабочіе же вовсе не желали щадить ихъ въ этомъ отношеніи, да имъ и надобности не было слишкомъ торопиться заключеніемъ мира. Изъ Лондона, а также изъ Германіи, черезъ редакцію Vorbott'а, начала приходить значительная помощь, и они легко могли продержаться еще нѣсколько времени.

Чтобы не уронить своего достоинства, хозяева прибѣгли къ посредничеству г. Камперіо, начальника департамента юстиціи и полиціи Женевы, который строгимъ нейтралитетомъ во время стачки пріобрѣлъ довѣріе рабочихъ.

Камперіо обратился въ комитетъ Интернаціонала съ предложеніемъ посредничества, и при его помощи переговоры были приведены къ благополучному окончанію, причемъ рабочіе получили почти все, чего требовали.

Побѣда, во всякомъ случаѣ, была полная. Въ Женевѣ Интернаціоналъ сразу выросъ до своихъ крайнихъ предѣловъ. Въ отчетѣ, представленномъ въ сентябрѣ на брюссельскій конгрессъ, говорится уже, что Интернаціоналъ насчитываетъ въ Женевѣ до 4.000 членовъ въ двадцати четырехъ секціяхъ, организованныхъ по ремесламъ. Радикальная женевская буржуазія начала заигрывать съ Интернаціоналомъ, какъ съ силой, могущей при выборахъ помочь въ борьбѣ съ консерваторами. Радикальное общество de l'Affranchissement de la pensée et de l' individu, напримѣръ, рѣшило на общемъ собраніи выразить симпатіи Интернаціоналу и послать делегата на его конгрессъ. И дѣйствительно, на брюссельскомъ конгрессѣ присутствовалъ делегатъ этого общества, журналистъ Каталанъ.

И не въ Женевѣ только, а всюду, гдѣ были секціи Интернаціонала, эта громкая, получившая всемірную извѣстность, побѣда придала имъ много бодрости и энергіи.

Въ эту же весну событія, начавшіяся также со стачки, но окончившіяся кровью и судами, положили начало силѣ и быстрому росту бельгійскаго Интернаціонала.

Уже за годъ передъ тѣмъ въ каменноугольныхъ копяхъ близъ Шарлеруа были безпорядки, за которыми послѣдовало кровавое усмиреніе.

Въ мартѣ 1868 года безпорядки повторились по слѣду-

щему поводу: владѣльцы каменноугольныхъ копей составили коалицію съ цѣлью повысить цѣну угля, но ихъ главные кліенты, хозяева заводовъ, обрабатывающихъ желѣзо, стали вывозить уголь изъ-за границы. Въ отчаяніи отъ неудачи, компанія каменноугольныхъ копей набросилась на рабочихъ. Она сразу сократила производство на 4 дня въ недѣлю и уменьшила задѣльную плату на 10%, что оставляло рабочему немного болѣе половины его прежняго ничтожнаго заработка. Съ такой платой углекопамъ приходилось умирать съ голоду, и отчаяніе заставило ихъ возстать. Работы прекратились во всемъ округѣ Шарлеруа. Голодныя толпы, подъ предводительствомъ женщинъ, ходили по окрестностямъ, производя опустошенія. Явились войска и въ первомъ же столкновеніи убили нѣсколькихъ рабочихъ и многихъ ранили. За этимъ послѣдовали другія избіенія, а вслѣдъ за войсками шла полиція и арестовывала стачечниковъ цѣлыми массами.

Въ этомъ безнадежномъ положеніи, доведенные до послѣдней степени униженія и отчаянія, углекопы Шарлеруа вдругъ услышали дружескіе, оправдывающіе ихъ голоса, увидѣли надежду на помощь и защиту въ Интернаціоналѣ.

Брюссельская секція подняла агитацію въ прессѣ противъ ужасовъ Шарлеруа; созывала митинги, обличая на нихъ жестокость хозяевъ и ихъ прислужниковъ—солдатъ и полиціи. Она призывала всѣхъ рабочихъ къ выраженіямъ солидарности съ несчастными углекопами и объявляла, что ихъ дѣло есть дѣло всего Интернаціонала. Секціяпріискала также адвокатовъ арестованнымъ рабочимъ, которые, благодаря ея агитаціи, были всѣ оправданы. Интернаціоналъ оказалъ углекопамъ и денежную помощь, хотя незначительную сравнительно съ массою голодающихъ.

Все это сразу создало Международному Обществу огромную популярность среди бельгійскихъ рабочихъ. Къ лѣту тамъ образовалось уже до 200 секцій, изъ которыхъ многія насчитывали по нѣскольку сотъ членовъ.

ГЛАВА VIII.

Успѣхи, сдѣланные Интернаціоналомъ въ 1868 году, и массовой характеръ, который начала принимать его организація, отразились на конгрессѣ общества, собравшемся въ Брюсселѣ въ началѣ сентября того же года.

На первомъ конгрессѣ представителями большихъ рабочихъ организацій, насчитывающихъ тысячи и десятки тысячъ членовъ, являлись почти исключительно делегаты постороннихъ, не принадлежащихъ къ Интернаціоналу, рабочихъ союзовъ, главнымъ образомъ англійскихъ. На Брюссельскомъ конгрессѣ мы въ первый разъ встрѣчаемъ делегатовъ большихъ рабочихъ организацій, входящихъ въ составъ Интернаціонала, представителей тысячъ его членовъ.

Здѣсь же впервые были серьезно представлены и рабочіе Германіи. За эти годы медленнаго и постепеннаго развитія Интернаціонала рабочее движеніе въ Германіи было, въ сущности, и сильнѣе и организованнѣе движенія французскихъ странъ, и тѣмъ не менѣе до осени 1868 года лишь незначительная часть затронутыхъ имъ нѣмецкихъ рабочихъ принадлежала къ Интернаціоналу. Изъ остальной массы такъ или иначе организованныхъ рабочихъ одна часть составляла Лассальянскій союзъ, о присоединеніи котораго не могло быть и рѣчи. Другая часть нѣмецкихъ рабочихъ, не вошедшая въ лассальянскій союзъ, но соединенная въ различныя ремесленныя общества, кооперативныя товарищества и общества самообразованія (Bildungsverein'ы), находилась подъ вліяніемъ крайнихъ фракцій либеральной буржуазіи, до 1866 года сильно не ладившей съ Бисмаркомъ и искавшей опоры среди рабочихъ. Въ политическомъ отношеніи эта часть была радикальнѣе Лассальянцевъ, попавшихъ въ это время подъ двусмысленное вліяніе своего президента фонъ-Швейцера, но въ соціальномъ она принимала теорію гармоніи между трудомъ и капиталомъ и Шульцеделичевскую самопомощь, въ видѣ всевозможныхъ потребительныхъ и иныхъ товариществъ. На эту-то часть рабочихъ началъ дѣйствовать вернувшійся изъ Лондонской эмиграціи одинъ изъ лучшихъ учениковъ и вѣрнѣйшихъ послѣдователей Маркса, Либкнехтъ и талантливый рабочій Бебель. Ихъ пропагандѣ

сильно помогалъ быстрый ростъ нѣмецкой промышленности, все ярче подчеркивавшій вопіющую дисгармонію между интересами рабочихъ и капиталистовъ, и быстрое ослабленіе, вслѣдъ за успѣхами 1866 года, оппозиціоннаго духа въ средѣ буржуазіи. Дѣло пошло такъ успѣшно, что въ 1868 году конгрессъ представителей 120 рабочихъ союзовъ и обществъ, насчитывавшихъ вмѣстѣ до 14.000 членовъ, принялъ въ Нюренбергѣ программу Интернаціонала, съ извѣстнымъ уже намъ дополненіемъ болѣе точныхъ и опредѣленныхъ политическихъ требованій, и послалъ на Брюссельскій конгрессъ своего делегата Буттера. Кромѣ того, изъ Германіи присутствовали делегаты Клейнъ, Гессъ, Шепплеръ и другіе. Нѣмецкія секціи швейцарскаго Интернаціонала представлялъ по обыкновенію Филиппъ Беккеръ.

Изъ Франціи, вмѣстѣ съ членами первой комиссіи, Толеномъ и Мюра, и представителями провинціальныхъ секцій Ришаромъ, Обри и другими, явилось болѣе десяти представителей различныхъ ремесленныхъ корпорацій и синдикатовъ Парижа. Члены второй комиссіи сидѣли еще въ тюрьмѣ.

Изъ Англіи представителями Генеральнаго Совѣта и различныхъ ремесленныхъ союзовъ были Лукрафтъ, Шау, Эккаріусъ, Юнгъ, Дюпонъ и Форстеръ.

Между многочисленными представителями Бельгіи выдавались Депапъ, Гинсъ, Брисме. Отъ 24 женевскихъ секцій явились Мермилье, Перронъ и Граглія.

Докладъ Генеральнаго Совѣта [1]) конгрессу о дѣятельности общества за истекшій годъ сообщаетъ, кромѣ извѣстныхъ уже намъ фактовъ, объ отношеніи совѣта къ ирландскому движенію: Совѣтъ подалъ англійскому правительству петицію объ отмѣнѣ казни приговоренныхъ феніевъ, и во время наибольшаго развитія въ Англіи феніанской паники созывалъ въ Лондонѣ публичные митинги и защищалъ передъ англійскими рабочими права Ирландіи. По поводу парижскихъ процессовъ „прекратившихъ противоестественное кокетство имперіи съ рабочимъ классомъ“, докладъ замѣчаетъ что Интернаціоналъ достигъ уже размѣровъ, достаточныхъ для возбужденія противъ себя ненависти буржуазіи и правительственныхъ преслѣдованій, и изъ періода мирнаго раз-

---

[1]) См. Compte rendu du III Congres.

витія вступаетъ теперь въ фазисъ борьбы. Относительно Америки говорится, что тамъ многіе штаты приняли законъ, ограничивающій рабочій день восемью часами, и федеральное правительство ввело его во всѣхъ своихъ мастерскихъ. И тѣмъ не менѣе, „чтобы заставить частныхъ предпринимателей подчиниться этому закону, американскимъ рабочимъ приходится вести упорную борьбу противъ капиталистовъ, которые не хотятъ закона". Этотъ фактъ доказываетъ, что даже при самыхъ благопріятныхъ политическихъ условіяхъ всякій серьезный успѣхъ пролетаріата зависитъ отъ организаціи концентрирующей его силы. Организація же пролетаріата одной страны, оставаясь изолированной, неизбѣжно разобьется о дезорганизованность его силъ въ другихъ странахъ, которыя всѣ конкурируютъ на всемірномъ рынкѣ и взаимно вліяютъ другъ на друга. Только международное соглашеніе рабочаго класса можетъ гарантировать его окончательное торжество. Эта-то потребность и вызвала къ жизни международное Общество Рабочихъ. Оно порождено не той или иной сектой или теоріей. Оно является непосредственнымъ результатомъ движенія пролетаріата, вызваннаго, въ свою очередь, естественными и непреодолимыми тенденціями современнаго общества. Въ глубокомъ сознаніи своей великой миссіи, Международное Общество рабочихъ не можетъ ни поддаться устрашенію, ни свернуть со своего пути. Его судьба неотдѣлима съ этихъ поръ отъ историческаго прогресса того класса, въ нѣдрахъ котораго готовится возрожденіе человѣчества".

Заключительныя слова доклада вызвали долгіе аплодисменты конгресса.

Первымъ обсуждался внесенный нѣмецкими секціями вопросъ: „какое положеніе должны принять рабочіе въ случаѣ войны между европейскими державами?" Отъ имени тѣхъ же секцій Беккеръ предложилъ и проектъ рѣшенія, въ которомъ говорится, что, протестуя противъ всякой войны и считая нарушеніе мира между Германіей и Франціей междуусобіемъ, могущимъ служить лишь интересамъ Россіи, конгрессъ приглашаетъ рабочихъ противиться войнѣ всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Съ этой цѣлью онъ совѣтуетъ имъ прекратить всякое производство и высказываетъ надежду, что чувство солидарности, одушевляющее рабо-

чихъ всѣхъ странъ, обезпечитъ всеобщую поддержку этой стачкѣ народовъ противъ войны.

Противъ такого рѣшенія высказаны были двоякаго рода возраженія: причина войны лежитъ, по мнѣнію Женевскаго радикала Каталана, въ существованіи государственной власти, стоящей надъ обществомъ и независимой отъ его воли. Онъ приглашаетъ поэтому международное общество употребить всѣ силы на борьбу противъ людей, имѣющихъ право затѣвать войны, противъ учрежденій, дающихъ имъ это право, и противъ невѣжества его увѣковѣчивающаго.

Причина войны, говорятъ Депапъ, Гинсъ и французскіе мютюэлисты, заключается въ недостаткахъ современнаго экономическаго строя. Короли и императоры составляютъ лишь случайное, второстепенное явленіе. Рабочіе могутъ рѣшить вопросъ войны лишь организаціей экономическихъ отношеній на новыхъ началахъ.

Какъ и всегда, делегаты Генеральнаго Совѣта и нѣмецкой части Интернаціонала стараются свести вопросъ съ той отвлеченной точки зрѣнія, на которой, по обыкновенію, стоятъ прудонисты, на конкретную, историческую. Чтобы стать силой, рабочіе должны принимать участіе въ жизни своей страны. При такомъ важномъ событіи, какъ война, они должны выражать свою волю и настаивать на ея выполненіи. Представленный Беккеромъ проектъ рѣшенія былъ принятъ конгрессомъ, лишь съ опущеніемъ упоминанія о Россіи, Германіи и Франціи.

Вопросъ о стачкахъ, уже два раза всплывавшій при обсужденіи другихъ предметовъ, на этотъ разъ былъ поставленъ самостоятельно и разсмотрѣнъ многими секціями въ письменныхъ докладахъ. Докладъ только что образовавшейся люттихской секціи, находившейся, очевидно, въ медовомъ мѣсяцѣ изученія Прудона, относится къ стачкамъ такъ отрицательно, что большую часть его не отказался бы, вѣроятно, помѣстить злѣйшій врагъ стачекъ Journal de Genève. Стачка, по мнѣнію авторовъ доклада, есть актъ насилія, уничтожающій свободу сдѣлокъ и стѣсняющій конкуренцію, которая въ настоящее время является единственной гарантіей противъ взаимныхъ несправедливостей со стороны производителей и потребителей. Стачки, также какъ и коалиціи патроновъ, произвольно повышаютъ стоимость продуктовъ, извращая такимъ обра-

зомъ законъ спроса и предложенія. „Производитель“, цитируютъ люттихцы слова Прудона, „имѣетъ право на плату, равную стоимости его продукта, но и потребитель имѣетъ также право платить за продуктъ ровно столько, сколько, онъ дѣйствительно стоитъ“.

Въ настоящее время единственнымъ способомъ достиженія такого результата является полная свобода сдѣлокъ, „стачки же стѣсняютъ эту свободу“, укоризненно добавляетъ люттихская секція.

Такой же безпощадный прудонизмъ мы встрѣчаемъ у многихъ, только что начинающихъ дѣйствовать, французскихъ и бельгійскихъ секцій. Но пробывшіе нѣкоторое время въ движеніи прудонисты, если не устранялись отъ него, то, по большей части, впадали въ ересь и начинали передѣлывать на свой ладъ теорію учителя, противорѣчащую какъ требованіямъ практической борьбы, такъ и фактамъ дѣйствительности.

Докладъ брюссельской секціи, составленный Депапомъ, представлялъ собой именно подобную передѣлку, стремящуюся найти принципіальное оправданіе стачкамъ, не отрекаясь окончательно отъ теоріи Прудона.

Депапъ старался защитить стачки, съ цѣлью повышенія заработной платы, отъ возводимаго на нихъ обвиненія, будто, въ случаѣ удачи, онѣ ведутъ къ повышенію цѣнъ продуктовъ. Это обвиненіе основывается на законѣ, по которому цѣны продуктовъ складываются изъ заработныхъ платъ и прибыли капиталистовъ, причемъ всякое увеличеніе одной изъ составныхъ частей ведетъ къ повышенію самой цѣны. Депапъ не отрицаетъ этого мнимаго закона. Онъ пытается обойти его. Такъ было бы, говоритъ онъ, въ обществѣ, состоящемъ только изъ капиталистовъ и рабочихъ. При настоящей же сложной общественной организаціи, гдѣ разные посредники, даже такіе, которые только доставляютъ заказы, берутъ по 10 и 25 процентовъ, вздорожаніе продуктовъ вслѣдъ за увеличеніемъ заработной платы далеко не несомнѣнно. Увеличеніе можетъ быть взято изъ процента посредниковъ; въ отрасляхъ, гдѣ монополія даетъ очень большіе барыши, оно можетъ быть взято изъ этихъ барышей, такъ какъ монополистъ побоится поднимать цѣны продуктовъ, чтобы не уменьшить потребленія, и т. д.

Къ стачкамъ за уменьшеніе часовъ труда, во многихъ отрасляхъ промышленности непримѣнимы и тѣ возраженія, какія приводятся противъ борьбы за увеличеніе заработной платы. Нельзя не признать, что рабочіе въ минахъ, спускаясь въ 5 часовъ утра и выходя на поверхность въ 10 часовъ вечера, работаютъ въ день по полтора дня. „Исключительные поклонники коопераціи забываютъ, наконецъ, продолжаетъ Депапъ, что въ копяхъ и на многихъ заводахъ производство ведется въ такихъ большихъ размѣрахъ, что здѣсь пріобрѣтеніе орудій труда ассоціаціями немыслимо по громадности необходимыхъ для этого капиталовъ. Чѣмъ же, кромѣ стачки, могутъ бороться эти пролетаріи противъ постояннаго пониженія заработной платы? Неужели желательно, чтобы они умирали съ голоду за работой, безъ крика негодованія, безъ попытокъ спастись? Такъ же точно и въ большинствѣ другихъ отраслей промышленности понадобилось бы слишкомъ много времени, чтобы рабочіе могли пріобрѣсти орудія труда, дозволяющія употреблять значительное число рукъ. А пока они будутъ собирать свой капиталъ, хозяева могутъ такъ спустить заработную плату, что не будетъ возможности сберегать ни при какихъ усиліяхъ. Безусловная необходимость стачекъ очевидна, пока остаются категоріи рабочихъ, немедленное освобожденіе которыхъ изъ-подъ власти капитала невозможно. Но для веденія стачекъ необходимы общества сопротивленія, снабженныя кассами и соединенныя въ международный союзъ. Начинать стачки безъ этого условія—все равно, что вести войну безъ провіанта и тактики“... Депапъ надѣется, что въ будущемъ изъ обществъ сопротивленія выйдутъ большія производительныя ассоціаціи, которыя охватятъ цѣлыя отрасли производства и замѣнятъ собой компаніи капиталистовъ.

Относительно необходимости кассъ и обществъ сопротивленія согласны всѣ. Сами, уже немногочисленные въ это время, принципіальные противники стачекъ, оставшіеся въ этомъ вопросѣ вѣрными Прудону, и тѣ признали, что избѣжать стачекъ невозможно, а слѣдовательно, нужно обезпечить ихъ успѣхъ. Женевцы разсказываютъ о своей, существующей уже 15 лѣтъ, союзной кассѣ трехъ ремесленныхъ корпорацій „фабрики“, выдавшей при послѣдней стачкѣ 3,000

*

франковъ рабочимъ „постройки“ и опять уже наполненной взносами членовъ.

Адвокатъ Каталанъ снова подчеркиваетъ необходимость политической свободы для успѣшнаго веденія стачекъ, такъ же точно, какъ и для прекращенія войнъ. Онъ приводитъ въ примѣръ свободу Женевы, гдѣ стачка обошлась безъ всякихъ столкновеній съ властями, хотя агитація велась совершенно открыто, и на улицахъ происходили шумныя собранія въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Въ своемъ рѣшеніи конгрессъ „признаетъ законность и необходимость стачекъ при современныхъ условіяхъ производства. Онъ считаетъ обязательнымъ подчиненіе стачекъ извѣстнымъ правиламъ относительно ихъ организаціи и своевременности. Для организаціи стачекъ должны быть основаны союзы и кассы сопротивленія во всѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ ихъ еще не существуетъ, при чемъ всѣ союзы и кассы различныхъ странъ должны образовать одну солидарную федерацію. Необходимо, однимъ словомъ, продолжать въ этомъ направленіи дѣло, уже предпринятое Международнымъ Обществомъ Рабочихъ, и стараться привлечь всю массу пролетаріата въ его ряды. Своевременность стачки и правильность ея требованій должны подлежать рѣшенію комиссіи делегатовъ всѣхъ отраслей производства, входящихъ въ союзъ сопротивленія“.

Въ рѣчахъ по вопросу: „О вліяніи машинъ на положеніе рабочихъ и заработную плату“ всѣ делегаты единогласно признали, что распространеніе машиннаго производства, уменьшая спросъ на рабочія руки, не только вытѣсняетъ часть рабочихъ, но ведетъ также къ уменьшенію заработной платы и увеличенію часовъ труда для остающихся на фабрикахъ. Леснеръ, членъ Генеральнаго Совѣта и делегатъ лондонской нѣмецкой секціи, цитируетъ по этому поводу недавно появившійся въ печати „Капиталъ“ Маркса, который всѣ нѣмецкіе делегаты горячо рекомендуютъ своимъ собратьямъ.

По вопросу о машинахъ пренія возникли лишь о томъ, можетъ ли конгрессъ постановлять въ данномъ случаѣ какія-нибудь рѣшенія?

Одни—Толенъ съ друзьями—утверждали, что такъ какъ вредныя для рабочихъ послѣдствія введенія новыхъ машинъ

будутъ устранены лишь послѣ осуществленія мютюэлизма, то конгрессъ не можетъ предлагать противъ нихъ никакихъ спеціальныхъ мѣръ. Другіе возражали, что въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ,—о войнѣ, о стачкахъ и проч. Интернаціоналъ, никогда не теряя изъ виду своей конечной цѣли, не долженъ, однако, отказываться отъ принятія тѣхъ или иныхъ мѣръ, оказывающихъ немедленное дѣйствіе. Такія мѣры необходимы, потому что рабочій, сживаемый со свѣту машиной, будетъ непремѣнно такъ или иначе бороться съ нею и не можетъ утѣшаться соображеніемъ, что со временемъ она изъ конкурента превратитсявъ его орудіе.

Этотъ взглядъ былъ принятъ большинствомъ, и конгрессъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе: „Машины, подобно другимъ орудіямъ труда, должны принадлежать самимъ рабочимъ, и это можетъ быть достигнуто посредствомъ коопераціи и организаціи взаимнаго кредита между производителями; но тѣмъ не менѣе, уже въ настоящее время рабочія организаціи должны, при введеніи новыхъ машинъ, требовать отъ фабрикантовъ извѣстныхъ гарантій или вознагражденія для заинтересованныхъ въ дѣлѣ рабочихъ“.

По вопросу объ образованіи, на этотъ разъ было представлено до полдюжины докладовъ. Противъ вмѣшательства государства въ это „семейное“ дѣло высказалась одна только люттихская секція, процитировавъ, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, тѣ самыя мѣста изъ Прудона, которыя когда-то излагали и парижане въ мемуарѣ, представленномъ женевскому конгрессу. Другіе доклады, въ томъ числѣ представленный союзомъ парижскихъ переплетчиковъ, требовали наоборотъ, дарового, государственнаго и обязательнаго образованія. Женевскія секціи прибавили къ этому требованіе содержанія дѣтей школьнаго возраста на счетъ готударства, безъ чего строгая обязательность образованія невозможна, такъ какъ посѣщеніе дѣтьми пролетаріевъ школы, вмѣсто фабрики, ляжетъ невыносимымъ бременемъ на родителей, и дѣти будутъ голодать.

Конгрессъ добавилъ къ прежнимъ рѣшеніямъ приглашеніе всѣмъ секціямъ устраивать публичные курсы по программѣ научнаго и профессіональнаго образованія, при чемъ уменьшеніе часовъ труда было признано необходимымъ предварительнымъ условіемъ организаціи такихъ курсовъ.

Снова и уже въ послѣдній разъ выступаетъ на сцену и любимый вопросъ прудонистовъ о кредитѣ. По этому поводу докладъ былъ представленъ одной только брюссельской секціей, но зато очень длинный, съ приложеніемъ прудоновскихъ статутовъ банка дарового кредита и обмѣна продуктовъ безъ участія денегъ. Однихъ такихъ банковъ, говорилось къ концу доклада, совершенно достаточно для полнаго переустройства всѣхъ общественныхъ отношеній, уничтоженія государства, налоговъ, процента, ренты и проч. и проч.

Нѣмцы, скромно выслушивавшіе на прежнихъ конгрессахъ безконечныя разсужденія о кредитѣ, на этотъ разъ пробуютъ возражать. Эккаріусъ говоритъ, что въ Германіи, въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ очень мало знаютъ о даровомъ кредитѣ и вовсе имъ не интересуются. Ему кажется, что и въ задачи Интернаціонала вовсе не входитъ обсужденіе такихъ отвлеченныхъ и сомнительныхъ теорій. Кельнскій делегатъ Морисъ Гессъ называетъ теорію дарового кредита фантазіей. Лишь маленькая секта, замѣчаетъ онъ, раздѣляетъ теоріи Прудона, опровергнутыя величайшими экономистами. Его прерываютъ бурными протестами. Онъ предлагаетъ протестующимъ прочесть „Нищету философіи“ Маркса.

Къ Эккаріусу и Гессу присоединяются и другіе англичане и нѣмцы; но воспитанные на Прудонѣ французы, уже поколебавшіеся въ большинствѣ относительно многихъ членовъ своего символа вѣры, остаются еще неизмѣнными поклонниками кредита.

Они снова перечисляютъ всѣ тѣ блага, которыя принесетъ съ собою ихъ банкъ и совершенно справедливо замѣчаютъ, что возраженія ихъ противниковъ не касаются вопроса по существу.

Теорія кредита и обмѣна была тѣмъ пунктомъ прудонистской программы, который всего менѣе потерпѣлъ, какъ отъ обмѣна идей на конгрессахъ, такъ и отъ столкновеній съ практикой.

Что могли, въ самомъ дѣлѣ, противники теоріи дарового кредита возразить „по существу“ людямъ, знакомымъ съ экономическими вопросами почти исключительно по Прудону? Для этого имъ пришлось бы изложить чуть не цѣлый

курсъ политической экономіи, совершенно неумѣстный на конгрессѣ. Оставалось только совѣтовать противникамъ прочесть Маркса. Играло тутъ также нѣкоторую роль обстоятельство, на которое часто жалуется Беккеръ въ своемъ „Vorbott'ѣ“. На всѣхъ конгрессахъ большинство делегатовъ знало только французскій языкъ, и рѣчи нѣмцевъ доходили до него лишь въ болѣе или менѣе сокращенныхъ изложеніяхъ секретарей-переводчиковъ. По другимъ, практическимъ вопросамъ, еще можно было удовольствоваться подобнымъ способомъ обмѣна мыслей; но пускаться, при такихъ условіяхъ, въ сложныя теоретическія поясненія не могло быть охоты.

Съ практикой же вопросъ о даровомъ кредитѣ и обмѣнѣ вовсе не сталкивался. Для практической попытки этого рода не находилось охотниковъ. Обязанность осуществить программу мютюэлистовъ возлагалось въ принципѣ на ассоціаціи, но и тѣ вели себя ничуть не лучше частныхъ собственниковъ. За это ихъ громили на конгрессахъ, на нихъ падала вся отвѣтственность, теорія же кредита оставалась невинной въ глазахъ своихъ послѣдователей.

На кооперативныя общества, какъ потребительныя, такъ и производительныя, на этотъ разъ жалуются всѣ. У каждаго оратора имѣлись на готовѣ примѣры ихъ алчности, ихъ буржуазныхъ инстинктовъ и полнаго невниманія къ теоріи. Тѣ общества, дѣла которыхъ идутъ особенно удачно, берутъ съ новыхъ членовъ по 100, по 200 и даже по 600 франковъ за право вступленія въ ассоціацію, исключая такимъ образомъ изъ своей среды всю массу пролетаріевъ.

Но гораздо интереснѣе всѣхъ этихъ вопросовъ, какъ для многочисленной публики присутствовавшей на конгрессѣ, такъ и для самихъ делегатовъ изъ странъ французскаго языка, былъ вопросъ о поземельной собственности. Онъ не являлся практически жизненнымъ вопросомъ для Иктернаціонала, не имѣвшаго ни одной секціи среди земледѣльцевъ и не помышлявшаго серьезно объ ихъ организаціи. Изъ всѣхъ странъ, въ которыхъ дѣйствовалъ Интернаціоналъ, вопросъ о землевладѣніи могъ бы имѣть непосредственно агитаціонное значеніе въ одной лишь Англіи, съ ея громадной концентраціей поземельной собственности и вѣчными волненіями въ Ирландіи, гдѣ всего больше обострены именно аграрныя отношенія.

Не имѣя непосредственнаго практическаго значенія вопросъ о поземельной собственности пріобрѣлъ однако огромное идейное значеніе и главнымъ образомъ для той французской части Интернаціонала, въ которой и требованія борьбы и обмѣнъ мнѣній въ средѣ общества расшатали уже безусловную вѣру въ авторитетъ Прудона и разрушили ту цѣльность программы, которая замѣчалась до нѣкоторой степени у мютюэлистовъ группы Толена. Разъ усумнившись хоть бы въ одномъ только пунктѣ мютюэлизма, мысль прудонистовъ должна была наброситься именно на вопросъ о поземельной собственности. Частная собственность на землю вполнѣ гармонировала съ политическимъ идеаломъ Прудона. Его крайній федерализмъ заставлялъ его стремиться къ раздробленію народныхъ массъ на самостоятельныя общины, группы, мастерскія и проч., связанныя между собой лишь свободными контрактами, которые каждый воленъ заключать или нѣтъ со своими сосѣдями. Подобный федерализмъ былъ несовмѣстимъ съ существованіемъ такой обязательной и прочной связи между всѣми гражданами данной страны, какъ общая національная собственность на землю.

Но гармонируя съ политическимъ идеаломъ мютюэлистовъ, частная поземельная собственность находилась въ вопіющемъ противорѣчіи съ тѣмъ идеаломъ экономическаго строя, который сложился у нихъ подъ вліяніемъ Прудона. Въ ихъ идеальномъ, основанномъ на взаимности, обществѣ производителей, владѣющихъ всѣми продуктами своего труда и обмѣнивающихъ эти продукты по стоимости, измѣряемой часами труда, затраченнаго на производство, — въ такомъ обществѣ оказываются владѣльцы товара, на производство котораго никто не затрачивалъ ни одного часа труда; и этотъ товаръ — земля, драгоцѣннѣйшее изъ орудій производства, источникъ всего сырого матеріала. Какое же это равенство? Гдѣ же тутъ справедливость? заговорило большинство прудонистовъ, какъ только обратило вниманіе на эту сторону своей программы. Равенство и справедливость — два слова, безпрерывно встрѣчающіяся какъ у самого Прудона, такъ и у его послѣдователей, и критика дѣйствовала всего сильнѣе именно съ этой привычной точки зрѣнія. Но кому же должна принадлежать земля? Всѣмъ вмѣстѣ, кол-

лективности, государству рабочихъ — указывали нѣмцы-коммунисты, не поднимавшіе вопроса о поземельной собственности, такъ какъ въ его немедленномъ рѣшеніи не было надобности для преслѣдуемой ими цѣли, объединенія борющагося пролетаріата всѣхъ странъ, но высказавшіе свое мнѣніе, разъ вопросъ былъ уже поднятъ и привлекъ къ себѣ вниманіе Интернаціонала.

За годъ, прошедшій со времени лозанскаго конгресса, отрицаніе частной собственности на землю сдѣлало, какъ оказалось, громадныя завоеванія. Два доклада по этому вопросу, доставленные руанской и брюссельской секціями оба высказываются противъ частнаго землевладѣнія. Проэктъ рѣшенія, предложенный конгрессу комиссіей, состоявшей изъ трехъ нѣмцевъ, трехъ французовъ и трехъ бельгійцевъ признаетъ, что каменоломныя копи, мины и пути сообщенія должны принадлежать государству, „возрожденному и подчиненному закону справедливости, и сдаваться рабочимъ обществамъ по контракту, гарантирующему какъ раціональную эксплоатацію такъ и взаимныя отношенія рабочихъ“. Переходя затѣмъ къ поземельной собственности, проектъ полагаетъ, что экономическое развитіе создаетъ необходимость поступленія также и пахотныхъ земель въ общественную собственность, причемъ земля будетъ сдаваться компаніямъ земледѣльцевъ на условіяхъ аналогичныхъ сдачѣ минъ рабочимъ компаніямъ.

Немногіе мютюэлисты, оставшіеся вѣрными своей программѣ, горячо возражали противъ такого рѣшенія. Всѣ вредныя, невыгодныя стороны современнаго общественнаго строя, приписываемыя индивидуальной собственности, вытекаютъ, увѣряли они, не изъ нея, а изъ плохой организаціи обмѣна. Собственность не представляетъ главнаго, основного факта въ жизни обществъ. Организуйте обмѣнъ и исчезнутъ всѣ злоупотребленія, ей приписываемыя. Прежде думали, что и въ мануфактурной промышленности устраненіе современныхъ злоупотребленій невозможно иначе, какъ посредствомъ замѣны частной собственности общественной, но теперь признано, что для достиженія цѣли достаточно организаціи кредита и обмѣна. Все это относится и къ поземельной собственности. Система Прудона устраняя всѣ злоупотребленія современнаго строя, оставляетъ полный про-

сторъ развитію индивидуумовъ, коммунистическія же системы ведутъ къ тираніи и проч.

Прудонисты-еретики продолжали защищаться противъ обвиненія въ коммунизмѣ. Ихъ будущій строй основанъ по прежнему на обмѣнѣ продуктовъ по ихъ истинной стоимости. Государство не должно само заниматься эксплоатаціей земли оно лишь распредѣляетъ ее между производителями остающимися полными собственниками своихъ продуктовъ. Нѣкоторыя заявленія Депапа указываютъ, однако, на дальнѣйшее развитіе его еретическихъ воззрѣній. Онъ, энергично отрицавшій годъ тому назадъ общественную собственность на орудія промышленнаго труда, говоритъ теперь, что машины и фабрики, требующія для примѣненія къ дѣлу коллективной силы, не могутъ принадлежать отдѣльнымъ лицамъ и должны составлять коллективную собственность „рабочихъ ассоціацій или цѣлаго общества, состоящаго изъ однихъ рабочихъ".

Конгрессъ принялъ проектъ комиссіи большинствомъ 30 голосовъ противъ 4. 15 депутатовъ воздержалось отъ участія въ голосованіи, ссылаясь на недостаточное знакомство съ вопросомъ.

Вотировавшіе противъ коллективнаго землевладѣнія Толенъ съ компаніей составили письменный протестъ, въ которомъ слагали съ себя всякую отвѣтственность за принятое конгрессомъ рѣшеніе. Они были правы, видя въ этомъ рѣшеніи полный разрывъ съ мютюэлизмомъ, хотя подававшимъ за него голосъ прудонистамъ принимаемое ими рѣшеніе казалось простой поправкой въ старой программѣ. Эта поправка одной нелогичности сама вызывала цѣлый рядъ другихъ нелогичностей, и начавшаяся расчистка могла кончиться лишь съ уничтоженіемъ всей системы. Кромѣ того, состоявшееся рѣшеніе сразу вносило въ программу самое существенное измѣненіе, оставшееся невыраженнымъ въ безобидной по формѣ редакціи конгресса.

По програмѣ мютюэлистовъ, превращеніе наемныхъ рабочихъ въ самостоятельныхъ производителей—собственниковъ орудій труда и продуктовъ—можетъ и должно произойти мирно, безъ нарушенія чьихъ бы то ни было пріобрѣтенныхъ юридическихъ правъ собственности. Оно достигается различными „ухищреніями въ области обмѣна",

устройствомъ банковъ дарового кредита, измѣненіями въ условіяхъ аренды и проч., безъ всякихъ общихъ принудительныхъ мѣръ. Превращеніе же частнаго землевладѣнія въ государственное было бы немыслимо безъ нарушенія юридическихъ правъ, безъ насилія коллективной воли надъ волею отдѣльныхъ собственниковъ. Предполагалось, конечно, что задолжавшіе мелкіе землевладѣльцы сами захотятъ отдать свою землю государству, лишь бы избавиться отъ кредиторовъ. Но все-таки принятое рѣшеніе несомнѣнно заключало въ себѣ идею общаго, революціоннаго акта.

Отъ землевладѣнія мысль шла дальше: почему конфискуется земля, а подъ фабрики и машины надо еще подкапываться разными ухищреніями? Права капиталистовъ ничуть не справедливѣе правъ землевладѣльцевъ. Далѣе: почему конфискованная земля остается собственностью государства, а фабрики, машины и проч. будутъ собственностью употребляющихъ ихъ рабочихъ? Это продукты труда, но вѣдь не трудомъ же ткачей произведены станки и паровые двигатели, при помощи которыхъ они работаютъ? Нельзя также приписать право собственности на машины рабочимъ механическихъ заводовъ, изъ которыхъ онѣ вышли. Иначе ткачи могутъ предъявить права собственности на всѣ тѣ, давно купленныя и изношенныя публикой матеріи, которыя соткали они въ теченіе жизни. Словомъ,—разъ отрекшись, отъ обычнаго, юридическаго понятія о собственности мысленно отобравши эту собственность у ея фактическихъ владѣльцевъ, не было никакой возможности „по справедливости“ найти для ней новыхъ обладателей. Она можетъ принадлежать лишь всѣмъ вмѣстѣ, коллективности. Но куда же дѣнутся, вь такомъ случаѣ, самостоятельныя группы и общины, вступающія между собой въ свободные договоры?

Вся программа мютюэлизма оказывалась расшатанной. Съ ними въ сущности было уже покончено на брюссельскомъ конгрессѣ. Но отъ признанія необходимости государственной собственности на всѣ орудія труда, а слѣдовательно, и необходимости для рабочаго класса овладѣть государственной властью, мысль нѣкоторой части прудонистовъ спаслась, какъ увидимъ впослѣдствіи, сдѣлавъ скачекъ назадъ, отрекшись отъ государственной собственности на землю, признавши и землю и всѣ существующіе продукты труда, вмѣсто

общей собственности всѣхъ вмѣстѣ, ничьей собственностью. Спаслась—посредствомъ отрицанія всякой системы, всякой организаціи, замѣнивъ ее идеей „непрекращающейся революціи“ (révolution en permanance бакунистовъ).

ГЛАВА IX.

Вся европейская пресса, въ особенности французская, занялась Брюссельскимъ конгрессомъ гораздо усерднѣе, чѣмъ предыдущими. Его рѣшенія показались буржуазнымъ газетамъ крайне революціонными, коммунистическими. Могущество, богатство Интернаціонала страшно преувеличивалось; ему предсказывали скорое господство надъ всѣмъ міромъ. „Рабочій народъ, говоритъ Фрибуръ [1]), наслушавшись преувеличенныхъ газетныхъ сообщеній, привыкалъ смотрѣть на эту ассоціацію, какъ на великую возстановительницу справедливости. Встрѣчая при всѣхъ демонстраціяхъ имена членовъ Интернаціонала, со стороны думали, что всѣ онѣ дѣлаются по его приказу. Наслушавшись разсказовъ о милліонахъ Интернаціонала, о его безчисленныхъ посланцахъ, разъѣзжающихъ по Европѣ, рабочій сталъ видѣть такого посланца въ каждомъ народномъ ораторѣ, въ каждомъ выдающемся человѣкѣ... Интернаціоналъ пріобрѣталъ дѣйствительную силу именно потому, что изъ него сдѣлали воплощеніе опасности для всѣхъ господствующихъ и убѣжища для угнетенныхъ“.

Все это очень огорчаетъ Фрибура, онъ сторонникъ прежняго спокойнаго и осторожнаго Толеновскаго общества. А новый Интернаціоналъ все растетъ съ увеличивающейся быстротой. И все въ эту пору: кровавыя усмиренія, процессы, стачки, не только удачныя, но даже и неудачныя,—все идетъ на пользу движенія, все способствуетъ его росту и силѣ.

„Въ мастерскихъ вербуютъ членовъ Интернаціонала такъ же легко, какъ предлагаютъ и выпиваютъ стаканъ вина... Но среди этихъ новыхъ членовъ очень немногіе прочли за-

---

[1]) Assoc. Intern. des travaill., стр. 134.

ранѣе общіе статуты", ехидничаетъ Фрибуръ [1]). И, по всему вѣроятію, это замѣчаніе совершенно вѣрно относительно цѣлой массы новыхъ членовъ, въ особенности провинціальныхъ.

Но хотя нормандскій ткачъ или бельгійскій углекопъ присоединялся къ Интернаціоналу, не прочтя его статутовъ, все-таки это присоединеніе вносило массу новаго въ его жизнь, заставляло его сразу понять и перечувствовать потрясающія вещи. Онъ, одинокій рабочій, быть можетъ, съ самаго дѣтства ни отъ кого не видавшій никакой помощи, лишь смутно сознававшій свою солидарность даже съ тѣмъ товарищемъ, который изо дня въ день рядомъ съ нимъ надрывается надъ тѣмъ же непосильнымъ трудомъ, вдругъ созналъ, воочію увидѣлъ свою солидарность съ милліонами пролетаріевъ всего міра.

Онъ не могъ не почувствовать, что съ рабочими какого нибудь далекаго, чуждаго города, самаго имени котораго онъ раньше не слыхивалъ, присылающими ему въ тяжелый моментъ стачки свои заработанные гроши, у него неизмѣримо больше нравственной связи, чѣмъ съ соотечественникомъ - хозяиномъ, чѣмъ со всѣми его сытыми согражданами, всегда становящимися на сторону хозяина.

Интернаціоналъ далъ почувствовать рабочему классу, если хотите, на тотъ моментъ даже въ преувеличенномъ масштабѣ, ту коллективную силу, которую придавало ему объединеніе.

Пока рабочій оставался изолированнымъ, многочисленность его класса могла скорѣе грозить ему бѣдою, чѣмъ ободрять его и радовать: чѣмъ больше рабочихъ, тѣмъ больше голодныхъ ртовъ, сбивающихъ плату конкурентовъ. Теперь та же многочисленность начинаетъ вызывать совсѣмъ иныя представленія. „Насъ милліоны!" съ гордостью говорятъ рабочіе, т. е. милліоны товарищей, союзниковъ, помощниковъ въ борьбѣ. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда Интернаціоналъ еще не проникалъ, гдѣ рабочіе только слышали о его существованіи, они находили уже въ немъ нравственную опору и ободреніе. „Мнѣ не разъ случалось

---

[1]) Ibid., стр. 144.

слышать, говоритъ Робенъ [1]), какъ въ спорѣ съ хозяиномъ разсерженный рабочій восклицалъ:—Эхъ, обождемъ! Придетъ Интернаціоналъ!

„Онъ для нихъ своего рода Мессія".

„Даже тамъ, куда не проникали еще члены нашего общества, сообщаютъ бельгійцы Базельскому конгрессу, рабочіе только и говорятъ, что о немъ, только на него и возлагаютъ надежды".

Не бѣда, что, вступая въ Интернаціоналъ, рабочій не прочелъ его статутовъ; онъ постарается прочесть ихъ при первой возможности. Онъ заинтересуется понемногу всѣми идеями, распространенными въ великомъ союзѣ, котораго онъ сталъ членомъ. Но для этого надо потратить много энергіи полуграмотному рабочему, имѣющему такъ мало свободныхъ часовъ, на это нужно время. Въ этотъ полный блестящихъ надеждъ періодъ существованія Интернаціонала едва ли кто предвидѣлъ, какъ мало времени остается въ его распоряженіи.

1889 г.

---

[1]) 3-iéme Procès de l'Assoc. int. des travailleurs de Paris.

Замѣтки читателя

по поводу „упраздненія“ г.г. Тугановъ-Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли.

Замѣтки читателя по поводу «упраздненія» г. г. Тугановъ-Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли.

Въ своей статьѣ, помѣщенной въ февральской книжкѣ „Жизни“ за 1900 годъ, г. Струве, упразднивъ, на свой взглядъ, теорію трудовой цѣнности Маркса посредствомъ „reductio ad absurdum“ ученія объ уровнѣ прибыли, обѣщаетъ приступить, вмѣстѣ съ другими представителями „критическаго направленія въ русской литературѣ“, къ задачѣ „вставить... въ широкую и грандіозную рамку соціологическихъ обобщеній Маркса“ нѣчто совершенно отличное отъ той картины, которая наполняетъ эту рамку у самаго Маркса.

Съ неменьшей рѣшительностью упраздняетъ теорію прибыли, а за нею и трудовой цѣнности Маркса, также и г. Туганъ-Барановскій, предлагая въ замѣну свою собственную теорію прибыли, составляющую одно цѣлое съ его теоріей рынковъ, признаваемой отчасти и нѣкоторыми другими изъ нашихъ экономистовъ. Такое рѣшительное нападеніе на ученіе Маркса двухъ видныхъ представителей нашего „критическаго направленія“ должно было привлечь къ себѣ вниманіе. Оба названные нами автора желаютъ слышать голосъ лишь „самостоятельной“ критики, занимающейся „взвѣшиваніемъ и анализомъ высказанныхъ ими идей“, строго предостерегая послѣдователей Маркса отъ вреда „перефразировки и повторенія“... „всѣмъ извѣстной догмы“ его ученія. Отвѣтами на свою статью въ майской книжкѣ „Научнаго Обозрѣнія“ за 1899 годъ г. Туганъ-Барановскій остался недоволенъ, какъ „чисто формальными и не затрогивающими сущности дѣла“.

Я не болѣе какъ „читатель“ въ области политической

экономіи. Читатель въ томъ смыслѣ, что никогда не занималась спеціальной разработкой того или другого ея отдѣла, никогда не разсматривала подолгу въ микроскопъ различныхъ формулъ или схемъ, встрѣчающихся въ „Капиталѣ", изолировавъ эти схемы отъ общаго содержанія книги. Для меня ученіе Маркса всегда имѣло значеніе лишь въ его цѣломъ, какъ теоретическое отраженіе и — тѣмъ самымъ — объясненіе дѣйствительности. „Формальными" мои замѣтки не будутъ, но не будутъ онѣ отличаться и той самостоятельностью, которая, что касается до упраздненія ученія Маркса о паденіи уровня прибыли, заключается у занимающихъ насъ писателей въ игнорированіи смысла этого ученія ради разрушительныхъ упражненій надъ схемами и формулами, отдѣленными отъ выраженнаго въ нихъ содержанія. Напоминаніе объ этомъ содержаніи г.г. Струве и Туганъ-Барановскій сочтутъ вѣроятно вредной „перефразировкой". Я мало надѣюсь убѣдить критиковъ. Но мои замѣтки имѣютъ другую цѣль.

Сферой „чистой", спеціальной науки значеніе теоріи Маркса никогда не ограничивалось. Эта теорія важна не для однихъ спеціалистовъ по политической экономіи. На свѣтѣ много такихъ же, какъ я, читателей. Я надѣюсь, что нѣкоторымъ изъ такихъ читателей мои замѣтки помогутъ „взвѣсить и проанализировать" тѣ способы, посредствомъ которыхъ созданы такъ громко провозглашенныя ошибки и антиноміи Маркса.

Сама по себѣ новая теорія рынковъ не составляетъ предмета моихъ замѣтокъ, но такъ какъ г. Туганъ-Барановскій совершенно правъ, указывая Нежданову на ея неразрывную связь со своей теоріей прибыли, такъ какъ и возраженія Марксу и теорія прибыли прямо-таки вытекаютъ у него изъ теоріи рынковъ, какъ ея необходимое дополненіе, то мнѣ приходится коснуться мимоходомъ и теоріи рынковъ.

Эта теорія, выросшая на почвѣ полемики противъ взглядовъ г.г. В. В. и Н—она, говоритъ намъ о независимости капиталистическаго производства отъ внѣшняго для него рынка, въ смыслѣ ли заграничнаго вывоза, или въ смыслѣ третьихъ лицъ — некапиталистическихъ производителей внутри страны. Очевидная и безусловная необходимость внѣшнихъ рынковъ для существующихъ капиталистически

развитыхъ странъ выросла изъ ихъ спеціализаціи на извѣстныхъ отрасляхъ промышленности. Предполагается, что если бы капиталы и рабочіе распредѣлялись пропорціонально между всѣми отраслями промышленности, эти отрасли служили бы рынкомъ другъ для друга, и общая сумма продуктовъ развивающей свое капиталистическое производство страны могла бы также расти, какъ росла при работѣ на всемірный рынокъ.

Это, конечно, болѣе, чѣмъ сомнительно.

Вытѣснивъ продукты своихъ собственныхъ производителей съ національнаго рынка, англійская промышленность продолжала такое же вытѣсненіе на всемірномъ рынкѣ и могла удваивать и утраивать свое производство въ такую эпоху, когда англійское потребленіе какъ мѣстныхъ, такъ и привозныхъ продуктовъ, скорѣе падало, чѣмъ росло. Работая же исключительно на національный рынокъ, англійскій капитализмъ былъ бы вынужденъ сообразовать свой ростъ съ ростомъ потребленія жителей Англіи.

Но крайній и единственный интересующій насъ здѣсь видъ этой теоріи отрицаетъ зависимость роста капиталистическаго производства—не отъ внѣшнихъ рынковъ только, а также и отъ внутренняго спроса на предметы потребленія Пропорціонально распредѣленное производство средствъ производства можетъ само для себя служить рынкомъ и благополучно расти при уменьшеніи производства предметовъ потребленія. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ цѣлью производства является не потребленіе, а прибыль. Возможность возрастанія отдѣла: „средства производства“ на счетъ отдѣла: „средства потребленія“ видна изъ извѣстныхъ схемъ общественнаго воспроизводства.

Эти схемы, предназначенныя у Маркса для выясненія совсѣмъ иного вопроса, играютъ въ нашей литературѣ о рынкахъ огромную, но едва-ли подобающую имъ роль. Съ ними можно продѣлывать что угодно и показывать самыя противоположныя вещи.

1-й отд.	Средства производства . . .	4000 c + 1000 v + 1000 m=6000
2-й отд.	„ потребленія рабочихъ	1000 c + 250 v + 250 m=1500
3-й отд.	„ „ капитал.	1000 c + 250 v + 250 m=1500

Попробуемъ уменьшить въ каждомъ отдѣлѣ перемѣнный

капиталъ вдвое,—а можно и сразу вдесятеро—и остальную половину, или $^9/_{10}$, приложимъ во всѣхъ отдѣлахъ къ постоянному капиталу того же отдѣла, а затѣмъ всѣ числа второго отдѣла уменьшимъ вдвое или вдесятеро, а всѣ остатки приложимъ къ соотвѣтствующимъ числамъ перваго отдѣла, и—какъ видите—всѣ части всѣхъ отдѣловъ по прежнему находятъ свой эквивалентъ.

1-й отд.	Средства производства .	$6002^1/_2$ c +	$122^1/_2$ v +	1225 m=	7350
2-й отд.	„ потребленія рабоч.	$122^1/_2$ c +	$2^1/_2$ v +	25 m=	150
3-й отд.	„ „ капит.	1225 c +	25 v +	250 m=	1500

Такія же операціи можно продѣлать, разумѣется, и съ постояннымъ капиталомъ и съ прибылью, можно производить между ними различныя комбинаціи. Да мало-ли что можно дѣлать! Нужно только соблюдать „пропорціональность“ и все останется въ порядкѣ. Но какой бы порядокъ ни царствовалъ въ мірѣ схемъ, какими бы аргументами намъ ни пытались доказать, что производство средствъ производства можетъ увеличиваться при уменьшеніи производства предметовъ потребленія, мы можемъ только повторить отвѣтъ Вольтера физіократамъ, утверждавшимъ, что одно лишь земледѣліе приноситъ чистый доходъ: „если бы самъ Богъ сказалъ, что міръ сдѣланъ изъ стекла, я смиренно отвѣтилъ бы ему: Создатель міра! Ты вправѣ говорить о немъ все, что Тебѣ угодно, но я все-таки не могу не видѣть, что міръ, въ которомъ я живу,—не изъ стекла!“

Не могу также и я не видѣть, что сокращеніе производства пищи, одежды, обуви, утвари, мебели и проч. неизбѣжно ведетъ за собою сокращеніе производства пряжи хлопка, льна и шерсти, зерна и топлива, желѣза, красокъ, и проч. и проч. За этимъ не можетъ не послѣдовать прекращеніе производства основного капитала для всѣхъ этихъ закрывшихся производствъ, а слѣдовательно—сокращеніе металлургической и каменноугольной промышленности и основного капитала этой промышленности. Все это должно закончиться сокращеніемъ производства машинъ, дѣлающихъ машины, вплоть до самыхъ вершинъ этой машиностроительной іерархіи. Всѣ эти сокращенія должны сопровождаться новымъ уменьшеніемъ потребленія, что, вмѣстѣ съ сокращеніемъ торговли и перевозки товаровъ, должно вызвать новую волну сокращеній производства по всей ли-

ніи. И чѣмъ „пропорціональнѣе“ и „независимѣе“ представимъ мы себѣ капиталистическое хозяйство, тѣмъ чувствительнѣе должны быть всѣ его отдѣлы къ уменьшенію производства предметовъ потребленія. „Пропорціональность“ то и требуетъ, при такомъ уменьшеніи, сокращенія всѣхъ отдѣловъ, создающихъ средства производства. Не подлежитъ сомнѣнію, что цѣлью капиталистическаго производства является не потребленіе, а прибыль, но производить *средства* для отсутствующаго производства было бы занятіемъ *нецѣлесообразнымъ* и прибыли не принесло бы.

Г. Туганъ-Барановскій видитъ подтвержденіе своей теоріи въ новѣйшемъ фазисѣ промышленнаго развитія Англіи. Ея текстильная промышленность перестала рости, тогда какъ машиностроительное производство, химическое, обработка металловъ, добыча каменнаго угля и другія отрасли промышленности, создающія средства производства, продолжаютъ рости. Само по себѣ это обстоятельство говоритъ лишь о томъ, что рядомъ съ Англіей существуютъ страны, употребляющія англійскія средства производства для изготовленія своихъ предметовъ потребленія, часть которыхъ получалась прежде изъ Англіи. Видѣть въ этомъ какое-то подтвержденіе новой теоріи, должно быть, помогаетъ положеніе: „продукты обмѣниваются на продукты“, но лишь взятое совершенно абстрактно, такъ какъ, при попыткѣ вложить въ него конкретный смыслъ, оно для теоріи рынковъ тотчасъ же теряетъ всякое значеніе.

Какъ бы то ни было, теорія существуетъ, а разъ она существуетъ, ей нужно показать, что производительность труда можетъ рости, не увеличивая количества продуктовъ (средства производства могутъ разростаться при неизмѣнномъ или падающемъ потребленіи), а машины могутъ замѣнять рабочихъ, не уменьшая ни издержекъ производства, ни прибыли (уменьшеніе издержекъ при неизмѣнности продукта равняется уменьшенію капитала, а паденіе уровня прибыли, не вознаграждаемое ростомъ ея массы,—паденію капитализма).

Всѣмъ этимъ надобностямъ удовлетворяетъ выведенный г. Тугановъ-Барановскимъ фабрикантъ шелковыхъ тканей

открывающій „основную ошибку абстрактной теоріи капитализма Маркса". Онъ отпустилъ половину своихъ рабочихъ и пріобрѣлъ такіе механическіе станки, при которыхъ издержки производства прежняго количества продукта ничуть не понизились.

Г. Туганъ-Барановскій полагаетъ, что по теоріи Маркса прибыль этого фабриканта должна пасть, а между тѣмъ: „предложеніе тканей остается прежнимъ, спросъ также—нѣтъ никакого основанія предполагать его измѣнившимся. Слѣдовательно, и цѣна ткани не испытаетъ перемѣны". Рынокъ, по справедливому замѣчанію автора, даже и не замѣтилъ происшествія на шелковой фабрикѣ. „А если такъ, то и процентъ прибыли шелковаго фабриканта останется совершенно такимъ же, какъ и до замѣщенія части перемѣннаго капитала постояннымъ, ибо всѣ расходы фабриканта тѣ-же, и выручка та-же, что и раньше. Такъ говоритъ простой здравый смыслъ и ежедневный опытъ". Совершенно вѣрно. Ободренный очевидной убѣдительностью своего примѣра, г. Туганъ-Барановскій переходитъ къ цѣлой странѣ. Ея производство выражалось сперва въ схемѣ: $100\,c + 200\,v + 200\,m = 500$. Затѣмъ ея предприниматели, опять таки безъ уменьшенія издержекъ производства того-же количества продукта замѣняютъ половину рабочихъ машинами: $200\,c + 100\,v + 200\,m = 500$, и рынокъ опять ничего не замѣчаетъ... Ни простой здравый смыслъ, ни ежедневный опытъ этого, положимъ, уже не говорятъ. Если у человѣка выпадетъ одинъ волосъ, то очевидно, что этого никто не замѣтитъ, но, разъ человѣкъ потеряетъ всѣ волосы или хотя половину, ежедневный опытъ говоритъ намъ, что онъ сдѣлается плѣшивымъ.

Посмотримъ, какимъ образомъ, вопреки вѣковому опыту капиталистическаго производства, страна г. Туганъ-Барановскаго или его шелковый фабрикантъ ухитрился удвоить производительность труда рабочихъ, не понизивъ своихъ издержекъ?

Постоянный капиталъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ основного, передающаго продукту часть своей цѣнности, но не входящаго въ него матеріально, и изъ сырья (въ данномъ случаѣ шелка), цѣликомъ входящаго въ продуктъ и матеріально и по цѣнности—это самъ продуктъ въ недоконченномъ состояніи. Предположимъ, что до переворота станки

составляли въ передаваемой продукту цѣнности постояннаго капитала 1/4, т. е. 25 единицъ цѣнности, а 75 стоилъ шелкъ. Шелкъ и послѣ переворота больше 75 единицъ цѣнности стоить не можетъ, такъ какъ количество продукта осталось прежнимъ, слѣдовательно, новые станки стоятъ впятеро дороже старыхъ, хотя соткать на нихъ можно лишь то-же самое количество ткани. Вмѣсто 25 единицъ цѣнности они передаютъ теперь тому-же самому продукту 125 единицъ.

Считая несостоятельность ученія Маркса о прибыли уже доказанной предыдущими примѣрами, г. Туганъ-Барановскій спрашиваетъ себя: „Въ чемъ же заключается ошибка Маркса?“ и находитъ ее въ томъ, что „Марксъ очень часто говоритъ о вліяніи на норму прибыли возрастанія производительности труда, но при этомъ онъ всегда разумѣетъ подъ такимъ возрастаніемъ уменьшеніе затраты капитала на производство единицы продукта. Но измѣненіе производительности труда, зависящее *только* отъ измѣненія сложенія капитала, при неизмѣнности издержекъ производства единицы продукта, не изслѣдовано Марксомъ. Отсюда и вытекаетъ основная неправильность построенія Маркса...“

Въ рядѣ схемъ, приведенномъ г. Туг.-Барановскимъ изъ 13-й главы III т. „Капитала“, нѣтъ схемы, соотвѣтствующей его шелковому фабриканту, но въ 15-й главѣ того-же тома совершенно аналогичный примѣръ разсматривается въ дополнительныхъ поясненіяхъ къ тому общему положенію, что *соразмѣрно* съ ростомъ производительности труда растетъ лишь масса сырья, лишь *оборотная* часть постояннаго капитала, но *не основная*. Хотя машины при увеличивающейся массивности (вслѣдствіе увеличенія размѣровъ производства, увеличенія той *массы* сырья, для обработки которой онѣ предназначаются) и становятся абсолютно дороже, но относительно онѣ дешевѣютъ. Если пять рабочихъ производятъ товаровъ вдесятеро больше прежняго, то отъ этого затраты на основной капиталъ не удесятеряются (у Туг.-Барановскаго онѣ удесятеряются, когда 5 рабочихъ производятъ товара лишь вдвое больше прежняго), онѣ возрастаютъ вмѣстѣ съ ростомъ производительности труда, но далеко не соразмѣрно съ этимъ ростомъ.

Что иначе и быть не можетъ, разъясняется на примѣрѣ машины, которая, вдвое сокращая живой трудъ, въ то-же

время втрое увеличивала-бы цѣнность, передаваемую единицѣ продукта ея собственнымъ изнашиваніемъ и въ общемъ оставляла-бы издержки производства прежними. Не удешевляя товара, такая машина въ капиталистическомъ хозяйствѣ не представляетъ усовершенствованія, капиталисту нѣтъ никакого интереса ввести ее. Распространиться она не можетъ потому уже, что въ прямой убытокъ—обезцѣнивала-бы, превращая въ ломъ, еще не изношенныя, дѣйствующія машины, а такихъ „утопическихъ глупостей" капиталисты не дѣлаютъ [1]). Сокращеніе труда само по себѣ, ради досуга, могло интересовать самостоятельныхъ производителей; къ нему будетъ всѣми силами стремиться планомѣрно хозяйничающее соціалистическое общество, капиталисту-же интересно не сокращеніе живого труда, а лишь сокращеніе издержекъ. Г. Туг.-Барановскій находитъ нужнымъ „изслѣдовать явленіе въ наиболѣе чистомъ видѣ—изслѣдовать, какъ вліяетъ замѣщеніе перемѣннаго капитала постояннымъ само по себѣ", безъ уменьшенія издержекъ производства. Онъ изслѣдуетъ вліяніе на уровень прибыли такого явленія, которое „само по себѣ" станетъ возможнымъ (какъ общественная тенденція, а не личный капризъ)... лишь съ исчезновеніемъ капиталистической прибыли.

Но капиталистъ г. Туг.-Барановскаго дѣйствуетъ не по экономическимъ разсчетамъ, а лишь по злобѣ. Онъ желаетъ „избѣгнуть непріятности" имѣть дѣло съ рабочими. Такъ какъ „механически" прибыль падаетъ лишь у схематическаго Маркса, противъ котораго борятся теперь г. г. Струве и Туг.-Барановскій, у реальнаго-же Маркса—механизмомъ, вырабатывающимъ изъ роста производительности труда паденіе прибыли, служитъ конкурренція, борьба за спросъ, а сердитый фабрикантъ ее не задѣлъ, то по обычнымъ эко-

[1]) На томъ, что машина всегда стоитъ меньше замѣняемой ею рабочей силы, Марксъ неоднократно настаиваетъ и въ I томѣ и въ другихъ мѣстахъ III-го. Я „повторяю всѣмъ извѣстную догму". Это, разумѣется, скучно, но вѣдь очевидное не-паденіе прибыли шелковаго фабриканта поставлено во главу угла всего крушенія теоріи Маркса. Какъ-же не напомнить читателю, что Марксъ изслѣдовалъ тенденціи существующаго капиталистическаго строя, а не „стекляннаго", который созданъ и изслѣдуется г. Туг.-Барановскимъ?

номическимъ причинамъ его прибыль не потерпитъ урона. Достигнетъ-ли онъ той нравственной цѣли, къ которой стремится—это другое дѣло. Еще въ шелковомъ-то производствѣ—куда ни шло, но устрой онъ такую штуку въ одной изъ отраслей англійской промышленности, гдѣ существуютъ рабочіе союзы, секретари которыхъ прекрасно знаютъ условія промышленности и тотчасъ проникли-бы въ мотивы фабриканта, ему дорого пришлось-бы поплатиться за свою продѣлку—даже и со стороны прибыли, а ужъ душевнаго-то удовлетворенія навѣрное пришлось-бы ждать до обезьянъ, о которыхъ зри у того же г. Тугана-Барановскаго [1]).

Никакихъ иныхъ аргументовъ, кромѣ все того-же замѣщенія рабочихъ машинами „caeteris paribus", не приводитъ г. Туг.-Барановскій и во второй своей статьѣ, озаглавленной „Трудовая цѣнность и прибыль" [2]).

Разсмотримъ его собственное ученіе объ уровнѣ прибыли, въ заключеніе котораго онъ цѣлыми четырьмя строчками курсива подчеркиваетъ свое торжество надъ Марксомъ.

„Отъ какихъ-бы причинъ ни зависѣла цѣнность продуктовъ... распредѣленіе продукта между отдѣльными общественными классами совершается при посредствѣ цѣны. Какъ предметы, имѣющіе цѣну, всѣ продукты соизмѣримы другъ съ другомъ. Весь общественный продуктъ распадается на три части: одна идетъ на возстановленіе средствъ производства, другая на потребленіе рабочихъ и третья поступаетъ въ распоряженіе нетрудящихся классовъ. Чѣмъ опредѣляется доля нетрудящихся классовъ? Очевидно, высотой двухъ другихъ долей—средствъ производства и предметовъ потребленія рабочихъ. Если доля рабочихъ и средствъ производства *въ суммѣ* останется неизмѣнной, то и доля нетрудящихся классовъ не можетъ измѣниться, *какъ-бы ни измѣнялась доля рабочихъ*. Допустимъ, что доля средствъ производства=$^1/_4$ всего продукта, доля рабочаго класса $^1/_2$ и доля нетрудящихся классовъ $^1/_4$. Пусть доля рабочаго класса сократится вдвое, а доля средствъ производства соотвѣтственно возрастетъ. Въ такомъ случаѣ на долю рабочаго класса придется $^1/_4$ продукта, на долю средствъ производ-

[1]) Май 1899 г. Н. О. „Основная ошибка".

[2]) Мартъ 1900 г. „Н. О.".

ства—$^1/_2$. Но такъ какъ доля рабочихъ и средствъ производства въ совокупности не измѣнилась, то и доля нетрудящихся классовъ должна остаться неизмѣнной. *Отсюда ясна мнимость закона Маркса о паденіи нормы прибыли. Замѣщеніе рабочаго машиной, caeteris paribus, никакого вліянія на долю капиталистовъ, а, слѣдовательно, и на норму прибыли не оказываетъ*" [1]).

Какимъ-же способомъ достигается здѣсь неизмѣнность суммы общественнаго продукта, при ростѣ доли средствъ производства на счетъ доли рабочихъ? Чтобы разсмотрѣть его, изобразимъ это хозяйство въ обычной схемѣ, только при постоянномъ капиталѣ отмѣтимъ въ скобкахъ его распаденіе на основную *ос* и обороточную *об* части. Эти части мы беремъ произвольно, но ихъ относительные размѣры не измѣняютъ дѣла.

1) Средства производства 125 (25 ос. 100 об.) c + 250 v + 125 m = 500.

2) Средства потребленія рабочихъ 250 (50 ос. 200 об.) c + 500 v + 250 m = 1000.

3) Средства потребленія капиталистовъ 125 (25 ос. 100 об.) c + 250 v + 125 m = 500.

Соединенныя-же вмѣстѣ средства потребленія капиталистовъ и рабочихъ равнялись 375 (75 ос. + 300 об.) c + 750 v + 375 m + 1500.

Это при первоначальномъ составѣ капитала [2]).

Послѣ переворота доля средствъ производства изъ $^1/_4$

---

[1]) „Науч. Об.“ № 3 1900 г. „Трудов. цѣнн. и прибыль“.

[2]) Какъ здѣсь, такъ и въ первой статьѣ г. Туганъ-Барановскій предполагаетъ первоначальный составъ капитала до такой степени низкимъ, что является вопросъ: не думаетъ-ли онъ, что въ его схематической утопіи отражается не только настоящее или будущее капиталистическаго строя, но и его возникновеніе? Быть можетъ и фабрикантъ шелковыхъ тканей взятъ потому именно, что въ этой отрасли не перевелись еще ручные станки? Если-бы мое предположеніе оказалось справедливымъ, то нашего автора отъ всей души поблагодарили-бы многочисленныя тѣни ремесленниковъ, въ особенности-же тѣни всѣхъ погибшихъ ручныхъ ткачей Англіи, Индіи, Силезіи. Имъ такъ пріятно было бы хотя бы въ „чарованіи красныхъ вымысловъ“ представить себѣ, что вмѣсто погубившихъ ихъ злыхъ машинъ, безмѣрно умножавшихъ и удешевлявшихъ продукты, современные имъ капиталисты вводили дорогія игрушки М. И. Туганъ-Барановскаго. Съ такими игрушками не предстояло бы никакой борьбы. На нихъ можно-бы просто-на-просто не обращать вниманія

превращается въ $^1/_2$, доля рабочихъ изъ $^1/_2$ въ четверть, а такъ какъ доля капиталистовъ остается прежней, то въ общемъ производство предметовъ потребленія сокращается на $^1/_3$, на $^1/_3$-же уменьшается очевидно и количество превращаемаго въ эти предметы сырья и полуфабрикатовъ, т. е. оборотная часть постояннаго капитала въ отдѣлѣ средствъ потребленія.

1) Средства производства: 500 c+250 v+250 m=1000.

2) и 3) Средства потребленія капиталистовъ и рабочихъ: 500 (300 ос.+200 об.) c+250 v+250 m=1000.

Такимъ образомъ, до переворота 75 единицъ основного капитала было достаточно для обработки 300 единицъ сырья въ 1500 единицъ продукта, послѣ переворота требуется учетверенный основной капиталъ для обработки 200 единицъ сырья и производства, сократившагося на $^1/_3$ продукта. Не имѣя ни малѣйшихъ данныхъ относительно причинъ безмѣрнаго вздорожанія машинъ, пріобрѣтаемыхъ у 1-го отдѣла двумя послѣдними, мы не можемъ произвести соотвѣтствующихъ измѣненій въ отношеніи между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ въ отдѣлѣ производства средствъ производства. Но этого и не нужно для того, чтобы видѣть, что Туганъ-Барановскій, замѣнивъ рабочихъ машинами, могъ сохранить неизмѣнными, какъ общую сумму продукта, такъ и издержки производства (общую сумму долей рабочихъ и средствъ производства) лишь посредствомъ ничѣмъ необъяснимаго вздорожанія основного капитала. Именно—вздорожанія, такъ какъ для производства уменьшеннаго количества продукта, увеличеніе массы основного капитала понадобиться не можетъ.

Читатель видитъ, что это не новый аргументъ, а съ одной стороны—все тотъ-же, разросшійся въ цѣлое „общество" фабрикантъ шелковыхъ тканей, съ другой-же стороны—это уже знакомая намъ теорія независимости производства средствъ производства отъ производства предметовъ потребленія.

Все остальное, имѣющее во второй статьѣ внѣшній видъ возраженій, является простымъ противопоставленіемъ взглядамъ Маркса „производительности капитала".

„Трудовая цѣнность есть не болѣе, какъ условное предположеніе — фикція, но полезная (!) фикція". Кому и по-

чему она можетъ быть полезна, будучи фикціей, остается неизвѣстнымъ, но Марксу она была очень вредна. Подъ ея вліяніемъ „Марксъ сдѣлалъ крупную ошибку. Онъ *упустилъ изъ виду* (курсивъ мой), что реально въ дѣлѣ созданія прибыли капиталъ вполнѣ эквивалентенъ труду. Поэтому, замѣщеніе труда капиталомъ не можетъ вліять на норму прибыли. Норма прибыли, какъ реальное явленіе, не находится ни въ какомъ соотношеніи съ строеніемъ капитала... Ошибка Маркса проистекла изъ того, что онъ *упустилъ изъ виду*, что всякое уменьшеніе доли труда въ общихъ затратахъ производства при неизмѣнности, или даже возрастаніи суммы производимыхъ продуктовъ, есть только другое выраженіе повышенія производительности труда". Словомъ, Марксъ „упустилъ изъ виду" все то, что опровергалъ въ своей „Критикѣ политической экономіи", да сверхъ того упустилъ изъ виду еще и „повышеніе производительности труда".

Что именно хочетъ сказать г. Туганъ-Барановскій этимъ послѣднимъ совершенно невѣроятнымъ „упущеніемъ", видно изъ слѣдующей страницы. „Повышеніе производительности труда есть ничто иное, какъ другое выраженіе для обозначенія паденія доли труда въ общихъ затратахъ производства. Понятное дѣло, что если общій результатъ работы Петра и Ивана я считаю работой только Петра, то чѣмъ больше сработалъ Иванъ, тѣмъ производительнѣе я долженъ считать трудъ Петра. Марксъ повѣрилъ, что Иванъ дѣйствительно ничего не дѣлаетъ и заключилъ: если Иванъ беретъ на себя работу Петра—если машина замѣщаетъ рабочаго—значитъ, ихъ общая выработка сокращается. Иными словами Марксъ сталъ отрицать факты (наблюдаемые М. И. Туганъ-Барановскимъ въ его стеклянномъ царствѣ); но онъ могъ-бы спасти трудовую теорію, если-бы призналъ, что, благодаря замѣщенію труда машинами, растетъ производительность труда, почему это замѣщеніе, само по себѣ, и не должно вліять на прибыль".

Само по себѣ! Caeteris paribus, т. е. все тотъ-же шелковый фабрикантъ! Не ростъ производительности труда „упустилъ изъ виду" Марксъ, а именно — этого сердитаго господина, всецѣло завладѣвшаго г. Туганъ-Барановскимъ. Онъ, и только онъ заставляетъ нашего автора говорить о

„независимости цѣны отъ строенія капитала“, о томъ, что „цѣна продукта не находится ни въ какой зависимости отъ этого строенія“. Иначе, даже при глубочайшей увѣренности, что работаетъ Иванъ,—а Петръ такъ только безъ толку около него вертится, г. Туганъ-Барановскій, руководствуясь лишь издержками производства и исторіей промышленности, не могъ-бы не вспомнить, какъ должны были падать и дѣйствительно падали цѣны машинныхъ издѣлій (и именно падала разница въ цѣнѣ между сырьемъ и фабрикатомъ), на томъ „вульгарномъ, будничномъ рынкѣ, къ которому (язвитъ Михаилъ Ивановичъ) большинство марксистовъ питаетъ искреннее презрѣніе, и законы котораго трактуются ими, какъ нѣчто низшее и буржуазное“. Независимость-же отъ строенія капитала цѣны пріобрѣтаютъ лишь на изящномъ, праздничномъ рынкѣ той почтенной страны, гдѣ „машины замѣщаютъ рабочихъ caeteris paribus“ и, не сокращая издержекъ производства, могутъ вводиться лишь сердитыми господами исключительно по злости.

Мы знаемъ, чѣмъ опредѣляется по мнѣнію г. Туганъ-Барановскаго уровень прибыли капиталистовъ. У него есть также новая теорія самого происхожденія прибыли. Хотя эта теорія излагается не для опроверженія Маркса, а лишь въ замѣну его уже опровергнутаго по мнѣнію автора ученія, мы все-же взглянемъ на эту теорію прежде чѣмъ разстаться со статьями Туганъ-Барановскаго. Онъ разсматриваетъ все общество въ его цѣломъ, а такъ какъ совокупность всего общества не покупаетъ и не продаетъ, то богатство всего общества не зависитъ отъ цѣны. „Въ частномъ хозяйствѣ производимый продуктъ несравнимъ, по своимъ потребительнымъ свойствамъ, съ продуктами, затраченными для его производства. Въ народномъ хозяйствѣ продукты вновь производимые и продукты потребляемые или расходуемые вполнѣ сравнимы, такъ какъ это въ общемъ, одни и тѣ-же продукты“. Въ началѣ операціоннаго года общество располагало такимъ-то и такимъ-то числомъ милліоновъ пудовъ пшеницы, чугуна, желѣза, матерій и проч., и проч. Въ концѣ года оно имѣетъ всѣхъ этихъ пудовъ на 20, на 30 процентовъ больше, чѣмъ въ началѣ. Въ основѣ прибыли лежитъ простой фактъ увеличенія *количества* продуктовъ. „Почему, спрашиваетъ авторъ, совокупный обще-

ственный продуктъ цѣнится выше продуктовъ, затраченныхъ на его производство? Да потому, что путемъ затраты даннаго количества продуктовъ, общество не только воспроизводитъ затраченные продукты, но и получаетъ нѣкоторый избытокъ продуктовъ. Этотъ избытокъ расцѣнивается такимъ-же порядкомъ, какъ и затраченные продукты; такимъ образомъ возникаетъ прибавочная цѣнность. Что прибыль основывается именно на моментѣ увеличенія количества продуктовъ въ распоряженіи общества, это вполнѣ ясно, если вспомнить, что *прибавочная цѣнность* была-бы немыслима безъ *прибавочнаго продукта.* Въ основѣ прибыли лежитъ, слѣдовательно, созданіе прибавочнаго продукта"...

„Этотъ свободный, прибавочный продуктъ частью или цѣликомъ достается владѣльцамъ средствъ производства— потому что для производства необходимъ не только трудъ, но и средства производства. Монопольное владѣніе послѣдними даетъ экономическую силу имущимъ классамъ обезпечить себѣ опредѣленную долю участія въ общественномъ продуктѣ".

Отъ другихъ теорій происхожденія прибыли его собственная теорія выгодно отличается, по мнѣнію ея автора, между прочимъ въ томъ отношеніи, что въ ней „дѣйствительно нѣтъ ни грана этики", тогда какъ другія, въ томъ числѣ и теорія Бемъ-Баверка, стремятся доказать „законность нетрудового дохода".—„Но и теорія Маркса, хотя и въ другомъ смыслѣ, также заключаетъ въ себѣ этическій моментъ. По этой теоріи прибыль есть неоплаченная доля труда рабочаго. Но развѣ такое опредѣленіе прибыли не исходитъ изъ молчаливаго допущенія, что только рабочій имѣетъ право на продуктъ производства?" Говорить о неоплаченномъ трудѣ можно только „въ смыслѣ несоотвѣтствія дѣйствительности извѣстному этическому и правовому идеалу — право рабочаго на всю выручку его труда"... „Обѣ теоріи этичны, односторонни и объективно невѣрны". Теорія Маркса затрогиваетъ „область желаемаго", а эта область „не есть область причинныхъ отношеній бытія, которыми только и занимается объективная наука".

А вотъ теорія Туганъ-Барановскаго свободна отъ этой ненаучности. „Она лишь объясняетъ соціальные факты, даетъ имъ научное истолкованіе—и только".

Итакъ, опредѣленіе прибыли, какъ результата неоплаченной части труда, не имѣетъ основанія въ „отношеніяхъ бытія?“

Присмотримся къ теоріи прибыли самого автора. Исходнымъ пунктомъ ея является, какъ мы знаемъ, не цѣнность продуктовъ, а ихъ количество въ пудахъ, аршинахъ, четвертяхъ и проч. Прибыль основывается на моментѣ увеличенія этого количества: „Путемъ *затраты* даннаго количества продуктовъ общество... получаетъ нѣкоторый избытокъ продуктовъ“.

Что капиталистъ получаетъ свой „избытокъ“ путемъ затраты даннаго количества денегъ, это съ его точки зрѣнія не подлежитъ сомнѣнію. Но вѣдь въ теоріи происхожденія прибыли Туганъ-Барановскаго рѣчь идетъ не о цѣнностяхъ, а объ матеріальныхъ предметахъ, и не о капиталистѣ, а объ „обществѣ“, состоящемъ не изъ однихъ же капиталистовъ. Большинство же общества, разъ рѣчь идетъ о пудахъ, отлично знаетъ, что сколько-бы пудовъ чего угодно ни было затрачено, ни малѣйшей прибавки къ нимъ не произойдетъ, если не привести ихъ въ того или другого рода движеніе, если не подвергнуть ихъ тѣмъ или другимъ процессамъ,—словомъ—если не приложить къ нимъ трудъ. Разумѣется, чтобы приложить къ раньше произведеннымъ пудамъ новую прибавку, нужны эти пуды, но сама-то прибавка есть результатъ труда, и только труда—новаго труда большинства общества, приложеннаго къ результатамъ стараго труда тоже большинства. Этотъ фактъ еще можно „упустить изъ виду“, оставаясь въ сферѣ цѣнностей, очевидно достающихся ихъ владѣльцамъ „путемъ затраты“ капитала, но что пуды-то, если ихъ не пошевелить, могутъ только гнить да ржавѣть, а ужъ никакъ не давать прибавки,—это ясно, какъ день. Итакъ „увеличеніе количества продуктовъ въ распоряженіи общества“ происходитъ во время труда и посредствомъ труда. Одна доля получившихся прибавочныхъ пудовъ отдается рабочимъ, слѣдовательно—одна часть трудового времени, произведшаго новые пуды, оплачивается обладателями старыхъ, затраченныхъ пудовъ, возвращающихся къ своимъ владѣльцамъ въ сопровожденіи второй доли прибавочныхъ пудовъ, явившихся въ результатѣ второй—ничѣмъ, не оплаченной части труда. Прибыль, слѣдовательно,

есть продуктъ неоплаченной части труда. Туганъ-Барановскій скажетъ вѣроятно, что лишь въ марксистской фикціи „общій результатъ работы Петра и Ивана считается работой только Петра,“ на самомъ же дѣлѣ неоплаченная (полученная безъ выдачи за нее эквивалента) часть новыхъ пудовъ была результатомъ работы машинъ. Но *работы*—не правда-ли? Не затраты-же? Капиталистамъ пуды ничего не стоили кромѣ затраты, имъ они достались путемъ затраты—это безспорно. Но на свѣтъ Божій пуды появились исключительно путемъ движенія, путемъ работы.

Но „человѣкъ и машина въ этомъ отношеніи вполнѣ эквивалентны“, напоминаетъ г. Туганъ-Барановскій. „Трудовая теорія цѣнности, въ примѣненіи къ реальнымъ фактамъ, должна быть конструирована такимъ образомъ, чтобы эквивалентность человѣка и машины находила себѣ въ ней выраженіе“.

Мысль, что, работая при помощи машинъ, люди производятъ лишь столько, сколько смогли-бы произвести, работая безъ машинъ, все-же остальное количество продукта, явившееся въ результатѣ роста такъ называемой производительности труда („чѣмъ больше сработалъ Иванъ, тѣмъ производительнѣе я долженъ считать трудъ Петра“) сдѣлано машинами—эта мысль лежитъ въ основаніи „трудовой цѣнности“, конструированной Туганъ-Барановскимъ въ его первой статьѣ. Но я думаю, что онъ выразилъ тамъ свою мысль такъ затѣйливо и назвалъ вдобавокъ ея конструированіе „трудовой цѣнностью“ лишь изъ тѣхъ-же добрыхъ чувствъ къ марксистамъ, какими руководствуется нянька, давая отнимаемому отъ груди ребенку пососать пустую соску, чтобы не слишкомъ плакалъ, пока не привыкнетъ обходиться безъ соски.

И соску пососали, хотя ея пустота видна уже изъ того простого соображенія, что нѣтъ ни малѣйшаго резона начинать сокращеніе трудовой цѣнности съ момента пріобрѣнія пресловутымъ шелковымъ фабрикантомъ новыхъ машинъ. Развѣ раньше никакихъ усовершенствованныхъ орудій не вводилось? Количество труда, необходимаго на производство данной единицы товара, не уменьшалось? Производительность труда не росла?

Та-же мысль, но уже безъ соски, высказана и въ статьѣ

П. Б. Струве [1]). „Прибавочная цѣнность, воплощенная въ прибавочномъ продуктѣ,—говоритъ онъ,—создается не только живымъ трудомъ, иначе говоря, M есть функція не одного только V. M есть функція C_1 ($= C + V$), т. е. всего общественнаго капитала. Но я иду еще дальше: установленная Марксомъ и всецѣло признаваемая мною зависимость между ростомъ одного изъ элементовъ постояннаго капитала—капитала основного— и ростомъ производительности труда даетъ полное право утверждать, что ростъ прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта зависитъ въ гораздо большей мѣрѣ отъ роста постояннаго капитала, чѣмъ отъ роста перемѣннаго капитала. Исторически прибавочная цѣнность, или прибавочный продуктъ (M) является по преимуществу функціей основного капитала".

Хорошо. Но я иду еще дальше и берусь показать, что съ этой точки зрѣнія люди съ незапамятныхъ временъ никакихъ продуктовъ не производили—развѣ что иной разъ какой-нибудь Ноздревъ руками зайца поймаетъ. Машины, конечно, вещи большія; передъ ними, какъ предъ привезенной по телеграфу заграничной коровой въ разсказѣ Успенскаго, самъ урядникъ можетъ шапку снять, но и деревенская скотинка—все же корова.

Еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ Бастіа въ полемикѣ съ Прудономъ доказывалъ что если, при помощи рубанка [2]) человѣкъ, изготовлявшій раньше за цѣлый день одну доску, сталъ изготовлять ихъ цѣлыхъ три, то двѣ доски сдѣланы въ сущности новымъ инструментомъ. Бастіа говорилъ о рубанкѣ, но кивалъ-то онъ все-таки на машины. Вѣрно, однако, то, что поскольку это разсужденіе имѣетъ смыслъ, (или не имѣетъ его) въ примѣненіи къ машинамъ, постольку же оно относится и къ рубанку. Дальше, логика этого разсужденія „даетъ" мнѣ „полное право утверждать", что и единственная доска въ день, существовавшая до рубанка, являлась по преимуществу функціей топора. Безъ него не было-бы сдѣлано и одной и т. д. и т. д. Словомъ, относительно самыхъ первыхъ орудій придется, пожалуй, при-

[1]) „Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности". „Жизнь" № 2. 1900 г.

[2]) А можетъ быть и другого ручного инструмента. Излагаю па память и ручаюсь лишь за смыслъ.

знать, что они сдѣланы людьми, но дальнѣйшія дѣлались уже орудіями, какъ и теперь машины производятся машинами; предметовъ-же потребленія люди, повидимому, никогда не производили.

А съ другой стороны, вѣдь тогда-то только они и начали трудиться, когда завелись орудія. Росло употребленіе орудій, вмѣстѣ съ тѣмъ росъ и трудъ. Глупые люди! Именно въ XIX вѣкѣ, когда машины достигли такого величія,— высочайшаго напряженія достигъ и ихъ трудъ. Лишь въ этомъ вѣкѣ узнали они ночную работу, въ небывалыхъ размѣрахъ привлечены къ труду дѣти, до небывалой длины растянутъ рабочій день, а при наступившемъ въ крупной промышленности сокращеніи этого дня, трудъ оставшихся рабочихъ часовъ доведенъ до немыслимой въ прошлые вѣка интенсивности.

Перенесеніе прилагательнаго: *производительный* съ человѣческаго труда на основной капиталъ—кажется мнѣ единственнымъ, хотя и не новымъ возраженіемъ, которое наши критики дѣлаютъ реальному Марксу, а не его механической схемѣ.

Но я забѣжала впередъ, упоминая выводы Струве изъ его „непрекаемаго", какъ ему кажется, упраздненія теоріи Маркса, не сказавъ еще ни слова о самомъ способѣ упраздненія.

Г. Струве точно такъ же, какъ и г. Туганъ-Барановскій, пунктомъ для своего нападенія избираетъ объясненіе, данное Марксомъ тенденціи уровня прибыли капиталистовъ къ паденію. Выразивъ уровень прибыли или отношеніе прибавочной цѣнности къ совокупному общественному капиталу въ видѣ дроби $\frac{M}{C+V}$, Струве спрашиваетъ себя: „Но что-же такое $\frac{M}{C+V}$ въ примѣненіи ко всему обществу?" И отвѣчаетъ, что „М для всего общества означаетъ общественную прибавочную цѣнность, воплощенную въ общественномъ прибавочномъ продуктѣ, т. е. это — чистый или свободный продуктъ общества. Это та величина, которою измѣряется ростъ производительности общественнаго труда, $\frac{M}{C+V}$ есть такимъ образомъ отношеніе чистаго дохода общества ко всему общественному капиталу". Напомнивъ затѣмъ, что

ростъ постояннаго капитала, какъ это понимаетъ и самъ Марксъ, является технико-экономическимъ выраженіемъ роста производительности общественнаго труда, г. Струве дѣлаетъ предположеніе, что читатель уже понялъ, въ чемъ заключается обѣщанная антиномія. Она такова:

„1) Свободный продуктъ или чистый доходъ общества, величиной котораго измѣряется производительность общественнаго труда, прогрессивно падаетъ по отношенію къ совокупному общественному капиталу.

2) Это паденіе обусловливается прогрессивнымъ возрастаніемъ постояннаго капитала, т. е. фактомъ, составляющимъ технико-экономическій базисъ роста производительности общественнаго труда“.

Дальше авторъ начинаетъ браниться: „Эта антиномія есть очевидная нелѣпость, но это — нелѣпость, логически вытекающая изъ положенія, что прибавочная цѣнность (прибавочный продуктъ) создается живымъ трудомъ, это — нелѣпость всей механической теоріи трудовой цѣнности“. Затѣмъ слѣдуетъ „посрамленіе... абсурдъ“ все на той-же 300-й страницѣ.

Догадался, или не догадался заранѣе внимательный читатель, какая именно ожидаетъ его нелѣпость, онъ не можетъ не придти въ изумленіе предъ средствомъ, изготовленнымъ авторомъ для его покушенія на Маркса.

Прежде всего бросается въ глаза фраза, повторяющаяся затѣмъ на протяженіи всей статьи какъ лейтмотивъ и гласящая, что прибыль „это та величина, которою измѣряется ростъ производительности общественнаго труда“. Что это значитъ? Кѣмъ и когда ростъ производительности труда измѣрялся величиною прибыли? Мы знаемъ, что, по мнѣнію автора, прибавочная цѣнность создается не только живымъ трудомъ, но по преимуществу капиталомъ. Если-бы онъ сказалъ намъ, что прибыль есть та величина, которою измѣряется ростъ *производительности капитала*, можно-бы понять, что онъ хочетъ сказать. Но, вѣдь, производительность капитала—это та теорія, которую предстоитъ еще водрузить на мѣсто „упраздненной“ антиноміею теоріи Маркса, а пока рѣчь идетъ о взглядахъ самого Маркса. Къ своему опредѣленію $\frac{M}{C+V}$ „въ примѣненіи ко всему обществу“

Струве дѣлаетъ примѣчаніе, утверждающее, что „это пониманіе соотвѣтствуетъ вполнѣ пониманію самого Маркса, развиваемому имъ въ разныхъ мѣстахъ трехъ томовъ „Капитала“ (см. въ особенности т. III 2, 353—356 том. ориг.).

Я не вижу этого соотвѣтствія, но пока намъ нужно лишь отмѣтить, что антиномія выражаетъ претензію состоять изъ положеній, соотвѣтствующихъ взглядамъ самого Маркса.

По Марксу ростъ производительности труда проявляется въ томъ, что при помощи растущаго примѣненія машинъ, одинаковое число рабочихъ въ одинаковое время превращаетъ большую массу сырья въ продукты. Слѣдовательно и измѣряться ростъ производительности труда можетъ лишь ростомъ всего продукта чистаго и нечистаго, производимаго въ данномъ обществѣ. Онъ можетъ затѣмъ измѣряться паденіемъ доли заработной платы въ цѣнѣ продукта, а слѣдовательно его удешевленіемъ.

Уровень-же прибыли, въ смыслѣ Маркса, могъ-бы служить мѣриломъ роста производительности труда развѣ что по правилу обратной пропорціональности.

Кромѣ этой основной нелѣпости, авторъ вноситъ въ свою формулировку перваго члена антиноміи еще одну, на первый взглядъ простую неясность, которой, однако, онъ придаетъ, какъ увидимъ, капитальное значеніе. Это союзъ *или*— знакъ равенства — который онъ ставитъ между продуктомъ и прибылью (т. е. между продуктомъ и его цѣнностью), говоря о паденіи прибыли [1]). Такое отождествленіе продукта съ цѣнностью, разъ рѣчь идетъ объ измѣненіи—паденіи— послѣдней, вызываетъ представленіе о паденіи не только цѣнности продукта, но и его количества. За устраненіемъ всего этого, что-же остается отъ антиноміи?

[1]) Свое право на это *или* Струве выводитъ, повидимому, изъ того, что „прибавочная цѣнность для всего общества необходимо совпадаетъ съ прибавочнымъ продуктомъ“. Совпадаетъ, конечно, но статически, въ производствѣ даннаго года. Это еще не значитъ, чтобы между ними можно было ставить знакъ равенства, говоря о ростѣ или паденіи. Падающая по своему уровню прибыль не только по Марксу, а даже и по Струве должна воплощаться въ возрастающемъ количествѣ продукта. Причинами паденія прибыли Струве считаетъ избыточное производство и конкурренцію между капиталистами. Какимъ же способомъ конкурренція понижаетъ прибыль, какъ не пониженіемъ цѣнъ „избыточнаго“, т. е. возрастающаго количества продуктовъ?

Производительность труда растетъ вмѣстѣ съ ростомъ постояннаго капитала, а уровень прибыли падаетъ: это просто два факта изъ міра дѣйствительности. Безъ отмѣченной нами собственности Струве, но не Маркса, антиномія заключается въ простомъ сопоставленіи фактовъ. Авторъ статьи фактовъ не отрицаетъ, но повидимому находитъ „нелѣпымъ" ихъ совмѣстное существованіе. Марксъ предлагаетъ намъ свое объясненіе этихъ фактовъ. Струве считаетъ объясненіе ошибочнымъ. Но никакого указанія на эту ошибочность изъ простого сопоставленія фактовъ, какимъ-бы нелѣпымъ ни казалось вамъ ихъ сосуществованіе, произойти не можетъ. Сосуществованіе дано дѣйствительностью. Лишь своей, не имѣющей ни малѣйшаго смысла съ точки зрѣнія Маркса вставкой, Струве сразу превращаетъ это сопоставленіе—не то чтобы въ антиномію—а въ полнѣйшій абсурдъ, заставляя Маркса говорить одновременно, что производительность труда и падаетъ и растетъ и что это обстоятельство обусловлено ростомъ постояннаго капитала, т. е. той-же самой производительностью труда. Но вычеркните только изъ этой безсмыслицы измѣреніе роста производительности труда величиною прибыли и вся „антиномія" даже въ собственной формулировкѣ автора превращается въ простое констатированіе фактовъ, даже не заключающее въ себѣ въ сущности никакого ихъ специфическаго толкованія. Такъ какъ если падаетъ лишь уровень прибыли, а не ея масса, то нѣтъ необходимости стоять на точкѣ зрѣнія Маркса, чтобы признать, что это паденіе „обусловливается" ростомъ того капитала, въ процентномъ отношеніи къ которому высчитывается оставшаяся неизмѣнной по своей величинѣ или возросшая масса прибыли.

Къ своему сложному „абсурду" Струве дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Марксъ безбоязненно формулируетъ этотъ абсурдъ: «Прогрессивная тенденція всеобщаго уровня прибыли къ паденію есть, такимъ образомъ, лишь присущее капиталистическому способу производства выраженіе прогрессивнаго развитія общественной производительной силы труда». Марксъ, однако, не замѣчаетъ, что въ его формулировкѣ законъ паденія уровня прибыли выражаетъ фактъ независимый отъ капиталистическаго производства какъ таковаго, т. е. отъ его соціальнаго характера. Болѣе бы-

строе возрастаніе C, сравнительно съ V, есть по Марксу признакъ всякаго развивающаго свои производительныя силы хозяйства, признакъ расширенія власти человѣка надъ природой. Поэтому нельзя сказать, что выставленная нами основная антиномія теоріи трудовой цѣнности есть реальное противорѣчіе самого капиталистическаго производства". Затѣмъ, снова сказавъ нѣсколько рѣзкихъ словъ мимоходомъ, Струве настаиваетъ на томъ, что уровень прибыли есть исключительно *цѣнностное* отношеніе, тамъ, гдѣ нѣтъ цѣнностной соизмѣримости оно не имѣетъ смысла. „Нечего и говорить о томъ, что самъ Марксъ разсматриваетъ $\frac{M}{C_1}$ [1]) какъ цѣнностное отношеніе. Это слѣдуетъ запомнить".

Въ только что цитированномъ примѣчаніи имѣется нѣкоторый опредѣленный, уловимый смыслъ, и этотъ смыслъ показываетъ такое стараніе (вѣроятно вызванное какими-то высшими научными соображеніями) ***не понимать*** Маркса и тѣмъ самымъ заставить и насъ, читателей, перестать понимать его, что я, вопреки всѣмъ заклятіямъ, чувствую потребность заняться „перефразировкой" и сообщеніемъ „извѣстныхъ догмъ", т. е. напомнить дѣйствительный смыслъ ученія Маркса объ уровнѣ прибыли.

Мы знаемъ, что Марксъ разсматриваетъ составъ капитала въ двоякомъ смыслѣ: въ отношеніи пропорціи между цѣнностью постояннаго и перемѣннаго капитала (цѣнностный составъ) и пропорціи между матеріальной массой, изъ которой состоитъ постоянный капиталъ, и количествомъ труда, необходимаго для производства продукта (техническій составъ капитала). Повышеніемъ общаго, органическаго состава капитала Марксъ называетъ повышеніе его цѣнностнаго состава, поскольку оно обусловливается его повышеніемъ въ техническомъ отношеніи и, говоря объ этомъ повышеніи всегда предполагаетъ, что цѣнность постояннаго капитала возрастаетъ вслѣдствіе роста его матеріальной массы, т. е. *производительности труда.* Простое вздорожаніе постояннаго капитала въ какой-нибудь отрасли промышленности,

---

[1]) Упразднивъ, за негодностью, дѣленіе капитала на постоянный и перемѣнный, авторъ обозначаетъ такимъ образомъ формулу $\frac{M}{C+V}$.

безъ увеличенія его массы, вызвало-бы цѣнностное, но не органическое повышеніе состава ея капитала. Съ другой стороны, если-бы то-же самое число рабочихъ начало превращать большую массу матеріала въ продуктъ, но этотъ матеріалъ въ то-же время пропорціонально упалъ-бы въ цѣнѣ, получилось-бы техническое, но не цѣнностное, а потому и не органическое повышеніе состава капитала. Паденія уровня прибыли оно бы не вызвало.

Г. Струве глубоко ошибается, когда утверждаетъ, что „болѣе быстрое возрастаніе C (постояннаго капитала) сравнительно съ V (заработной платы) есть по Марксу *признакъ всякаго* развивающаго свои производительныя силы хозяйства“. Марксъ отлично зналъ, что для проявленія такого „признака“ необходимы капиталисты и наемные рабочіе, имѣющіеся не во „всякомъ“ хозяйствѣ. Несомнѣнно, однако, что во всякомъ прогрессирующемъ хозяйствѣ замѣчаются признаки, соотвѣтствующіе повышенію техническаго состава капитала: при томъ-же количествѣ труда люди начинаютъ превращать большую массу средствъ производства въ продуктъ. Это-то вѣроятно и имѣлъ въ виду г. Струве, но онъ „не замѣчаетъ“, что для превращенія этого обстоятельства въ паденіе уровня прибыли, необходимы капиталисты, которые покупали-бы на рынкѣ, разросшіяся какъ по массѣ, такъ и по цѣнности, средства производства, для приложенія къ нимъ прежняго количества купленной рабочей силы. А для появленія такихъ капиталистовъ нужно, по меньшей мѣрѣ, отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія, а въ дѣйствительности нужно и очень многое другое, т. е. все, что нужно для существованія самаго капиталистическаго производства.

Если въ хозяйствѣ, производящемъ полотно изъ выращеннаго на собственной землѣ льна, увеличится производительность труда ткача, скажемъ, вдвое, и хозяйство пожелаетъ имѣть вдвое больше полотна, ему придется вдвое увеличить свои трудовыя затраты на производство льна и пряжи. Если прежде трудъ ткача составлялъ $1/3$ всего труда надъ полотномъ, то окажется, что, увеличивши на $2/3$ свои расходы, хозяйство получило вдвое больше продукта. Понадобился, правда, лишній трудъ на улучшеніе станковъ.

Можно поэтому предположить, что трудъ увеличился не на $^2/_3$ а на $^3/_4$.

Переведя все это на мѣновую цѣнность и принимая ея возрастаніе равнымъ возрастанію трудовыхъ затратъ, мы увидимъ, правда, что двойное число аршинъ полотна стоитъ не вдвое, а лишь на $^3/_4$ больше прежняго. Въ качествѣ льновода, прядильщика и производителя станковъ хозяйство получаетъ за вдвое большій трудъ, вдвое большее вознагражденіе, которое можно для аналогіи раздѣлить, коли угодно, на заработную плату и прибыль, откладываемую въ кубышку. Въ качествѣ ткача, хозяйство за прежнее количество труда получаетъ прежнее вознагражденіе, хотя и превращаетъ теперь въ одинаковое время вдвое большую массу пряжи въ полотно. Но вѣдь одно изъ двухъ: либо въ качествѣ ткача оно выручаетъ на полотнѣ все вознагражденіе и прядильщика и льновода, либо—высчитывая вознагражденіе для каждой стадіи производства отдѣльно—оно, какъ прядильщикъ, а затѣмъ, какъ ткачъ, получаетъ постоянный капиталъ (ленъ и пряжу) даромъ, и не имѣетъ ни малѣйшаго резона высчитывать свое вознагражденіе въ процентномъ отношеніи къ нему.

Въ капиталистическомъ хозяйствѣ количество всѣхъ продуктовъ какъ „чистыхъ" (вырученная цѣна которыхъ составляетъ прибыль капиталистовъ), такъ и всѣхъ остальныхъ (цѣна которыхъ идетъ на покупку элементовъ C и на уплату рабочимъ) растетъ пропорціонально количественному росту сырья и полуфабрикатовъ и улучшенію орудій труда. Ростъ двухъ первыхъ элементовъ C есть ростъ самаго продукта на различныхъ ступеняхъ его изготовленія. Если же мы возьмемъ ростъ продукта какъ таковаго и сравнимъ его съ ростомъ цѣнности постояннаго капитала, то окажется, какъ по теоріи, такъ и по исторіи, что количество продуктовъ росло въ нѣсколько разъ быстрѣе роста цѣнности C, такъ какъ его элементы тоже удешевлялись, хотя въ гораздо меньшей степени, чѣмъ продукты. Иными словами: производительность труда росла быстрѣе на верхнихъ ступеняхъ процесса превращенія взятаго у природы вещества въ потребительныя цѣнности, чѣмъ на нижнихъ.

До послѣдняго времени, по крайней мѣрѣ, капитализмъ развивался по преимуществу въ обрабатывающей промы-

шленности и въ его образцовой странѣ, Англіи, хлопчатобумажная промышленность настолько преобладала надъ другими, что тенденціи, пересиливавшія въ этой отрасли, становились общими тенденціями ея хозяйства. Здѣсь масса хлопка возрастала въ такой-же пропорціи, какъ и масса изготовляемой изъ него пряжи и тканей, но его цѣна падала гораздо медленнѣе, чѣмъ цѣна тканей. Это значитъ, что въ ростѣ производства хлопка увеличеніе производительности того-же количества труда (производство большаго количества продукта при уменьшеніи издержекъ на производство его единицы) играло меньшую роль, чѣмъ абсолютный ростъ числа занятыхъ рабочихъ (производство большаго количества продукта при тѣхъ-же издержкахъ на его единицу). За то процессъ производства сильно сократился въ области прядильно-ткацкой промышленности. Здѣсь производительность труда росла во много разъ сильнѣе его количества. Въ каждой штукѣ миткаля доля принадлежащаго капиталистамъ труда какъ оплаченнаго (V), такъ и неоплаченнаго (M), все уменьшалась, а они были вынуждены прикладывать ее къ купленному хлопку, доля котораго падала въ нѣсколько разъ медленнѣе ихъ доли.

Вліяніе этого обстоятельства на уровень прибыли въ хлопчатобумажной промышленности несомнѣнно замедлялось, отчасти парализовалось уравненіемъ съ другими отраслями, гдѣ производительность труда росла не такъ быстро или гдѣ сырье не играло такой роли въ цѣнѣ продукта. И, тѣмъ не менѣе, взгляните на таблицы, приведенныя Шульце-Геверницемъ: съ конца XVIII вѣка разница между цѣной фунта пряжи и цѣною входящаго въ этотъ фунтъ хлопка, т. е. между цѣною хлопка и всѣми издержками на его превращеніе въ пряжу, включая сюда и прибыль, понизились съ 14 шиллинговъ до $2^7/_8$ пенса (1892 г.), т. е. въ $58^1/_2$ разъ; цѣна-же хлопка понизилась за то-же время съ 2 шил. до $4^7/_8$ пенса, т. е. почти впятеро только. Изъ этихъ-же таблицъ вмѣстѣ съ расчетами уменьшенія стоимости труда и другихъ элементовъ цѣнности на фунтъ пряжи, правильность отношенія между паденіемъ доли перемѣннаго капитала и прибыли бросается въ глаза [1]).

[1]) „Крупное производство“. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Б. Струве, стран. 48 и 88, 58, 135 и др. Вставлять въ рамку

Выводя паденіе уровня прибыли какимъ-то „механическимъ“ способомъ изъ формулы $\frac{M}{C+V}$, и г. Струве и г. Туганъ-Барановскій придаютъ ему въ теоріи Маркса гораздо болѣе абсолютное и „основное“ значеніе, чѣмъ оно имѣетъ въ „Капиталѣ“. Г. Струве считаетъ даже „уровень прибыли въ смыслѣ Маркса... совершенно независимымъ отъ общественныхъ условій производства“ и на этомъ-то измѣненіи смысла основываетъ, повидимому, все свое посрамленіе теоріи

Маркса „реалистическія теоріи“ людей, стоящихъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія, думается мнѣ, совсѣмъ пустое занятіе. Но всѣ факты дѣйствительности, всѣ вѣрныя данныя, кѣмъ-бы ни были они собраны, входятъ въ картину Маркса, не нарушая въ ней ни одного штриха. Однимъ изъ выискиваемыхъ „противорѣчій“ теорій Маркса съ фактами считается благосостояніе верхняго милліона англійскихъ рабочихъ, обыкновенно называемаго при этомъ для краткости, должно быть, „рабочимъ классомъ“. Марксъ дѣйствительно говорилъ, что цѣна рабочей силы соотвѣтствуетъ издержкамъ на ея воспроизводство, предполагая при этомъ конкурренцію между рабочими и легкость ихъ перехода изъ одной отрасли производства въ другую. Но, по мѣрѣ усовершенствованія организацій Тред-юніоновъ, шедшаго параллельно и въ тѣсной зависимости съ громаднымъ усиленіемъ интенсивности труда въ наиболѣе развитыхъ отрасляхъ промышленности, полубольные отъ лишеній рабочіе, остававшіеся за предѣлами Тред-юніоновъ, могли все меньше и меньше замѣнять членовъ этихъ организацій. Такимъ образомъ, организованные рабочіе нѣсколькихъ отраслей промышленности вышли изъ-подъ дѣйствія конкурренціи съ большинствомъ рабочаго класса, стали нѣкоторымъ образомъ монополистами работы въ этихъ отрасляхъ. Высота ихъ заработной платы такъ-же мало противорѣчитъ теоріи Маркса, какъ противорѣчилъ-бы ей ростъ уровня прибыли въ какой-нибудь отрасли промышленности, продукты которой продавались-бы по монопольнымъ цѣнамъ. Шульце-Геверницъ разсказываетъ, что за угощеніемъ, предложеннымъ ему хлопчато-бумажными рабочими, (которыхъ онъ считаетъ, по ихъ благосостоянію, вполнѣ достойными сопричислиться къ среднему классу Англіи), объ участи милліоновъ низшаго класса напомнилъ присутствующимъ бывшій тутъ-же священникъ, но встрѣтилъ сочувствіе только среди женщинъ. Шульце-Геверницъ съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ Германіи носителями „аналогичнаго (высказаннаго священникомъ) соціальнаго идеализма“ являются сами рабочіе, тогда какъ въ Англіи рабочіе мужчины о подобныхъ идеализмахъ и слышать не хотятъ. Но во всякомъ случаѣ низшій классъ, получающій „голодную“ заработную плату, въ современной Англіи не менѣе многочисленъ, чѣмъ 50—60 лѣтъ тому назадъ и „участь этого класса никогда даже въ 1842 году (считающемся самымъ бѣдственнымъ) по самой природѣ вещей не могла быть хуже“ (Ibid. стр. IV предисловія).

Маркса. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ въ *смыслѣ настоящаго Маркса* общій уровень прибыли и его паденіе имѣютъ и мѣсто и смыслъ *только въ капиталистическомъ хозяйствѣ*, то изъ выведенія этого *паденія* за предѣлы капитализма, неизбѣжно получается безсмыслица.

Г. Туганъ-Барановскій остается въ предѣлахъ капитализма, но утверждаетъ, что благодаря „колоссальной ошибкѣ" Маркса „получился мнимый законъ тенденціи нормы прибыли къ паденію, противорѣчащій всѣмъ извѣстнымъ фактамъ (?!) и совершенно несостоятельный теоретически. Получился удивительный выводъ, что чѣмъ выше производительность труда, тѣмъ ниже процентъ капиталиста, откуда оставалось заключить, что капиталистъ заинтересованъ не въ повышеніи, а въ пониженіи производительности труда до возможнаго минимума. Машины... оказались, по этой теоріи, злѣйшими врагами фабриканта. И пока секретъ не былъ открытъ въ манускриптѣ Маркса, ни одному фабриканту и въ голову не приходило, что, замѣщая рабочихъ машинами, онъ роетъ самъ себѣ яму!".

Да откуда-же взялъ г. Туганъ-Барановскій, что въ паденіи уровня прибыли заключается та яма, которую роетъ себѣ капитализмъ? Едва-ли изъ „манускриптовъ Маркса". Нечего и говорить, что капиталистъ, удачно примѣнившій усовершенствованные способы производства на своей фабрикѣ, роетъ яму не себѣ, а своимъ слабѣйшимъ соперникамъ. Отдѣльному капиталисту, какъ таковому, до обогащенія всего класса капиталистовъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Но и теоретики этого класса могли безъ всякаго ужаса созерцать объясненное Марксомъ фактическое паденіе уровня прибыли, при громадномъ ростѣ ея массы вслѣдствіе усиленнаго накопленія и расширенія производства. Вѣдь 20% прибыли на 10.000,000 капитала все-же въ 4 раза и больше и пріятнѣе 50% прибыли на капиталъ въ 1.000,000. Рошеръ находилъ даже, что умѣренный % на большій капиталъ „разумнѣе и человѣчнѣе" большого процента на маленькій.

Но не только это. Между техническимъ и цѣнностнымъ повышеніемъ состава капитала существуетъ тѣсное, но далеко не полное соотношеніе. Оно гораздо полнѣе, конечно, въ обрабатывающей промышленности, гдѣ объектомъ труда является матеріалъ, уже прошедшій черезъ рабочія руки и

вышедшій въ качествѣ продукта изъ другой отрасли производства. Эта промышленность преобладала въ историческомъ ростѣ развивавшагося капитализма. Марксъ объяснилъ намъ его тенденціи и это объясненіе осталось бы во всей своей силѣ, теорія Маркса не потерпѣла бы ни малѣйшаго ущерба, если-бы въ какой нибудь капиталистической странѣ главная масса капиталовъ сосредоточилась въ такихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ ростъ производительности труда могъ-бы сопровождаться пропорціональнымъ паденіемъ цѣнности постояннаго капитала въ единицѣ продукта, хотя здѣсь этотъ ростъ вызвалъ-бы тенденцію къ паденію скорѣе *массы*, нежели уровня прибыли.

Но вернемся къ „антиноміи“ Струве. „Намъ могутъ возразить“, продолжаетъ онъ вслѣдъ за цитированнымъ нами мѣстомъ, „что $\frac{M}{C_1}$, т. е. отношеніе прибавочной цѣнности (прибавочнаго продукта) ко всему капиталу не можетъ служить показателемъ производительности труда, что для послѣдней характеренъ абсолютный размѣръ M, а не отношееего къ C_1. Это, однако, совершенно невѣрно: производительность труда измѣряется именно отношеніемъ (цѣнностнымъ) свободнаго продукта къ затратамъ на его производство, и если это отношеніе падаетъ, то это значитъ, что производство свободнаго продукта становится все затруднительнѣе и затруднительнѣе...

„Въ капиталистическомъ обществѣ,—говоритъ далѣе Струве—всякая доля капитала, независимо отъ своей формы, должна приносить одинаковые „плоды“, въ одинаковый промежутокъ времени“. Съ точки зрѣнія капиталиста все это совершенно вѣрно, всѣ доли его капитала, въ какой-бы онѣ тамъ ни были формѣ, всегда должны приносить ему одинаковые и именно денежные плоды. Но авторъ совершенно неправъ, утверждая далѣе, что „такъ разсуждаетъ не только капиталистъ, такъ долженъ разсуждать всякій раціонально хозяйничающій субъектъ, напримѣръ, планомѣрно хозяйствующее общество“. Ну, съ какой же стати? Такому обществу, наримѣръ, соціалистическому, различныя доли его капитала могли-бы приносить самые разнообразные „плоды“. Усовершенствованныя машины могутъ приносить досугъ; обширныя, красивыя фабричныя зданія мо-

гутъ приносить здоровье и—вмѣсто современнаго безобразія—красоту родной странѣ, которую такой коллективный субъектъ можетъ полюбить той любовью, какою горожане любили въ эпоху возрожденія свои вольныя городскія республики. Да, мало-ли какіе могутъ быть плоды! Еще менѣе резонно утвержденіе автора, что для такого общества ростъ C по сравненію съ V можетъ быть „затруднителенъ".

Заглянемъ въ тѣ страницы III т. „Капитала", на которыя намъ „въ особенности" указываетъ г. Струве. Здѣсь Марксъ касается мимоходомъ прибавочнаго труда въ некапиталистическомъ „планомѣрно хозяйствующемъ обществѣ". Опредѣленное количество прибавочнаго, т. е. превышающаго данныя потребности труда понадобится и тамъ, для страхованія общества противъ случайностей и для прогрессивнаго расширенія процесса воспроизводства. Но при высшей формѣ общественнаго строя, матеріальныя условія которой капитализмъ подготовляетъ усиленнымъ развитіемъ производительности труда, прибавочный трудъ можетъ соединяться съ прогрессивнымъ уменьшеніемъ всего количества труда, посвященнаго удовлетворенію матеріальныхъ потребностей. И дѣйствительно, количество потребительныхъ цѣнностей, произведенныхъ въ данную единицу времени, зависитъ всецѣло отъ производительности труда и можетъ быть очень велико, при очень незначительномъ числѣ посвященныхъ труду часовъ. Поэтому, какъ дѣйствительное богатство общества, такъ и возможность постояннаго расширенія процесса воспроизводства, зависятъ не отъ количества рабочаго времени, а отъ его производительности.

Все это относится, конечно, лишь къ обществу на высшей ступени развитія, обществу соціалистическому, богатство котораго зависитъ отъ количества потребительныхъ цѣнностей, какъ зависѣло отъ нихъ на низшей, до развитія товарнаго производства. Богатство-же производителя товаровъ, какъ таковаго, зависитъ отъ ихъ цѣнности, цѣнность-же продуктовъ падаетъ вмѣстѣ съ ихъ размноженіемъ, поскольку послѣднее зависитъ отъ роста производительности труда.

Марксъ не развиваетъ здѣсь этой противоположности, ясной изъ всѣхъ трехъ томовъ „Капитала". Цѣль его отступленія совсѣмъ иная. Онъ настаиваетъ въ немъ на томъ обстоя-

тельствѣ, что область труда, посвященнаго удовлетворенію матеріальныхъ потребностей, всегда останется царствомъ необходимости. Свобода въ области труда, — этого обмѣна веществъ съ природою,—можетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы объединенные производители подчинили этотъ процессъ своему общему контролю, вмѣсто того, чтобы давать ему властвовать надъ собою, какъ слѣпой силѣ, и чтобы трудъ совершался съ наименьшей тратой силъ и въ возможно лучшихъ условіяхъ. Но онъ все-же останется областью необходимости. Лишь за его предѣлами начинается дѣйствительное царство свободы, развитіе человѣческихъ силъ, которое само себѣ служитъ цѣлью, но можетъ процвѣтать лишь на основѣ необходимаго труда. Поэтому основнымъ условіемъ свободнаго развитія людей является возможно большее сокращеніе рабочаго дня.

Какое же затрудненіе можетъ доставить обществу, богатство котораго заключается въ потребительныхъ цѣнностяхъ, ростъ средствъ производства по сравненію съ количествомъ необходимаго рабочаго времени?

Если его капиталъ возросъ вдвое, это значитъ, что его фабричныя зданія, рудники, копи и проч., все устроено вдвое лучше, что у него вдвое больше запасовъ продукта на различныхъ ступеняхъ его приближенія къ окончанію, что его машины настолько усовершенствовались, что съ ихъ помощью онъ можетъ производить больше при меньшемъ количествѣ труда.

Размножившіеся продукты подешевѣютъ, въ извѣстномъ смыслѣ, также и для этого общества, какъ по объективной оцѣнкѣ затратъ труда, которыхъ они стоили, такъ и по субъективной оцѣнкѣ ихъ полезности; но какая надобность такому обществу высчитывать свой подешевѣвшій продуктъ въ процентномъ отношеніи къ возросшему капиталу? Положимъ, что оно его высчитало и увидѣло, что продуктъ, по сравненію съ капиталомъ, упалъ по какой угодно оцѣнкѣ: и стало его больше и достается онъ легче. — Ну и слава Богу!

Факта паденія прибыли, какъ уже было упомянуто, г. Струве не отрицаетъ: „Но этотъ фактъ,—говоритъ онъ, отнюдь не находится въ такой механической зависимости отъ измѣненія органическаго состава капитала, какую утверждалъ

Марксъ". Г. Струве утверждаетъ, что фактъ находится въ зависимости, кромѣ роста заработной платы, отъ того, „что капиталистическому строю присуща тенденція къ избыточному,.. производству и накопленію капитала... Наибольшую роль въ паденіи доли прибыли, т. е. доли капиталистовъ предпринимателей, какъ мнѣ кажется, играетъ ихъ конкуренція между собою".

Какъ будто Марксъ не видѣлъ, не указывалъ *этихъ* всѣмъ извѣстныхъ и всѣми признанныхъ причинъ тенденціи уровня прибыли къ паденію! Всѣ тенденціи капиталистическаго хозяйства, о которыхъ говорится въ „Капиталѣ", предполагаютъ конкурренцію. Безъ нея не могло бы образоваться ни среднихъ цѣнъ, ни средняго для цѣлой страны уровня прибыли, не говоря уже о его паденіи.

Безъ конкурренціи не могъ-бы развиться и самъ извѣстный намъ капитализмъ, Марксъ не написалъ бы „Капитала" и г. Струве его не упразднялъ бы.

Не знаю, что именно, кромѣ неодобренія Марксу, хочетъ г. Струве выразить эпитетомъ „механическая", который онъ постоянно прилагаетъ также и къ теоріи цѣнности Маркса, но ясно, что механизмъ, посредствомъ котораго повышеніе органическаго состава капитала превращается въ соотвѣтствующее паденіе цѣнъ товаровъ, а слѣдовательно и уровня прибыли, заключается въ борьбѣ за рынокъ, въ конкурренціи. Марксъ пошелъ въ своемъ изслѣдованіи дальше этой, всѣмъ въ глаза кидающейся причины. Струве довольствуется конкурренціей. Его дѣло. Но онъ самъ-же утверждаетъ что, капиталы ростутъ („избыточное производство и накопленіе"), а прибыль падаетъ, и въ самую средину своего сообщенія о паденіи прибыли и его причинахъ онъ вставляетъ утвержденіе, что это происходитъ „несмотря на то, что уровень прибыли, въ смыслѣ Маркса, т. е. $\frac{M}{C}$, вопреки Марксу, возрастаетъ".

И такъ, числитель уменьшается, знаменатель увеличивается и „несмотря" на это, „вопреки Марксу", ариѳметикѣ и здравому смыслу, дробь благополучно возрастаетъ.

Я высказала предположеніе о томъ смыслѣ, который вкладываетъ Струве въ таинственныя безсмыслицы, но признаю, что оно не вполнѣ удовлетворительно, такъ какъ измѣренія

роста производительности труда уровнемъ прибыли оно все-таки не объясняетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я предположила, что Струве выдѣляетъ техническое повышеніе состава капитала изъ органическаго его повышенія, очищаетъ такимъ образомъ матеріальный ростъ продукта отъ тѣхъ цѣнностныхъ отношеній, которыя онъ обусловливаетъ въ капиталистическомъ строѣ, но отъ которыхъ самъ по себѣ остается независимымъ, и въ результатѣ справедливо заключилъ, что ростъ C всюду ведетъ за собою ростъ производительности труда и продукта, независимо отъ общественныхъ условій. Отсюда его „антиномія". У Маркса, когда рѣчь идетъ о паденіи дроби $\frac{M}{C+V}$, всегда подразумѣвается, конечно, паденіе цѣнности каждой единицы умножившагося продукта; г. Струве подставляетъ вмѣсто этого паденія, простой ростъ самого продукта, сопровождающій возростаніе средствъ производства, и находитъ нелѣпымъ „паденіе". Но почему же, однако, Струве хочетъ измѣрять ростъ производительности труда величиною лишь того количества продукта, которое (смотря по общественнымъ условіямъ) отнимается у производителей, откладывается ими про запасъ, или идетъ на расширеніе производства, а не ростомъ всего продукта, какъ потребляемаго, такъ и непотребляемаго производителями—этого моя гипотеза не объясняетъ. Вѣдь величина прибавочнаго продукта, при всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, лишь косвенно связана съ ростомъ производительности труда, зависитъ не отъ нея одной, а отъ цѣлаго ряда другихъ причинъ, какъ это знаетъ и Струве. Ростъ же всего количества продукта, являясь прямымъ и непосредственнымъ результатомъ роста производительности того же количества труда, не можетъ не быть ему строго пропорціональнымъ.

Я признаю, поэтому, что проникнуть въ точный смыслъ роста уровня прибыли „въ смыслѣ Маркса" хотя и „вопреки ему", „несмотря" на паденіе этого уровня въ смыслѣ Струве, сможетъ лишь тотъ „реалистически" мыслящій представитель „критическаго направленія", которому доступно измѣреніе роста производительности труда уровнемъ прибыли.

Но каковы бы ни были эти смыслы, остается несомнѣннымъ, какъ для насъ, простыхъ „ортодоксовъ", такъ и для

самого Струве, что всюду, гдѣ рѣчь идетъ о паденіи уровня прибыли, Марксъ говоритъ ни о чемъ иномъ, какъ о той самой простой, вульгарной прибыли капиталистовъ-предпринимателей, которая падаетъ и у самого Струве. Авторъ „антиноміи“ посрамляетъ, слѣдовательно, не тотъ смыслъ, который самъ Марксъ вкладываетъ въ свое объясненіе тенденціи уровня прибыли къ паденію, а лишь тотъ, который, по мнѣнію Струве, Марксъ *долженъ* былъ вкладывать и вложилъ бы въ томъ случаѣ, если бы былъ надѣленъ такою же ясностью мысли, какою обладаетъ самъ Струве.

Это научная критика? Это образчикъ реалистической науки?

Я говорила уже, что, по моему мнѣнію, производительность машинъ представляетъ собою единственный аргументъ, который наши критики противопоставляютъ настоящему Марксу.

Но тутъ по существу, по содержанію этого аргумента не можетъ быть спора. Мы всѣ согласны, что не только увеличеніемъ количества продуктовъ, но и самой возможностью производить ихъ, люди обязаны изобрѣтенію, а затѣмъ совершенствованію орудій труда. Туганъ-Барановскій хотѣлъ, правда, произвести какое-то разграниченіе между сдѣланнымъ людьми и орудіями. Такого разграниченія, на сколько-нибудь разумномъ, не произвольномъ основаніи, сдѣлать невозможно. Но говорить-ли, что люди работаютъ орудіями труда, или орудія—людьми,--это уже дѣло вкуса, а о вкусахъ не спорятъ.

Послѣднее было бы, конечно, оригинальнѣе, но мы, не стремящіеся, во что бы то ни стало, къ новизнѣ и оригинальности, можемъ остаться при старой терминологіи, свойственной огромному большинству человѣческаго рода, которое съ незапамятныхъ временъ привыкло и говорить, и думать, и чувствовать, что работаютъ *люди*, какъ бы ни былъ производителенъ ихъ трудъ.

„Научн. Обозр.“ Ноябрь. 1900 г.

Во 2-ой томъ войдутъ статьи:

Замѣтки читателя по поводу „упраздненія“ гг. Туганомъ-Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли.— Революціонеры изъ буржуазной среды.—Литературныя замѣтки: Наши литературныя противорѣчія. — О романѣ Степняка.—Крѣпостная подкладка „прогрессивныхъ“ рѣчей (о повѣсти Слѣпцова).—Плохая выдумка (по поводу романа г. Боборыкина „По другому“).—Писаревъ и Добролюбовъ.—Новыя погудки на старый ладъ.—Элементы идеализма въ соціализмѣ.— О чемъ говорятъ намъ іюльскіе дни. — Революціонное студенчество. — Борьба въ тюрьмѣ.—Выстрѣлъ Карповича.—О судѣ надъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и др. статьи.

Типографія товарищества „Общественная Польза“, Большая Подьяческая № 39.

Цѣна 1 р. 50 к.

Изданіе Б. Н. Рутенбергъ

«Библіотека для всѣхъ»

С.-ПБургъ, Съѣзжинская ул., 4.

Обложка печатана въ типографіи „[illegible]", [illegible]